

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРЕЗИДЕНТСКОГО ФОНДА
КУЛЬТУРНЫХ ИНИЦИАТИВ

Н. Дубинина

**Н.И. ГРОДЕКОВ –
государственный
и военный деятель
России**

*Документально-
историческое
повествование*

АНО «Лаборатория идей»
Дальневосточная государственная научная библиотека
Хабаровск
2023

УДК 353.2:342.9-057.3(571.6)(092) Гродеков Н.И.
ББК 67.401Г(255) + 63.3(2)52-8 Гродеков Н.И.
Д 792

Дубинина, Н.И.

Д 792 Н.И. Гродеков — государственный и военный деятель России : док.-ист. повествование / Н.И. Дубинина. — Хабаровск : АНО «Лаборатория идей» : Дальневосточная государственная научная библиотека, 2023. — 376 с. : фот. — Алф.-имен. указ. : с. 359—365.

ISBN 978-5-98162-030-0

Книга представляет собой научно-популярную биографию Николая Ивановича Гродекова — видного государственного и военного деятеля России (1843–1913 гг.), выдающегося регионального руководителя. Будучи верным последователем Н.Н. Муравьева-Амурского, он внес весомый вклад в дело обеспечения национального суверенитета и безопасности России, особо на крайнем Востоке, имел крупные достижения в освоении новых российских территорий в Средней Азии и на Дальнем Востоке. По инициативе современных дальневосточников произошло возрождение и увековечение народной исторической памяти о доблестном генерале от инфантерии, государственнике и патриоте.

Для молодежи, посвятившей свою жизнь защите и укреплению суверенитета России, для широкого круга читателей, интересующихся историей.

На страницах издания размещены материалы с технологией дополненной реальности (AR).

© Дубинина Н.И., 2023

© АНО «Лаборатория идей», 2023

© ДВГНБ, 2023

© Исторический музей, фото «Гродеков Н.И. Конец XIX — начало XX вв.», авантитул, 2023

© Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив» (РГИА), Санкт-Петербург, фото: Н.И. Гродеков на с. 197, 2023

© Российская национальная библиотека, фото «М.Д. Скобелев. Фото с дарственной надписью Н.И. Гродекову» на с. 24, 2023

© ЦГАКФФД СПб, фото «Член Государственного совета, генерал-лейтенант Н.И. Гродеков. 1890–1900-е гг.» на с. 264, 2023

ISBN 978-5-98162-030-0

От автора

Русский генерал Н.И. Гродеков участвовал во многих, если не сказать во всех, горячих военных точках и событиях второй половины XIX – начала XX вв., имевших важное значение для судеб России. В 1863 г. поручик Гродеков в составе войск Виленского военного округа умирал мятежников в польской кампании. В составе войск Мангышлакского отряда Кавказского военного округа подполковник Гродеков – участник Хивинской военной экспедиции (1873 г.). Уже как полковник принимал участие в русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. В 1880–1881 гг. под началом генерала М.Д. Скобелева генерал-майор Гродеков воевал в Туркмении, командовал передовым отрядом Ахалтекинской экспедиции. В 1900–1901 гг. руководил «походом в Китай», освобождал КВЖД от мятежников-ихэтуаней. В Русско-японскую войну осуществил эвакуацию многотысячной российской армии из Маньчжурии. О признании его заслуг свидетельствуют многочисленные награды, в том числе орден Св. Георгия IV степени (1881 г.), золотое оружие «За храбрость» (1873 г.), золотая шашка, украшенная бриллиантами, «За победы в Северной Маньчжурии» (1901 г.) и др.

По императорской воле профессиональный военный Гродеков стал военным губернатором Сырдарьинской области (1883–1893 гг.), около десяти лет служил на Дальнем Востоке помощником генерал-губернатора, а затем и генерал-губернатором Приамурского края, командующим войсками При-

амурского военного округа, наказным атаманом Приамурского казачьего войска (1893–1902 гг.). По настоянию императора в 1906 г. он вновь вернулся в Туркестанский край, но теперь уже в качестве генерал-губернатора (1906–1908 гг.). Жизнь Николая Ивановича Гродекова, активного участника важнейших военных событий и освоения новых восточных регионов во второй половине XIX – начале XX вв., позволяет представить историю России того времени через призму богатого личностного опыта незаурядного человека.

Вершиной плодотворной жизни Гродекова, когда он в полной мере смог реализовать свои обширные знания, профессиональный военный опыт, богатый интеллектуальный и духовный потенциал, стала его служба в «дорогом для его сердца» Приамурском крае. Поэтому в книге сделан акцент на раскрытии его административной и военной службы на российском Дальнем Востоке.

В деятельности гражданского администратора и в Средней Азии, и на Дальнем Востоке центральное место занимали социально-экономические, в особенности демографические и земельные проблемы. Рассматриваются не только общие черты, но и региональные особенности их решения. Генерал приложил большие усилия для развития народного просвещения. Он являлся самым крупным благотворителем, личные значительные средства которого шли на создание и поддержание культурно-просветительских центров – школ, библиотек и музеев, а также на строительство церквей. Его широкая и щедрая натура еще раз убеждает, насколько далек русскому характеру чужеземный постулат о том, что бесплатным бывает только сыр в мышеловке, внедряемый в массовое сознание в 1990-е гг.

Генерал испытывал глубокое уважение к первому генерал-губернатору Туркестанского края К.П. Кауфману, генерал-губернатору Восточной Сибири графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, а также к своим непосредственным предшественникам – генерал-губернаторам А.Н. Корфу и С.М. Духовскому, и поэтому ряд сюжетов книги посвящен этим личностям.

Перу Гродекова принадлежит несколько книг о русских военных походах в Среднюю Азию, вызвавших интерес не только в России, но и за рубежом. Он является автором од-

ной из первых фундаментальных работ по юридическому быту кочевников Средней Азии «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт», сохраняющей историографическую и научную ценность и в наше время.

Генерал от инфантерии являлся постоянным членом Государственного совета, членом Совета Государственной обороны, выступал экспертом дальневосточных проблем. Имя Н.И. Гродекова входило, можно сказать, во все российские энциклопедические издания. На российском Дальнем Востоке генерал Гродеков пользовался особым почитанием, и многолетние связи с ним прервались лишь с его кончиной в 1913 г.

Руководствуясь классовым подходом, отечественная историография в советский период исключила из истории России имена многих заслуженных государственных и военных деятелей и тем самым значительно обеднила и исказила отражение в литературе российского исторического процесса. Такая печальная участь постигла и Н.И. Гродекова, имя которого засыпал песок забвения, и оно исчезло из российской истории.

Начавшееся в постсоветский период с 1990-х гг. переосмысление российской истории сопровождалось восстановлением имен деятелей, имевших выдающиеся заслуги перед Россией. На Дальнем Востоке в первую очередь это коснулось графа Н.Н. Муравьева-Амурского и генерала от инфантерии Н.И. Гродекова. Центром общественного движения за возрождение благодарной памяти о Гродекове стал Хабаровский краевой музей, вернувший себе имя создателя, присвоенное ему еще в 1902 г. При поддержке музея в 2001 г. в Хабаровске вышла книга «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков»¹. Впервые за многие годы статья о генерале появилась в энциклопедическом издании – Большой Российской энциклопедии².

История современного самодеятельного движения за возрождение народной памяти о Н.И. Гродекове, ее увековечения на дальневосточной земле представлена в книге отдельной главой.

Цель книги заключается в том, чтобы в контексте существовавшей в императорской России административ-

но-политической системы на примере военно-гражданской деятельности Н.И. Гродекова раскрыть особенности регионального управления в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Автор намерен решить ряд задач. Во-первых, воссоздать главные вехи биографии государственного и военного деятеля России второй половины XIX – начала XX вв. Во-вторых, проанализировать и обобщить его вклад в формирование боевых способных войск Приамурского военного округа и казачьих войск, показать их роль в военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и в обеспечении национальной безопасности России на Дальнем Востоке. В-третьих, раскрыть усилия главного гражданского администратора в организации экономической, социальной и культурно-просветительской жизни в Средней Азии и на российском Дальнем Востоке. В книге сделан акцент на высокие духовно-нравственные качества личности Н.И. Гродекова как важнейшем факторе его руководящей гражданской и военной деятельности.

Жизнеописание неординарного человека, жившего 180 лет назад, имевшего несколько ипостасей – боевой офицер, вышедший военачальник, главный гражданский администратор, ученый-этнограф, писатель, благотворитель, член Государственного совета, – дело чрезвычайно увлекательное, но и архисложное. К тому же служба его проходила на Кавказе, в Средней Азии, Приамурье, Маньчжурии и Петербурге и совпала с богатым на события и исключительно противоречивым периодом истории России второй половины XIX – начала XX вв.

Исследовательские задачи решаются на широкой и разнообразной источниковедческой базе. Она включает документы и материалы, извлеченные из четырех центральных архивов – АРГО (Архив Русского географического общества), ОПИ ГИМ (Отдел письменных источников Государственного исторического музея), РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив) и РГИА (Российский государственный исторический архив) и четырех государственных региональных архивов – ГААО (Государственный архив Амурской области), ГАХК (Государственный архив Хабаровского края), РГИА ДВ (Российский государственный исторический

архив Дальнего Востока) и ЦГА УзССР (Центральный государственный архив Узбекской ССР).

В источниковедческом поле важное место занимают труды Гродекова, в первую очередь книги, посвященные среднеазиатским походам и этнографическим исследованиям. Коренное значение для раскрытия деятельности на посту Приамурского генерал-губернатора имеют его всеподданнейшие отчеты. Важная информация получена из материалов периодической печати — в особенности из краевой газеты «Приамурские ведомости» и журнала «Записки Приамурского отдела ИРГО». Для дополнения и уточнения персональных данных Н.И. Гродекова, его служебной карьеры и деятельности в Государственном совете ценное значение имели биобиблиографический справочник «Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906»³ и энциклопедия «Государственный совет Российской империи. 1906–1917»⁴. Удалось обнаружить в дневниках императора Николая II и включить в книгу его мнение о роли Приамурских войск в освобождении Харбина и КВЖД в 1900 г. от мятежников.

Для воссоздания портрета Гродекова особое значение имеют воспоминания и разного рода свидетельства сослуживцев, журналистов, путешественников и др. Из ряда подобных публикаций, относящихся к среднеазиатскому периоду, следует выделить «воспоминания-заметки» полковника В.А. Мустафина, управлявшего канцелярией. Среди публикаций, относящихся к дальневосточному периоду, несмотря на их краткость, значимы воспоминания известного путешественника и писателя В.К. Арсеньева.

Особенность избранных автором источников выводит повествование за рамки исключительно биографического жанра. В книге представлен ряд сюжетов о характере регионального управления — о взаимоотношениях главного начальника края с центральной властью, решается вопрос о том, насколько власть генерал-губернатора носила, как считалось, неограниченный характер, какие существовали механизмы ее ограничения и другие аспекты.

В книге имеется приложение, в котором наряду с данными о наградах и трудах генерала представлены его тексты. Иллю-

стративный ряд способствует усилению научно-популярного характера издания.

Автор благодарна за квалифицированную помощь работникам Государственного архива Хабаровского края, Хабаровского музея имени Н.И. Гродекова, Дальневосточной государственной научной библиотеки и их руководителям – Р.Ш. Шхалиеву, И.В. Крюкову, Т.Ю. Якубе. Автор признательна за поддержку замысла книги и его реализацию А.В. Абрамову, М.Л. Балашовой, А.И. Букрееву, Е.В. Глебовой, Л.Ю. Даниловой, Н.Т. Кудиновой, А.Т. Кудинову, С.В. Плотникову, Л.В. Салеевой, И.В. Филаткиной, А.М. Филонову, архиепископу Биробиджанскому и Кульдурскому Ефрему. Особая благодарность художественному редактору А.Н. Посохову и моей неизменной дорогой помощнице М.А. Дубининой за многолетнее плодотворное сотрудничество.

1

ОТ ПОРУЧИКА ДО ГЕНЕРАЛА. СЛУЖБА В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Послужной список Николая Ивановича Гродекова свидетельствует, что путь от поручика до генерал-майора он прошел за сравнительно короткий срок – за 18 лет – и в 37 лет надел генеральские погоны. Для сравнения: Н.Н. Муравьев в разгар Кавказской войны стал единственным генералом в 32 года. Но Муравьев и Гродеков имели разный жизненный и военный старт – Муравьев окончил Пажеский корпус, в который его зачислил сам император Александр I, Гродеков же – выпускник сиротского кадетского корпуса. Вместе с тем по происхождению, жизненным ценностям, поведению, выправке Гродеков являлся прирожденным военным человеком, как говорится, «военной косточкой».

Н.И. Гродеков родился 22 сентября (4.10) 1843 года в Елисаветграде Херсонской губернии, ныне г. Кропивницкий Кировоградской области, в потомственной дворянской обедневшей семье. О его родителях имеются скудные свидетельства.

Отец — Иван Осипович Гродецкий служил во 2-й кирасирской дивизии в чине майора военным обозным, осуществлял надзор за лошадьми, упряжью и повозками. Мать — Елизавета Марковна Горнич после рождения четверых детей — Владимира (1838 г.), Софьи (1840 г.), Александры (1841 г.), Николая (1843 г.) — рано умерла. Младший сын Николай в восемь лет был отдан в Александрийский сиротский кадетский корпус в Москве. Детство его во многом прошло вне семьи, без материнской ласки и отеческой заботы, что не могло не наложить отпечаток на формирование личности подростка. Окончив 2-е Константиновское военное училище в 1862 г. в чине поручика, он служит в 3-м Гренадерском стрелковом батальоне. А в следующем году он переводится в лейб-гвардии Гренадерский полк — один из старейших и привилегированных. Участвовал в польской кампании по усмирению мятежников.

После смерти отца Ивана Осиповича Гродецкого, очевидно, по инициативе старшего его сына — капитана Владимира Ивановича, с согласия младшего сына Николая и дочерей было возбуждено ходатайство об изменении семейной фамилии. В конце 1865 г. братьям и сестрам было разрешено изменить фамилию Гродецкий на Гродеков как «более соответствующую и по коренному их русскому происхождению, и по исповедуемой ими православной религии»⁵.

Крупным событием в жизни молодого офицера явилась учеба в Николаевской академии Генерального штаба, куда он был направлен в 1866 г. «для образования в высших военных науках» и зачислен штабс-капитаном.

Основанная в 1832 г. академия переживала в это время преобразования в духе идей военного министра Д.А. Милютина, военная реформа которого способствовала реорганизации Российской армии в соответствии с требованиями времени — во многом на демократических основах. Позитивные перемены в жизни академии были связаны с именем ее начальника генерал-лейтенанта А.Н. Леонтьева.

В обязанность Генштаба русской армии тогда входила вся распорядительная часть по передвижению войск, их расположению и действиям, а также содействие занятиям по обучению военнотружущих. Поэтому главным назначением академии являлась подготовка офицеров к службе в Генеральном

штабе, углубление их военных познаний. В частности офицерам Генштаба поручалась редакция строевых уставов, они наблюдали за распространением в войсках грамотности, занимались преподаванием наук в юнкерских школах, кадетских корпусах и т. д. От обучавшихся офицеров требовались «сверхдобросовестные» занятия преподаваемыми науками и строгое соблюдение военной дисциплины как основания военной службы, равно необходимой на всех ступенях военной иерархии». Обращалось внимание «на нравственную оценку офицеров... с тем, чтобы, по возможности, оградить Генеральный штаб от личностей, не соответствовавших его требованиям»⁶. С двух до четырех лет был поднят необходимый срок службы офицеров для поступления на учебу. Посещение лекций стало обязательным для всех офицеров наряду со служебными обязанностями, была установлена строгая отчетность за учебные занятия, пересмотрены все программы, усилены практические занятия, введены тактические полевые занятия, было признано, что «для офицера Генерального штаба непременно нужно уметь смело и хорошо ездить верхом»⁷.

Главными предметами в академии являлись: во-первых, тактика и стратегия, которые готовили офицеров к важнейшей обязанности их боевой службы при войсках, а также военная история; во-вторых, военная администрация и военная статистика; в-третьих, геодезия, топография и картография. К вспомогательным предметам относились сведения по артиллерии, инженерной части, политическая история, русский и иностранный языки. Ежегодно в академию принимались от 30 до 40 офицеров на двухгодичный срок обучения.

Николаевская академия являлась в то время престижным военным учебным заведением, на долю ее выпускников выпали войны, которые Россия вела во второй половине XIX – начале XX вв. Среди ее выпускников были офицеры, в разное время служившие на Дальнем Востоке: М.И. Венюков (выпускник 1856 г.), С.М. Духовской (выпускник 1862 г.), Н.И. Гродеков (выпускник 1868 г.), А.Н. Куропаткин (выпускник 1874 г.) и др.

Среди принятых офицеров штабс-капитан Николай Гродеков оказался вместе с одногодком ротмистром Михаилом Скобелевым, с которым за время учебы сблизился, а затем и

подружился. Гродеков был дисциплинированным офицером, серьезно изучал военную науку, увлекался верховой ездой, любил посещать музеи и выставки. Обладая способностью логично и грамотно излагать свои мысли на бумаге, он испытывал затруднения при их устном изложении и значительно проигрывал другим бойким на язык офицерам. Несмотря на серьезное, вдумчивое отношение к учебе, штабс-капитан окончил академию Генштаба по второму разряду. Кстати, М.Д. Скобелев тоже сдал выпускные экзамены лишь по второму разряду. Однако они оба направляются в офицерский корпус Генерального штаба, к которому причислялись офицеры, окончившие академию только по первому разряду. Это произошло благодаря их блестящим результатам на практических испытаниях в поле.

Принадлежность Гродекова к Генеральному штабу открывала путь не только к военной карьере, но и к дипломатическому поприщу и к некоторым другим гражданским ведомствам. Понятно, что попасть в офицерский корпус Генерального штаба стремились многие. Офицеры, причисленные к Генеральному штабу, носили особую форму одежды и пользовались правом на ускоренное чинопроизводство.

По окончании академии пути Гродекова и Скобелева разошлись. Штабс-ротмистр М.Д. Скобелев с причислением к Генеральному штабу был назначен в штаб Туркестанского военного округа. Н.И. Гродеков с причислением к Генеральному штабу получил назначение в штаб Кавказского военного округа на должность старшего помощника старшего адъютанта штаба.

Кавказская война, которую Россия с переменным успехом вела в XIX в., была полигоном возмужания, закалки, проверки на прочность для нескольких поколений российских военных. На ней молодые офицеры получали чины и ордена, славу и бессмертие. Одновременно на Кавказ ссылали непокорных и прощтрафившихся офицеров и солдат. Здесь многие получали ранения, заболели лихорадкой и складывали молодые головы.

На Кавказе Гродекову сопутствовала удача — он получил свой первый орден — Святой Анны III степени, получил и вторую награду — орден Святого Станислава, за отличие по службе был награжден одновременно пятью орденами

серебром. Через три года службы Гродеков производится в подполковники, близко знакомится с С.М. Духовским, офицером, который за храбрость был награжден Георгиевским крестом и некоторое время служил военным губернатором Эриванской области. В отличие от Гродекова Духовской происходил из состоятельного дворянского поместного рода, а после женитьбы на княжне Варваре Федоровне Голицыной в его светских связях появились ниточки, тянувшиеся к персонам царского двора. На Кавказе он прослужил 17 лет. Гродеков же через пять лет навсегда покинул Кавказ, чтобы два десятилетия служить в Средней Азии.

Среднеазиатские военные походы. История российского проникновения в Среднюю Азию, ее присоединения к империи — тема особая, самостоятельная. В данном случае она затрагивается лишь постольку, поскольку необходимо показать обстоятельства, в которых приходилось служить Н.И. Гродекову, показать степень адекватности его действий реалиям жизни.

Несомненно, у Российской империи имелся геополитический интерес в Средней Азии, с ханствами которой — Бухарой, Хивой — она имела торговые отношения. Испытав тяжелое поражение в Крымской войне, приведшей к потере Россией былого веса в европейской политике, правительство сделало акцент во внешнеполитической деятельности на восточные проблемы, но столкнулось при этом с сильным агрессивным противником — Англией, широко развернувшей свои действия на территории Афганистана и Персии (Ирана). Среднеазиатские ханства в это время находились в глубоком кризисе. Прежние торговые связи (Шелковый путь) распались, экономика, основанная на архаичных отношениях, все глубже вползала в застой. Естественно, что за этим следовала политическая нестабильность, выражавшаяся в набегах кочевых племен на Хивинское ханство и Бухарский эмират, с которыми они не в состоянии были справиться.

Весной 1873 г. Россия направила против Хивинского ханства четыре военных отряда из состава кавказских войск. Русские неоднократно пытались покорить Хиву, но это не удавалось во многом по причине сложных климатических и природных условий военного похода. Командование операцией возлагалось на генерал-адъютанта К.П. Кауфмана. Сре-

*Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882 гг.) –
главный начальник Хивинской экспедиции, генерал-адъютант,
первый генерал-губернатор Туркестанского края*

ди участников похода находились подполковники Скобелев и Гродеков, которому было поручено возглавить Мангышлакский отряд. Сломив на этот раз сопротивление защитников Хивы, русские отряды под командованием генерала Кауфмана торжественно вошли в город. Хивинский хан бежал, но, получив приглашение генерала, явился к нему с повинной. При нем был учрежден совет из трех русских штаб-офицеров, первым делом которого было объявить, что отныне рабство уничтожено навсегда. Два советника хана, оказывавших на него вредное влияние, были арестованы и сосланы в Калугу. На вакантные должности советников назначили представителей партии, постоянно настаивавшей на необходимости поддержания добрых отношений с Россией. Восточная элита, соглашаясь на компромисс с Россией, при этом поступаясь частью своего суверенитета, выигрывала в стабильности под эгидой русского царя.

Хан Хивинский Сеид-Магомет-Рахим-Богадур

Впервые принимавший участие в большом военном походе подполковник Гродеков, будучи любознательным и наблюдательным человеком, склонным к размышлениям и обобщениям, стал автором книги «Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов», которая вышла спустя десятилетие после похода — в 1883 г. Издателем ее был солидный исторический журнал «Русская старина». Главный предмет гродековского труда составило изложение «поучительных результатов Хивинской экспедиции 1873 года»⁸. Автор выделил следующие особенности похода: участие значительных наших военных сил, его продолжительность (около 10 месяцев), в силу чего войскам пришлось испытать на себе влияние всех времен года: зимние метели и морозы, весеннюю распутицу, степной летний жар и песчаные бураны. Рассматривая положительные результаты Хивинской кампании, Гродеков выделил вопросы, относящиеся к тактике степной войны, правилам снаряжения и материального снабжения степных отрядов.

Характерная особенность войны в Средней Азии, считал автор, заключалась в том, что войска не могли рассчитывать на пополнение своих запасов местными ресурсами. И одна из

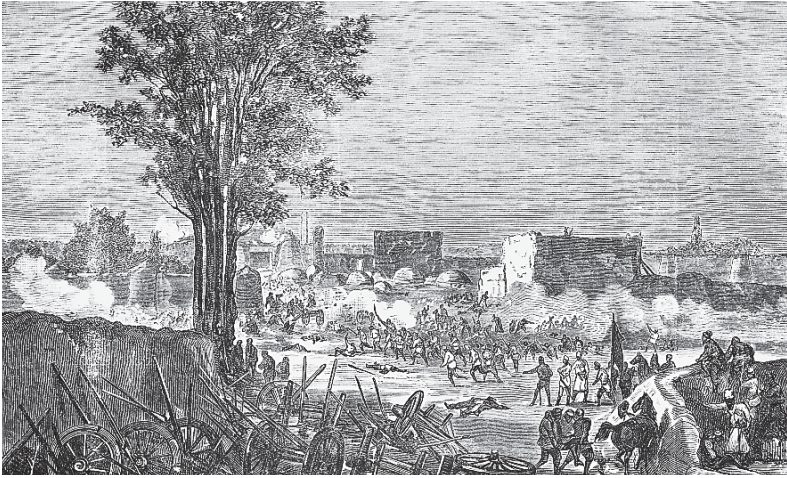
причин этого состояла в том, что население среднеазиатских ханств бедное и редко имеет значительные запасы. Поэтому действующие отряды должны с начального пункта движения везти с собою все, в чем войска могли нуждаться в продолжении всего похода, «двигаться, выражаясь языком стратегии, имея свой базис при себе, как бы не был длинен и продолжителен поход». В этом автор видел существенное отличие среднеазиатского похода от такого, который «ведется в цивилизованной, культурной стране». «В европейской войне неудовлетворительно снаряженные войска могут расстроиться и потерпеть поражение, в степном походе они погибнут», – считал Гродеков.

В то время в армии получил большой резонанс факт возвращения из похода не достигнувшего цели Красноводского отряда. По этому поводу Гродеков писал: «На войне каждому начальнику приходится многое предоставлять случайности и несколько рисковать; но и в безвыходное положение ставить себя не следует, т. к. можно допускать сознательный риск, когда начальник знает, чем он рискует и, в случае неудачи, что он предпримет. Но на авось идти никогда не следует. Если начальник отряда знал, что ему предстоял 8-дневный безводный переход, и знал это заранее, он не должен был идти по этому пути, не имея воды на 8 дней. С уверенностью можно сказать, что военный отряд не может пройти в жаркое время 8-дневное безводное пространство»⁹. В гродековской оценке акцент сделан на допустимости командиром границ риска и на правилах их соблюдения в военном походе.

В книге анализировались и другие особенности военных действий в Средней Азии: об особых правилах движения, расположения войск на привалах, ночлегах, способах охраны bivуаков, ведения самого боя. Следует учитывать, что отряду придется двигаться то по безводным, безлюдным пустыням, то по населенным, но бедным местностям, испытывать всевозможные климатические и атмосферные невзгоды, начиная от морозов, буранов и дождей и кончая невыносимым, удушливым жаром и песочными ветрами, двигаться разнообразными путями по горным тропинкам, то по равнинной безбрежной степи, то по барханам песочных пустынь, взволнованных как море.

Без каких-либо отступлений и эмоций в книге строго последовательно, документально были изложены действия от-

Под стенами Хивы. 28 мая 1873 г. Иллюстрация из книги Н.И. Гродекова «Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов». 1888 г.

рядов, точно названы места привалов, перечислены колодцы, маршруты и т. п. В ней отсутствовали какие-либо оценки действий генерала К.П. Кауфмана или отдельных офицеров. Особый интерес представляли приложения на 65 страницах, состоявшие из тщательно отобранных автором приказов главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила и распоряжений командующего походом генерала Кауфмана. Так, приводилось распоряжение генерала о сохранении здоровья войск: запрещение покупки и употребления незрелых овощей, отпуска спирта и водки, создание спецкомиссий в местах расположения лагерей для правильного распределения воды. Предусматривалось строгое соблюдение чистоты и опрятности, обязательный вывоз из лагерей и закапывание трупов животных и нечистот. Среди других документов — рапорты, ведомости расходов по формированию отрядов, маршруты их движения, перечень верст от колодца к колодцу по пути следования отрядов, сведения о числе больных и т. д.

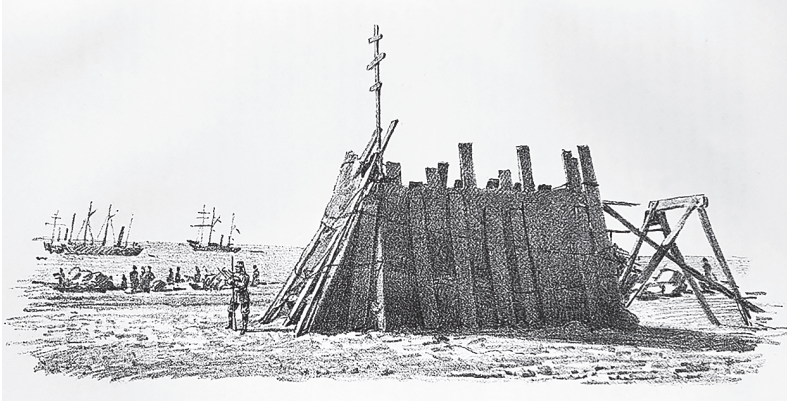
В военных кругах гродековская книга встретила одобрение, в отзывах подчеркивались важность мнений наблюдательного, грамотного военного, авторская беспристрастность,

точность фактов, поучительность содержащихся в ней выводов. Она вызвала интерес и за рубежом, переведена на английский и французский языки. Через пять лет вышло ее второе издание, дополненное двумя главами: о пребывании войск в Хивинском ханстве и об экспедиции в землю туркмен, а также портретами славнейших деятелей войны и рисунками, часть которых представлена в нашей книге.

За проявленное мужество в Хивинском походе Н.И. Гродеков получил высокую награду — золотую саблю с надписью «За храбрость». Он, как и М.Д. Скобелев, был произведен в полковники. Николаю Ивановичу повезло — по высочайшему приказу его назначили в распоряжение командующего войсками Туркестанского военного округа генерала К.П. Кауфмана. Являвшийся с 1868 г. генерал-губернатором Туркестанского края и командующим войсками военного округа, генерал находился в зените своей славы. Будучи военным инженером по образованию, он на высоком посту главного начальника сложного по социальному, политическому, демографическому положению края проявил выдающийся военный и административный талант. Несмотря на то, что в первые годы в основном занимался военными операциями и походами, его интересовали и проекты мирного развития края. Он привлек видных ученых — А.П. Федченко, А.Ф. Миддендорфа, Г.Д. Романовского, И.В. Мушкетова и других, посвятивших годы изучению и описанию территории огромного края. «Не было того уголка, начиная с болотных низин дельты Аму-Дарьи и кончая горными ледниками и вечными снегами, которые остались бы не исследованными и не описанными»¹⁰. Литература о Средней Азии обогатилась многими талантливыми научными произведениями исключительно благодаря поддержке Кауфмана. Россия активно формировала свой взгляд на Восток.

Продолжительное время служивший под началом генерала — управлял канцелярией — Г.П. Федоров назвал годы губернаторства К.П. Кауфмана «Перикловым веком Туркестанского края». «Нося немецкую фамилию, это был настоящий и неподдельный русский человек, с русской душой... с широкими взглядами, прекрасно образованный, кристально чистый и доступный всем». Наместник русского царя в мусульманском мире Средней Азии Константин Петрович имел огромные

*Походная церковь Кавказского отряда на берегу Каспийского моря.
Иллюстрация из книги Н.И. Гродекова «Хивинский поход 1873 года.
Действия кавказских отрядов». 1888 г.*

*Офицеры Мангышлакского отряда во главе с его командиром
Н.И. Гродековым*

полномочия, был окружен ореолом почти безграничной власти, которой он ни разу не злоупотребил. Местное население называло его «Ярым-паша» («половина царя»). По мнению Федорова, «у всякого голова закружилась бы от такого высокого положения, но Кауфман как приехал в 1868 г., так и скончался в 1881 г. все одним и тем же добрым, благородным, мягким, простым и отзывчивым человеком»¹¹.

Корреспондент многих русских газет и журналов писатель Е.Л. Марков, рассказавший в книге «Россия в Средней Азии» о своем путешествии в Туркестанский край, заметил, что был «поражен общим глубоким сочувственным отношением и русского, и местного населения к памяти генерал-губернатора Кауфмана»¹². И поклонники, и недруги его единодушно отзывались о Константине Петровиче как «о человеке выдающихся государственных способностей, высокого духа и больших заслуг. Все теперешнее благоустройство Туркестана главным образом приписывается ему. Ему обязаны своим началом почти все разумные порядки и начинания. Имя его гремело на Востоке, и он высоко держал здесь знамя Белого царя»¹³.

Во многом благодаря Кауфману были заложены основы российской политики в Средней Азии, которая оказалась весьма продуманной и целесообразной. Не вмешиваясь в дела местной народной жизни по мелочам, центральная и местная власти оставляли значительную часть суверенитета местной элите.

Служба под началом Кауфмана, которого Гродеков считал выдающимся военным и гражданским деятелем России, оказала на него сильное благотворное влияние. Очевидно, и генерал ценил молодого полковника, которого назначил начальником штаба войск в Ферганской области, военным губернатором которой стал М.Д. Скобелев. Будучи администратором, Скобелев в каждом местном жителе старался видеть полноправного гражданина. Казни он считал злом и прибегал к ним лишь при крайней необходимости в отношении бандитов, грабивших и терроризировавших местное население¹⁴.

В конце 1877 г. Гродеков командировается на Балканы, на театр военных действий Русско-турецкой войны, где М.Д. Скобелев успешно командовал под Плевной, затем дивизией в сражении при Шипке. По прибытии в Казанлык с февраля по апрель 1878 г. Гродеков служит начальником штаба авангарда.

Довелось ему присутствовать при заключении Сан-Стефанского договора, завершившего войну, которая способствовала освобождению народов Балканского полуострова от исламского ига. В ответ на новые угрозы Англии, выставившей войска на границе с Индией, Туркестанскому генерал-губернатору Кауфману было поручено совершить с особым отрядом демонстративный поход на южную границу Бухарского эмирата. Гродеков стал начальником полевого штаба этого отряда. По окончании успешного похода в сентябре 1878 г. он подал командующему рапорт об увольнении из Ташкента в отпуск — в Одессу и Петербург.

В свой отпуск полковник Гродеков решил совершить путешествие в Петербург через северные провинции Афганистана и северо-восток Персии. Полковник получил для этого необходимые документы. Вполне возможно, что на него была возложена и разведывательная миссия.

В сопровождении трех живописных личностей на лошадях — персиянина, выполнявшего роль переводчика, киргиза, говорившего по-русски, и слуги — Н.И. Гродеков выехал верхом из Самарканда. Небольшой отряд имел две вьючные лошади и одну запасную. Вооружение состояло из берданки с сотней патронов, револьвера Смит-Вессона с 12 патронами, двух афганских ножей и двух охотничьих двустволок. Примечательно, что полковник Гродеков во время путешествия не скрывал ни своей национальности, ни чина, ни маршрута. «Всякий маскарад только мог повредить делу, — считал он, — при неудовлетворительном знании мною восточных языков и при полном незнании обрядовой стороны, которая сопровождает каждый шаг мусульманина»¹⁵.

Гродеков предпринял дерзкое и опасное путешествие, в ходе которого он встречался с местным фанатичным мусульманским населением, бедность которого ужасала, и продажными хитрыми чиновниками. Не раз приходилось рисковать жизнью. Опытный взгляд полковника схватывал особенности пути, расположения поселений, нахождение военных постов, характер вооружения и т.п. Исследование неведомых русским стран — Северного Афганистана и Северо-Восточной Персии, — несомненно, представляло ценность для военных. Путешествие, в течение которого Гродеков проделал около 2 тыс.

М.Д. Скобелев. Фото с дарственной надписью Н.И. Гродекову.
28 февраля 1878 г. (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 2270. Л. 1)

верст верхом на лошади, император повелел считать походом и наградил полковника орденом Святого Владимира IV степени с мечами и бантами. Свое путешествие полковник описал в путевых заметках «Через Афганистан» (1879 г.), выдержавших два издания и переведенных на английский, французский и немецкий языки.

В 1880 г. орды туркмен напали на российскую границу. В столице было решено организовать новый военный поход. Временным командующим похода император назначил прославленного победами в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканах генерала М.Д. Скобелева. Начальником штаба действующего отряда назначили Н.И. Гродекова. Вновь они оказались вместе. К этому времени имя Скобелева было окружено легендами и мифами, автором которых иногда выступал сам

Михаил Дмитриевич. Обладая большой личной храбростью, он в то же время имел артистическую, эмоциональную натуру. Он мог себе позволить появляться под огнем врага на белом коне, в белом кителе и белой фуражке или папахе, за что его свои – с восторгом, враги – со страхом называли «белым генералом». Лично хорошо знакомый с генералом Скобелевым Г.П. Федоров признавался, что «таких обаятельных людей» он редко встречал. «Он был так обаятельно умен, так превосходно образован, так изысканно любезен и гостеприимен, что его нельзя было не обожать. Войска его буквально боготворили, население вновь покоренной области страшно боялось, но уважало»¹⁶.

В листовке, изданной в 1877 г., Скобелев был изображен молодым генералом с роскошными усами, с грустным взглядом больших красивых глаз. В напечатанных под портретом незамысловатых стихах вопрошалось:

Кто скачет, кто мчится на белом коне
Навстречу свистящих гранат?..
Стоит невредимый кто в адском огне,
Без брони, без шлема, без лат?

И один из ответов гласил:

Он наш однокашник, наш вождь молодой,
В боях генерал он бывалый,
Он наш командир, он отец нам родной,
Он Скобелев наш разудалый.

Гродеков и Скобелев по складу характера, темпераменту являлись антиподами, словно лед и пламя. Популярность Гродекова основывалась на выверенном, научном расчете, на личной убежденности в правильности принятого решения. Скобелев воспринимался окружающими как харизматическая личность. Солдаты верили «разудалому» генералу, который говорил, что еще не отлита та пуля, которая убьет его, и что победы всегда сопутствуют ему и его войску.

Несмотря на различия, русских офицеров Гродекова и Скобелева сближали присущие им дерзкая храбрость и глубокое чувство офицерской воинской чести. В своих записках о значении и задачах полководца (1880 г.) Скобелев написал: «...Генерал должен постоянно воспитывать свое сердце в теплой любви к войскам, памятуя, что в боевом деле главное –

во всякое мгновение мочь спокойно и сознательно положить голову за товарищей»¹⁷. Под этими словами вполне мог поставить свою подпись и Гродеков, недаром он много лет хранил эти скобелевские записки в своем архиве.

Оба военачальника были нужны друг другу. Известен факт, когда они вдвоем устроили военный совет и восемь часов подряд спорили. Пылкий Скобелев предлагал двинуться вперед, предусмотрительный Гродеков доказывал, что не все еще готово к наступлению. В конце концов начальник штаба убедил Скобелева в необходимости более тщательной подготовки операции. Тактичный и опытный Гродеков, будучи самым деятельным помощником Скобелева, часто выполнял роль своеобразного регулятора, сдерживающего эмоционального командующего.

М.Д. Скобелев высоко ценил своего друга и возлагал на него поручения, требовавшие отваги и выдержки. Важнейшим из них стало изыскание в Персии провианта и перевозочных средств для отряда. Вопрос об этой экспедиции предварительно был согласован с русским посланником в Персии И.А. Зиновьевым и шахским правительством. В состав экспедиции входили 26 человек – четыре офицера, делопроизводитель, переводчики, конвойные казаки, жандармы, туземцы. Все были вооружены казачьими берданками. На расходы отпустили 100 тыс. рублей золотом и 162,7 тыс. рублей. Кроме того, экспедицию снабдили подарками на сумму почти 6 тыс. рублей. Задача экспедиции состояла в том, чтобы заготовить в Персии продовольствие и доставить его в магазины (военные склады) как можно ближе к расположению отряда. Успешности экспедиции способствовали знания Гродековым персидской территории и знакомство с некоторыми чиновниками во время его похода 1878 г. в Афганистан и Персию. Никогда не занимавшийся коммерцией Гродеков нашел и купил 146 тыс. пудов довольствия (мука, ячмень, соль, масло, крупа) по сравнительно дешевой цене, приобрел 300 тыс. аршин холста, бязи и миткаля, из которых сшили более 20 тыс. мешков. Начальник экспедиции принял самые энергичные меры, чтобы избежать потерь при перевозке. Довольствие сложили в двойные мешки, и тем самым совершенно исключили раструску. Благодаря этому россий-

ская казна сэкономила несколько десятков тысяч рублей. В течение двух месяцев нечеловеческими усилиями всех членов экспедиции двухмесячное довольствие для 6 тыс. человек и трехмесячное — для 3 тыс. лошадей было приобретено, упаковано и доставлено в магазины оазиса, что спасло русский отряд от грозящего голода. Скобелев опасался за успех миссии Гродекова. Он даже телеграфировал ему: «Вы должны всегда иметь в виду приличный отъезд обратно по первому требованию посланника»¹⁸. Успешность персидской экспедиции Гродекова во многом обусловила победоносный характер войны в Туркмении. Признавая двухмесячный труд Гродекова «нечеловеческим», Скобелев отозвался о нем в письме начальнику Главного штаба генерал-адъютанту А.А. Обручеву следующим образом: «...Персидская операция есть самая блестящая из всей Ахал-Текинской экспедиции, хотя лица, занимавшиеся ею, никогда коммерцией не занимались»¹⁹.

20 декабря 1880 г. все российские войска под командованием генерала Скобелева двинулись к крепости Геок-Тепе в Ахалтекинском оазисе на юге Арало-Каспийской низменности, а 12 января 1881 г. крепость была взята штурмом. «За отличное мужество и храбрость, оказанные в делах с текинцами» во время осады и штурма Геок-Тепе, высочайшим приказом Н.И. Гродеков был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Святого Георгия IV степени. По императорскому повелению на Гродекова было возложено составление описания Ахалтекинской экспедиции 1880—1881 гг.

В представленном в Главный штаб «Докладе генерал-майора Н.И. Гродекова о положении дел в Средней Азии» (1882 г.) содержался аналитический прогноз возможных последствий русского вмешательства в «афганские дела»²⁰. «По всей вероятности, наше правительство выступая против англичан, рассчитывало встретить в Афганистане друзей», — писал Гродеков. Сомнения по этому поводу он выразил своими рассуждениями об особенностях государственного устройства восточной страны. «На Афганистан, — писал он, — надо смотреть скорее как на федерацию, чем как на нечто органически целое. Кабульское правительство может заключать договоры с иностранными державами, а народ будет действовать по-своему...

Власть кабульского правительства недействительна на всем пространстве афганской территории; есть афганские племена, которые признают лишь (формально) гегемонию Кабула. Именно с ними и придется столкнуться в Афганистане».²¹

Автор доклада подчеркнул, что на востоке афганцы признаны храбрым воинственным народом, «им никаких союзников не надо, они сами справятся со всяким врагом». В этих обстоятельствах «не примут ли афганцы наше движение к Герату, направленное против англичан, за враждебное себе? Что, если мы найдем в Афганистане не друзей, а врагов?»²² Как показала жизнь, этот ситуационный вопрос Гродекова в дальнейшем приобрел для России во многом стратегический характер.

В 1883 г. в Петербурге вышла еще одна книга Н.И. Гродекова «Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.» в четырех томах. Это фундаментальное изложение с анализом и обобщениями очередной военной кампании российских войск в Средней Азии. Каждый том имел четкую структуру, свое композиционное построение, обязательное приложение, состоявшее из документов разнообразного характера. Книга богато иллюстрирована портретами, рисунками местности, картами, чертежами и планами важнейших оазисов и даже чертежами верблюжьих седел.

В первом томе привлекают внимание инструкции, которые военный министр граф Д.А. Милютин дал перед походом командующему экспедицией Скобелеву. «В военных действиях, — считал министр, — видеть отнюдь не цель, а лишь средство умиротворения туркмен; то же значение должен иметь и бой, следовательно, не искать его. Опыт политических отношений с Бухарою и Хивою, созданных в Туркестанском крае... должен, по возможности, служить указанием для создания будущих отношений к народностям, населяющим Закаспийский край, и в особенности к текинцам... Наилучшим результатом за потраченные миллионы явятся: мир и развитие торговли. Как только военные обстоятельства хотя сколько-нибудь выяснятся в нашу пользу, немедленно приступить к рекогносцировкам и съемкам... Весь материал крайне необходим для разрешения в будущем столь важного вопроса о разграничении империи с Персией. Не дразнить Персию и не ссориться с нею». Вот такой наказ получил Скобелев перед отправкой в

Среднюю Азию. Даже с современной точки зрения он носил вполне благоразумный характер, ориентировавший военных на умиротворение выступивших против России с оружием текинцев, на защиту государственных интересов во взаимоотношениях с соседней Персией.

По сравнению с предыдущими книгами гродековский стиль не претерпел изменений. По-прежнему это документально выверенное, последовательное, без каких-либо отступлений изложение военных событий. Хотя в заголовок издания и вынесена фамилия командующего походом Скобелева, к которому автор испытывал сердечную симпатию, книга не являлась панегириком Михаилу Дмитриевичу. Только благодаря приведенным здесь документам — распоряжениям, инструкциям, приказам командующего — автор подводил читателя к выводу о правильности, целесообразности и разумности действий Скобелева. Так, автор писал: «Начальник экспедиции требовал, чтобы с возвращающимся населением власти обращались честно, а где выгодно, даже великодушно. В особенности предостерегал их становиться на почву чиновничьих придилок и бюрократических проволочек: «Азия этого не выносит»²³. Затем Гродеков привел выдержку из скобелевского наказа русскому чиновнику: «При всем том, как бы небосклон не представлялся безмятежно радужным... не забывайте, что обстановка в Средней Азии изменяется не по часам, а по мгновениям. Осторожность, осторожность, осторожность! Делайте все возможное для облегчения участи несчастного населения. Русские лежачего не бьют»²⁴. Самое строгое внимание обращалось на то, чтобы джигиты и другие служащие туземцы под страхом смертной казни не брали с народа взяток и не делали самовольных поборов.

Хорошо понимая значение для исторического повествования документа, возможность его бесследного исчезновения и потери, Н.И. Гродеков включил в текст множество тщательно отобранных подлинных документов и свидетельств, сделавших книгу уникальной для раскрытия российской политики в Средней Азии. Например, автор приводит полный текст скобелевской инструкции, данной заведующему «возвращавшимся в Геок-Тепе населением». В ней, в частности, говорилось: «Считая Ахалкетинский оазис окончательно покоренным, я

признал необходимым: объявить всю покоренную землю принадлежащею казне. Земля, по шариату, принадлежит прежде всего Богу, затем государю или завоевателю. В Азии обыкновенно все завоеватели оставляли землю в пользовании покоренных, только облагая ее налогами. Так сделаем и мы: жители могут занять те самые земли, которые им принадлежат. Но это разрешение касается только мелких собственников, которые сами обрабатывают свою землю, а не отдают ее в чужое пользование...». Скобелев постоянно твердил: «В Азии надо иметь как можно меньше русских чиновников, но те, что существуют, должны быть полубоги»²⁵.

Представляет интерес приведенное Гродековым письмо Скобелева нашему посланнику в Тегеране. «Мне как русскому, — писал генерал, — чрезвычайно ценно все устранить, что могло бы возбудить подозрение персидского правительства и косвенным образом тем самым усилить значение Англии. Мое глубокое убеждение, выработанное во время почти непрерывной службы в Средней Азии, что наше значение и сила в этих краях держатся на слишком прочных основаниях, чтобы нам пришлось прибегать для поддержания своего обаяния к тем чрезвычайным мерам дипломатическим, финансовым, военным, к которым вынуждено обращаться правительство Великобритании. Положение его в Азии не имеет ничего общего с нашим собственным, и начало его следует искать в том насильственном и нравственно-неправом положении дел, которое Англия поддерживает в Индии с начала нынешнего столетия. Русская держава, слава Богу, вносит за собою в Азию мир, начало равноправности, личной и имущественной свободы, она опирается не на привилегированные классы, а трудящуюся массу»²⁶.

Возможно, Скобелев идеализировал миссию России в Азии. Но тем не менее это частное письмо генерала-«завоевателя», а не публичное заявление политика, ярко свидетельствует о понимании военной элитой прогрессивной роли России в Средней Азии и отличия ее азиатской политики от английской. Все это не укладывается в постулат, согласно которому «царская Россия была тюрьмой народов».

В последнем, четвертом томе книги Николай Иванович приходит к значительным обобщениям, касавшимся как орга-

низации военного похода 1880–1881 гг., так и общего характера военных действий России в Средней Азии.

Автор сделал вывод: «...казенное ведомство широко и рационально отнеслось к своей задаче снабжения отряда. Одежда солдата выбрана и дана подходящая как для полуденного зноя, так и ночного холода; помещением большинству служили прекрасные во всех отношениях кибитки или даже... бараки... все с печами на зимы, кирпичными или железными. Пища, роскошная по размеру; морская порция, сильно улучшенная в смысле возможного разнообразия; лед; медикаменты современной фармакологии, наконец, многочисленный медицинский персонал, превысивший даже надежды командующего войсками. Все это позволило рассчитывать на самые благоприятные результаты»²⁷.

Несмотря на хорошее обеспечение отряда, заболеваемость в нем, достигшая в сравнительно короткий срок 12 тыс. человек при общей численности отряда в 29 тыс., по мысли автора, не может не быть признана чрезмерной. Климат оставался все-таки крайне неблагоприятным, а работа войск, видимо, превышала солдатские силы. В следующих словах Гродеков единственный раз выразил свое восхищение М.Д. Скобелевым, не упомянув его имени: «В отряде, где самым энергичным санитаром был его командир, вечно являвшийся всюду, лично все видевший, все знавший, всех будивший и первую заботой всех и каждого ставивший сбережение солдатского здоровья и жизни, везде, где от того не страдала суть порученного ему дела, большой процент болезненности надо объяснить причинами, против которых все средства оказались бы все равно бессильными»²⁸. Вместе с тем при существовании в отряде эпидемического тифа, дизентерии, многочисленных раненых смертность была незначительной. Предупредить болезнь по местным условиям не удавалось, но лечение шло успешно, так как громадная масса заболевших восстанавливала свое здоровье благодаря широкой сети госпиталей и лазаретов.

По мнению Гродекова, все наши экспедиции в Средней Азии в царствование императора Александра II имели два периода. Первый – сравнительно блестящий и легкий, в котором наши войска сталкивались с организованной силой среднеазиатских правителей, громили ее и развенчивали в прах «ве-

ками разлагавшееся тупое, деспотическое правление страны». «Отягощенный бесконечными поборами, окончательно нравственно надломленный народ относился индифферентно к событиям... Во всех столкновениях мы брали десятками орудия и бунчуки, занимали столицы, заключали трактаты с покоренными эмирами и ханами, даже открыто ссылали членов дивана в Европейскую Россию. Все казалось конченным, наступал период затишья, и, странно сказать, гроза народной войны всякий раз заставляла нас врасплох»²⁹. Во всех этих войнах отягощенный поборами народ относился тайно сочувственно к какой бы то ни было перемене и не желал воевать с русскими, предоставив все дело ханским сарбазам (персидским пехотинцам), за которых он вносил тяжелую подать. До каких размеров и до каких ухищрений мог дойти среднеазиатский правитель в сборе налогов, в книге показано на примере кокандского Худояр-хана, собиравшего множество налогов, в том числе свадебный и похоронный.

Второй период наступал, как правило, в пору затишья, когда страна, избавленная от ханских грабителей, очень быстро попадала под исключительное влияние враждебно настроенного по отношению к русским духовенства, которое успевало разжечь фанатизм. И тогда начинался газават — война против «неверных». В ней принимали участие все мусульмане страны, и уже не во имя хана, а во имя религии. Естественно, что по сравнению с первым этот период войны всегда бывал и продолжительнее, и кровопролитнее. Автор постепенно убеждал читателя в том, что командующий походом генерал Скобелев в полной мере выполнил наказ, данный ему военным министром.

Гродековская книга была встречена с большим одобрением в российских военных кругах. Александр III объявил автору императорскую благодарность за представление сочинения «Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880—1881 гг.». О книге написали во многих журналах и газетах, ее перевели на английский и французский языки. Она стала своеобразным памятником генералу М.Д. Скобелеву, скончавшемуся в 1882 г. В гродековском фонде ОПИ ГИМ хранится конверт с листиком из лаврового венка с могилы генерала М.Д. Скобелева.

Получив от автора четыре тома книги, С.М. Духовской, который в это время служил в Московском военном округе,

отправил Николаю Ивановичу большое письмо: «Вы теперь так далеко, мысли Ваши так обогатились и удалились от бывшего когда-то нашего общего сослужения, а между тем Вы все-таки вспомнили обо мне, — с удовлетворением писал он. — Примите мою самую искреннюю и теплую благодарность»³⁰. В своем отзыве на книгу Духовской подчеркнул: «Очень разумно сочинение это составлено и издано, и Вы подарили его военной истории, да и истории России. Материал серьезно обработанный, весьма полный, талантливо и занимательно изложенный, превосходно изданный. Все Ваши оригинальные приемы в изложении (именование деятелей коротко — именами, ссылки всюду на документы, система чертежей и карт, отлично использованных), и я так и вижу в них Вашу инициативную самостоятельность»³¹.

Военный губернатор Сырдарьинской области. В июне 1883 г. сорокалетний генерал-майор Н.И. Гродеков получил новое назначение — он становится военным губернатором и командующим войсками Сырдарьинской области, которая составляла ядро Туркестанского края. Площадь ее была сопоставима с территорией Франции (510 тыс. км²), численность населения приближалась к миллиону человек. О положении области в крае свидетельствовал тот факт, что ее административным центром являлся г. Ташкент — центр Туркестанского края. После смерти К.П. Кауфмана Туркестанским краем управляли Н.О. Розенбах (с 1884 г.) и барон А.Б. Вревский (1889—1898 гг.), который высоко ценил заслуги Гродекова, а главное — не чинил препятствий его энергичной работе. Во время отпуска генерал-губернатора, как правило, Николай Иванович исполнял его обязанности.

Резиденция военного губернатора, как и генерал-губернатора, находилась в Ташкенте. Впервые Николай Иванович имел постоянный дом. Побывавший у него в гостях Е.Л. Марков так описал его: «Дача военного губернатора помещается в конце Садового проспекта, почти за городом, в прекрасном тенистом парке. С обширной террасы ее открывается роскошный вид на окрестности. Терраса эта, устланная восточными коврами и уставленная восточными диванами, украшена неизбежным туркестанским украшением — чучелами огромных тигров... Одного из них русские мужики-пе-

реселенцы убили в селенье Троицком, верстах в тридцати от Ташкента»³².

В компетенцию военного губернатора входили администраторская работа и организация жизни коренного кочевого и оседлого населения. Вступив в должность военного губернатора, Гродеков прежде всего совершил поездку по Сырдарьинской области, инспектируя состояние дел на вверенной ему территории. По дороге он вел «Путевой журнал», ежедневно описывая увиденное, отмечая меры, предпринимаемые властями для благоустройства области. Администрация при Гродекове занималась строительством новых и ремонтом старых оросительных каналов, строительством дорог, созданием лесопосадок вдоль каналов, благоустройством городов, возведением новых мостов, почтовых станций, организацией лечебного дела. Гродеков часто совершал поездки по Ташкентскому, Чимкентскому, Аулиеатинскому уездам, так как «с недоверием прочитывал донесения уездных начальников» и предпочитал проверять исполнения распоряжений лично. «На почтовых из Туркестана в Икан. По пути осмотрены работы на Сасык-булаке... Работ предстоит еще очень много. По окончании работ предполагается передать добытую воду во временное пользование бедным людям»³³.

Одной из принципиальных позиций, которой должен придерживаться русский администратор, в подчинении которого находилось туземное население, считал Гродеков, являлось знание языков коренных народов. За время службы на посту губернатора он изучил узбекский язык, научился понимать казахский и туркменский, стал разбираться в наречиях таджиков. Один из его соратников – управляющий канцелярией генерал-губернатора В.А. Мустафин писал: «Не желая быть пассивным и доверчивым слушателем не всегда точной передачи переводчиками туземной речи, Николай Иванович выучился местным языкам, и этого знания стал требовать от всех чинов администрации, настаивая на сознательном усвоении ими языка, быта, верований туземного населения, чтобы быть ближе к нему и понимать его нужды и желания. Это знание языка и быта туземцев принесло и самому Николаю Ивановичу огромную пользу, открыло ему воочию все недостатки, несовершенства и злоупотребления

Сыр-Дарьинское областное правление. 1867–1887 гг.

народных судей (казиев и биев) при отправлении суда среди туземцев»³⁴.

Как непосредственный участник формирования политики власти в Туркестанском крае, Гродеков возглавил выработку плана действий администрации, так как именно в его ведении находилась большая часть местного кочевого населения. Русские власти стремились препятствовать росту авторитета мусульманского духовенства и затормозить исламизацию кочевников Туркестана. Считалось, что неокрепшее исламское мировоззрение кочевого населения, в среде которого был еще крепок адат, делало его выгодным объектом влияния со стороны «российской государственности и цивилизации». Поэтому правительство старалось сохранить родовые отношения и обычное право (адат) у кочевого населения края. Так, в 1873 г. генерал-губернатор К.П. Кауфман в «Пояснительной записке к проекту Положения об управлении Туркестанского края» подчеркивал, что в адате «нет никакого фанатического начала, вредного для государственного строя», тогда как шариат

непрерывно будет способствовать усилению мусульманской религиозности кочевников.

В 1884 г. Н.И. Гродеков был назначен председателем Комиссии по разработке мер противодействия распространению мусульманства среди кочевников Туркестанского края. В комиссию вошли также: М. Бордовский – старший чиновник особых поручений при генерал-губернаторе; Н.П. Остроумов – директор ташкентской учительской семинарии; Н. Чарыков – чиновник по дипломатической части при генерал-губернаторе; В. Абграль – полковник, начальник Кураминского уезда; В.П. Наливкин – отставной штабс-капитан, исполнявший должность младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области. В итоге своей деятельности Комиссия представила доклад, содержащий рекомендации по наиболее эффективному противостоянию исламизации кочевников. Комиссия предлагала не ускорять разрушение «родового начала» и всемерно содействовать употреблению обычного права – адата в противовес мусульманскому религиозному праву – шариату. Следовало рекомендовать казахам русский суд как форму «конечную и наиболее желательную». Предлагалось развивать среди кочевой молодежи «русские формы образования», так как «наиболее сильным и надежным борцом против ислама может быть только наука, которая одна только может расшатать невыгодное для нас житейское значение шариата». Наиболее способных детей Комиссия рекомендовала направлять на учебу в русские интернаты с пансионным содержанием, способствовать отторжению молодого поколения кочевников от мусульманской религиозной школы. Было предложено составить новые учебники для кочевых школ таким образом, чтобы в них разумно сочетались образовательные задачи с политическими интересами российской государственности в регионе. Еще одна рекомендация касалась письменности, ее предлагалось перевести на русский алфавит и тем самым ослабить связь казахов с мусульманским миром³⁵.

С первых дней губернаторства Гродеков заметил большой пробел в сведениях по обычному праву местного населения. То, что было напечатано об этом в России, носило ограниченный, поверхностный характер. К тому же под влиянием

1

От поручика до генерала. Служба в Средней Азии

В киргизской кибитке

Сартянки — представительницы оседлого населения отдельных регионов Средней Азии

таких могущественных факторов, как мусульманство, распространение которого среди кочевников значительно усилилось в конце века, русское владычество с новыми порядками, переход кочевников к земледелию, внедрение новых видов промышленного труда, в обычном праве коренного населения появились значительные изменения. «В жизнь народа широкою волною влились новые взгляды и понятия; жизнь начала предъявлять новые требования, к которым и пришлось приспособить постановления обычного права»³⁶, — пришел к выводу Гродеков.

В 1889 г. в Ташкенте вышла новая книга Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт». В отличие от предыдущих книг, посвященных военным проблемам, в ней рассматривался юридический быт племен, населявших Сыр-Дарьинскую область. Поручив сбор материала местной администрации и потерпев неудачу, Николай Иванович привлек к этой работе А.Н. Вышнегорского, окончившего курс историко-филологического института и изучавшего в Средней Азии киргизский, сартовский и персидский языки, и В.П. Наливкина — известного знатока Средней Азии, который составил программу для сбора постановлений киргизского обычного права — адатов. Отправившемуся в уезды, в кочевые и зимние стойбища киргизов Вышнегорскому было дано задание записывать «все варианты адатов по местностям и имена сообщивших и не пренебрегать никакими сведениями, как бы они ни казались малозначительными».

За семь месяцев пребывания в среде кочевого населения им было собрано так много материала, что на разбор его потребовалось около года. Кроме того, Гродекову пришлось вести сношения с уездами для пополнения пропусков или объяснения неясных мест. Для примеров из бийских книг были взяты решения по разным судебным случаям. Готовя книгу, Гродеков завел обширную переписку со знатоками мусульманского права, в том числе профессорами И.Г. Нофалем и академиком-ориенталистом бароном В.Р. Розеном, прося их руководящих указаний, советуясь по вопросам, вызывавшим сомнения. Как всегда, Николай Иванович стремился как можно лучше выполнить дело, за которое брался.

Изучение юридического быта аборигенов было необхо-

димо для правильного устройства управления и суда в среде кочевого населения среднеазиатских областей, и, безусловно, оно было важно для науки. На эти обстоятельства автор обратил внимание во введении книги, в котором дана краткая историография проблемы.

Кроме материала, имевшего чисто юридический характер, попутно собирались исторические сказания по копиям древних рукописей, сохранившиеся у грамотных туземцев героические поэмы, поверья, басни, загадки, заклинания и пр. Их Гродеков частично опубликовал в книге, но намерение у него было издать этот этнографический материал отдельно в двух томах. Примером заинтересовавших Николая Ивановича изречений мудрых людей могут служить, например, такие: «Четыре вещи ценятся только тогда, когда они уже не находятся налицо, а именно: молодость — в старости, здоровье — во время болезни, глаз — при слепоте, ухо — при глухоте»; «Четыре человека не позорятся: сын побоями отца, дочь побоями матери, ученик побоями своего учителя, жена побоями мужа».

Изучение адата — неписаного закона, основанного на обычаях народов, помогло Гродекову обнаружить все недостатки, несовершенства и злоупотребления так называемых народных судей (казиев и биев) при отправлении суда среди инородцев. Относясь с большим уважением к самому институту народного суда, губернатор считал, что его несовершенства, проявления злоупотреблений в практике народных судей не требуют какой-либо коренной ломки этого института, а нуждаются лишь в надлежащем надзоре за судом чинов местной администрации.

Распространением гродековской книги за рубежом занимался М.И. Венюков. По поручению Гродекова он передал книги в Парижское и Лондонское географические общества, а также в Парижское этнографическое общество. По его сообщению, после представления книги Парижскому географическому конгрессу в 1889 г. ею очень заинтересовались. «Нужно ли прибавлять, — писал М.И. Венюков, — что многих иностранцев удивило, что подобное монументальное сочинение, да еще с хорошими иллюстрациями, появилось в Ташкенте»³⁷.

Императорское Русское географическое общество признавало, что Гродеков с большим успехом и свойственной

ему основательностью занимался изучением населения Сыр-Дарьинской области в экономическом и этнографическом отношениях. Результаты его работы изложены в прекрасном его сочинении, вышедшем в 1889 г. в Ташкенте под заглавием «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области». Признанием научных заслуг Н.И. Гродекова явилось избрание его в 1890 г. членом Императорского Русского географического общества по отделению этнографии, о чем он был лично поставлен в известность вице-председателем П.П. Семеновым. В августе этого же года Николай Иванович был произведен в генерал-лейтенанты.

Внимание генерала привлекла дискуссия о вооружении кавалерии, развернувшаяся на страницах журнала «Военный сборник». Поводом для начала дискуссии стало вооружение всей кавалерии Германии средневековым оружием, правда, современного изготовления — трубчатыми стальными пиками. Под этим впечатлением в России заявили себя сторонники пики, утверждавшие, что это оружие производит наиболее сильное нравственное впечатление на противника, ибо удары его смертельны. Поэтому редакция журнала, выходившего под эгидой Военного министерства, сочла целесообразным подвергнуть тщательному рассмотрению вопрос о вооружении кавалерии. Полагая, что в настоящих обстоятельствах небезынтересно мнение покойного генерала Скобелева, Гродеков представил журналу текст его записки. Она была написана генералом (1877 г.) в ответ на запрос командующего войсками Туркестанского военного округа Кауфмана о его мнении: годны ли пики для вооружения казаков. «У всех азиатцев пика не пользуется большим уважением, — писал Скобелев. — В прежние времена турецкая кавалерия, имевшая отличные сабли, совершенно не употребляла пик. Мы сами видим, что туркмены, киргизы и кипчаки не пользуются пиками. У них пиками вооружены только люди, не имеющие возможности достать ружье или даже порядочную саблю»... Он подчеркнул, что введение пик сопряжено с расходами, которые вряд ли окупятся пользой, которую какую-либо принесут пики. К тому же пика обременяет кавалериста более, чем всякое оружие. Вывод генерала Скобелева был категоричным: «...Я лично всегда был и буду против пик. Легкое скорострельное ружье и хорошая

прямая острая сабля, которую можно колоть и рубить, — вот оружие для всей кавалерии»³⁸. Гродеков полностью разделял эту позицию. От себя он добавил, что в среднеазиатских походах ни оренбургские, ни уральские казаки пик не употребляли. В Хивинском походе 1873 г. казаки, бывшие в оренбургском отряде генерала Веревкина, пики взяли с собою, но везли в обозе. В то время как Германия вооружила свою кавалерию, по существу, средневековыми, хотя и модернизированными, пиками, генералы Скобелев и Гродеков категорически высказались за вооружение российской кавалерии и казачества скорострельными ружьями и традиционными саблями.

Через четыре года после выхода в свет своей последней книги, в 1893 г. Гродеков издает в Ташкенте переведенную с английского языка книгу Хидая «Комментарии мусульманского права» в четырех томах.

Книги Гродекова составили весьма ценный вклад в русскую науку вообще, в ориенталистику в особенности, и оказались полезными в судебно-административных делах, поскольку знакомили с бытом среднеазиатского коренного населения. Следует заметить, что в то время офицеры, особенно окончившие академию Генерального штаба, нередко писали и издавали инструкции, положения, описывали отдельные военные операции и походы. Для Н.И. Гродекова занятие литературным трудом являлось реализацией творческих способностей, которыми он, вероятно, был награжден от рождения и которые развил систематической самостоятельной работой. Первым его литературным трудом являлся очерк «Колонизация Нагорной полосы Кубанской области», напечатанный в ежемесячном приложении к «Биржевым ведомостям» — «Записках для чтения» в 1869 г. (№ 8–12). Затем были капитальные работы, посвященные военным походам и правовым этнографическим проблемам среднеазиатских инородцев. Его статьи, доклады и отчеты по вопросам военным, политическим, географическим и топографическим печатались в газетах и журналах «Военный сборник», «Русский инвалид», «Новое время» и др.

Книги способствовали известности Н.И. Гродекова. О нем узнал знаменитый русский художественный и музыкальный критик, историк искусства, директор Императорской публичной библиотеки в Петербурге В.В. Стасов. В связи с го-

товившейся на сцене Мариинского театра постановкой оперы А. Бородина «Князь Игорь», с одной из захватывающих сцен половецких плясок, директор библиотеки обратился к Гродекову с целым рядом вопросов по этнографии народов, населявших Сыр-Дарьинскую область, ответы на которые, по его мнению, должны были помочь поставить эти пляски. В.В. Стасов получил «обстоятельные, точные и превосходные ответы» на свои запросы. Но не только! На его имя пришла посылка с туркменскими костюмами, женскими серебряными украшениями и оружием. «Вот-то неожиданность, вот-то восторг!» — писал В.В. Стасов в Ташкент. Гродековский дар был передан в театр, украшения помогли художникам воссоздать костюмы половцев на сцене. В своих письмах Стасов восхищался делами генерала Кауфмана («ведь он тоже был высококультурный человек, ведь он тоже вышел из Генерального штаба») и напоминал, что он подарил Императорской библиотеке громадный арабский Коран, один из двух древнейших, относящихся к VIII веку. В Оружейную палату им же был прислан серебряный трон хивинских ханов. Изъятие генералами культурных и религиозных ценностей из покоренных стран и передача их в распоряжение музеев метрополии в то время оценивались исключительно позитивно, даже тогда, когда по приказанию английского лорда на афинском Акрополе была выломана одна из кариатид античного храма, чтобы украсить Британский музей. В то время вопросы, на каком основании древнейшие народы, обладавшие шедеврами мировой культуры, лишались их, не пагубно ли изъятие этих шедевров из присутствующей им природной и социокультурной среды, как правило, не возникали, даже такой крупный деятель культуры России, как В.В. Стасов, над подобными вопросами не задумывался. С другой стороны, изъятые предметы древней культуры и помещенные в музеи получали гарантии на сохранение.

Узнав, что Николай Иванович интересуется его работами, Стасов в одном из писем писал по этому поводу, что он встретился «с фактом необыкновенно редким и исключительным». «Русский генерал находит время и охоту, не взирая на войну, которою занят был и денно, и ночью, не взирая на работы важности государственной, находит интерес в явлениях из совершенно других жизненных областей — это ли не чудо, это ли не диво»³⁹.

В гродековском фонде письменных источников Государственного исторического музея хранится стихотворное послание, написанное на большом листе плотной бумаги крупным каллиграфическим почерком, озаглавленное «Н.И. Гродекову (на память о добрых делах). С. Герасимов 5 ноября 1884 г. из тюрьмы Ташкента». В нем автор послания живописал прежнее состояние заключенных:

Ведь не было конца несправедливости, стеснениям,
Глумлениям и всякого рода обидам,
И жаловаться на все это не позволяли ни под каким видом.
О переменах в тюрьме, происшедших после ее посещения
губернатором:
Теперь инквизиторство из стен тюрьмы почти изведено.
И злобное начальство под общий уровень
современных людей подведено.
И только тем одним, что ты великий муж и жалобы
и просьбы принимаешь,
Рассматриваешь лично их и сам всегда во все вникаешь.

Не будем обращать внимание на стихотворную форму. А вот содержание послания парадоксально: заключенный благодарил губернатора за улучшение условий тюремного заключения. Может, этот С. Герасимов был неадекватной личностью? Почему же в таком случае Николай Иванович сохранил «поэму» такого заключенного в своем архиве? К удаче, ответ был найден в книге Е.Л. Маркова, который в подробностях описал посещение «отлично устроенной Ташкентской тюрьмы», ничем не напоминавшей «место заточения и скорби». Его приятно поразили зеленый двор с большим ярким цветником, флигеля, в которых размещались заключенные, чистота, у каждого заключенного тюфяк и подушка. «Всякий занят целый день: кто шьет башмаки или тюбетейки, кто столярничает, кто тклет полотно, вяжет скатерти, мотает нитки; часть арестантов занята в саду и огороде, ровняют двор, мостят улицы⁴⁰. Писатель считал, что «утешительным характером своим Ташкентская тюрьма обязана больше всего своему главному руководителю — генералу Гродекову, который «не перестает деятельно заботиться о ее дальнейшем развитии по избранному им разумному пути». Его забота об арестантах, думается, отчасти связана с менталитетом русского человека, согласно

которому нельзя зарекаться ни от сумы, ни от тюрьмы. А что касается сохранения этого неординарного послания, то возможно, что генерал включил его в свою коллекцию как парадоксальный, анекдотичный документ. Тем не менее за особые труды по благоустройству тюрем губернатору в 1891 г. было объявлено монаршее благоволение.

При военном губернаторе Гродекове важное значение приобрела русская колонизация края, сближение кочевников с русскими людьми, изучение ими русского языка в живом общении, поощрение русско-казахских браков. Русскую колонизацию края он считал главной задачей своей администрации.

О важности образования русских поселений в Средней Азии губернатор писал туркестанскому генерал-губернатору Н.О. Розенбаху: «Может настать время, когда религиозно-политическое сознание покоренных народностей созреет настолько, что идеи естественного сепаратизма от немногочисленных фанатиков проникнут и в массу народа и создадут нам много серьезных затруднений». Чтобы этого не произошло, «можно применить два приема: или постоянное сильное занятие края, или же обручение народностей, ассимиляция с нами, медленное, но зато и гораздо более прочное этнографическое завоевание края»⁴¹. Он считал, что вокруг Ташкента необходимо создать кольцо из русских селений, которые могли внести начала русской культуры в среду кочевников, приохотить их к земледелию и оседлости. Именно Сырдарьинскую область как заселенную преимущественно кочевниками и потому располагавшую большими пространствами, «часть коих вполне удобна для образования русских поселений», он считал наиболее пригодной для колонизации. Как ему представлялось, «заселенная русскими людьми Сыр-Дарьинская область должна представлять собою опорный пункт как для спокойного обладания остальными областями Средней Азии, так равно и для защиты нашей границы со стороны Китая и Афганистана». О том же докладывал Гродеков и генерал-губернатору Туркестанского края А.Б. Вревскому в своем «общем плане русской колонизации в Сыр-Дарьинской области». Он предлагал русским властям использовать на нужды переселенцев то множество земель,

Партия русских переселенцев

которые «могут быть орошены из рек и речек, обладающих большим запасом свободной не эксплуатируемой воды... все эти безводные пока местности, эксплуатируемые кочевниками лишь в ранние месяцы весны, с устройством новых и восстановлением старых оросительных каналов должны превратиться в плодородные пространства, вполне удобные для устройства на них русских поселений»⁴².

Со всей присущей ему энергией Гродеков принялся за осуществление этого плана. Если до Гродекова в области было всего два русских поселения в окрестностях Ташкента, то ему удалось основать в Ташкентском и Чимкентском уездах несколько десятков русских селений. И хотя процент русского населения в крае был небольшим, губернатор старался удовлетворить насущные потребности переселенцев. В частности в 1893 г. он пишет прошение на имя генерал-губернатора Туркестанского края об основании вблизи Ташкента христианской женской обители и церкви. Сам он выискивал, где возможно средства на возведение православных храмов, жертвовал новым церквям облачения и церковную утварь. О

масштабах этой работы свидетельствует переписка бывшего сослуживца К.В. Церпицкого с Н.И. Гродековым (1888 г.): «Поручение Вашего превосходительства о высылке икон и вообще всяких церковных принадлежностей я исполнил и вероятно в скором будущем я отправлю в Ташкент на Ваше имя... большой ящик с иконами, книгами, воздушными, пеленами, тому подобное... Если прикажете, то я закажу и новые иконы». В другом письме Церпицкий пишет: «В настоящее время у меня имеется около 50 икон, но я их не посылаю, потому что считаю этого слишком мало. Протоиерей Орнатский обещал прислать мне целую телегу собранных им икон и всяких богослужебных вещей»⁴³.

Губернатор всюду изыскивал средства для оказания помощи переселенцам в обзаведении домами и инвентарем. Из военного министерства ему удалось добыть какие-то деньги на их устройство. Местная администрация окружила новых поселенцев самым теплым попечением. В результате возникло 50 русских поселений с 18-тысячным населением, которые со временем стали представлять собой цветущие крестьянские поселки, расположившиеся по всему пути между Ташкентом и границей Семиреченской области.

Стремясь познакомиться с каждой русской семьей, переселившейся в Туркестан, Гродеков тщательно осматривал земельные участки, предназначенные для переселенцев, старался выучить и приохотить их к ведению интенсивного, культурного хозяйства, к выращиванию хлопка, иногда на свои личные средства приобретал для них племенной скот, плодовые саженцы. При этом сам Николай Иванович испытывал большое удовлетворение, не раз повторяя, что «он является администратором лишь по капризу судьбы, а по призванию — садовник и огородник»⁴⁴. Своими разумными советами и предложениями по ведению хозяйства он помог не одному переселенцу.

Не довольствуясь информацией начальников уездов, губернатор регулярно выезжал на места, где основательно вникал в проблемы и просьбы населения, часто их тут же решал. От его внимания не ускользала ни одна деталь жизни местного населения и новоселов. Так, в июне 1886 г. он совершил большую поездку по области, проделав путь в 1 639 верст, из

них 472 – верхом⁴⁵. Приведем несколько записей из его путевого журнала, которые, думается, очень много могут сказать о губернаторе. «Меркинский поселок состоит из 30 домохозяев, большинство переселенцев пришло осенью 1885 г. Поселок еще не обустроен, и хозяйства не имеют достаточно скота, необходимого для работы инвентаря. Из 30 домов только два построены из сырцового кирпича, сухие и с хозяйственно обустроенными дворами, остальные – из дувальных стен с плоскими крышами. От больших дождей крыши протекают, стены насквозь промокают, появляется сильная сырость с одуряющим затхлым воздухом, невозможным для человеческого существования. Все хозяева этих домов люди бедные, в особенности 14 из них, не имеют ни малейшей возможности к устройству на своих домах двускатных крыш, а между тем без них оставаться на зиму в подобных хатах невыносимо, опасно для здоровья, особенно детей. Необходимо выделить по 15 руб. каждому хозяину для устройства крыш». О Покровском поселении губернатор написал: «...помимо своего благосостояния обращает на себя внимание и многосемейностью. В большинстве домов можно встретить 5–6 душ детей, но есть и 9 душ. Как взрослые, так и дети отличаются ростом и красотой русского типа, редко встречаемого в других поселениях»⁴⁶.

Управление областью было нелегким делом. Администрация края подчас сталкивалась и со скрытыми тлеющими конфликтами и противодействием, и с открытым социальным возмущением местного населения. Кризисная ситуация сложилась в Сырдарьинской области в начале 1890-х годов: голод в Казалинском уезде, наводнение в низовьях Сырдарьи, из-за неурожая наплыв из российских губерний большого количества голодных русских крестьян, недовольство коренного населения изъятием земель для русских поселков и др. Поводом для начала беспорядков послужил перенос в связи с холерой мусульманского кладбища Ташкента за черту города, что вызывало глухое недовольство ташкентских жителей. На этом фоне развернулась борьба двух партий, одна из которых выступала за смещенного Гродековым аксакала, а другая – за вновь назначенного. Странники старого аксакала смогли спровоцировать толпу, играя на недовольстве ташкентцев са-

нитарными мерами по борьбе с холерой. 24 июня 1892 г. толпа возбужденных людей окружила здание управления начальника Ташкента, требуя выдачи нового аксакала, а затем забросала камнями начальника города С.Р. Путинцева, угрожая ему расправой, и разгромила полицейское управление. В этой напряженной обстановке Гродеков действовал решительно и жестко. С группой нижних чинов он вошел в беспокойную часть города. Будучи встречен на базаре многочисленной толпой, ответившей на приказание разойтись громкими криками и угрозами, губернатор дважды предупредил об открытии огня, чем вызвал новую волну негодования. Тогда он отдал приказ открыть огонь, чем и заставил толпу разбежаться. На месте осталось до десяти убитых и раненых. В своих воспоминаниях В.А. Мустафин считал действия Гродекова законными, поскольку их цель состояла в том, чтобы тотчас же прекратить беспорядки в городе и не дать им принять угрожающие размеры.

После этих событий в Ташкенте состоялся военный суд, на котором осудили виновных в беспорядках, а в действиях администрации были найдены признаки превышения власти. Военный суд вынес особое постановление, и Н.И. Гродеков был отозван в Санкт-Петербург в распоряжение военного министра. На драматической ноте закончилось в целом плодотворное губернаторство Н.И. Гродекова в Сырдарьинской области.

В последнем, прощальном приказе военный губернатор пожелал «подвести итоги всего сделанного совместными трудами... с подчиненными»⁴⁷. Главнейшая гражданская задача администрации, как и каждого доброго хозяина, говорилось в нем, заключается в стремлении к увеличению доходов. За десять лет они значительно выросли, при этом важно, что «увеличение налогов не было бременем для населения области, так как шло в строгом соответствии с ростом экономического благосостояния народа». Произошел значительный рост производства по переработке хлопка и ежегодного экспорта семян хлопка. Губернатор всячески содействовал внедрению передовых методов ведения сельскохозяйственных работ, был председателем комиссии по устройству в Ташкенте сельскохозяйственных вставок в 1884 и 1890 гг., председателем распоря-

дительного комитета по организации участия Туркестанского края на Среднеазиатской выставке в 1891 г. Торговые обороты области возросли более чем в два раза. Об оживлении производительных сил области свидетельствовал возросший более чем втрое денежный оборот местного отделения Государственного банка. Для облегчения положения туземного населения было устроено пять ссудных касс, оборот которых в общей сложности достиг 130 тыс. рублей. Значительно развившиеся рыболовные промыслы на реках Сырдарье и Амударье стали давать государственный доход.

Как на важное экономическое явление в области в приказе указывалось на учрежденную в 1890 г. Аулиеатинскую ярмарку — первое не только в области, но и в крае коммерческое учреждение подобного рода, которому удалось значительно расширить свои обороты. Особо шла речь о переселении в область русского населения, в результате которого возникли русские селения. Экономическое строительство в области сопровождалось расширением попечения о благоустройстве населенных пунктов, которое включало введение вольнонаемной полицейской стражи, устройство шоссежных дорог, освещение улиц в ночное время, строительство навесов на городских и кишлачных базарах и т. д. Не упущены были и духовные потребности населения. В области было сооружено семь церквей, три находились в процессе строительства. Открыто несколько городских училищ и сельских русско-туземных школ. Благодаря устройству амбулаторных пунктов в наиболее населенных местностях области совокупными усилиями администрации и врачебного персонала туземному населению стала оказываться медицинская помощь. Впервые в азиатской части г. Ташкента была устроена женская лечебница.

Подобных результатов можно было достигнуть только «при полном единении членов всей администрации области». Гродеков по «чувству долга» считал своей первой обязанностью выразить им сердечную благодарность, в них он всегда имел «точных и ревностных помощников»⁴⁸.

Так драматично закончилось десятилетие губернаторства Н.И. Гродекова в Сырдарьинской области, тем не менее оставившее заметный позитивный след в Туркестанском крае.

Будучи причисленным к Генеральному штабу, генерал был готов к любому повороту судьбы, но не мог предположить, что вскоре окажется на самых дальних рубежах России, что следующим местом его службы станет Приамурское генерал-губернаторство и траектория жизни радикально изменится.

ЗЕМЛЯ РОССИЙСКОГО ВОСТОКА. ПРИАМУРСКОЕ ГЕНЕРАЛ- ГУБЕРНАТОРСТВО

Почти одновременно с проникновением Российской империи в Среднюю Азию шел процесс колонизации земель, расположенных по реке Амур и Тихоокеанскому побережью. Усилиями генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева, начальника Амурской экспедиции Г.И. Невельского, благодаря подвижническому труду тысяч русских солдат и казаков в 50-е гг. XIX в. приамурские земли, открытые русскими землепроходцами в XVII в., были воссоединены с Россией и включены в состав Восточной Сибири. Это было сделано при минимальной поддержке правительства, в сжатые сроки, без применения оружия, малыми средствами, цивилизованным путем.

Одной из самых больших заслуг Муравьева явилось оформление присоединения амурских земель международным договором. Заключение Айгунского трактата 1858 г. между Российской и Дайцинской империями явилось венцом

Албазинская икона Божией Матери «Слово плоть бысть». Приамурская святыня

всей его деятельности. По предложению маньчжурской стороны в преамбуле трактата было указано, что договор заключен «по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух Государств, для пользы их подданных и для защиты от иностранцев»⁴⁹. Была определена граница по Амуру до реки Уссури. «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргунь до морского устья р. Амура, — говорилось в статье договора, — да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению до р. Уссури, владением Дайцинского государства»⁵⁰. В переговорах стороны пришли к согласию о необходимости временного кондоминиума на территории к востоку от Уссури. Окончательное разграничение было сделано в дополнительном Пекинском договоре 1860 г.

Ознакомившись с текстом Айгунского договора, Александр II сделал на нем надпись: «Лучшего мы желать не можем»⁵¹. Именным указом Александра II Н.Н. Муравьев был возведен в графское достоинство с добавлением к его фамилии Амурский.

В заложенных Муравьевым-Амурским основах управления новыми землями были предусмотрены их административно-территориальное деление и освоение. На присоединенных территориях были образованы две области — Приморская (1856 г.) и Амурская (1858 г.). В 1860 г. в соответствии с Пекинским договором к Приморской области был присоединен Уссурийский край. Области являлись составной частью Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Присоединение к Сибири почти миллиона квадратных километров приамурских земель сделало Восточно-Сибирское губернаторство огромным, не поддающимся оперативному управлению. Поэтому в 1860 г. Муравьев-Амурский подал на высочайшее имя Записку о разделении Восточной Сибири. В ней предполагалось разделение Восточной Сибири и преобразование Приморской области в особое генерал-губернаторство во главе с военным моряком, одновременно исполняющим обязанности главного командира портов и флотилий Великого океана и имеющим право вступать в дипломатические сношения с Японией. Амурская же область оставалась в подчинении генерал-губернатора Восточной Сибири⁵². Против муравьевского проекта выступили некоторые министры, опасавшиеся, что

его осуществление повлечет за собой новые значительные расходы. Безусловно, номинальное подчинение дальневосточных земель Восточно-Сибирскому генерал-губернатору задерживало их освоение.

Проблема административного устройства и управления Сибири не раз обсуждалась в специально созданных комиссиях. Исследователь Приамурья М.И. Венюков предложил свой проект, который он изложил на заседании Русского географического общества. При этом он высказывал продуктивную идею, которая могла бы быть базовой в решении проблемы. Он считал, что необходимо было создать «такие большие административные группы, которые бы наиболее соответствовали естественным, т. е. физико-географическим, этнографическим и экономическим условиям различных частей Азиатской России»⁵³. По его проекту всю азиатскую часть России, за исключением Тобольской губернии, предлагалось разделить на четыре генерал-губернаторства: Степное, Туркестанское, Сибирское и Амурское. Было множество и других проектов, что свидетельствовало о необходимости дальнейшей разработки проблемы.

За создание Приамурского генерал-губернаторства в 1876 г. высказалось особое совещание под председательством великого князя Константина Николаевича. Начавшаяся в следующем году война с Турцией отодвинула решение административной проблемы Восточной Сибири. Но некоторые назревшие вопросы правительству приходилось все же решать. Так, должность приморского военного губернатора отделили от заведывания портами Тихого океана. С этой целью было образовано Владивостокское военное губернаторство (1880—1888 гг.). Центр управления Приморской областью был перенесен из Николаевска в Хабаровку. Вместе с тем нерешенность многих вопросов негативно отражалась на самых отдаленных территориях — Камчатке и Сахалине. Командированный летом 1877 г. на Камчатку подполковник П.Н. Козик в представленном отчете высказал опасение, что американцы могут привлечь на свою сторону местное население, так как все русское там принижено. Характеризуя местную администрацию — исправников, он писал, что это «люди без образования, без способностей к инициативе, живущие своими уз-

кими эгоистическими интересами»⁵⁴. Однако неоднократные предложения об образовании Камчатской области столица упорно игнорировала.

Сдвиг в административно-территориальном переустройстве Восточной Сибири произошел лишь в начале 80-х гг. И одна из причин этого заключалась в обострении русско-китайских и русско-английских противоречий в Азии. Военный министр П.С. Ванновский в 1882 г. выступил с планом преобразования военных округов в Сибири и предложил установить три самостоятельных военных управления: Западно-Сибирское, Восточно-Сибирское и Приамурское. Им же было предложено создать Приамурское генерал-губернаторство.

Вслед за Военным министерством с инициативой о возбуждении вопроса о создании Приамурского генерал-губернаторства выступил начальник Главного тюремного управления. Инспектируя тюремные заведения Сибири, он обратил внимание на то, что сосредоточение каторги в удаленных от Иркутска местах — на Сахалине, в Нерчинском горном округе, в Каре — «порождает страшную медленность в сношениях, что со своей стороны вызывает в местных деятелях вредные для дела апатию и распущенность»⁵⁵.

Эти и другие доводы наконец-то возымели воздействие на столичных чиновников, и в мае 1883 г. было образовано очередное особое совещание под председательством генерал-адъютанта Э.Г. Баранова «для всестороннего обсуждения и выяснения задач, предстоящих правительству в Приморском крае». Комиссия предложила разделить Восточную Сибирь на два генерал-губернаторства: Иркутское и Приамурское. В состав Приамурского генерал-губернаторства предлагалось включить Забайкальскую, Амурскую и Приморскую области и о. Сахалин. По поводу Забайкальской области в комиссии были дискуссии. Противники ее включения ссылались на территориальную отдаленность Читы от Хабаровки, на трудности налаживания почтовых сообщений (лишь летом на пароходах по рекам Шилка и Амур, а зимой — на санях). В пользу присоединения Забайкальской области выдвигались существенные аргументы: экономическая зависимость Амурской и Приморской областей от Забайкалья. А главное — в дальневосточных областях находилось мало войск, и основным контингентом

для их усиления на случай войны должны были служить казачьи войска Забайкалья.

Либеральная часть российского общества расценивала генерал-губернаторскую власть, а тем более образование нового генерал-губернаторства как атрибут старой крепостнической системы, проявление личного начала в управлении. Однако в рамках существования самодержавной власти в России оформление генерал-губернаторства на новых отдаленных землях являлось вполне логичным.

Приамурское генерал-губернаторство. В высочайше утвержденном решении Государственного совета «Об учреждении Приамурского генерал-губернаторства» от 16 июня 1884 г. говорилось: «Государственный совет... рассмотрев представление министра внутренних дел об учреждении Приамурского генерал-губернаторства, мнением положил: 1. Области Забайкальскую, Амурскую и Приморскую, а также Владивостокское военное губернаторство и остров Сахалин изъять из ведения Главного Управления Восточной Сибири и подчинить главному начальству отдельного генерал-губернатора, которому присвоить наименование Приамурского»⁵⁶.

Автором этого наименования являлся Н.Н. Муравьев-Амурский, широко им пользовавшийся. Географически новое административное образование составил крайний Восток России (Забайкалье, Приамурье, Приморье, Тихоокеанское побережье с прилегающими территориями, полуостров Камчатка и остров Сахалин). Территориально оно было самым крупным среди генерал-губернаторств и самым молодым по происхождению в более чем тысячелетней истории России. Исключительно протяженной — около 4 тыс. км с севера на юг — и сложной по административной структуре являлась Приморская область, в которую входили восемь округов: Анадырский, Петропавловский, Гижигинский, Охотский, Удский, Никольский, Софийский, Южно-Уссурийский и Командорские острова. На ее территории могли бы разместиться Австрия, Франция, Дания и Ирландия. Территория же Амурской области составляла 0,9 территории Испании⁵⁷. Приамурское генерал-губернаторство стало восьмым в Российской империи наряду с Московским, Киевским, Виленским, Варшавским, Иркутским, Туркестанским и Степным.

Новое генерал-губернаторство занимало чрезвычайно важное и ответственное геополитическое положение, характеризовавшееся многовекторностью и нестабильностью. Значительно расширившийся благоприятный выход к Тихому океану открыл возможности для участия России в морской торговле и развитии морского пароходства. Вместе с тем государство оказывалось в тугом узле сложных межгосударственных отношений. США, колонизовав Сандвичевы (Гавайские) острова, осваивали купленную за бесценок у России Аляску и Алеутские острова (1868 г.), наращивали свое господствующее положение в акватории Тихого океана. Воспользовавшись ослаблением императорской власти, Англия, Франция, Германия и США осуществляли в Китае широкую и глубокую экономическую экспансию. Вышедшая из самоизоляции Япония заявляла о своих претензиях на ведущее положение в Восточной Азии. Объективные обстоятельства требовали от России значительного усиления дальневосточного вектора своей внешней политики.

Нельзя было игнорировать и внутренние особенности нового административного образования. Ни одно из существовавших генерал-губернаторств не имело на своей территории такую протяженную часть государственной границы, как Приамурское – с Китаем (около 3 тыс. км), и морской границы (около 15 тыс. км). Это обязывало его участвовать в обеспечении национальной безопасности России на Дальнем Востоке. Ни перед одним генерал-губернаторством не стояли военно-охранительные задачи в таком масштабном объеме. Главное своеобразие дальневосточной окраины России заключалось в крайней малочисленности населения. По данным переписи 1897 г., на территории Приамурского края, занимавшего одно из первых мест в России по площади, проживало, без Забайкальской области, всего 371,8 тыс. человек⁵⁸. Для нее были характерны низкая степень заселенности региона, слабая укорененность славянского населения, отсутствие в нем прослойки дворянского сословия – социальной опоры самодержавия. Коренное население края составляли сотни кочевых и оседлых малочисленных народов, находившихся на стадии разложения первобытнообщинных отношений. На южных границах региона имелись поселения мигрантов из Китая и Кореи, имевших тенденцию к росту. В целом население Приамурского региона

носило полиэтничный и поликонфессиональный характер. Экзотику состава населения дополняли две каторги — Карийская (Нерчинская) и Сахалинская — и наличие значительной асоциальной группы людей (бывших каторжан и заключенных). Опорой центральной и местной власти являлись войска Приамурского военного округа, численность которых устойчиво росла, и молодое дальневосточное казачество.

Во многом благодаря особенностям географического меридианного положения на континенте новое административное образование обладало уникальными и разнообразными ареалами растительного и животного мира — от лишайника ягеля в предполярных землях до винограда в Уссурийской тайге, от белых медведей и морских зверей (нерпа, моржи, котики) до тигров и рысей. Настоящим богатством края являлись его огромные и ценные рыбные и лесные ресурсы. При отсутствии исследований залежей полезных ископаемых тем не менее существовали прогнозы о богатейших природных запасах нефти, угля, золота и т. д. Пока они находились в кладовых Кошья Бессмертного.

На пути освоения территории нового генерал-губернаторства Россию ожидали огромные трудности и препятствия, в особенности максимальная удаленность от политических, экономических и культурных центров страны, отсутствие транспортной инфраструктуры.

Вместе с тем с образованием Приамурского генерал-губернаторства началось формирование Дальневосточного региона России, возникли необходимые организационные, политические и экономические факторы превращения России в тихоокеанскую евроазиатскую державу. На этом пути край нуждался в повышенном внимании императорской власти, в разработке алгоритма его развития, в огромных инвестициях и взвешенной внешней дальневосточной политике.

Административным центром нового края стала Хабаровка, основанная в 1858 г. как поселение 13-го линейного батальона и названная в честь землепроходца Ерофея Хабарова. «Город Хабаровка, — отмечалось в одном из справочных изданий, — отличается своим выгодным местоположением, обещающим ему прочную будущность при дальнейшем развитии Амурского края»⁵⁹.

Во главе генерал-губернаторства стоял генерал-губернатор, который назначался непосредственно императором, вверявшим ему в самостоятельное управление определенный район, состоявший из нескольких областей или губерний. Слово «генерал» в этом случае имело первоначальное значение – «общий», «главный», то есть общий главный начальник. В решении Госсовета 1884 г., утвержденном императором, о правах и обязанностях генерал-губернатора было сказано: «Определить на основаниях, установленных для генерал-губернатора Восточной Сибири, с нижеследующими изменениями и дополнениями»⁶⁰. А дальше шел перечень не столь существенных уточнений и определений, касавшихся вопросов о надзоре за судебными местами, об утверждении в определенных случаях цен по поставкам и т. д. Управление так называемой горной частью края было оставлено в ведении горного отделения Главного Управления Восточной Сибири.

Надо сказать, что обязанности генерал-губернатора не были четко и точно очерчены. Еще в 1853 г. была издана инструкция генерал-губернаторам, которая носила скорее характер наставления, чем обязательного предписания. В инструкции говорилось, что при чрезвычайных народных бедствиях «генерал-губернатор внимает со всею подробностью в нужды пострадавших для немедленного облегчения их положения». Главный начальник «пользуется всяким случаем для указания истинных и прямых способов к разрешению и улучшению сельского хозяйства, он не оставляет без внимания фабричную, заводскую и ремесленную промышленность, направляя ее к предметам необходимых нужд и потребностей и к выгодам как производителей, так и потребителей». Очень актуально и по-современному звучит следующее наставление: генерал-губернатор «прилагает попечение к правильной разработке и пользованию естественными богатствами природы, без напрасного и несвоевременного их истощения». В целом инструкция обрисовывала, чем должен заниматься генерал-губернатор. Взаимоотношения его с центральной властью определяла исключительно вертикальная связь: центр – генерал-губернатор и наоборот. Распоряжения министров и главных управляющих по всем предметам губернского управления передавались к исполнению в губернии не иначе

как через генерал-губернатора. Предложения и просьбы края в центр мог предоставить исключительно генерал-губернатор. При этом уточнялось: «Имея право представлять непосредственно на Высочайшее усмотрение о всем, что признает нужным и необходимым, генерал-губернатор обязан пользоваться этим правом с должною осмотрительностью, для представления только о делах особой важности и в чрезвычайных ситуациях»⁶¹. Одним словом, местные администраторы не должны были докучать царю своими просьбами. Позднее генерал-губернаторам было предоставлено право издавать «сообразно с местными условиями узаконения об общественном благочинии, порядке и безопасности». Они получили также право изменять и отменять постановления, изданные подчиненными им губернаторами. Генерал-губернатор являлся блюстителем «неприкосновенности верховных прав самодержавия, пользы государства и точного исполнения законов и распоряжений высшего правительства по всем частям управления во вверенном ему крае»⁶².

Генерал-губернатор наряду с административно-гражданскими обязанностями исполнял обязанности командующего войсками военного округа, а там, где имелись казачьи войска, был и наказным атаманом казачьего войска. На должности генерал-губернаторов чаще назначались заслуженные генералы из благородного дворянского сословия. Генерал-губернаторская должность являлась престижной в императорской России в силу того, что генерал-губернатор подчинялся непосредственно императору. Высокий должностной оклад, почти равный окладу министра, немалые почести придавали дополнительную привлекательность генерал-губернаторской службе. К тому же служба на Дальнем Востоке имела немалые преференции, включавшие ускоренный срок получения наград, продвижения по ранговой лестнице, получение придворных званий, а также высокой пенсии.

Первый Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. Александр III назначил первым Приамурским генерал-губернатором 53-летнего Андрея Николаевича Корфа, барона, происходившего из знатного прибалтийского рода, генерал-лейтенанта (1878 г.), генерал-адъютанта (1879 г.). Корф — выпускник Пажеского корпуса (1849 г.), участник Кавказской войны, отли-

чился при взятии аула Ведено. Награжден орденом Св. Георгия IV степени (1859 г.). Императору импонировал не только послушной лист, но и «истинно русская» внешность барона: тучная фигура, роскошные усы и длинная раздвоенная борода.

Временный штат управления Приамурского генерал-губернатора был представлен в следующем виде: 1. Лица, состоящие при генерал-губернаторе: инспектор по тюремной части, два старших чиновника и два младших чиновника особых поручений, горный инженер, запасный лесничий, агроном — итого восемь человек. 2. Канцелярию генерал-губернатора образовывали правитель, делопроизводители и их помощники — шесть человек, журналист, переводчик, экзекутор (чиновник, наблюдавший за порядком в канцелярии) — итого десять человек. Таким образом, весь штат администрации генерал-губернатора состоял из 18 чиновников.

По мере того, как А.Н. Корф вникал в дела края, он начинал понимать, что его компетенция и административные штаты не адекватны потребностям вверенного ему обширного региона. Приамурский край являлся достаточно своеобразной территорией, чтобы компетенцию главного его начальника приравнять к компетенции генерал-губернатора Восточной Сибири. Корф обращается в столицу с обоснованным ходатайством о расширении своих прав. Прошение его медленно продвигалось по столичной чиновничьей лестнице, и только к концу первого срока он получил полномочия, расширившие его компетенцию. Приамурскому генерал-губернатору было предоставлено право разрешать в крае, по мере необходимости, иностранный каботаж и облагать таковой особыми оброками, устанавливать сборы со всякого рода судов, плавающих по рекам края и Амурскому лиману. Теперь он мог устанавливать размер оброчной подати с состоявшего в русском подданстве китайского и корейского населения края за пользование казенной землей и предоставлять льготы в платеж этой подати по особым хозяйственным условиям отдельных селений, с тем чтобы она (повинность) была не ниже взимаемой с русского населения подушной подати. На усмотрение начальника края было передано право облагать особыми сборами проживавших в крае корейцев и китайцев, если они не владели недвижимой собственностью в крае. И наконец, генерал-губернато-

ру было предоставлено право принимать китайцев и корейцев в русское подданство «с соблюдением притом предела власти, принадлежащей в сем отношении министру внутренних дел».

При этом министерства внутренних дел и финансов не собирались отдавать эти дела генерал-губернатору в самостоятельное ведение. О каждом установленном сборе он обязан был доводить до сведения соответствующего министра или главноуправляющего, а самые существенные сборы должны были вноситься в финансовые сметы соответствующих ведомств, то есть эти средства изымались из края. К тому же генерал-губернатор должен был предоставлять в МВД ежегодные ведомости о числе корейцев и китайцев в крае⁶³.

Характерным для тогдашней высшей российской администрации являлось принятие временных, половинчатых мер. Предоставленные Приамурскому генерал-губернатору права были рассчитаны только на 10 лет — до мая 1898 г. Поскольку собираемые оброки не оставались в крае, испытывавшем острый дефицит денежных средств, а шли в государственную казну, в результате всех новаций у генерал-губернатора значительно выросли только обязанности.

Столкнувшись с огромными трудностями в реализации своих обязанностей, генерал-губернатор А.Н. Корф представил на рассмотрение центральной власти проект образования отдельной Камчатской области в составе Камчатки, Командорских островов, Охотского и Гижигинского округов. В центре проект не получил поддержки.

Согласившись на второй срок губернаторства на Дальнем Востоке, барон настойчиво добивался от министерств внутренних дел и финансов увеличения штатов краевого управления. На что центр согласился, так это учредить должность помощника Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками военного округа и войскового наказного атамана казачьих войск.

В 1892 г. был издан документ «Учреждение управления Приамурского генерал-губернаторства», в котором было констатировано, что в Хабаровке состоит Амурская казенная палата, а в Чите — Забайкальская казенная палата, которые «во всех своих действиях подчиняются министру финансов». Акцизными сборами в крае заведовало Приамурское акцизное

Дом генерал-губернатора в Хабаровске. 1902 г.

управление. Для ревизии отчетности по оборотам областей существовала Амурская контрольная палата.

В 1885 г. барон справил новоселье в новом доме – резиденции генерал-губернатора на Алексеевской улице. Построенная по проекту В.Г. Мооро резиденция имела большую столовую, зал для собраний (Атаманский зал), гостиные, гостевые комнаты, малую столовую, музыкальную комнату, будуар, переднюю и комнату для прислуги. Позднее к дому были сделаны некоторые пристройки, появилась оранжерея в саду. Андрей Николаевич вместе со своей семьей, состоявшей из супруги Софьи Алексеевны и дочери Надежды, вольготно расположились в новом доме, с балкона которого хорошо был виден Амур-батюшка. С участием А.Н. Корфа был освящен построенный на главной площади просторный Успенский собор. Хабаровка постепенно обзаводилась кирпичными домами.

А.Н. Корф стремился внести в среду обитателей Хабаровки начала светской жизни. В этом незаменимой помощницей ему была супруга баронесса Софья Алексеевна, которая возглавила благотворительное общество. Постепенно балы, устраива-

емые ими в только что построенной генерал-губернаторской резиденции, стали приметой жизни Хабаровки. Андрей Николаевич любил на них в паре с баронессой станцевать модный в то время краковяк или пройтись в амурской кадрили.

Генерал-губернатор остро ощущал дефицит общения с людьми, знающими Дальний Восток, что затрудняло принятие решений по жизненно важным проблемам его изучения и освоения. Такие люди в крае появились, хотя они были рассредоточены по областям, городам, ведомствам.

В январе 1885 г. А.Н. Корф пригласил в Хабаровку всех высших чиновников, военных губернаторов, промышленников и купцов первой гильдии. Среди них были глава торгового дома В.Ф. Плюснин, предприниматель М.И. Янковский — коннозаводчик из Приморья, хабаровский купец С.Я. Богданов и другие. Все они получили от генерал-губернатора персональные приглашения. Открывая встречу, генерал-губернатор сказал, что пригласил на съезд высших чинов Приамурского края, отвечающих за его благосостояние по долгу службы, а также граждан свободных профессий, живущих в крае по зову сердца и способствующих по мере сил своим развитию в крае торговли и всяческих промыслов. Цель съезда, который сразу же был окрещен «съездом сведущих людей», А.Н. Корф сформулировал следующим образом: посоветоваться со знатоками края, «сведущими людьми» о дальнейших путях хозяйствования в Приамурье с тем, чтобы в дальнейшем совместными усилиями разработать план и программу предположений в деле ведения лесного, зверового и прочих промыслов⁶⁴. На съезде с вниманием были выслушаны речи, никаких решений не принималось, поскольку генерал-губернатор считал, что нужно все хорошо обдумать и не делать поспешных выводов. Скорее, это была ознакомительная встреча, знакомство генерал-губернатора с предпринимательским потенциалом края. Однако известие о съезде дошло до столичных газет, со страниц которых А.Н. Корф был представлен просвещенным и заботливым администратором.

Второй съезд сведущих людей, который генерал-губернатор созвал на следующий год — в 1886 г., по организации отвечал своему названию. В нем участвовали свыше 70 человек, почти треть из них составляли приезжие — чиновники, военные, предприниматели и купцы. Из них было образовано

шесть комиссий: географическая, обсуждавшая природные условия края; переселенческая; землеустройства; промышленности и рудного дела; торговая; путей сообщения. Комиссии работали самостоятельно: заслушивали доклады, обсуждали их, вносили предложения. Генерал-губернатор сообщил царю, что второй съезд «позволил получить правильный взгляд на край. Но сведений научных мало, поэтому не хотелось спешить с выводами»⁶⁵. Созданное с участием Корфа Общество изучения Амурского края (1884 г., Владивосток) вносило свою лепту в копилку историко-естественных знаний о территории губернаторства. А.Н. Корф стал инициатором разработки программы его освоения, которую в 1887 г. представил правительству. В ней были намечены основные направления деятельности на ближайшие 8–10 лет. В главных чертах она предусматривала усиление наших морских и сухопутных сил на Дальнем Востоке и усиление военной обороны края; увеличение русского населения, переселение крестьян и казаков, поддержание и развитие православия, сокращение притока населения из соседних азиатских стран; увеличение средств на народное образование в крае; преобразование администрации и реформирование судебного дела; удешевление жизни и поднятие производства в связи с улучшением путей и средств сообщения; охранение дружеских отношений с соседними государствами. Программа осталась личным делом А.Н. Корфа.

Карийская трагедия. Сахалинская каторга. А.П. Чехов на Сахалине. Будучи в Забайкальской области, генерал-губернатор Корф в августе 1888 г. посетил Карийскую каторгу, которая с 1873 г. пополнилась тюрьмами для политических заключенных, в том числе и для женщин, участниц террористической деятельности народничества против самодержавной власти. Осужденная в Киеве на пожизненную каторгу Елизавета Кавальская в 1920 г. так вспоминала тогдашнюю встречу с Корфом: «Когда вошел во двор тюрьмы Корф, я лежала на лавке, не сидела, потому что была слишком слаба в это время (*страдала туберкулезом.* — Н. Д.). Он прошел с большой своей свитой, состоявшей из его помощников, нашего коменданта, тюремных смотрителей, воинского начальника и солдат с ружьями; прошел прямо в здание тюрьмы, но, возвращаясь оттуда, круто повернул в мою сторону. Приблизившись ко мне, он раздраженно произнес:

«Встать!» Я, продолжая лежать, ответила: «Я сослана сюда за то, что не признаю вашего правительства и перед представителями его не встаю». Корф побагровел. Повернувшись к свите, крикнул: «Поднимите ее штыками». Свита растерянно топталась на месте, не приступая к действию. Продолжая лежать, я ответила: «Действуйте! Это будет в pendant к вашей речи к своим подчиненным, которую вы закончили словами: «Помните, господа, сила не в силе, а сила в любви». Корф растерялся. Спустя несколько секунд быстрыми шагами направился к выходу»⁶⁶. Очевидно, барон в такой напряженной, неприятной ситуации, да еще в присутствии свиты оказался впервые в жизни. Для него заключенные были врагами, которые семь лет назад смертельно ранили императора Александра II. Ответом на дерзость заключенных женщин, их вызывающее неповиновение, стало ужесточение тюремных порядков, уравнивание положения политических с уголовниками. Выступив в защиту Е. Кавальской, которая была отправлена в строгое одиночное заключение, Надежда Сигида дала пощечину жандармскому офицеру, за что была наказана ста ударами розог. В знак протеста 20 каторжан, уже не раз объявлявших голодовки, приняли в качестве яда медицинский препарат опия, 6 человек (4 женщины и 2 мужчины) умерли. О Карийской трагедии стало известно российской и европейской общественности.

В Приамурском генерал-губернаторстве находилась еще одна территория, которая у столичной общественности вызывала повышенный интерес, — это остров Сахалин с учрежденной на нем каторгой. Идея создания на острове пенитенциарной колонии и использование ее в освоении острова стала осуществляться почти одновременно с его заселением русскими. Известно, что первый большой транспорт осужденных прибыл в поселок Дуэ еще в 1869 г. С 1875 г., когда по русско-японскому договору власть России над Сахалином стала полной, ежегодно на остров прибывало 500–600 осужденных. По сведению Главного тюремного управления, в 1891 г. каторжан насчитывалось 5 865 человек⁶⁷. Властями предпринимались кое-какие меры для расширения участия ссыльнопоселенцев в освоении Сахалина. Были предусмотрены ссуды от казны при первоначальном обузаведении поселенческого хозяйства скотом, орудиями труда, семенами и т. д. Государственный совет в 1890 г. разрешил отпускать по тюремной части 5 тыс.

рублей на покупку для жителей острова племенного и рабочего скота. А также разрешил Приамурскому генерал-губернатору выручаемые суммы от продажи скота на острове обращать на покупку нового скота. Главной целью созданного колонизационного, или Сахалинского, фонда (учреждение государственной торговли) являлось снабжение населения острова предметами первой жизненной необходимости по возможно низким ценам. Предполагалось, что доход, полученный фондом, пойдет на дело колонизации Сахалина. Однако все эти меры не давали существенного результата. Генерал-губернатор А.Н. Корф побывал на Сахалине, встретился с чиновниками, из общения с которыми у него сложилось впечатление, что положение дел на острове вполне благополучное. Поэтому появившиеся время от времени в столичной печати заметки об ужасах Сахалинской каторги вызывали у Корфа искреннее негодование. Известие же о том, что на Сахалин направился известный русский писатель А.П. Чехов, вызвало тревожную реакцию Корфа.

Поездка А.П. Чехова на Сахалин во многом была обусловлена душевным кризисом, переживаемым молодым писателем. По собственной инициативе и на личные средства он в 1890 г. предпринял путешествие на остров-каторгу. Сначала по железной дороге, потом продолжавшееся два месяца «конно-лошадиное» странствие по Сибири, затем на пароходе по Амуру, в который Чехов, по его признанию, влюбился: «И красиво, и просторно, и свободно, и тепло»⁶⁸. «...Описывать такие красоты, как амурские берега, я совсем не умею: пасую перед ними и признаю себя нищим, — писал он в одном из писем. — Скалы, утесы, леса, тысячи уток, цапель и всяких носатых каналий... Налево русский берег, направо — китайский. Хочу на Россию гляжу, хочу — на Китай. Китай так же пустынен и дик, как и Россия: села и сторожевые избышки попадаются редко... Проплыл я по Амуру больше тысячи верст и видел миллионы пейзажей, а ведь до Амура были Байкал, Забайкалье... Право, сколько получил наслаждений, что и помереть теперь не страшно. Люди на Амуре оригинальные, жизнь интересная, не похожая на нашу. Только и разговора, что о золоте»⁶⁹.

На Сахалине Чехова встретил Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф. В беседе с писателем барон пытался представить положение каторжан «чуть ли не началом золото-

го века». «Никто не лишен надежды сделаться полноправным; пожизненности наказания нет, — с воодушевлением говорил барон, предварительно предложив Чехову записать эти суждения. — Бессрочная каторга ограничивается 20-ю годами. Каторжные работы не тягостны. Труд подневольный не дает работнику личной пользы — в этом его тягость, а не в напряжении физическом. Цепей нет, часовых нет, бритых голов нет»⁷⁰. «...Я убедился, — утверждал Корф, — что на Сахалине «несчастливым» живется легче, чем где-либо в России и даже в Европе»⁷¹. Генерал-губернатор предложил писателю записанные суждения озглавить: «Описание жизни несчастных». Чехов с присущей ему мягкостью и деликатностью по этому поводу заметил: «Я вынес убеждение, что это великодушный и благородный человек, но что «жизнь несчастных» была знакома ему не так близко, как он думал... Его похвальное слово не мирилось в сознании с такими явлениями, как голод, повальная проституция ссыльных женщин, жестокие телесные наказания»⁷².

Благородный по натуре, Андрей Николаевич был добродушным, заботливым, лояльным администратором, о котором говорили: «Живет сам и жить дает другим». Нетрудно представить, что для неустроенного края, имевшего множество проблем, зачастую требовавших жестких, рискованных решений, этих качеств было явно недостаточно.

Встретившись в очередной раз с Антоном Павловичем, А.Н. Корф между прочим спросил, не имеет ли он официального поручения от какого-либо ученого общества или газеты. Получив отрицательный ответ, барон сказал: «Я разрешаю вам бывать где и у кого угодно. Вы осмотрите здесь все, вам дадут свободный пропуск во все тюрьмы и поселения, вы будете пользоваться документами, необходимыми для вашей работы, — одним словом, вам двери будут открыты всюду. Не могу я разрешить вам только одного: какого бы то ни было общения с политическими, так как разрешать вам это я не имею никакого права»⁷³. В предписании начальника острова генерала В.О. Кононовича от 30 июля 1890 г. за писателем сразу же был установлен негласный надзор, чтобы в процессе своей работы он «не имел никаких сношений с ссыльнокаторжными, сосланными за государственные преступления, и административно-ссыльными, состоящими под надзором полиции»⁷⁴.

За три месяца и два дня пребывания на Сахалине А.П. Чехов «сделал немало. Хватило бы на три диссертации»⁷⁵. Каждый день он вставал в пять часов утра, ложился поздно и «все дни был в сильном напряжении от мысли, что многое еще не успел сделать». Он объездил все поселения, заходил во все избы и говорил с каждым каторжным или поселенцем. В одиночку он произвел перепись сахалинского населения, заполнив 10 тыс. статистических карточек. При этом писателя-гуманиста интересовали правовое положение каторжан, их духовная жизнь и нравственность, быт, наказания и побег, состояние образования и оказание медицинской помощи островному населению. Он присутствовал при наказании плетью, после чего ночи три-четыре ему снился палач... Беседовал с прикованными к тачкам⁷⁶. В одном из писем А.П. Чехов с откровенной болью писал: «...Сахалин — это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный... Мы сгноили в тюрьмах миллионы (*подчеркнуто А.П. Чеховым. — Н. Д.*) людей, сгноили зря, без рассуждения, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст, заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых смотрителей... Виноваты не смотрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно»⁷⁷.

Гражданский подвиг А.П. Чехова с сочувствием был встречен российской общественностью, получил широкий резонанс в России, выявил подлинный интерес демократических кругов к каторжному острову. Решение А.П. Чехова о возвращении домой морским путем освободило генерал-губернатора от дополнительных хлопот.

Посещение Приамурского края престолонаследником Николаем (1891 г.). Вскоре до дальневосточной окраины дошло известие о большом путешествии цесаревича Николая Александровича с непрямым посещением Приамурского края. Генерал-губернатору пришлось заранее составить программу пребывания наследника в Приамурье с учетом всех принятых в таком случае церемоний.

При царском дворе предстоящее кругосветное путешествие цесаревича Николая тщательно обсуждалось, в частности разрабатывался маршрут: после Японии — в Америку и далее до-

мой. Цесаревич отдал предпочтение маршруту: после Японии — в Россию, благоразумно решив, что Америка подождет.

Как известно, первым русским царем, дерзнувшим покинуть пределы своей страны, был 24-летний Петр Первый. Совершенное почти 200 лет спустя после петровской поездки в Европу путешествие царского наследника нельзя с ней сравнивать. «Великое посольство» молодого русского царя было многоцелевым: решение назревших внешнеполитических проблем, вербовка специалистов для работы в России, изучение царем теории и практики кораблестроения, знакомство с передовой высокоразвитой промышленностью и техническими новинками. При этом русский царь проявлял «необыкновенную любознательность и часто спрашивал о том, что значительно превышало познания тех, к кому он обращался с расспросами»⁷⁸, — свидетельствовал один из европейцев-современников. Не говорим уже о том, что царь изучал корабельное дело с топором в руках на голландских верфях.

Официально было заявлено, что целью путешествия наследника российского престола является завершение его образования, поддержание международных связей России, завязывание новых сношений с дальневосточными государствами.

Цесаревич отбыл из Гатчины 23 октября 1890 г. по железной дороге в Вену, а оттуда — в Триест. Там он и сопровождавшая его свита пересели на крейсер «Память Азова». В свите находились великие князья Георгий Александрович⁷⁹ и Александр Михайлович, а также князь Э.Э. Ухтомский — пресс-атташе, историограф этого путешествия, князь В.А. Барятинский, выполнявший роль главного распорядителя, князья В.С. Кочубей, Н.Д. Оболенский и другие товарищи Николая по Преображенскому и Гусарскому полкам. В Греции они погостили у короля Георга и королевы Ольги. Здесь к экспедиции присоединился греческий принц Георгий⁸⁰.

После Греции путешественников ожидала пышная церемония в Каире. Высшие сановники, дипломатический корпус и представители различных европейских стран засвидетельствовали свое почтение наследнику российской царской короны. Высокие гости путешествовали по Нилу, осматривали древние храмы, пирамиды. В Луксоре в резиденции русского консула специально для высоких гостей были устроены танцы восточных красавиц.

После трехнедельного пребывания в Египте крейсер «Память Азова» взял курс на Индию. Молодые офицеры вместе с цесаревичем развлекались на крейсере как могли, благо вкусной еды и хорошего вина было в избытке. Самым занятым человеком в свите был молодой офицер, сын великого русского ученого В.Д. Менделеев, профессионально занимавшийся фотографией. В оборудованной походной лаборатории он проявлял отснятый материал и печатал фотографии. Поэтому путешествие оказалось полно запечатленным на фотографиях. В каюте же графа Валериана Валериановича Муравьева-Амурского (племянника Николая Николаевича) лежали упакованные книги И.П. Барсукова о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском, предназначенные для наследника Цесаревича, князей Барятинского и Ухтомского и барона Корфа. Из Франции Екатерина Николаевна не смогла отправиться в путешествие, но была счастлива, что тот, кто носил имя ее супруга, племянник, сможет быть на открытии памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому в Хабаровке.

Перед взорами высоких путешественников мелькали азиатские страны – Индия, Цейлон, Китай, Индонезия, они пересекали моря и океаны, въезжали вглубь чужих государств на слонах, верблюдах, экспрессах и в каретах. Цесаревич охотился на тигров и крокодилов, черпал полной чашей удовольствия, предоставляемые правителями посещаемых стран. Но вот в Японии произошел эксцесс, чуть не стоивший наследнику жизни. После двух недель пребывания в Стране восходящего солнца престолонаследник и сопровождавшие его лица отправились из древней японской столицы Киото в город Отцу, где осмотрели древний храм. После окончания трапезы у губернатора в повозках-рикшах отправились в обратный путь. Не успели они отъехать двухсот шагов, как вдруг на середину улицы бросился японский полицейский и, держа саблю обеими руками, ударил цесаревича сзади по голове. Все произошло так быстро, так неожиданно, что сопровождавшие просто оцепенели. Быстрее всех оказался греческий принц Георгий, который своей саблей ослабил силу удара изувера. Позже выяснилось, что злоумышленник – психически ненормальный человек⁸¹. Японский император с семьей принес цесаревичу свои извинения. На имя российского престолонаследника пришло более тыся-

чи телеграмм со всех концов Японии со словами сожаления и сочувствия. А. Боханов в своей книге «Император Николай II» утверждает, что сабля лишь задела голову цесаревича, не причинив серьезных повреждений⁸². М. Кшесинская в своих воспоминаниях писала, что «шрам остался у наследника на всю жизнь, и он впоследствии говорил, что его мучают сильные головные боли»⁸³. Если так, то ранение цесаревича вовсе не было пустячным. Встревоженный Александр III приказал прервать путешествие и возвратиться в Россию.

О том, что наследник престола после своего путешествия на Восток посетит Приамурье, население края было заблаговременно поставлено в известность. К встрече высокого гостя, как тогда говорили, августейшей особы, готовились с подобающей торжественностью. Первым принимающим цесаревича городом являлся Владивосток. Военный порт и областной центр Приморской области Владивосток, основанный в 1860 г., имел «правильных улиц, за исключением главной Светланской, идущей вдоль берега, и некоторых прилегающих к ней, очень мало... Домов, которые по преимуществу деревянные, хотя есть и каменные, по сведениям городской управы, около 600, не считая казенных, которых, впрочем, не особенно много»⁸⁴. В 1890 г. население города составляло около 14,5 тыс. человек, в том числе русских — свыше 9 тыс., китайцев — 4 тыс.⁸⁵. В городе имелись мужская прогимназия, женское училище, мужское училище, ремесленная школа, мореходные классы. Работали заводы: механический, два пивоваренных, пять кирпичных, пять кожевенных и два известковых, а также три паровые мельницы и четыре паровые лесопилки. Первенствующее значение в жизни Владивостока имели судоходство и торговля, которые с каждым годом принимали все более широкие размеры. В 1888 г. во Владивосток пришло 88 коммерческих судов, не считая многочисленных китайских шлюпок и джонок⁸⁶.

Готовясь к встрече с цесаревичем, владивостокцы соорудили на Адмиральской пристани на общественные средства каменную триумфальную арку в русском стиле, дома разукрасили флагами, транспарантами, гирляндами и вензелями, подготовили иллюминацию. Ожидали цесаревича 11 мая. Три пушечных выстрела с приморских батарей оповестили жите-

лей о том, что крейсер «Память Азова» в сопровождении Тихоокеанской эскадры подходит к Владивостоку. Почти все население города устремилось к Адмиралтейской пристани. Навстречу эскадре вышел на паровом баркасе командир владивостокского порта контр-адмирал Ермолаев. Крейсер «Память Азова» появился под флагом наследника цесаревича. По постановке крейсера на якорь на него немедленно отправились Приамурский генерал-губернатора А.Н. Корф и военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер. Они приветствовали Его Высочество с благополучным прибытием в пределы России. Вступление наследника престола цесаревича Николая на русскую землю, происшедшее на следующий день, было обставлено со всей принятой тогда торжественностью: с поднесением городским головой от горожан хлеба-соли на серебряном блюде, с приветственной речью, с почетным караулом, с обходом собравшихся служащих, преподавателей и учащихся, с благодарственным молебном в храме. В доме военного губернатора произошло представление цесаревичу начальников отдельных воинских частей, а также представителей китайской, японской и корейской диаспор.

Программа пребывания высокого гостя во Владивостоке была довольно обширной и включала в себя участие в закладке памятника адмиралу Г.И. Невельскому, посещение учебных заведений и местного музея, где ему преподнесли красивую шкуру уссурийского тигра, участие в закладке строившегося сухого дока. Император Александр III в честь пребывания наследника всемилостивейшим манифестом объявил частичную амнистию для заключенных и ссыльных на Дальнем Востоке и в Сибири. Несомненно, центральным событием пребывания престолонаследника во Владивостоке явились торжества, связанные с началом постройки Уссурийского участка Транссибирской магистрали. По этому поводу на имя цесаревича был получен высочайший рескрипт императора Александра III, в котором говорилось: «Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений, я поручаю Вам объявить таковую волю мою по вступлении вновь на русскую землю после обозрения иноземных стран Востока, возлагаю на Вас

совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению на счет казны... Уссурийского участка великого сибирского рельсового пути»⁸⁷. Подчеркнем, что рельсы и паровоз для Уссурийской дороги были привезены на морском судне из сопровождения крейсера «Память Азова».

Как сообщалось в официальном отчете, закладка была совершена лично цесаревичем, который после выслушанного молебствия «...изволил взять тачку земли и перевезти ее на полотно железной дороги. Затем Государь Наследник Цесаревич изволил взойти в убранный и украшенный зеленью и флагами поезд и по временно проложенному пути в сопровождении своей свиты и представителей местной администрации при звуках музыки прибыть к бухте Золотой Рог, где после молебствия Его Высочеством заложено здание первого пассажирского вокзала Сибирской железной дороги»⁸⁸. Кстати, по поводу фотографии Николая с тачкой было высказано немало разных суждений. Одни видели в этом факте демократизм цесаревича, его якобы близость к народу. Другие же считали подрывом святости, благолепия царя — Божьего помазанника.

В целом во Владивостоке цесаревич пробыл 11 суток. Такая продолжительная остановка, скорее всего, была связана с ранением, которое оказалось весьма серьезным, и цесаревичу требовались квалифицированная врачебная помощь и покой. Тем не менее цесаревич принял участие во всех главных церемониях.

С момента вступления на российскую землю характер путешествия цесаревича круто изменился — теперь он оказался перед лицом своих, как считалось, богобоязненных и царелюбивых подданных, что накладывало на него серьезные обязанности. Подданные искренне приветствовали и с любопытством рассматривали невысокого стройного юношу с пригожим лицом, молчаливого, неулыбчивого, застенчивого, которому судьбой было уготовано через три года стать императором великой страны — России.

Из Владивостока высокие гости, сменив лошадей на паром, по Уссури поплыли в Хабаровку — административный центр Приамурского края. Чтобы цесаревич знал больше о своем Отечестве, перед его путешествием в Петербурге был

издан специальный путеводитель, который так и назывался — «От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича». Книга содержала множество ценных сведений о трех областях, входивших в Приамурское генерал-губернаторство, — Амурской, Приморской и Забайкальской, а также о сибирских губерниях, данные об их пространстве и поверхности, геологическом строении, климате, флоре и фауне. Имелись краткий исторический очерк о каждой области, данные о населении, промышленности, земледелии, лесном, зверином и рыбном промыслах, горном деле, торговле, путях сообщений с краткой характеристикой сел, станиц, рек, городов. Так, в путеводителе говорилось: Хабаровка «представляется центром Приамурского края, находясь почти в равном расстоянии — 900 до 1 000 верст, от главных городов края — Благовещенска, Николаевска и Владивостока, служит центром торговли пушниной, главным образом соболей. Домов в городе до 600, почти все деревянные, каменных не более 20. В 1889 г. жителей 6 939»⁸⁹.

Хабаровка с нетерпением ждала наследника престола. Подготовка к его приему началась еще в конце 1890 г. Городское управление организовало подписку среди жителей города на приобретение серебряного блюда и серебряной солонки для поднесения хлеба-соли цесаревичу, были сооружены арка и триумфальные ворота, украшенные зеленью, лентами, устроены иллюминация и фейерверк. К приезду цесаревича приурочили открытие памятника высокочтимому на Дальнем Востоке графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Специально приглашенный на открытие памятника племянник графа — капитан Генерального штаба граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский — так описал этот торжественный день в Хабаровке: «Открытие памятника состоялось 30 мая 1891 г., погода была превосходная, с утра было жарко... К 10 часам утра народ уже толпился в части городского сада, прилегающей к месту ожидавшейся церемонии. Слева перед памятником, ближе к Амуру, была разбита палатка, украшенная флагами и зеленью, предназначенная для молебствия с водосвятием. Близ палатки стали чины военного и гражданского управления, а также дамы местного общества. С другой сторо-

ны стали депутации городов Благовещенска и Николаевска и казачьих войск Амурского, Забайкальского и Уссурийского. Тут же находился старик-якут, служивший покойному графу проводником, на нем был жалованный кафтан и медаль на Андреевской ленте. Среди депутатов особенно выделялся подполковник Скобельцин Г.А., 75-летний старик, знаменитый своими рекогносцировками на Амуре и своим участием в деле при Де-Кастри, когда он вовремя явился с сотней, чтобы отбить десант союзников. На нем был мундир Амурского войска времен графа Муравьева-Амурского. Ровно в 10 часов прибыл к месту церемонии наследник цесаревич, который проследовал прямо в палатку, где тотчас и началось молебствие. Его совершал ветеран Амурских походов благовещенский соборный протоиерей отец Александр Сизой, сказавший прекрасную прочувственную речь на тему знаменитых слов митрополита Иннокентия: «Если бы, паче чаяния, когда-нибудь и забыло тебя потомство, которое будет наслаждаться плодами твоих подвигов, никогда не забудет тебя наша православная церковь...». Затем войска взяли на караул, артиллерия произвела установленный салют, а музыка, вместо обычного в этих случаях марша, исполнила так называемый Амурский марш, которым всегда начинался день на Амуре при графе Муравьеве. В числе многочисленных венков, положенных к подножию памятника, находился и присланный от лейб-гвардии Финляндского полка серебряный венок с надписью «от общества офицеров лейб-гвардии Финляндского полка в память графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому, доблестно начавшему службу в рядах Финляндского полка. С.-Петербург, 1891»⁹⁰.

Выполненный выдающимся русским скульптором А.М. Опекушиным, сооруженный надобровольные пожертвования тысяч дальневосточников и сибиряков 16-метровый памятник являлся по размерам самым крупным в России. Твердо опираясь левой ногой на якорную цепь, бронзовый граф держал в руках подзорную трубу и свиток Айгунского договора, давая понять, что позиция России на Дальнем Востоке незыблема. Ценно, что памятник был не только Н.Н. Муравьеву-Амурскому, но и его сподвижникам, соратникам, соработникам. На четырех бронзовых досках, размещенных по

Открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. 30 мая 1891 г.

сторонам постамента, были выгравированы около 70 имен непосредственных активных участников процесса возврата Приамурья и присоединения Приморья к России. Среди них имена двух женщин – Екатерины Николаевны, супруги генерал-губернатора Н.Н. Муравьева, и Екатерины Ивановны, супруги начальника экспедиции Г.И. Невельского – как признание заслуг этих отважных женщин, сполна разделивших со своими мужьями трудности и лишения жизни в необжитом краю.

Большое сходство памятника с графом признавали не только старые амурцы, но и Екатерина Николаевна, которая в письме М.С. Волконскому призналась, что «статуя замечательная, налицо явное сходство с оригиналом». А старушка Паскулова, которая неоднократно принимала у себя в Буссовой Муравьева, увидев памятник, рассказывала: «Я обомлела, когда увидела графа, он точно живой, и у меня полились слезы...»⁹¹. Нанайцы же, проплывавшие по Амуру, называли скульптуру на Амурском утесе «каменным человеком».

После торжественного освящения памятника наследник престола посетил сооруженный при памятнике инвалидный дом, где его встретила баронесса С.А. Корф — председательница местного благотворительного общества, в ведении которого находились призреваемые инвалиды. Как было принято, на благотворительные учреждения цесаревич Николай жертвовал весьма значительные суммы денег. Он осмотрел город, побывал в учебных заведениях и на артиллерийском складе.

В село Вятское, расположенное от Хабаровки вниз по Амуру, пароход цесаревича со свитой прибыл для встречи с волостными старшинами, представлявшими население низовья Амура, в том числе, как тогда говорили, инородцев — нанайцев, ульчей и других народов Приамурья. После традиционного хлеба-соли высокие гости стали зрителями живописного состязания — лодочной гонки по Амуру. Как стрелы, неслись нанайские лодки вверх по реке, имея на каждой по несколько гребцов — мужчин и женщин в ярких своеобразных национальных костюмах. Гонка представляла чрезвычайно эффектную красочную картину. Рулевому и гребцам лодки, первой пришедшей к назначенному месту, наследник вручил приз, остальные участники гонки были им тоже щедро награждены.

Пароход с цесаревичем отправился в Хабаровку в сопровождении множества лодок, гребцы которых несколько верст старались не отстать от парохода. Потом, поднявшись со своих мест в лодках, они долго махали уходящему пароходу берестяными шляпами.

Этот день закончился блестящим торжественным приемом в честь наследника русского престола, его в своей резиденции дал Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф.

Цесаревич преподнес Хабаровке коллекцию книг, внося тем самым свой вклад в интеллектуальное развитие ее жителей.

Утром 31 мая, пробыв в Хабаровке двое суток, цесаревич вместе со свитой отбыл вверх по Амуру на пароходе «Граф Муравьев-Амурский» в направлении третьего крупного города российского Дальнего Востока — Благовещенска. По Амуру проходила граница России с Китаем. Часто пароход с высоким гостем приветствовали стоявшие на русском берегу празднично одетые жители сел и станиц. Пароходы сделали стоянки в

Михайлосеменовской, Екатериноникольской, Раддевской, Иннокентьевской, Поярковой казачьих станицах, которые были основаны в 1857–1858 гг. и стали крупными станицами Амурского казачьего войска. Так, Екатериноникольская (названа в честь супруги Н.Н. Муравьева-Амурского Екатерины Николаевны) насчитывала около 21,2 тыс. жителей, остальные – от 250 до 600 человек. В каждой станице находились церковь, школа, телеграф, почтовая станция.

Общение цесаревича со своими подданными, жившими в одной из самых молодых в империи областей – Амурской, происходило следующим образом. Два парохода с наследником и сопровождавшими его лицами приставали к берегу, на котором располагалась станица. На пароходе играл оркестр Хабаровского гарнизона. Все жители, от мала до велика, приветствовали цесаревича, которому подносили хлеб-соль. Он проходил через специально выстроенную арку, украшенную зеленью и лентами, и, обращаясь к построенному отряду казаков, говорил: «Здорово, казаки!» – и слышал в ответ: «Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество!» Казачий отряд демонстрировал джигитовку. Затем цесаревич проходил в церковь, где слушал краткий молебен, после которого удалялся на пароход. Пароходы отчаливали под возгласы приветствий стоявших на берегу людей, некоторые казаки на конях еще долго сопровождали пароходы. Казалось, что цесаревича не слишком трогали эти встречи. Он был спокоен, молчалив и не любопытен. Как правило, он ни о чем не спрашивал своих подданных, ничем не интересовался, и к нему никто не обращался с просьбами и прошениями. Один из авторов восторженного описания путешествия наследника по Амуру обратил внимание лишь на два небольших эпизода, когда наследник хоть как-то проявил себя. Посетив офицерский барак, цесаревич стал выдавать подарки и призы отличившимся на скачках офицерам, которые, ошалев от радости, громко выражали свои восторги. Цесаревич призвал их к тишине, которая сразу же стала, как говорится, гробовой. Другой эпизод связан с девушкой, которая, очевидно, от волнения, протянула букет цветов стоявшему рядом с наследником офицеру. Тогда цесаревич сам взял букет, сказав: «Это, верно, мне, а не ему».

За всю многодневную поездку по Амуру цесаревич лишь однажды проявил настоящий интерес к происходившему. Было это в станице Поярковой во время джигитовки казаков. Десятилетний казачонок несколько раз проскакал, стоя головой на седле с вытянутыми вверх ногами. Смотревший на это зрелище с борта парохода цесаревич приказал: «Дайте мне его сюда». Командир Амурского полка полковник Винников снял мальчика с коня и принес его на руках на пароход. Цесаревич спросил казачонка: «Как твоя фамилия?» «Влас Тюменцев», — смело и громко ответил казачонок. Взяв мальчика за руку, наследник увел его к себе в каюту, а потом привел обратно: ручонки мальчика были наполнены серебряными рублями. Амурские казачата неизменно привлекали внимание цесаревича. Они изо всех сил старались показать высокому петербургскому гостю свои умения в джигитовке. Не обошлось и без несчастного случая. В одной станице во время скачки вечером при кострах один казачонок упал вместе с лошастью и ушибся. Цесаревич дважды отправлял посыльного справиться о здоровье мальчика и разрешил пароходу отчалить от берега только после того, как медик, сопровождавший наследника, лично осмотрел мальчика и сообщил, что ушиб не опасен.

Путешествие наследника престола по Амуру стало для амурских казаков поводом продемонстрировать свое искусство джигитовки, показать свою удаль и ухарство. Наследнику рассказали, что сотник Амурского казачьего войска Д. Пешков в 1890 г. совершил выдающийся пробег Благовещенск—Петербург на лошади монгольской породы по имени Серый. Казак преодолел расстояние в 8 282 версты за 162 дня. В столице его ждали как героя. По приказанию военного министра молодому сотнику устроили торжественную встречу. А один американец предложил за Серого 30 тыс. рублей. Но Пешков не согласился, сказав, что казаку продавать свою лошадь — это бесстыдство⁹².

В станице Поярковой цесаревичу понравился серый конь старшего вахмистра, видного молодого казака Тимофея Коренева. Генерал-губернатор А.Н. Корф в шутку спросил казака, может ли он поспеть на своем коне к завтрашнему дню в Благовещенск, чтобы иметь счастье состоять там в конвое Его Высочества. Утвердительный ответ казака вызвал сомнение у

Отбытие наследника цесаревича из Хабаровки. 31 мая 1891 г.

Корфа. Но на другой день казак на своем красавце коне, проскакав 118 верст, прибыл в Благовещенск, чтобы оказаться в конвое и услышать похвалу от цесаревича. Числясь в конвое, Тимофей на этом же коне проскакал еще 44 версты до Маркова и там получил от цесаревича заслуженный подарок — часы с цепочкой.

В Благовещенске — административном центре Амурской области — цесаревич пробыл два дня. Основанный графом Н.Н. Муравьевым-Амурским Благовещенск в начале 90-х гг. XIX в. являлся самым крупным по населению городом на российском Дальнем Востоке. В нем проживало свыше 20 тыс. жителей. В городе имелись духовная семинария с духовным училищем, церковно-приходская школа, мужская прогимназия и женская гимназия, два народных училища, городской общественный банк. Промышленное производство было представлено чугунолитейным, водочным, двумя пивоваренными заводами и четырьмя паровыми мельницами. Благовещенск являлся центром быстро развивающейся в области золотодобычи⁹³.

Главным было посещение Градо-Благовещенского кафедрального собора. В клировых ведомостях собора это событие

описано так: «На западном клире собора Его Императорское Высочество был встречен Его Преосвященством (в полном облачении) и духовенством (12 чел.) и соблаговолил выслушать краткое сердечное приветствие Владыки. Поцеловав святой крест и приняв окропление святой водой и благословение от Его Преосвященства, проследовал в собор, предшествуемый Его Преосвященством и духовенством, став... перед иконою пресвятой Богородицы, государь цесаревич благоговейно выслушал краткую литию. После многолетия Его Преосвященство подошел к государю цесаревичу, предложил ему облобызать святой крест, затем, обратив внимание цесаревича на местную святыню — икону «Слово-Плотобыста» (Албазинская Божия Матерь), вкратце сообщил историю сей честной иконы. Внимательно выслушав Преосвященника, цесаревич, благоговейно преклонил колена перед сею иконою и, набожно осенив себя крестным знамением, позволил приложиться к ней. После сего Владыка поднес цесаревичу нарочито приготовленную копию с сей иконы в серебро позлащенным с эмалью окладом»⁹⁴. Цесаревич посетил Благовещенскую мужскую прогимназию. По желанию августейшего путешественника она была преобразована в полную восьмиклассную гимназию. В актовом зале, где собрались все ученики и преподаватели, ученик VI класса «имел счастье обратиться с приветствием к Его Императорскому Высочеству» в стихах, которые заканчивались так:

Цвети ж, любовьию венчаный
Наш Цесаревич Николай,
Цвети, наследник Богоданный,
И всюду счастье разливай!

Хор учеников стройно и с воодушевлением исполнил гимн «Славься, славься, наш Русский царь!» Николай Александрович осмотрел физический кабинет и библиотеку. Он остался доволен посещением прогимназии, где встретил среди молодежи искреннее обожание, услышал многочисленные пожелания счастья и процветания. На прощание он сказал директору прогимназии: «У вас все хорошо!»⁹⁵

Было замечено, что среди встречавших цесаревич выделял старых амурцев, сподвижников графа Муравьева-Амурского. Он беседовал с первым амурским священником А. Сизым,

расспрашивал отставного войскового старшину Г.А. Скобельщина, других немногочисленных современников графа, с которыми был особенно щедр, выдавал им пособия и подарки.

Как полагалось, Николай собственноручно раздавал подарки: часы для станичных атаманов, перстни – командирам сотни, портсигары офицерам, кольца, свои фотографические портреты и т. д. Особо одаривал церкви, которые в основном были деревянными и бедными по убранству, а также священнослужителей. Первому священнику на Амуре, ветерану амурских сплавов, благовещенскому протоиерею Александру Сизому он вручил золотой наперсный крест, усыпанный бриллиантами. Посетив Никольскую церковь в Благовещенске, сделал щедрое пожертвование на возобновление храма, сказав: «Отныне я буду покровителем и почитателем храма сего»⁹⁶. От имени цесаревича подарки также раздавал кто-нибудь старший в свите.

Из Благовещенска путь цесаревича пролегал дальше в основном на лошадях через Нерчинск, Читу, Иркутск, Красноярск, Томск, Оренбург, Москву. В Петербург он прибыл 4 августа, где с большой радостью его встретили родственники.

В письме своему другу великому князю Александру Михайловичу, написанном через несколько дней, цесаревич, оправдываясь за свое молчание, признавался: «...Подумай сам, где мне было сыскать время в Сибири, когда каждый день и без того был переполнен до изнеможения. Несмотря на это, я в восторге от того, что видел, что только устно могу передать впечатление об этой богатой и великолепной стране, до сих пор так мало известной и (к стыду сказать) почти незнакомой нам, русским! Нечего говорить о будущности Восточной Сибири и особенно Южно-Уссурийского края»⁹⁷.

А во время зарубежной части путешествия наследник в одном из писем выразил совсем противоположное мнение: «Моя поездка бессмысленна, дворцы и генералы одинаковы во всем мире, а это единственное, что мне показывают. Я с одинаковым успехом мог бы остаться дома»⁹⁸. В Приморье, Приамурье, Сибири цесаревич общался не только и не столько с генералами и посещал не только дворцы. Девственная природа Дальнего Востока, могучий Амур, отважные русские люди, закрепившиеся на его берегах, не могли не тронуть сердце це-

саревича. Выражаясь высокопарным языком, Э.Э. Ухтомский сделал вывод: «Посещением престолонаследника на дальней окраине закладывали твердый фундамент нашему крепнущему в Восточной Азии величью...»⁹⁹. До величия было далеко, но что дальневосточная окраина произвела сильное впечатление на будущего царя — это несомненно.

За время поездки по Приморью и Приамурью цесаревич впервые в жизни так близко увидел многие сотни людей из низших сословий — крестьян и казаков, разряженных девиц, баб в платках, массу детворы, незамысловатые дома, скромные, а часто и убогие школы, с бедным убранством церкви. Но сколько было проявлено простыми людьми при встрече наследника дружелюбия, радушия, идущих от православных сердец! Все это убеждало цесаревича в правоте усвоенной с детства идеи о богобоязненном и царелюбивом характере подданных в России, о непреходящей ценности православия, самодержавия, народности. С этой уверенностью он взойдет на российский престол и будет править великой Россией.

На телеграмму Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа, поздравившего цесаревича Николая с благополучным возвращением в Петербург, наследник престола ответил следующей телеграммой: «Сердечно благодарю вас, войска, казаков и жителей Приамурского края за поздравление с приездом домой. Никогда не забуду приемов, оказанных мне во время проезда по этому краю будущего. Николай»¹⁰⁰. Спустя некоторое время на поздравительную телеграмму цесаревичу с днем тезоименитства в Хабаровку пришла телеграмма, в которой Николай писал: «Душевно благодарю казачьи и регулярные войска Приамурского края за поздравление. Радостно вспоминаю о моем пребывании в крае»¹⁰¹. Итак, наследник престола радостно вспоминал о своей поездке по «краю будущего». Вполне возможно, что эти слова явились не только выражением вежливости, но и искренних чувств, вызванных восхищением отважными русскими людьми, пришедшими на край материка обживать новые богатые земли России. В этих словах Приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф мог увидеть признание и своих усилий по организации поездки наследника по Приморью и Приамурью.

Наступивший 1893 год являлся девятым годом губернаторства Андрея Николаевича на Дальнем Востоке. Прошедшие за эти годы изменения в жизни края внушали оптимизм. Успешно выполнялись изыскания вдоль железнодорожной трассы (Уссурийской), которая должна соединить Владивосток с центром края – Хабаровкой. С каждым годом увеличивалось организованное переселение крестьян в Южно-Уссурийский край. Развивалась организация морских перевозок из Владивостока и Николаевска на Амуре в Японию, Корею, Китай, было усовершенствовано судоходство на главной водной магистрали – реке Амур. Поддержка русских предпринимателей усилила их деятельность в области лесоразработок и рыбных промыслов, золотодобычи в Приамурье, в разведке каменного угля и нефти на Сахалине. Возбужденный вопрос об охране от истребления котиков Командорских островов получил поддержку в центре. Радовало развернувшееся строительство школ, в особенности в казачьих станицах. В январе 1893 г. в Хабаровке начал свою работу третий съезд сведущих людей, с участием более сотни участников, ставший своеобразным итогом деятельности генерал-губернатора А.Н. Корфа. В речи на съезде оратор остановился на практических результатах деятельности участников предыдущего съезда, сравнив положение края в 1885 и в 1892 гг. «Все сведения, сообщенные мне тогда о крае, – сказал он, – оказались верными и точными, в чем я имел возможность лично убедиться при моих последующих многократных и внимательных объездах края. Все, что было намечено съездом, оказалось и верным, и практичным, и я постоянно находил разрешение каждого вопроса именно в том направлении, которое было намечено съездом»¹⁰². Еще не все приезжие участники съезда покинули Хабаровку, как стало известно, что генерал от инфантерии, генерал-губернатор Приамурского края А.Н. Корф скоропостижно скончался. Ему было 62 года.

Андрея Николаевича похоронили в Успенском соборе как первого генерал-губернатора края и почетного гражданина города¹⁰³. Почетное звание ему было присвоено городским сходом города еще в 1885 г. Но тогда Корф выразил согласие на принятие звания «не ранее как по оставлению службы». Теперь же оно принадлежало ему по праву. За время губернатор-

ства А.Н. Корф был произведен в чин генерала от инфантерии и награжден орденами Белого Орла и Св. Александра Невского с бриллиантовыми знаками.

В телеграмме императора Александра III, присланной вдове баронессе Софье Алексеевне Корф, выразалось монаршее соболезнование, а сам генерал, ушедший в лучший мир, назван честным, полезным и незаменимым человеком.

Память о А.Н. Корфе – первом Приамурском генерал-губернаторе, первом почетном гражданине Хабаровска – сохранилась на Дальнем Востоке: его имя носят железнодорожная станция и рабочий поселок, находящиеся вблизи г. Хабаровска.

ПОМОЩНИК
ПРИАМУРСКОГО
ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОРА

В начале марта 1893 г. император Александр III назначил новым генерал-губернатором Приамурского края, командуящим войсками военного округа и наказным казачьим атаманом Приамурских казачьих войск пятидесятипятилетнего генерал-лейтенанта Сергея Михайловича Духовского. Около 17 лет он служил на Кавказе, а последние 14 лет являлся начальником штаба Московского военного округа. Генерал Духовской и его супруга Варвара Федоровна (урожденная княжна Голицына, представительница старинного аристократического рода) встретили назначение на Дальний Восток с воодушевлением. По словам Варвары Федоровны, муж «сделал быстрый скачок из начальников штаба в генерал-губернаторы»¹⁰⁴. При этом она констатировала, что в Москве им жилось спокойно, но она «рада-радехонька» покинуть ее в погоне за разнообразием». На обеде, куда были приглашены все амурцы, находившиеся в столице, конечно, и Н.И. Гродеков, гене-

рал Духовской появился в новом казачьем мундире с желтыми кантами и лампасами, в атаманской папахе.

Ценившие комфорт Духовские отвергли пароход Добровольного флота и решили добираться до Хабаровки необычным путем – через Париж, Нью-Йорк, Японию и Владивосток. Багаж же – 130 ящиков, в том числе с роялем и каретой, – был отправлен на российском пароходе. Пустившись в путь в самом начале июня, они добрались до Хабаровки по Уссури в начале сентября 1893 г.

Есть немало книг, которые, не имея научного значения, сохраняют аромат времени, какие-то значимые детали и наблюдения, позволяющие красочно представить и познать навсегда ушедшую жизнь. Именно такой является книга «Из моих воспоминаний» В.Ф. Духовской, написанная на основе дневниковых записей. Перескажем с ее слов встречу нового генерал-губернатора в Хабаровке.

С палубы парохода Духовские увидели высоко на горе собор и большой генерал-губернаторский дом с развевающимся на нем генерал-губернаторским флагом. На горе с батареей салютовали пушки, пристань была разукрашена зеленью и флагами, битком набита народом, войска расставлены шпалерами. Когда они сошли на берег, городской старшина поднес С.М. Духовскому хлеб-соль на роскошном серебряном блюде и произнес речь. Депутации от китайского и корейского обществ также поднесли хлеб-соль. Генерал-губернатор получил шесть серебряных блюд, несколько металлических, деревянных и хрустальных. Варваре Федоровне надарили много букетов с разноцветными лентами. С пристани процессия двинулась по крутой горе вверх на площадь. На всем пути Духовской здоровался с войсками, со всех сторон гремела музыка. Подошли, наконец, к собору. Собор очень большой, иконостас весь посеребренный, певчие на хорах чудно пропели концерт Бортнянского. Еще в Москве Сергей Михайлович заказал серебряный венок барону Корфу, похороненному в соборе, и сам возложил венок на его могилу. При выходе из собора, почти вплоть до генерал-губернаторского дома, были расставлены воспитанники разных учебных заведений, которые подносили Варваре Федоровне букеты цветов, бросали цветы ей под ноги. Генерал-губернатор и его супруга были довольны «совсем царской встречей».

Фотография на память. В центре — Н.И. Гродеков. Справа от него — генерал-губернатор С.М. Духовской и военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер, покидавший Дальний Восток в связи с получением нового назначения. 1897 г.

В октябре 1893 г. С.М. Духовской получил из Петербурга телеграмму. В ней сообщалось о назначении помощником Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками военного округа и наказного атамана Приамурских казачьих войск генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова. Это был выбор самого Духовского, ценившего генерала Гродекова как опытного военачальника, талантливого литератора и как человека высоких морально-нравственных качеств. Николай Иванович был оставлен по делам службы в Петербурге до отхода из Одессы на Дальний Восток первого парохода Добровольного флота. За полгода, проведенные в столице в ожидании начала навигации, Н.И. Гродеков смог немало сделать для края. Обивая пороги министерств и ведомств, он ускорил продвижение многих важных ходатайств и принятие благоприятных для края решений. В ноябре 1893 г. Николай Иванович телеграфировал о том, что по высочайшему повелению Хабаровка (название это для центра обширного края звучало несколько несолидно) переименована в город Хабаровск. Гродеков установил связи со многими просветительско-культурными центрами столицы на предмет оказания помощи Приамурью, со-

действовал скорейшему учреждению первой краевой газеты. Со 2 января 1894 г. в Хабаровске начала еженедельно выходить газета «Приамурские ведомости». Первым ее редактором стал Михаил Яковлевич Сибирцев. По окончании Петербургского университета, получив диплом кандидата естественных наук, поручик Орловского полка Сибирцев по личному желанию при содействии П.П. Семенова-Тян-Шанского был переведен на службу в Приамурский военный округ. Образованного молодого офицера заметил С.М. Духовской и назначил его исполнительным редактором газеты «Приамурские ведомости» и заведующим типографией, открытой через два года при канцелярии генерал-губернатора. Оставаясь на военной службе, М.Я. Сибирцев немало сделал для становления газеты краевой администрации. В марте 1897 г. он ушел в запас и покинул редакторскую должность¹⁰⁵. Редактором газеты стал Антон Петрович Сильницкий, тоже военный, увлекавшийся журналистикой и краеведением. Типографией стал заведовать И.С. Иконников. В официальном отделе газеты публиковались все касавшиеся края распоряжения центрального правительства, а равно распоряжения местных властей, от генерал-губернатора до начальников округов. В неофициальной части отмечались события текущей жизни, много места отводилось для обсуждения различных нужд края, публиковались статьи, зачастую представлявшие материал для составления ходатайств по тому или иному вопросу в министерства и ведомства. С самого начала редакция газеты видела свою задачу в том, чтобы осуществлять связь между населением края и его высшей администрацией. Генерал Духовской высказал желание, чтобы ходатайства и представления, нацеленные на улучшение быта населения, отправляемые им правительству, с помощью газеты «Приамурские ведомости» «получали бы широкую гласность». Сразу же начали издаваться «Приложения» к каждому номеру газеты, где публиковались материалы местных административных органов, телеграммы Русского телеграфного агентства, объявления. Газета стала «летописью текущих событий в жизни Приамурского края», сборником материалов по различным административно-экономическим вопросам. Вслед за «Приамурскими ведомостями» стали выходить «Амурская газета» и «Камчатские Епархиальные ве-

Дом помощника Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа. 1896—1897 гг.

Кабинет Н.И. Гродекова. Не ранее 1895 г.

домости» в Благовещенске, «Жизнь на восточной окраине» в Чите и «Байкал» в Кяхте.

Ревизия Н.И. Гродековым каторги на острове Сахалин. В марте 1894 г. пятидесятилетний генерал-лейтенант Гродеков отправился на первом пароходе Добровольного флота из Одессы в большое морское путешествие. С этого времени переселенцы на Дальний Восток стали добираться морским путем. В дороге сильное впечатление на Николая Ивановича произвел Суэцкий канал (открытый в 1869 г.), он с интересом взирал в Порт-Саиде на статую Лессепса — автора этого грандиозного сооружения. Благополучно прибыв во Владивосток в середине апреля, Николай Иванович с открытием навигации первым же пароходом отправился на о. Сахалин. Еще будучи в Петербурге, он получил телеграмму генерал-губернатора Духовского с предписанием произвести ревизию о. Сахалин. «Благоволите подробно ознакомиться с делами главно-тюремного управления»¹⁰⁶ — говорилось в ней. Во Владивостоке он получил необходимые бумаги, в том числе и подписанную Духовским программу ревизии каторжного острова.

Срочная ревизия Сахалинской каторги навряд ли являлась инициативой Духовского. Скорее всего, это было повеление столичных властей, связанное с общественным резонансом, который получили главы книги А.П. Чехова «Остров Сахалин», опубликованные в 1893 г. журналом «Русская мысль»¹⁰⁷, а также с растущими расходами казны на содержание каторги. Но главная причина, по всей вероятности, заключалась в том, что министр иностранных дел Японии обратился к российскому коллеге с просьбой оградить Японию от беглых каторжан с о. Сахалин¹⁰⁸. Правительству необходимо было принять меры по прекращению увеличивавшихся в последнее время побегов с каторги.

Сахалинские чиновники разных мастей ждали нового ревизора с опаской и суетой. Вдруг пришло извещение: по желанию генерала никаких арок, подношений и вообще парадной встречи не делать. Начальник острова пытался скорректировать маршрут инспекционной поездки Н.И. Гродекова. А ссыльнокаторжное население острова жило с надеждой на справедливость и облегчение. Познакомившись с недавно назначенным начальником острова генерал-майором В.Д. Мер-

*Команда крейсера «Разбойник» во время поездки
Н.И. Гродекова на Сахалин*

казиным и отдав необходимые распоряжения, Н.И. Гродеков сразу же приступил к ревизии Корсаковского округа. О своих первых впечатлениях он телеграфировал С.М. Духовскому: «Подробно осмотрел 19 поселений: Владимировка, Галкино, Кресты, Хомутовка отлично выстроены, достаточно скота, кормятся от земли без помощи казны... Во Владимировке есть водяная мельница, школа, учитель ссыльный. В округе имеется две каменные мельницы»¹⁰⁹. И вместе с тем «крестьяне только мечтают переселиться на материк. Остаться навсегда здесь заявили единицы»¹¹⁰. «Вообще хорошие хозяйства там, где есть женщины, — заметил ревизор. — ... Необходимо назначить в Корсаковский округ больше женщин, вообще дать сюда больше средств — стоит того»¹¹¹. Наряду с этим Гродеков сообщил и о таких деталях, как передача японским консулом образцов открытой японцами на острове медной руды, о доставке во владивостокский музей частей скелета кита, выброшенного на берег у Корсакова. Маршрут высокого ревизора пролегал с юга на север острова. В телеграмме, отправленной

1 мая, Гродеков сообщал: «Осмотрел тюрьмы Александровскую, Дуйскую, Воеводскую, Рыковскую, Онорскую, 10 селений, есть селения, не подающие надежды... Водворение новых чрезвычайно трудно. Материала собрано много, но времени недостаточно для полной ревизии»¹¹².

Неординарное поведение генерала, так не похожее на пребывание на Сахалине генерал-губернатора А.Н. Корфа, привело сахалинских чиновников в шоковое состояние. Ссылный И.М. Миролюбов вспоминал: «Начальник округа и смотритель тюрьмы до того растерялись, что вдруг ни с того ни с сего публично на площади в присутствии самого генерала стали громко обвинять друг друга. Эта уличная сцена сильно запечатлелась в моей памяти. Еще неделю тому назад это были сахалинские князья, перед которыми трепетали бесправные рабы каторги. А теперь они сами потеряли из-под ног почву и чувствуют себя жалкими, несчастными и бессильными»¹¹³.

Рыковских чиновников озадачило решение генерала ехать на Онор. И.М. Миролюбов так это описал:

«— Туда ехать нельзя теперь, — замечает Гродекову начальник округа. — Недавно снег стаял, а потому реки вышли из берегов, да и мокрые места еще не просохли.

— А поселенцы? Ходят же они как-нибудь?

— Да, они пробираются по вязкой дороге пешком, и места им приходится месить грязь по колено и выше.

— Дойдем и мы!

...Начальник округа окончательно упал духом. Он знал, что раскроются грустные картины»¹¹⁴.

За три недели пребывания на Сахалине Николай Иванович осмотрел все поселки, все тюрьмы, рудники, побывал во всех школах, церквях, богадельнях, беседовал с сотнями сахалинцев.

Пристально наблюдали за действиями нового ревизора политические ссылнокаторжные, в том числе Бронислав Пилсудский¹¹⁵, который в письмах своему другу ссылно-административному Льву Яковлевичу Штернбергу¹¹⁶ подробно сообщал о действиях Гродекова и о их восприятии населением. «Работал генерал так, как могут разве люди исключительные, сильные, воодушевленные какою-нибудь идеей. С 6 утра до 11, а то и позже вечера. Никаких гостей, никаких прогулок,

Обитатели Корсаковской тюрьмы. 1894 г.

отдыхов, приемов. Все дела, работа»¹¹⁷, — писал он 8 мая. В сопровождении своих помощников генерал заходил в избы поселенцев, дотошно расспрашивал их и неспешно выслушивал рассказы о житье-бытье. обстоятельно был изучен вопрос о размещении новых поселков и пригодности местных почв для ведения земледелия. Наиболее удобным для заселения был признан район Онора. По свидетельству Б. Пилсудского, генералу понравилась тюрьма в Оноре, где смотрителем был Козарский, которого он «благодарил за хорошие порядки и за то, что показал ему тюрьму такой, какую она есть всегда»¹¹⁸.

Несмотря на то, что начальник Тымовского округа А.М. Бутаков уверял ссыльных своего округа, что «он всех представит в крестьяне», если они не станут беспокоить генерала своими жалобами, ссыльные не послушались его. «Здесь все смекнули, что ревизия и генерал необыкновенны. То, что он остановился в школе, не принял присланных Бутаковым закусок и велел все покупать, что... не раз обрезывал и обходился с ним резко, облетело быстро все селение»¹¹⁹. После же того, как Н.И. Гродеков приказал записать улики на Бутакова, рассказанные местной правдоискательницей и обличительницей, ранее получавшей за подобные поступки сотни розог, посыпались жалобы, просьбы. «...Всех генерал выслушивал

очень обстоятельно и задавал массу вопросов об из жизни»¹²⁰, причем многое приказывал записывать чиновнику, присутствовавшему при приеме посетителей. Б. Пилсудский сообщал: «Обращение, по словам всех, такое деликатное и сердечное у Гродекова, что все, которые с трепетом идут к здешнему начальству и теряют способность говорить с ним, чувствуют себя вполне свободно, при первых его словах им становится так легко, как бы камень с сердца сваливался, и развязываются языки»¹²¹. Удивительно, что автор письма характеризовал общение Н.И. Гродекова со ссыльными — в данном случае с людьми, в прошлом совершившими тяжкие уголовные преступления, — как «деликатное и сердечное». Генерал не только умом, но и сердцем понимал трагедию этих несчастных людей и желал облегчить им судьбу. Его адъютант, принимая прошения, говорил поселенцам, «чтобы по отъезде их, если притеснения будут продолжаться, писали к генералу Гродекову»¹²², чтобы нашли какую-нибудь возможность переслать просьбу.

В письме Б. Пилсудский привел следующие заключительные, прощальные слова Н.И. Гродекова, обращенные к местным чиновникам: «Много, много я интересного здесь узнал и жалею, что время не позволяет мне побыть дольше; есть и промахи, но это бы ничего, господа, а жестко, жестко здесь вы обращаетесь с людьми». Поразительно, что Н.И. Гродеков пожелал местным чиновникам — начальникам округов, смотрителям и начальникам тюрем, во многом очерстневшим и несчастным людям, — «прежде всего сердца, сердца»¹²³.

Ревизия генерала Н.И. Гродекова вызвала у Б. Пилсудского уважение, он противопоставил ее инспекции барона А.Н. Корфа и других. Гродеков «не кричал, не придирался, но и не пиршествовал»¹²⁴. Ссыльнокаторжные надеялись, что инспекционная поездка Гродекова принесет много полезного для несчастного населения Сахалина. И казалось, что эти надежды стали оправдываться. В письме к другу 19 мая 1894 г. Пилсудский писал о «новом направлении, заданном Гродековым»: «Бутаков превежлив с просителями. Обращается мягко и рассудительно». «...Во время свидетельства новой партии он приказал надеть всем шапки, заботился о том, чтобы они не устали, разрешил в своем присутствии садиться. Шли по тюрьмам тоже по своему желанию. На Онор очень много же-

лающих». Начальник Рыковской тюрьмы стал «даже здороваться с командой, наказаний почти что нет»¹²⁵.

Однако запас учтивости и вежливости у чиновников быстро исчерпался. Уже в июне Пилсудский писал другу: «Что-то затягиваются всякие ожидаемые реформы... как-то тоскливо становится. Будет ли что лучше или опять пойдет все по-старому? Уехал Гродеков, и вскоре поубирали рабочих с расчистки поселенческих участков в новых селениях»¹²⁶.

Приехав в Хабаровск, Н.И. Гродеков обобщил результаты ревизии в нескольких докладных записках на имя генерал-губернатора. Николай Иванович сделал попытку разобраться в на шумевшем на Сахалине так называемом «онорском деле», сведения о котором проникли не только в русскую, но и в зарубежную прессу. О нем он подготовил целый доклад для генерал-губернатора¹²⁷. Суть дела заключалась в следующем. В 1892 г. было решено продолжить дорожные работы и телеграфную линию для соединения села Рыковского с постом Корсаковским. Для этих работ предназначалось 500 ссыльнокаторжных. Из Тырмовского округа вместо 150 здоровых работников на стройку были направлены люди прямо с прибывшего парохода, большей частью горцы и степняки, не адаптированные к местным климатическим и природным условиям. Тяжелая работа на стройке, жестокие наказания привели к тому, что среди ссыльнокаторжных распространилось членовредительство (люди специально ранили себе руки и ноги), 13 человек умерли, начались побег.

Гродеков считал, что бедственное положение, в которое были поставлены ссыльнокаторжные, работающие на онорской просеке, произошло от полной нераспорядительности начальника округа сотника Бутакова, уполномоченного надзирателя Ханова, поощрявшего телесные наказания каторжан. По мнению Гродекова, Бутаков должен быть немедленно отстранен от должности с привлечением его к следствию в качестве обвиняемого¹²⁸. Столь же решительно генерал высказался и о надзирателе Ханове: немедленно уволить с должности. Если окажется, что врач ни разу не посетил рабочих на просеке, привлечь и его к ответственности.

Одна из задач ревизии заключалась в том, чтобы найти пути сокращения расходов казны на содержание каторги. Труд

каторжных на Сахалине не компенсировал казне даже тех денег, которые ежегодно расходовались на занятия работами¹²⁹. В целях экономии средств, отпускаемых казной на содержание Сахалинской каторги, Гродековым были разработаны следующие предложения: о замене в рационе каторжан гречневой крупы рисом, который обходился в два раза дешевле; о переводе войск и ссыльнокаторжных на довольствие соленой рыбы, заготавливаемой на Сахалине (принято было привозить рыбу, в том числе и сельдь, с материка); об установлении строгого контроля начальника острова за перевозкой и хранением провианта, поскольку были вскрыты его большие пропажи.

Генерал пришел к убеждению, что сооружение на Сахалине тоннеля, рельсовой дороги и телефонной линии следует отнести к числу сооружений, «не оправдываемых потребностями»: «Было бы гораздо полезнее заняться не громкими, но крайне необходимыми предприятиями по расчистке тайги под пашни для поселенцев, по проведению грунтовых дорог и пр.»¹³⁰. Он полагал необходимым не сокращать отпуск казенных средств на училища, но, наоборот, увеличить их, чтобы дать возможность назначать учителей не из числа ссыльнокаторжных, а из лиц, имеющих соответствующий образовательный ценз. Гродеков предложил передать все училища на Сахалине в ведение Министерства народного просвещения, а до этого продолжать отпускать училищам 4 тыс. рублей¹³¹.

По установившемуся на острове обычаю не только чины тюремного ведомства, но и другие чиновники и офицеры бесплатно пользовались прислугой из ссыльнокаторжных. Смотритель Дербинской тюрьмы Овчинников, эксплуатируя труд каторжан, завел оранжерею и парники, в которых произрастали дыни, арбузы и земляника. Всего в услужении на острове находилось около 500 человек. Гродеков предложил внести плату за использование труда ссыльнокаторжных женщин и мужчин, находившихся в услужении, что допускалось законом. Деньги должны были поступать в казну.

При ревизии были вскрыты серьезные нарушения в распределении так называемых «зарабочих» денег. На основании закона из вырученного дохода за отчислением стоимости использованного на работе материала в вознаграждение ссыльнокаторжных должна была отчисляться одна десятая часть; из

оставшейся суммы одна половина должна обращаться в доход казначейства, а другая — поступать в пользу тюрьмы, на вознаграждение арестантов, занятых работами по хозяйству, и на ремонт инструмента. Закон этот грубо нарушался: деньги в основном шли на награды чиновникам. Генерал предложил на выдачу наград испрашивать разрешение губернатора, причем к наградам представлять лиц, действительно заведовавших работами¹³².

Были обнаружены серьезные нарушения законов, касавшихся ссыльнопоселенцев. Вопреки закону крестьянам и ссыльным запрещалось продавать свои дома, что затрудняло их переезд на материк. По мнению Гродекова, это могло негативно сказаться на дальнейшей жизни крестьян на новом месте. «Не в целях правительства выпускать на материк людей неимущих, — писал Николай Иванович. — Продав свои дома, крестьяне приобретут средства, с помощью которых твердо станут на новых местах и сделаются полезными членами общества»¹³³.

Несколько ссыльнопоселенцев обратились с прошением к ревизору о переводе их в звание крестьян. В нарушение закона их не переводили, потому что устроенные ими дома были крыши не тесом, а корой или соломой. Гродеков предложил отменить это распоряжение начальника острова как «не имеющее основания».

Беззаконие допускалось и в отношении женщин свободного состояния, прибывших к своим мужьям на каторгу, им запрещался переезд на материк, где они могли бы добыть средства к существованию.

Вывод о том, что местное начальство не оказывает помощь ссыльнопоселенцам, Гродеков подтвердил родившейся на Сахалине поговоркой: «Настоящая каторжная работа не на каторге, а когда выпускают на поселение».

Генералом были вскрыты незаконные действия начальствующих лиц в отношении заключенных, факты содержания их в кандалной камере без всякого законного основания. С Сахалина он привез и долго хранил в своем архиве чертеж «кобылы» — специальной скамьи, к которой привязывали наказуемого, и рисунок треххвостой плети весом 1,5 фунта. После 60–80 ударов такой плетью кожа превращалась в окровавленные клочья, и человек терял сознание.

Будучи человеком исключительной честности, аккуратным и добросовестным, Н.И. Гродеков смог вскрыть множество правонарушений и злоупотреблений на Сахалине. Многие из его предложений были приняты генерал-губернатором и стали реализовываться, уменьшались злоупотребления и правонарушения. Некоторых наиболее жестоких, озлобленных, зарвавшихся чиновников освободили от службы, перевели в другие места. Конечно, это не могло привести к кардинальным переменам в жизни островитян. Каторга продолжала существовать по присущим ей законам. Знание быта жителей острова помогло Н.И. Гродекову в дальнейшем адекватно решать сахалинские проблемы, принимать участие в облегчении судеб отдельных ссыльнокаторжан.

Таким образом, служба Н.И. Гродекова на Дальнем Востоке началась с подробного изучения Сахалинской каторги, и это как бы духовно связало его со знаменитым русским писателем А.П. Чеховым. Оба они проявили в отношении несчастных обитателей острова сочувствие и гуманность и, в конечном счете, внесли лепту в ликвидацию каторги на Сахалине.

Инспекторская поездка Гродекова на остров свидетельствовала, что в высшей администрации Приамурского края появился человек высоких нравственных качеств, настроенный заботиться о благе населения дальневосточной окраины России.

Вопрос о порто-франко. В 1894 г. правительством возбуждается вопрос о закрытии порто-франко и создании таможенной структуры в Приамурском крае. Впервые вопрос о введении пошлинного обложения ввозимых в край товаров и продуктов и установлении таможенного надзора был инициирован правительством в 1892 г. Тогда А.Н. Корфу при опоре на мнение представителей общественности края удалось доказать центру несвоевременность этих мероприятий. Два года спустя правительство вновь вернулось к проблеме, которая для населения края была исключительно чувствительной. В Приморскую область из столицы прибыла экспедиция под началом действительного статского советника, члена совета при министре финансов Н.П. Забугина, которая изучила вопрос на месте.

Деятельное участие в формировании позиции администрации края по вопросу об отмене порто-франко и введении

таможенной системы принял Н.И. Гродеков. Он возглавил созданную генерал-губернатором комиссию по обсуждению проекта таможенного тарифа. К участию в ней привлекались представители глав хабаровских торговых фирм. Записка Гродекова «Об устройстве таможенного и пограничного надзора в Приамурском крае» была приложена к письму генерал-губернатора Духовского, отправленному в правительство. И в письме, и в записке авторы предлагали вводить таможенные обложения в крае поэтапно, на отдельные товары, учитывать своеобразие Приамурского края, его территории и т. д.

Знакомясь с краем, Духовской целый месяц провел во Владивостоке и Посъете, за пять недель объехал Сахалин, Камчатку и Командорские острова, полтора месяца провел в Благовещенске, Чите, Кяхте и Нерчинске. В целом губернатор проехал весь обширный край с востока на запад, от Командорских островов до Читы, 7 200 верст. В Забайкалье он странствовал по опустошенной наводнением местности. В ответ на просьбу Духовского о помощи пострадавшим от наводнения правительство направило в край 60 тысяч рублей¹³⁴. От сильного наводнения пострадало Приморье: поселения Раздольное и Полтавка оказались под водой, хлеб, дрова крестьян унесло водой. Очевидно, получив сообщение губернатора о бедствии, государь пожертвовал из личных средств 10 тыс. рублей пострадавшим¹³⁵.

В 1894 г. в Хабаровске состоялись первые выборы в Хабаровскую городскую думу (распорядительный орган), создана городская управа (исполнительный орган).

Резонансным стало публично выраженное С.М. Духовским несогласие с председателем Комитета министром Витте по поводу направления линии южной части Сибирской магистрали. Вопрос обсуждался в Комитете Сибирской железной дороги. Витте настаивал провести трассу через китайские земли — Маньчжурию, что, по его мнению, значительно удешевит строительство. При царившем на совещании согласии присутствовавших с С.Ю. Витте один генерал-губернатор Духовской энергично выступил против предложенного направления магистрали. «При малейшем желании Китая, — говорил он, — линия будет подвержена риску полного уничтожения, и придется тратить громадные суммы на охрану дороги». Тем не

менее Комитет поддержал Витте. В воспоминаниях В.Ф. Духовской, которая, по ее словам, не вникала в дела супруга, этот эпизод дан деликатно. «Многие находят, что постройка эта преждевременна и неосторожна, и сожалеют, что вместо железной дороги по нашим областям... будет строиться дорога по чужому государству. Говорят, что если ее и построят успешно, то все-таки езда по ней не будет безопасна»¹³⁶.

В сентябре 1895 г. С.М. Духовской отправился в отпуск, а затем летом 1896 г. присутствовал на торжествах, посвященных коронации Николая II. От Приамурья генерал-губернатор представил царю две депутации — гражданскую и казачью. Депутации преподнесли государю и государыне в подарок четыре роскошных серебряных блюда, две иконы, мантилью и боа из черных соболей. Духовской отсутствовал в крае почти целый год. Обязанности генерал-губернатора исполнял Н.И. Гродеков.

Первая Всероссийская перепись населения на Дальнем Востоке (1897 г.). Н.И. Гродеков принимал энергичное участие в проведении в крае в 1897 г. Первой всеобщей переписи населения. Вместе с местными чиновниками, занимавшимися переписью, он был награжден медалью «За труды по Первой всеобщей переписи населения 1897 г.».

Воспользуемся данными переписи, чтобы наметить контуры социально-демографической ситуации в Приамурском крае.

Главное своеобразие дальневосточной окраины России заключалось в крайней малочисленности населения. По данным переписи в 1897 г., на территории Приамурского края, занимавшей одно из первых мест в России по площади, проживало, без Забайкальской области, всего 371,8 тыс. человек. И Приморская, и Амурская области имели плотность населения менее одного человека на квадратную версту¹³⁷. Поэтому важнейшим фактором, влиявшим на заселение и освоение края, становились миграционные процессы, что придавало своеобразие демографической ситуации, изменениям социальной структуры, течению всей общественной и культурной жизни в крае.

Известно, что в числе первых переселенцев в Приамурье находились забайкальские казаки, которые были, скорее, подневольными колонистами, отправлялись на Амур более по приказу, чем по желанию. В 1895 г. начали переселяться в Приамурье казаки с Дона, из Оренбуржья.

Крестьянское переселение в XIX в. значительно уступало казачьему. По подсчетам дальневосточного исследователя Л.И. Галлямовой, до 1881 г. темпы переселения крестьянства в Приамурье составляли в среднем 684 человека в год, в то время как казаки ежегодно прибывали в край по тысяче и более человек¹³⁸. И только с 90-х гг. переселение крестьян приобрело доминирующий характер.

Практика принудительного переселения рабочих в 50–60 гг. не оправдала себя. С 70-х гг. значительно увеличился поток рабочих-отходников на добровольных началах, чему способствовало открытие золотых месторождений в Амурской области и Приморье. Частные предприятия, администрации Владивостокского военного порта, Хабаровского арсенала и другие выписывали специалистов, квалифицированных рабочих из центральных промышленных районов, заключая с ними контракты.

Существенное влияние на демографическую ситуацию на Дальнем Востоке и на его освоение оказывало размещение в крае морских и сухопутных вооруженных сил. Следует подчеркнуть, что солдаты и матросы наравне с казаками были среди первых поселенцев Амура, основателями многих населенных пунктов, включая Благовещенск, Владивосток, Хабаровск. Численность армии и флота на Дальнем Востоке России постоянно наращивалась, и в условиях острого дефицита рабочей силы рядовой состав широко использовался на различных хозяйственных работах, на сооружении зданий и прокладке дорог, телеграфных линий, на заготовке лесоматериалов и угля, погрузочно-разгрузочных работах. На судоремонте трудились рядовые флота. В декабре 1894 г. были созданы специальные железнодорожные части, предназначенные не только для охраны, но и для эксплуатации Уссурийской железной дороги. Солдаты работали телеграфистами, станочниками, электриками. Генерал-губернатором С.М. Духовским был издан приказ, по которому солдаты, окончившие службу, могли оставаться еще на три года в крае, наниматься на разные работы. Им гарантировали отправку на родину за казенный счет. Запасным, оставшимся в крае на жительство, предоставлялось право выписывать свои семьи за казенный счет. Эти меры стимулировали участие уволенных из армии и флота солдат

и матросов в заселении и освоении края. Уже в 1896 г. в крае осталось 250 уволенных в запас солдат и матросов, и с каждым годом число их росло. Удельный вес их среди горожан в среднем составлял 5–6 процентов¹³⁹.

В деле освоения Приамурья царское правительство придавало важное значение штрафной колонизации. Справедливости ради надо сказать, что по сравнению с Сибирью здесь она имела скромные размеры (за исключением о. Сахалин). Тем не менее приметой быта городов являлась прислуга из бывших ссыльнопоселенцев.

Находясь в сфере активных миграционных волн из зарубежья – Китая, Кореи, Японии, дальневосточный край стал магнитом для выходцев из этих стран. Правила о заселении Амурской и Приморской областей (закон 26 марта 1891 г.) предусматривали поощрение иностранной колонизации. Тогда же возникли различные проекты создания в крае чешских, прусских, австрийских и других колоний. Однако ни один из этих проектов осуществлен не был¹⁴⁰. Зато с середины 70-х гг. стал наблюдаться активный приток на российский Дальний Восток отходников из соседней Маньчжурии, прибывших на заработки на золотые прииски, лесные и морские промыслы, в города на новостройки, угольные копи и т. д. В 80-е гг. в Приамурье нелегально проживало от 3 до 5 тыс. китайских отходников. Кроме того, в Амурской области, согласно Айгунскому трактату, продолжало проживать около 15 тыс. зазейских дауров, маньчжуров, китайцев. В 90-е гг. в связи с массовым привлечением маньчжурских рабочих на строительство Уссурийской железной дороги численность подданных Дайцинского государства в Приамурье резко возросла и имела устойчивую тенденцию к дальнейшему росту.

Заключенная в 1884 г. российско-корейская конвенция легализовала как подданных России тех корейцев, которые эмигрировали в Приморье из-за свирепого голода. Корейцы, эмигрировавшие в край после 1884 г., считались временно пребывающими на территории России. По переписи в Приморье проживало 26,1 тыс. корейцев, которые в большинстве были заняты земледельческим трудом.

Играя довольно скромную роль в процессе заселения края (сказывались цивилизационные различия), иммигранты из

азиатских стран оказывали большое влияние на состояние рынка труда, численность, стоимость и распределение рабочей силы.

Как подтвердили данные переписи, дальневосточный край оставался самой слабозаселенной окраиной России, в связи с чем сохранялась и имела тенденцию к росту зависимость ее рынка труда от внешних источников трудовых ресурсов. На составе населения и в особенности на перспективе его роста отражалось неблагоприятное соотношение полов. И это со всей очевидностью показала перепись. Среди населения Амурской области доля женщин составляла 43,2 процента, в Приморской области — 31,7 процента, на о. Сахалин — 27,1 процента¹⁴¹. Низкий процент женского населения являлся дестабилизирующим фактором, негативно влиявшим на закрепляемость новоселов, усиливавшим подвижность населения.

Вместе с тем данные переписи свидетельствовали о том, что в крае активно шел процесс роста населения. По сравнению с 1861 г. общая численность населения здесь выросла в 6,7 раза. При этом городское население росло гораздо быстрее всего остального — оно выросло в 10 раз. Численность наиболее крупных городов Приамурского края, по данным переписи, выглядела следующим образом: Владивосток — 28 896 человек, Хабаровск — 14 933, Благовещенск — 32 606, Николаевск — 5 666, Чита — 11 480¹⁴². Данные свидетельствуют, что в конце XIX в. самым населенным городом в Приамурье являлся Благовещенск. Росту населения в городе способствовали развитие золотодобычи в области, создание в городе предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции (мукомольное производство). Вторым по численности населения был Владивосток, морской порт с быстро развивающейся торговлей. Административный центр края Хабаровск хотя и занимал третье место по численности населения, но уступал Благовещенску и Владивостоку в 2,5 и 2 раза соответственно.

Почти 77 процентов населения края проживало в городах. Значительная доля его падала на чиновников, военных, купцов и их семьи. Вполне очевидно, что города являлись центрами освоения края. В то же время было ясно, что городской социум в условиях оторванности от центральных российских

районов без роста сельского населения, без развития земледелия успешно развиваться не сможет.

Данные всеобщей переписи населения дали в руки вдумчивому администратору богатый материал для аналитического осмысления демографической ситуации на российском Дальнем Востоке и проявления инициативы в мерах по ее улучшению.

Пути, дороги. Наряду с малозаселенностью серьезной проблемой края являлось отсутствие путей сообщения, которое имело следующие последствия: дороговизна товаров, медленные темпы оборота капитала в местной торговле и промышленности, низкий уровень их развития и как следствие – крайняя дороговизна жизни, что негативно отражалось на быте всего населения, в особенности служащих.

Большие надежды в решении сложных социальных проблем возлагались на строительство Уссурийской железной дороги. Завершенное под руководством инженера О.П. Вяземского сооружение южной части Уссурийской железной дороги позволило с 1894 г. начать прокладку ее северного участка. Сооружение линии в значительной степени оказалось возможным благодаря участию в нем железнодорожных войск. Всего в сооружении дороги участвовало 17 420 солдат.

31 августа 1897 г. из Владивостока вышел поезд, в котором находился О.П. Вяземский, а из Хабаровска – поезд с С.М. Духовским, Н.И. Гродековым и другими начальствующими лицами. Поезда встретились у станции Духовская (с 1903 г. станция Верино), чтобы символически и торжественно завершить сооружение дороги. Прибывшие вбили последние рельсовые скрепы и дружно грянули «ура!», разнесшееся по окружающей тайге. 1 сентября из Хабаровска во Владивосток вышел первый поезд, «отдававший честь» строителям первой железной дороги в крае, о которой мечтал Н.Н. Муравьев-Амурский. Сооружение Уссурийской железной дороги справедливо расценивалось как «новая эра в истории края». Гродеков считал, что имя О.П. Вяземского и имена инженеров-строителей, навеки закрепленные в названиях станций, будут читаться подобно именам лиц, содействовавших закреплению Амурского края за Россией. Именами инженеров, работавших на постройке Уссурийской железной дороги под руко-

*Новостройки на станции Хабаровск Уссурийской железной дороги.
1896–1897 гг.*

водством О.П. Вяземского, были названы станции и разъезды Прохаско, Дормидонтовка, Дубинский, Кругликово, Дроздов, Кнорринг, Гедике, Краевский, Красицкий, Розенгартовка, Снарский, Свягино, Эбергардт, Барановский, Вяземский. «Вместе с вами и всем населением Приамурья, – говорилось в телеграмме Николая II, пришедшей на имя генерал-губернатора, – радуюсь окончанию постройки Уссурийской железной дороги, заложенной мною во Владивостоке по желанию моего незабвенного родителя. Дай Бог, чтобы этот участок Сибирской железной дороги принес краю ожидаемую пользу и послужил мощным двигателем на пути мирного процветания далекой окраины России»¹⁴³.

Не раз посещая стройку, Гродеков отмечал проявление солдатами организованности, дисциплинированности и самоотверженности в работе. Ему принадлежала идея об увековечивании подвига солдат – железнодорожников. Он обратился к Николаю II с ходатайством о возведении в Хабаровске монумента в честь участия войск в постройке Уссурийской железной дороги. А 29 мая 1900 г. возле вокзала (тогда деревянного) состоялось торжественное открытие обелиска. На медной доске его высеченные слова гласили: «Повелением императора Александра III Уссурийская железная дорога начата построй-

кой 19 мая 1891 г. 31 августа 1897 г. в царствование императора Николая II ее постройка закончена. Войска Приамурского военного округа, будучи призваны к сооружению этого пути, значительную часть его выполнили своим трудом. Да свидетельствует этот памятник, что воины уссурийские, стоящие грозным оплотом на отдельном участке империи, умеют служить Отечеству как оружием, так лопатой и топором. Слава русскому солдату» (очевидно, что текст принадлежал Н.И. Гродекову). Подлинным украшениемobelиска являлся венчавший его мощный двуглавый орел с распластанными крыльями¹⁴⁴. Хабаровчане прозвали памятник «Орел». Он стал в молодом городе вторым после открытия в 1891 г. на Амурском утесе монумента Н.Н. Муравьева-Амурского.

Поскольку судоходство по Амуру и рекам Амурского бассейна затруднялось ежегодно повторяющимися мелководьями, особенно Шилки, Верхнего Амура и Усури, правительством было принято решение об исследовании р. Амур на участке от станции Покровская до Хабаровска (протяженностью 17 890 верст). С этой целью в 1894 г. Министерством путей сообщения на Амур была командирована на два года особая экспедиция под начальством инженера Быстржинского¹⁴⁵. Обширные работы экспедиции, проводившиеся в системе рек Амурского бассейна, пользовались особым вниманием генерал-губернатора и его помощника, их покровительством и содействием.

Правительству России через посланника в Пекине при деятельном участии генерала Духовского удалось получить согласие правительства Дайцинской империи на плавание пароходов по р. Сунгари и покупку русскими купцами в маньчжурских городах хлеба, скота и разных товаров. 7 июня 1895 г. из Хабаровска на Сунгари отправился снаряженный купцами Богдановым и Тифонтаем пароход «Телеграф». Так началось русское торговое судоходство по Сунгари¹⁴⁶.

С.М. Духовской возбудил ходатайство об учреждении на реках Амурского бассейна специальной войсковой казачьей флотилии. Это ходатайство было удовлетворено отпуском из казны 130 тыс. рублей, на которые в 1896–1897 гг. приобретены казачьи войсковые пароходы «Казак Уссурийский» и «Атаман», катер «Дозорный» и две большие баржи.

Памятник воинам-строителям Уссурийской железной дороги. 1902 г.

Будучи наказным атаманом, С.М. Духовской являлся сторонником увеличения состава казачьих войск и повышения их благосостояния. Он поддержал проект атаманов казачьего войска об отводе казакам земельного массива на всей границе на 15 и более верст в глубь страны. Из общего количества 14 927 десятин земли Амурскому войску было передано 5 785 десятин, Уссурийскому – 9 142¹⁴⁷. Эта акция вошла в историю как «отвод Духовского».

О смягчении «суровости жизни». В своем всеподданнейшем отчете С.М. Духовской подчеркнул, что условия жизни в Приамурском крае «нельзя назвать привлекательными». Климат не благодатный, жизнь сурова, во всех сферах недостатки и трудности. Краевой властью предпринимались немалые усилия, чтобы помочь страдающим и обездоленным, внести в жизнь населения элементы цивилизации и культуры. Сергею Михайловичу удалось выхлопотать в столице ежегод-

ное ассигнование в размере 37 тыс. рублей для поддержки всех учебных заведений края¹⁴⁸. До этого Министерство народного просвещения выделяло лишь одну тысячу, и многие учителя работали безвозмездно. Сеть народного образования пополнилась новыми училищами и гимназиями.

Центрами общественной и культурной жизни Хабаровска стали Общественное собрание, Военное собрание и генерал-губернаторская резиденция. Варвара Федоровна Духовская, избранная председателем благотворительного общества, принимала личное участие в организации и проведении лотереи в Общественном собрании. Многие частные лица и магазины прислали на ее имя предметы для выигрышей в первой лотерее, среди которых были лошадь, корова, два теленка, медвежонок, двадцать поросят и пять кроликов. Чистый сбор тогда составил около 2 800 рублей. В Военном собрании в пользу благотворительного общества проводились спектакли и концерты. Иногда в них участвовала и Варвара Федоровна — играла на мандолине с аккомпанементом и в квартете. Помощь оказывалась бедным, престарелым, увечным, неспособным к труду, больным. На воспитание бедных детей выдавались ежемесячные и единовременные пособия и т. д. Малоимущим больным в аптеке бесплатно выдавались лекарственные препараты. Главным же событием города становится устраиваемая в Атаманском зале новогодняя елка, на которую приглашались кадеты, гимназисты, дети с родителями. Устройство новогоднего праздника для детей превратилось в городскую традицию. В 1895 г. детский приют Хабаровского благотворительного общества получил специально построенное кирпичное здание, которое благодаря благотворителям было полностью обустроено.

Внешилолитические проблемы. Н.И. Гродеков тщательно изучал историю, современные социально-экономические проблемы, военный потенциал сопредельных с Россией стран — Японии, Китая, Кореи. Он внимательно следил за ходом соперничества между недавно вышедшей из самоизоляции Японией и слабеющим маньчжурским правлением Китая. Из-за борьбы за сферы влияния в Корею в 1895 г. произошла Китайско-японская война, окончившаяся полным поражением Китая. Военные действия, развернувшиеся между двумя соседними странами, заставили российское правительство быть начеку. Весной

Елка в Атаманском зале генерал-губернаторского дома. Слева направо: Н.И. Гродеков, В.Ф. Духовская и М.С. Духовской. 1893 г.

1895 г. была проведена мобилизация войск Приамурского военного округа. За труды во время успешно проведенной мобилизации генералу Гродекову было объявлено «монаршее благоволение», высочайшим приказом пожалована серебряная медаль в память императора Александра III¹⁴⁹. Для Приамурья на этот раз все ограничилось мобилизацией. Но эти события стали поводом для подготовки генералом Гродековым «Секретной записки военному министру об учреждении русской военной инструкторы в Китае»¹⁵⁰. В ней он отмечал, что война в значительной степени выяснила политические отношения и задачи двух главных азиатских держав. Вместе с тем она пролила свет на целый ряд вопросов, которые до этого представлялись в известной мере «сомнительными и гадательными». Стало очевидным стремление Японии занять на азиатской части материка господствующее положение, небезопасное для интересов не только Китая, но и европейских государств. «Для нас как бы еще рельефнее выдвинулось громадное значение Приамурья, бывшего доньше предметом если не пренебрежения, то во

всяком случае далеко не заслуженного невнимания», — считал автор записки. Самим правительством Китая, писал генерал, откровенно было заявлено «о полной негодности китайской армии». «Авторитет европейских инструкторов в Китае, которые обучали китайские войска, значительно подорван. А между тем Россия заинтересована в Китае», — считал Гродеков. «Свойственные Китаю обособленность и замкнутость, с одной стороны, и наша собственная инертность, с другой, создали веками беспрецедентное явление — полное незнание и отсутствие почти всякой общности интересов между двумя монархиями», — писал он. По его мысли, Россия могла бы участвовать в обучении армии соседней империи. «На территории Маньчжурии, — писал Гродеков, — мы могли бы ограничиться образованием здесь по одному учебному пехотному и кавалерийскому полку и одной учебной батарее. Вся организация учебного отряда должна быть всецело установлена нашими офицерами». Эта записка еще раз подтвердила широту взглядов и стратегическое мышление генерала и во многом их отсутствие у военных службистов в столице.

Зимой 1896—1897 гг. Гродеков совершил большую поездку по странам Азии. 26 октября на пароходе «Владимир» он покинул Владивосток и посетил порты Кореи, затем Японии. Его внимание привлек японский порт Нагасаки, наиболее посещаемый русскими. Он нашел здесь несколько русских лавок, в которых можно найти все, к чему русский человек привык на Родине, — от ржаного хлеба до смирновской водки. Оказалось, что русский язык в Нагасаки был довольно распространен. По наблюдению генерала, милитаризм пустил глубокие корни по всей Японии. Его поразило такое зрелище в окрестностях Нагасаки: школьники производили «военные маневры на две стороны». У многих школьников имелись ружья, из которых они вели стрельбу. В Токио школьники ходили строем с ружьями, распевая военные песни.

Гродеков посетил много достопримечательных мест Японии: восхитился Киото, радовался русскому православному храму в Токио, который японцы называли «Николай», по имени русского миссионера епископа Николая, посетил несколько выставок. «Что за прелесть фарфор, ковры, циновки, вышивки в национальном стиле», — восторгался он. По его на-

Н.И. Гродеков и С.М. Духовской (на переднем плане второй и третий слева) в Хабаровске во время прохождения гарнизона перед домом генерал-губернатора. Март 1897 г.

Офицеры лагерного сбора под Хабаровском с японскими гостями во главе с генералом Каваками. Во втором ряду четвертый слева — генерал Н.И. Гродеков. Август 1897 г.

блюдению, простой японец вежлив, деликатен, услужлив, «объевропеенный» — нахал и невежа. Все старое от прежних времен, завещанное — прекрасно. Из европейских нововведений много карикатурного, бесполезного, считал он. Из Японии направился на Филиппины, побывал в португальской колонии Макао, затем в Камбодже, Сиаме (Таиланде), Гонконге. В Китае он посетил Кантон, Шанхай и Ханькоу. Газета «Приамурские ведомости» начиная с 30 марта 1897 г. печатала путевые впечатления Гродекова под заголовком «По странам Дальнего Востока». «Мы имеем возможность познакомиться с путевыми впечатлениями генерала Гродекова по его рассказам, в которых встречается немало любопытного и поучительного, — считала редакция газеты. — Эта поучительность приобретает для нас тем большее значение, что с каждым годом увеличивается число русских людей, посещающих страны Дальнего Востока, и с увеличением населения на наших побережьях Тихого океана»¹⁵¹.

Много времени и сил Гродеков отдавал войскам военного округа. Имея богатый армейский опыт, он щедро делился им с молодыми офицерами. Участвуя в 1897 г. в маневрах войск в Южно-Уссурийском крае, нашел их выучку отличной. Если генерал Духовской любил участвовать в торжественных смотрах и парадах войск, то генерал Гродеков предпочитал будничную кропотливую работу в среде военнослужащих. Он мог появиться на солдатской кухне и попробовать пищу прямо из котла, чтобы удостовериться в том, что солдат кормят сытно. Он мог оказаться в солдатской казарме и проверить, поддерживаются ли в ней чистота и порядок, тепло ли в ней солдатам. По предложению генерала в Хабаровском гарнизоне создается экономическое общество военнослужащих, которое давало возможность небогатому служилому люду получать товары первой необходимости по ценам, почти равным ценам в Европейской России. Этот пример нашел поддержку в гарнизонах других городов Приамурского края. Деятельность экономических обществ благотворно отразилась не только на бюджете офицеров и гражданских чиновников, но и содействовала урегулированию цен на все купеческие товары. В это время у Николая Ивановича появилась сердечная привязанность. Ею стал Приамурский отдел Императорского Русского географического общества (ПО ИРГО).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ И ПОКРОВИТЕЛЬ ПРИАМУРСКОГО ОТДЕЛА ИРГО

Его превосходительство... принял под свое руководство молодое, только что основанное ученое общество и с любовью и преданностью отдался ему, посвящая все свои досуги на служение ему.

(Из отчета ПО ИРГО за 1894–1895 гг.)

При существовавшей централизованной системе власти и управления, когда почти все обращения с мест в центральные властные структуры шли исключительно через генерал-губернатора, естественно, что и позитивные, благоприятные для края решения не только связывали с именем главного начальника края, но и целиком приписывали ему. Так случилось и с историей организации Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. «Своим возникновением и развитием отдел обязан Духовскому С.М., – утверждалось в одной из тогдаш-

них статей. — ...Он вдохнул в него душу, поставил его деятельность на путь пользы Отечеству и науке»¹⁵².

Насколько же справедливо это категоричное и однозначное суждение, прочно вошедшее во все публикации?

Прибывший на новое место службы в Хабаровку в сентябре 1893 г. С.М. Духовской, не имевший отношений с ИРГО, навряд ли имел возможность сразу же озаботиться организацией местного его отдела. В первую очередь важно было познакомиться со служащими администрации, чиновниками ведомств, вникнуть в обязанности главного начальника края, командующего войсками и наказного казачьего атамана. А между тем среди хабаровчан был человек, которого по-настоящему волновала проблема объединения интеллектуальных сил в изучении края. Этот человек — Василий Николаевич Радаков, тайный советник (соответствует армейскому чину генерал-лейтенанта), военно-медицинский инспектор Приамурского военного округа, много лет занимавшийся зоологическими и антропологическими исследованиями. От него С.М. Духовской и получил докладную записку, в которой обосновывалась назревшая потребность в организации в Приамурье отдела ИРГО. В ней он представил уникальный характер природы Дальнего Востока. «Природные условия Приамурского края в высшей степени разнообразны и характеристичны, — считал он. — В нем полярная природа сталкивается почти с тропической; тундра и тайга сталкиваются со степями и с подтропической флорой и фауной. Русские, китайцы и японцы, юкагиры, айны и другие инородцы в одном и том же месте ведут торговлю, и в одной и той же местности вы встречаете бурятские дацаны, китайскую кумирню, шаманские жертвенные деревья и айноороческий культ медведя. Ряд веков оставил в стране неизгладимые следы прежде бывших в ней народностей, начиная с доисторических каменных орудий, курганов, дольменов медного века с своеобразными звериными орнаментами»¹⁵³.

Кратко изложил историю изучения естественных богатств Сибири, начавшуюся еще при Петре Великом, отдав должное трудам С.П. Крашенинникова, Р.К. Маака, Г.И. Радде, К.И. Максимовича, положительно оценив работу деятелей Общества изучения Амурского края (ОИАК) в Приморье, Ра-

даков подчеркнул, что сделаны лишь первые шаги в изучении российского Дальнего Востока. «Чтобы изучение Приамурского края могло быть поставлено правильно, – считал автор записки, – необходимо все возникающие в нем научные общества и музеи объединить между собою нравственною связью, что... можно достигнуть всего лучше, если бы в центре управления Приамурским краем образовался отдел ИРГО»¹⁵⁴. Для этого он предложил взять без изменений устав Восточно-Сибирского отдела ИРГО. Для будущего музея Радаков готов был передать около 100 чучел птиц и шкур животных, врач Кучинский – значительную спиртовую коллекцию рыб и морских животных, лесной ревизор М.С. Веденский – достаточно полную дендрологическую коллекцию Приамурского края. Позднее Василий Николаевич имел с С.М. Духовским беседу и нашел полную поддержку своему начинанию.

Генерал-губернатор отдавал полный отчет значимости создания Приамурского отдела ИРГО, так как знал о его авторитете при царском дворе. Получив хорошо аргументированную записку о необходимости создания в крае отдела ИРГО, он, конечно, решил воспользоваться счастливым случаем для утверждения своего авторитета среди интеллектуалов. Уже 14 октября 1893 г. начальник края отправил первую депешу вице-председателю ИРГО сенатору П.П. Семенову с ходатайством об открытии в крае отдела Русского географического общества. Совет ИРГО под председательством Его Императорского Высочества великого князя Николая Михайловича принял благоприятное для края решение, и была испрошена у Министерства финансов ежегодная субсидия в 2 тыс. рублей. Вскоре было получено высочайшее разрешение о выдаче организуемому отделу единовременного пособия на первоначальное обзаведение в размере 10 тыс. рублей. Не дожидаясь формального постановления об открытии Приамурского отдела Географического общества, 10 апреля 1894 г. в Атаманском зале резиденции генерал-губернатора собрались 54 человека, которые после краткой речи С.М. Духовского тайным голосованием избрали временный распорядительный комитет. По предложению Духовского его председателем заочно был избран действительный член ИРГО Н.И. Гродеков. В комитет из 14 человек были избраны начальник строитель-

ного управления С.А. Монковский, лесной ревизор М.С. Веденский, начальник военно-топографического отдела округа П.И. Гладышев, правитель канцелярии генерал-губернатора Н.З. Тумковский, начальник Амурской инженерной дистанции Н.Ф. Александров, В.Н. Радаков и др.

Временный комитет на треть состоял из лиц, имевших генеральский чин¹⁵⁵. Необходимо подчеркнуть, что Приамурский отдел создавался не на пустом месте, так как имел предшественника — Общество изучения Амурского края (ОИАК), объединившее во Владивостоке в 1884 г. местных интеллигентов, любителей путешествий и природы. Ими было выпущено несколько статей, устроен музей с собранием довольно ценных коллекций доисторических и этнографических экспонатов. Во многом благодаря усилиям заведующего переселением в Южно-Уссурийский край Ф.Ф. Буссе, который был организатором и первым председателем Общества, учителя мужской гимназии В.П. Маргаритова и других энтузиастов была собрана библиотека. Владивостокское общество изучения Амурского края, как считал В.Н. Радаков, «хотя и небольшое по числу членов и размеру деятельности, но крепкое готовностью трудиться и любящее науку и край»¹⁵⁶.

Официальный статус Приамурский отдел приобрел лишь после того, как 2 мая 1894 г. император утвердил мнение Государственного совета об учреждении Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Для открытия местного отделения научно-общественной организации, каким являлось Географическое общество, требовалось высочайшее монаршее повеление. Цели и задачи Приамурского отдела, сформулированные в утвержденном положении, заключались в изучении края в географическом, этнографическом и статистическом отношениях, в предании гласности сведений, хранившихся в архивах и у частных лиц, в организации исследований на местах. Отдел мог привлекать к своей деятельности любознательных людей, устраивать и поддерживать местные музеи и библиотеку, собирать и хранить научные отчеты и документы, способствовавшие познанию края. Отдел получил разрешение образовывать филиальные отделения, в связи с чем в него вошли организованные в Кяхте (Троицкосавское) и в Чите (Забайкальское) отделения. Формально,

Летнее жилище гилияков. Сахалин, 1894 г.

без финансовой отчетности к отделу прикрепили и Общество изучения Амурского края.

На собрании, состоявшемся 17 ноября 1894 г., присутствовало почти в два раза больше людей, чем на предыдущем собрании. Сказалась подготовительная работа временного комитета. На собрании был на два года избран совет Приамурского отдела. Обязанности в нем распределились так: председатель Н.И. Гродеков, действительный член ИРГО, правитель дел С.А. Монковский, директор музея В.Н. Радаков, директор библиотеки В.В. Перфильев, казначей М.С. Веденский и семь членов совета.

В состав Географического общества принимали людей, имевших заслуги перед наукой, авторов печатных работ, солидных рефератов, путешественников, открывателей новых видов флоры и фауны. Возраставший авторитет общества во многом объяснял желание любознательных людей, не занимавшихся наукой, но с симпатией к ней относившихся, вступить в Общество. К тому же и Общество было заинтересовано в своем составе иметь членов, способных оказать материальную, практическую и другую помощь. Для того, чтобы стать полноправным членом Приамурского отдела, достаточно было изъявить желание, заручиться поддержкой двух действи-

тельных членов, заплатить вступительный взнос, а в дальнейшем посещать собрания отдела, аккуратно уплачивать взносы и по возможности делать пожертвования. Навряд ли следует осуждать руководителей Приамурского отдела за то, что в его составе были богатые купцы, священнослужители и дамы. Ведь не они определяли деятельность Общества, а люди, по мере сил и способностей исследовавшие новые земли, открывавшие их богатства, подвижническим трудом вносившие свою лепту в освоение российского Дальнего Востока.

В 1895 г. в составе Приамурского отдела в Хабаровске насчитывалось 120 человек, в их число помимо натуралистов, исследователей, путешественников входили В.Ф. Духовская, А.А. Рассушин, М.П. Пьянков, Е.Н. Рамзайцева, Н.И. Тифонтей и др. Вне Хабаровска членами Общества являлись 104 человека. Через четыре года, то есть в 1899 г., Приамурский отдел только в Хабаровске насчитывал 260 членов¹⁵⁷.

Сразу же стали выходить «Записки» Приамурского отдела, в которых публиковались наиболее значимые для изучения Дальнего Востока оригинальные статьи. Во Владивостоке с 1888 г. выходили «Записки Общества изучения Амурского края». После образования Приамурского отдела ИРГО Общество изучения Амурского края вошло в состав как филиал, и с 11-го тома его «Записки» стали выходить под заглавием «Записки Общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела Русского географического общества»¹⁵⁸. В основном авторы статей, публиковавшихся в «Записках», являлись членами Географического общества. Часто это были отчеты об экспедициях и путешествиях, расширявшие представления о природе и населении края. Например, в IV томе «Записок» (1898 г.) были опубликованы статьи Н. Гондатти «Поездка из с. Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив)»; С. Херсонского «О звериных и птичьих промыслах в Охотской округе Приморской области»; А. Сильницкого «Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края с 1819 по 1840 г.». «Записки» выходили ежегодно в двух выпусках.

Как-то на столе Н.И. Гродекова оказался доклад сахалинского ссыльного Б. Пилсудского о нуждах тымовских гиляков. Посчитав доклад заслуживающим внимания научной обще-

ственности, он передал его в Приамурский отдел Географического общества. Статья «Нужды и потребности сахалинских гилияков», опубликованная в «Записках» отдела (т. IV, вып. 4), стала первой научной публикацией Б. Пилсудского. «Совершенно почти случайно сделался и я писателем»¹⁵⁹, – писал он Л.Я. Штернбергу об этом знаменательном факте в своей жизни на каторжном острове. В статье были отражены «многолетние наблюдения за бедственным положением нивхов, раздумья о его причинах, горячий призыв к помощи, конкретные предложения по ее оказанию»¹⁶⁰. Статья вызвала большой резонанс в печати дальневосточных научных обществ. Н.И. Гродеков оказался причастным и к тому, что Б. Пилсудский занял место консерватора во Владивостокском музее Общества изучения Амурского края, так как ходатайство Общества об этом было поддержано им и поэтому получило положительное решение в Петербурге. Эти два важных эпизода, к которым имел непосредственное отношение Н.И. Гродеков, во многом определили дальнейшую судьбу ученого-этнографа Б. Пилсудского.

Николай Иванович Гродеков с присущей ему энергией много сделал для быстрого разворачивания деятельности Приамурского отдела Географического общества по всем важнейшим направлениям: инициировал несколько экспедиций, горячо поддерживал исследователей, изучавших природно-климатические и геолого-минералогические особенности края, словом и делом помогал молодым путешественникам и натуралистам.

Увлекавшийся этнографией, Н.И. Гродеков всячески поддерживал и поощрял этнографические экспедиции по изучению инородческих народов, проживавших на всей территории Приамурского края. Надолго запомнилось заседание совета, на котором этнограф П.П. Шимкевич рассказал о шаманстве у гольдов, а приведенный им шаман с бубном исполнил впечатляющий сеанс камлания. После того как Н.И. Гродеков поощрил служителя культа язычников серебряным рублем, шаман, к удовольствию присутствовавших, повторил свой «танец».

Наблюдение и выводы, полученные в ходе экспедиций в Приамурье, Шимкевич изложил в работе «Материалы для изучения шаманства у гольдов», которая была опубликована в «Записках»¹⁶¹.

Особенно желаемыми докладчиками являлись путешественники, которые исследовали малоизученные территории края или побывали в малоизвестных землях. Когда после трехлетнего пребывания в должности начальника Анадырской округи в Хабаровск благополучно прибыл Н.Л. Гондатти, его встречали как героя. О результатах своей деятельности он рассказал на общем собрании Географического общества, которое как никогда было многолюдным и волнующим. Для обозрения были выставлены многочисленные коллекции предметов, собранные Н.Л. Гондатти. Особое внимание присутствовавших привлекли останки мамонта. Открыв собрание, Н.И. Гродеков пригласил присутствовавших приветствовать Николая Львовича Гондатти и поблагодарить его за полезную деятельность на благо Приамурского отдела. Многие из присутствовавших знали Николая Львовича до поездки в Анадырь, так как ему в ожидании навигации пришлось несколько месяцев пробыть в Хабаровске, выполняя поручения генерал-губернатора. Тогда Н.И. Гродеков и познакомился в Николаем Львовичем и проникся к нему большой симпатией.

В докладе, длившемся целый час, бывший начальник Чукотки «с приемами истого оратора» рассказал публике о самой северо-восточной территории России – Анадырском крае, его топографии, климате, флоре и фауне, о его жителях и их нравах. Затем он демонстрировал свои коллекции и давал объяснения так просто и ясно, так занимательно, что публика слушала его с неослабевающим вниманием около полутора часов. Через день состоялось продолжение собрания, и на этот раз в зале яблоку негде было упасть. Лекция Н.Л. Гондатти была прослушана с захватывающим интересом, а сам талантливый лектор награжден настоящей овацией. Обратившийся к присутствующим с краткой речью С.М. Духовской подчеркнул, что «каждый день все более убеждает нас, что мы знаем край мало и, чтобы узнать больше, требуется подчас необычайная борьба с местной природой и трудностями. Между тем без основательного изучения местных условий никакая административная, иная деятельность не могут быть правильными... Да множатся в нашем крае деятели именно те, кто теперь наиболее нужны, и да укрепляется и развивается их трудовая сила, мощь и слава России на Дальнем Востоке»¹⁶². Душевыми словами побла-

годарил оратора и Гродеков, пожелавший Николаю Львовичу в течение отпуска поправить свое здоровье. Благодаря журналистам газеты «Приамурские ведомости» мы можем представить необыкновенную атмосферу встречи Гондатти, устроенной ему администрацией края и хабаровской интеллигенцией. Сколько в ней было оптимизма, энтузиазма, восхищения подвигом! Гондатти приветствовали как первопроходца, как человека, совершившего подвиг. И это было вполне заслуженно. В связи с этим газета писала, что в России далеко не всегда многочисленные примеры высокого самопожертвования становятся известными. К счастью, труды и служба Гондатти на пользу России не остались безвестными. «Надежды, которые возлагал на Гондатти Приамурский отдел и его покровители, он оправдал в полной мере, и чествование его, публичное воздаяние ему должного за его самоотверженные и полезные труды укрепляют сознание, что каждый работник Приамурья при всех невзгодах и лишениях, неизбежных в нашем суровом крае, найдет себе должную оценку в Приамурском отделе Императорского географического общества».

Одним из главных результатов трехлетнего пребывания администратора Гондатти в Анадырском крае явилась просьба к администрации Приамурского края принять чукчей под покровительство и защиту русского царя с обязательством с их стороны вносить в государеву казну то количество ясака, какое будет указано. И добился он этого отнюдь не насилем, а в первую очередь «силою нравственного влияния своей личности», решительным содействием в округе торговле российскими товарами¹⁶³.

Весьма результативной оказалась и научная деятельность начальника Чукотки. В последний, третий год своего пребывания на Чукотке он предпринял долго готовившуюся поездку к Берингову проливу, на самую северо-восточную оконечность материка, так называемый Нос. За три с лишним месяца путешествия он проехал на нартах около 2 600 верст, посетил 38 лагерей кочевых и 42 поселения оседлых чукчей. Всего он посетил 437 жилищ с населением, состоявшим из 1 244 мужчин и 1 319 женщин¹⁶⁴. По существу, Гондатти одним из первых в России осуществил, выражаясь современным языком, социологический опрос значительной массы населения Анадырско-

го края. В результате им был собран обширный материал для всестороннего описания анадырской земли и ее обитателей. Свои научные наблюдения Николай Львович обобщил в четырех статьях, которые были опубликованы в «Записках» Приамурского отдела ИРГО с приложениями, имевшими богатую и разнообразную информацию об Анадырском крае и его населении¹⁶⁵. Современников поражала своим богатством и огромным объемом собранная ученым естественно-историческая коллекция, содержащая данные о природе и населении, его одежде, жилищах и промыслах. Большую часть ее Гондатти за свой счет отвез в Москву и подарил Этнографическому музею Академии наук. Часть коллекции он подарил Хабаровскому музею. Ее составила разнообразная одежда: кухлянка, какие носили русские торговцы, дорожный костюм чукчи, одежда новорожденного и ребенка, начавшего ходить, костюм чукчанки, одежда для охоты на морского зверя, изготовленная из моржовых кишок, кожаные чулки, перчатки и многое другое. В коллекцию вошли также такие предметы, как голова, бивни, зуб и кость мамонта, шкуры зверей, спиртовые препараты морских животных Берингова моря. Некоторые из этих экспонатов сохранились в музее до наших дней. За научные труды по антропологии, статистике и этнографии, посвященные Чукотке, Академия наук присудила Н.Л. Гондатти Большую золотую медаль имени академика К. Бэра. Признанием заслуг бывшего начальника Анадырской округи перед Отечеством явилось награждение его орденом Св. Владимира IV степени.

Николай Львович Гондатти не единственный, чьи научные труды были отмечены ИРГО. Член Приамурского отдела хабаровский учитель С.П. Браиловский в 1901 г. был удостоен Малой золотой медали за этнографические изыскания. На побережье Приморья он провел антропологические исследования инородцев, что позволило ему отделить удыгейцев от орочей, изучил быт и промысел удыгейцев, составил словарь¹⁶⁶.

Несмотря на отсутствие финансов для снаряжения специальных научных экспедиций, используя каждую возможность, опираясь на покровительство генерал-губернатора и бескорыстие членов Общества, Приамурский отдел широким фронтом развернул изучение геологии, этнографии, природы и статистики края. Одно из первых геологических исследований Си-

хотэ-Алиня предпринял горный инженер Д.В. Иванов в сезон 1895 г. по оригинально разработанному маршруту в экспедиции от Горного департамента.

По программе, предложенной председателем Гродековым, «провинциальный работник науки», как себя называл, Н. Кириллов изучил состояние дацанов в Забайкалье, были снаряжены научные экспедиции в Маньчжурию и Монголию. Важное исследование по прикладной ихтиологии в течение трех лет выполнил В.К. Бражников. В своем отзыве гидролог-океанолог Ю.М. Шокальский написал, что работа Бражникова рисует ясную картину «физико-географических условий некоторой части наших прибрежных вод Тихого океана». «Автор дает весьма существенные поправки к тем сведениям, которые господствовали в науке... За интересную и обстоятельную работу В.К. Бражникову была присуждена серебряная медаль имени вице-председателя РГО П.П. Семенова»¹⁶⁷.

В год 200-летия присоединения к Российской державе полуострова Камчатка (1897 г.) ее посетил Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской. По его распоряжению В.П. Маргаритов совершил большую поездку длиной в 1 200 верст частично на лошадях, частично на лодках по самой заселенной части полуострова. Об итогах этого путешествия, о своих впечатлениях Маргаритов рассказал в работе «Камчатка и ее обитатели», опубликованной в 1899 г. в «Записках» отдела.

Проявляя большой интерес к молодым исследователям, Гродеков одним из первых оценил стремление к путешествиям молодого офицера В.К. Арсеньева, прибывшего на Дальний Восток в 1900 г. Гродекова заинтересовал Арсеньев тем, что, находясь в командировках от военного ведомства с охотничьими командами на рекогносцировках в Шкотовском районе, он часто наталкивался на остатки старинных укреплений и городищ, снимал с них планы и составлял описания. Гродеков пригласил офицера на беседу. «Неопытный молодой офицер, наслышанный о суровости Гродекова, я побаивался, что он меня встретит официально и сурово, и, откровенно говоря, я даже подумывал, нельзя ли как-нибудь отделаться от визита, — вспоминал впоследствии Арсеньев. — Но отделаться было никак нельзя и пришлось идти»¹⁶⁸. В ходе продолжительной беседы генерал-губернатор обещал молодому исследова-

телю свое содействие. Несомненно, гродековское благословение помогло В.К. Арсеньеву стать крупным исследователем российского Дальнего Востока.

Постепенно определились главные направления научно-поисковой и просветительской деятельности отдела. Они включали: исследования уникальной природной среды – Севера, Камчатки, Сахалина, Уссурийской тайги, Приморья – важного фактора освоения и заселения края; изучение местных малочисленных народов, пропаганда знаний о жизни которых бы способствовала воспитанию в обществе этнической толерантности; ознакомление населения с обычаями, нравами, традициями народов сопредельных стран – Японии, Китая, Кореи. Для губернаторской власти Географическое общество являлось своего рода интеллектуальным советом, помогающим квалифицированно решать важные практические задачи, выносить по ним компетентные решения и рекомендации. Так, в сентябре 1898 г. на общем собрании членов отдела подполковник С.Н. Ванков сделал сообщение «О необходимости развития в Приамурском крае ремесленного образования и открытия ремесленного училища при Хабаровской окружной артиллерийской мастерской». обстоятельный доклад, содержащий расчеты, стоимость, проект училища, вызвал оживленные прения и стал основой для ходатайства генерал-губернатора об открытии в Хабаровске первого ремесленного училища. Практическую значимость имел доклад С.Н. Ванкова «О рациональном водоснабжении г. Хабаровска». Большой интерес вызвало научное сообщение Н.С. Ваксмута об открытии Командорских островов и образовании компании для производства на них промысла морских животных. По результатам отчета Н.А. Крюкова о поездке на рыбалки Николаевска на Амуре, в котором он забил тревогу по поводу уменьшения рыбных запасов Амура, главный начальник края принял решение о приглашении в край ученого-ихтиолога. С первых дней своего существования Приамурский отдел занялся устройством в крае метеорологических станций на Камчатке и Сахалине.

Важной задачей отдела являлась пропаганда географических знаний среди населения, с которой он вполне справлялся, являясь своеобразным народным университетом. Его засе-

дания, проходившие в Военном собрании, о которых заранее оповещала газета, носили открытый, демократический характер и, как правило, собирали большую аудиторию. Только в 1898–1899 гг. советом было обсуждено 34 научных докладов, отчетов и сообщений разноплановых и разнообразных по тематике. Конечно, не обошлось и без докладов о планете Марс и об Абиссинии. Но главное внимание было сосредоточено на дальневосточных проблемах. Такие доклады, как «Статистический и бытовой очерк Зейского населения» или «Культурное влияние Уссурийской железной дороги на район Шмакова-Бельцово», показывали, что не игнорировались и темы социальной направленности. Один из корреспондентов «Приамурских ведомостей» писал, что с каждой новой книжкой, выпускаемой в свет местным Географическим обществом, «теряется то вредное петербургское предубеждение, что здесь, в Приамурье, невозможна никакая научная деятельность. Каждое сообщение, делаемое в отделе, вливает энергию и желание поработать на пользу края»¹⁶⁹. В этом была сила отдела и важная его значимость.

О существовании Приамурского отдела ИРГО узнали за рубежом. Это произошло благодаря участию его представителя в VII Международном географическом конгрессе, проходившем осенью 1899 г. в Берлине. Поскольку ИРГО не могло выделить необходимую сумму для поездки дальневосточного представителя на конгресс, вся надежда возлагалась на просвещенную администрацию края. Действительно, Гродеков выделил необходимую сумму для поездки представителя Дальнего Востока на международный конгресс. Им стал А.В. Лубенцов – правитель дел Приамурского отдела, блестящий офицер, владевший несколькими европейскими и восточными языками, воспринявший участие в работе конгресса как большую честь. В конгрессе участвовали знаменитые географы и путешественники более чем из 20 стран Европы, Азии и Америки. В программе было заявлено 148 докладов, из которых 15 приходились на Россию. А.В. Лубенцов присутствовал на всех общих заседаниях, старался послушать доклады и на секциях. Большой удачей стало представление его знаменитому норвежскому путешественнику Фритьюфу Нансену, приятно удивившемуся факту существования на дальневосточ-

ной окраине России ученого общества географов. Норвежец высказал надежду побывать на Дальнем Востоке, которую и осуществил в 1913 году. Волнующей оказалась встреча с директором Тифлисского музея Г.И. Радде, натуралистом, зоологом, этнографом, проводившим в свое время изыскания на Амуре. Лубенцову удалось договориться об обмене научными изданиями с географическими обществами Англии, Франции, и Швеции. При этом продемонстрированные им «Записки» Приамурского отдела подтверждали серьезность этих намерений. О своем участии в работе VII Международного географического конгресса Лубенцов не только отчитался на совете, но и поведал на страницах «Приамурских ведомостей». Отражением роста авторитета и значимости Приамурского отдела в ИРГО явилось удовлетворение градековского ходатайства об увеличении его финансирования. С 1900 г. ежегодная казенная субсидия отделу была увеличена в два раза и составила 4 тыс. рублей. Основная ее часть распределялась следующим образом: Обществу изучения Амурского края – 1 тыс. рублей, Забайкальскому и Троицкосавскому отделам – по 500 рублей каждому, 2 тыс. рублей – Приамурскому.

Русское географическое общество не напрасно именовалось Императорским. В течение продолжительного времени его председателем являлся великий князь Константин Николаевич – лицо императорской фамилии, человек высокообразованный, сторонник реформ. После его смерти с 1892 г. ИРГО возглавил другой великий князь – Николай Михайлович. Было принято, что каждое местное отделение ИРГО должно иметь своего высокого покровителя из царствующего дома, благо великих князей в нем было достаточно. «Августейшим покровителем» Приамурского отдела стал великий князь Александр Михайлович, побывавший на дальневосточной земле во время поездки цесаревича Николая по Приморью и Приамурью. К покровителю за поддержкой обращались в очень редких случаях, чаще всего финансовой. Покровительство носило во многом номинальный характер. И все же председателю и членам Географического общества приятно было узнать из телеграммы, посланной из Петербурга С.М. Духовским, что «Великий князь Александр Михайлович внимательно следит за печатью по краю», что передает Приамурскому

отделу «искреннее удовольствие по поводу энергичной и полезной деятельности отдела, многочисленности изданий трудов многих лиц и, особенно, по поводу интересных сообщений»¹⁷⁰.

В связи с назначением на пост Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродеков после четырех лет ревностной работы председателем Приамурского отдела ИРГО ушел в отставку. Председателем был избран окружной интендант генерал-лейтенант И.П. Надаров, известный своими трудами по географии Уссурийского края. Но Н.И. Гродеков оставался покровителем отдела, продолжая радеть о нем.

Создание естественно-исторического музея. Отцы-основатели Приамурского географического общества не мыслили его существование без естественно-исторического музея. Поэтому сразу же временный комитет взялся за организацию музея, поручив это В.Н. Радакову. Можно сказать, что музею крупно повезло с основателем-директором, так как до службы на Дальнем Востоке В.Н. Радаков хорошо изучил музейное дело. За систематизацию коллекции Зоологического музея Московского университета он был награжден серебряной медалью Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, которое командировало его, к тому времени доктора медицины, за границу. В Германии, Франции, Англии, Швейцарии и Бельгии он ознакомился с работой музеев, собрал коллекцию для зарождавшегося в Москве Политехнического музея. Так что у истоков Хабаровского музея стоял высокообразованный человек с богатым опытом организации музейного дела. Находясь на службе в крае с 1892 г., он во время объезда в качестве военно-медицинского инспектора Приамурского военного округа с интересом знакомился с разнообразными местными коллекциями, которые, как писал он, «...нарасхват покупаются и вымениваются иностранными музеями и учеными»¹⁷¹. Войдя в состав комитета, В.Н. Радаков с энтузиазмом взялся за организацию естественно-исторического музея. Первыми его экспонатами стали коллекции А.Н. Корфа, С.А. Монковского и В.Н. Радакова. Музей расположился в пустовавшем здании аптечного склада и сначала был открыт для посетителей только по выходным дням. В дни работы музея было установлено дежурство членов Географи-

ческого общества. Благодаря умению и труду Василия Николаевича коллекции были систематизированы, определены, имели соответствующие надписи, что убеждало посетителей в серьезности намерений организаторов музея и их компетентности. В музей потекли многочисленные пожертвования. Если на момент открытия (19 апреля 1894 г.) в музее числилось немногим более тысячи экспонатов, то к маю музей достигает значительных размеров, занимая пять больших комнат аптечного склада. В нем числилось «по этнографии 846 номеров, по зоологии до 250 номеров, не считая 15 ящиков с коллекциями насекомых и до 100 банок со спиртовыми препаратами, по минералогии 100 номеров, по петрографии 268 номеров, по ботанике 3 гербария и более 200 номеров, относящихся к верованиям, обрядам китайцев, японцев, корейцев»¹⁷².

По убеждению В.Н. Радакова, «...для учреждения научного музея недостаточно иметь собрание хорошо консервированных шкурок и прочно набитых чучел, научный музей должен давать представление о биологической обстановке собранных в нем предметов, поэтому зоологическая коллекция, самая трудная и требующая наибольших затрат времени и денег, немыслима без отличного препаратора, и поэтому перебиваться различными самоучками и самознайками, как это делается в нашем музее, невозможно»¹⁷³. Необходимость иметь в музее хорошего препаратора Радаков видел не только для спасения уже имевшихся коллекций, но и для создания будущих. Как человек, болевший за музей, он доплачивал препаратору из своего жалования.

В докладной записке на имя генерал-губернатора В.Н. Радаков писал: «Для найма хорошего препаратора необходимы 1 тыс. руб. жалованья и казенная квартира. В настоящее время мы имеем ежегодно на наем препаратора 350 руб. из сумм общества и 120 руб., жертвуемых мною, а всего, следовательно, 470 руб.». Он добивался выделения Обществом необходимой суммы на оплату труда квалифицированного препаратора, подчеркивая, что ему «дорого развитие научной деятельности в нашей окраине, которая может принести великие научные и практические результаты»¹⁷⁴.

Не получив положительного ответа на свою просьбу, В.Н. Радаков, сославшись на невозможность выполнения возложенных на него обязанностей директора музея, ввиду того

Открытие первой очереди музея. 6 декабря 1896 г.

что он вынужден надолго отлучаться из города по служебным делам, 27 апреля 1895 г. оставил пост общественного директора музея. В.Н. Радаков потрудился на благо музея всего год, но в силу глубоких знаний, ответственного отношения к делу он смог немало сделать для музея, заложив научные основы его деятельности, традиции широкого просветительства.

С 1895 по 1900 г. музей возглавлял В.П. Маргаритов, а с 1900 г. — С.Н. Ванков, которые, будучи умелыми администраторами, смогли внести свою лепту в становление и развитие музея. Их энергия и деловитость особенно были полезны в годы строительства здания специально для музея, инициатором которого стал Н.И. Гродеков. Бесплатно составленный инженер-полковником Н.Ф. Александровым и инженером Л.О. Чайковским проект здания музея оказался на редкость удачным: функционально удобным, красивым, к тому же он допускал строительство и введение в эксплуатацию музея по частям. И участок для музея выбрали подходящий — в конце Алексеевской улицы, примыкавшей к городскому саду, в ста сажнях от памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Городская управа выделила для нужд ученого общества указанный участок земли безвозмездно.

На совете Географического общества всесторонне был обсужден вопрос о стоимости строительства и возможностях его финансирования. По осторожным расчетам инженера Чайковского, стройка должна была обойтись в 60–70 тыс. рублей. По сообщению казначея М.С. Веденского, в наличности имелось всего 10 тыс. рублей, выделенных казной на первичное обустройство, плюс около 13 тыс. рублей частных пожертвований и 800 рублей членских взносов. Было высказано предложение обратиться с ходатайством в Петербург о дополнительной казенной ссуде. «Гродеков поморщился и укоризненно взглянул на казначея: «Мало вероятно, господа, мало вероятно и, позволено заметить, неприлично. Нельзя ли исходя из имеющейся в отделе наличной суммы приступить к исполнению проекта лишь части здания, а именно его, скажем, трети»¹⁷⁵. Предложение председателя было поддержано, и 1 августа 1895 г. совет торжественно заложил стройку музея. А в мае следующего года в части выстроенного здания уже размещались экспонаты и был разрешен их осмотр широкой публике. Официальное торжество по случаю открытия первой трети музея, в котором приняли участие многие хабаровчане, состоялось в декабре 1896 г.

Соратники Н.И. Гродекова свидетельствовали о его «страстной любви к музейному делу», что ярко проявилось в создании Хабаровского музея – строительстве прекрасного музейного здания и в заложенных традициях формирования его фондов. В дар музею Гродеков передал интереснейшую коллекцию китайской деревянной скульптуры, привезенную из Шанхая, и тем самым положил начало формированию китайской коллекции.

Наряду с возведением здания внимание Гродекова было сосредоточено на формировании фондов будущего музея. Он разослал по казачьим войскам письма и телеграммы с просьбой прислать образцы старого казачьего оружия и обмундирования времен графа Н.Н. Муравьева-Амурского. При этом запретил отбирать орудие, бывшее у казаков в собственности – присылать орудие только из арсеналов станиц.

Наказной атаман Забайкальского казачьего войска генерал-майор Е.О. Мещиевский отправил в музей два ружья старых систем, бывших на вооружении у казаков в прежние времена¹⁷⁶. Строившийся музей стал обладателем ценного экспоната,

который даже известному европейскому музею сделал бы честь. Этим экспонатом являлся скелет малоизвестной гигантской морской коровы из отряда реликтовой популяции сирен, вымершей (уничтоженной охотниками) к концу XVIII века. Немецкий естествоиспытатель Георг Стеллер – участник экспедиции на Камчатку С.П. Крашенинникова (1733–1743 гг.) наблюдал это животное и дал единственное для науки его описание. Но у ученых осталось немало сомнений и вопросов. Настоящей сенсацией стало обнаружение на Командорских островах черепа и костей коровы Стеллера, первыми приобретателями которых стали европейские натуралисты. По поручению Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского в 1897 г. был доставлен для Хабаровского музея «сборный костяк» морской коровы, ставший знаменитым экспонатом.

Есть свидетельства о том, что по просьбе генерала музей получил от графа В.В. Муравьева-Амурского каску, саблю, эполеты и шарфы Николая Николаевича Муравьева-Амурского, а также фотографии часов, подаренных ему соратниками, и его портрет. К сожалению, эти ценные исторические экспонаты со временем были утеряны¹⁷⁷. Гродековым было положено начало отражения в музейной коллекции истории переселенческого движения. В одном из писем знаменитому коллекционеру П.И. Щукину он писал: «Посылаю вам примечательную вещь моего архива: истинное изображение переселенца в Приамурский край. Четыре души от Верхнеудинска передвигались на нем, и только случайная встреча со мною избавила их от этого способа передвижения... Экипаж Инькова как величайшая достопримечательность помещен был в Хабаровский музей»¹⁷⁸.

Приамурский отдел географического общества получал от правительства 2 000 рублей ежегодной субсидии, которых не хватало на покрытие самых насущных его нужд. Главный расход отдела составляло содержание Николаевской публичной библиотеки и музея, коллекции которого «разрослись до огромных размеров». У отдела возникла серьезная задолженность, главной причиной которой была необходимость закончить постройку здания музея.

Обладавший коммерческой смекалкой (что неожиданно проявилось во время закупки провианта на севере в Пер-

сии в 1880 г.), Гродеков разработал и осуществил целую акцию по добыче средств для покрытия дефицита. В 1898 г. по распоряжению генерал-губернатора в Хабаровск с о. Беринг был доставлен еще один качественный скелет коровы Стеллера, находку и раскопку которого он оплатил из своих личных средств. Этот скелет морской коровы предназначался для продажи Парижскому естественно-историческому музею. В конце 1903 г. Приамурский отдел ИРГО получил переводной билет Государственного банка на 1 877 рублей 50 копеек, составляющих по курсу пять тысяч франков, полученных ИРГО через французское консульство от музея в Париже за купленный скелет¹⁷⁹.

Общественность продолжала активно участвовать в сборе средств для строительства музея. Так, например, 23 апреля 1899 г. в Военном собрании состоялся музыкально-драматический вечер, сбор с которого был предназначен на постройку третьей части музея. Устроительницей вечера была мадам Жеребцова. На вечере присутствовали генерал-губернатор Гродеков, его помощник и другие начальствующие лица. В музыкальной части вечера исполнялись Патетическая соната Бетховена на двух роялях, мелодия Рубинштейна, вальс Мошковского и другие произведения. В драматической части была разыграна комедия-фарс «Сыщик». Как сообщили «Приамурские ведомости», в пользу музея было собрано 347 рублей. В сборе средств на строительство музея участвовала и общественность Владивостока. А.И. Омеляновец-Павленко устроила во владивостокском Военном собрании концерт в пользу Хабаровского музея. Концерт дал сбор 1 730 рублей. Под председательством А.Г. Чичаговой был создан комитет для устройства народного гулянья и базара в Хабаровске. Народное гулянье в городском саду с базаром, буфетом, катанием на паромоходах, музыкой получилось на славу. И финансовая подмога для строительства музея оказалась немалой. Часто устраивались лотереи-аллегри. Причем разрешение на проведение лотерей давала столица. Большие взносы на строительство поступали от состоятельных хабаровчан.

1 августа 1900 г. состоялось открытие всего музейного здания. Это было торжество общенности, сумевшей собственными силами создать одно из обширных хранилищ

Музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1902 г.

достопримечательностей Дальнего Востока. Строительство стоило около 70 тыс. рублей, из них только 13 тыс. были выделены казной, остальные собраны общественностью¹⁸⁰. Крупным жертвователям – С.Я. Богданову, И.П. Пьянкову, Н.И. Тифонтаю и другим известным в Хабаровске купцам и предпринимателям – были вручены благодарственные письма за подписью генерал-губернатора Гродекова, который и сам пожертвовал на стройку немалую сумму. Здание музея из красного и серого кирпича красиво вписалось в пейзаж городского парка, а главное – было удобно для размещения многочисленных коллекций, пожертвованных путешественниками, исследователями, учеными и просто любителями.

Родоначальник музея позаботился и об обереге, символе своего детища, помогающем ему счастливо существовать и развиваться. Узнав, что при раскопках могильного кургана около села Никольское (современный Уссурийск) членами Общества изучения Амурского края под руководством Ф.Ф. Буссе найдена высеченная из камня большая черепаха со стелой, Гродеков заинтересовался этим открытием. Оказалось, что древний памятник поставлен полководцу, князю чжурчжэней. По просьбе генерал-губернатора черепаху в ка-

честве дара передали начинающему свое существование Хабаровскому музею. Благодаря большим усилиям военных шеститонная черепаха оказалась у стен Хабаровского музея, где она находится и ныне и служит талисманом, оберегающим его от невежественности и беспамятства.

В 1900 г. приамурцам вновь выпала счастливая возможность заявить о себе в Западной Европе. Приамурский отдел ИРГО при поддержке главного начальника края Н.И. Гродекова принял приглашение участвовать во Всемирной выставке в Париже. В результате оживленной дискуссии решено было отправить в Париж образцы национальной одежды амурских аборигенов и чучела наиболее характерных для российского Дальнего Востока представителей фауны, в том числе пятиметровой амурской калуги. К несчастью, при транспортировке чучело калуги получило повреждения и было оставлено в Забайкалье.

За уникальную коллекцию Хабаровский музей получил награду – золотую медаль Всемирной выставки в Париже.

Н.И. Гродекову и всем сотрудникам музея было приятно получить письмо от великой княгини Елизаветы Федоровны (сестры супруги Николая II), в котором она писала: «На Всемирной выставке в Париже, осматривая находившийся под моим покровительством... отдел, я имела случай убедиться в превосходном подборе экспонатов, собранных во вверенном вам крае, дающих наглядную и полную картину жизни и промышленных успехов его населения. Зная из объяснений организатора и достопочтимого руководителя отдела П.П. Семенова, что таковой подбор экспонатов был исполнен под вашим руководством и при деятельном вашем участии, я поставила себя в приятный долг выразить вам свою искреннюю признательность за ваши труды, а также прошу вас передать мою благодарность и вашим полезным сотрудникам»¹⁸¹.

По инициативе Николая Ивановича в Хабаровском естественно-историческом музее появились необычные экспонаты, неизменно привлекавшие внимание посетителей. Это были живописные полотна, гравюры и скульптуры. «Если в крае сделано и делается возможное для удовлетворения умственных интересов общества, – считал генерал-губернатор, – то потребности эстетические, особенно в области живописи и

ваяния, остаются совершенно неудовлетворительными... Нет не только ни одной картинной галереи, но и вообще как величайшую редкость можно встретить картину не лубочного характера. Целые поколения вырастали, не имея представления о художественной живописи»¹⁸². Откуда у профессионального военного, служившего в основном на Кавказе и в Средней Азии, такое высокое понимание роли эстетического компонента в просвещении народа, роли художественной живописи в воспитании эстетического вкуса? Нельзя забывать, что молодые, самые восприимчивые годы жизни Николая Ивановича прошли в Петербурге. Сокровища Эрмитажа и Русского музея, архитектура города, созданная великими зодчими, не могли не оказать влияния на открытую к познанию и восприятию его душу. Он сожалел о том, что молодежь, живущая на Дальнем Востоке, не имея возможности изучать художественную живопись, вырастает эстетически обедненной. Поэтому он обратился к президенту Академии художеств с просьбой предоставить в нарождавшийся Хабаровский музей художественные произведения. В ответ на просьбу Академия передала в Хабаровск семь картин и 27 гравюр, чем было положено начало первому в Приамурье собранию произведений художественной живописи. Предполагалось, что связи с академией станут постоянными и появится возможность приобретать картины на аукционах. На эти цели генерал-губернатор сразу же ассигновал из личных средств тысячу рублей. Он предполагал построить особое помещение для картинной галереи, которое представляло бы художественное сооружение и было бы украшением города. Стали поступать пожертвования на его постройку, после того как почин сделал Гродеков. К сожалению, эту замечательную идею не удалось тогда осуществить. А естественно-исторический музей стал одним из лучших провинциальных музеев России.

Создание первой библиотеки в Хабаровске. Об интеллектуальном потенциале хабаровской общечеловечности, подвижничестве членов Географического общества свидетельствовало не только устройство музея. Одновременно с ним создавалась и библиотека Географического общества. В апреле 1894 г. временный комитет назначил директором библиотеки врача Василия Власевича Перфильева. Тогда книжный фонд библио-

теки состоял из 600 книг, находившихся в читальной комнате Военного собрания. Ожидались большие поступления. В полученном генерал-губернатором уведомлении сообщалось, что цесаревич Николай пожертвовал Приамурскому отделу ИРГО 453 книги из собственной библиотеки. Это были книги по географии и истории, литературоведению и языкознанию, экономике и медицине, а также по искусству и художественная литература для взрослых и детей. Были и альбомы: «Картины Императорского Эрмитажа» и «Храм Христа Спасителя в Москве». При этом цесаревич высказал пожелание, чтобы к его книгам был широкий доступ. При получении этой книжной посылки вспомнили, что во время посещения Хабаровска он подарил горожанам несколько десятков книг. В связи с этим у генерал-губернатора были веские основания назвать создававшуюся библиотеку Николаевской.

В Петербурге, еще до отъезда на Дальний Восток, Гродеков обратился к ученым обществам и учреждениям с просьбой о высылке их изданий и дубликатов для создававшейся в Хабаровске библиотеки. На этот призыв откликнулись Российская академия наук, Юрьевский университет, Ново-Александровский институт и другие учебные заведения, а также Императорское Русское географическое общество и несколько его местных отделений, целый ряд научных обществ. В Хабаровскую библиотеку стали поступать пожертвования из Москвы, Петербурга, Казани, Оренбурга, шли посылки с Урала, Крыма, Кавказа, из Якутии. С о. Сахалин от Тымовской местной команды в адрес библиотеки пришла одна из редких книг – «Соборное уложение царя Алексея Михайловича» 1649 года издания. Этот фолиант представлял собой первый русский печатный свод законов, по которому Россия жила почти двести лет. До сих пор Уложение является уникальным изданием теперь уже Дальневосточной государственной научной библиотеки.

В формировании книжного фонда библиотеки непосредственное участие приняли лица царской фамилии. Вдовствующая супруга скончавшегося в январе 1892 г. великого князя Константина Николаевича, поддержкой которого пользовался Н.Н. Муравьев-Амурский, прислала в дар библиотеке восемь тысяч книг из личной библиотеки князя. В 1898 г. от этого же адресата было получено еще 514 томов. Пожертво-

Николаевская публичная библиотека. Хабаровск, 1898 г.

Внутренний вид библиотеки

вания представителей царствующего дома в те годы составляли около 60 процентов фонда библиотеки¹⁸³. Много книг поступало и от частных лиц. «Приамурские ведомости» часто публиковали большие списки книг и имена их жертвователей, среди которых нередко встречалась фамилия Н.И. Гродекова – председателя Приамурского ИРГО. Одно из многих его поступлений – Полное собрание сочинений Д. Байрона в шести томах, сочинения Ф.М. Достоевского в шести томах, Евангелие, сочинения Е.А. Баратынского и А.И. Полежаева, «Тысяча и одна ночь» в шести томах. От В.Ф. Духовской поступили толстые журналы «Наблюдатель» за 1893 г. (12 кн.) и «Русский вестник» за 1893 и 1894 гг. (24 кн.). Князь М.С. Волконский известил, что им переданы 100 томов для пересылки в Николаевскую публичную библиотеку. За один месяц 1896 г. библиотека получила от Г.Г. Орлова 9 книг по рыболовству, от горного инженера М.М. Иванова – 36 книг различной тематики, от Е.И. Лавровой, жены врача – 30 книг по разным отделам медицины.

Библиотека Географического общества с самого начала формировалась как публичная, что тогда не было принято. Тем не менее научная часть ее фонда была достаточно солидной, чему в немалой степени способствовали книжные поступления из научных обществ, учебных заведений и от отдельных ученых. Увеличивающийся с каждым месяцем книжный фонд нуждался в специальном помещении. Было решено занять небольшое пустующее кирпичное здание, расположенное рядом с Военным собранием. В.В. Перфильева обязали привести помещение в надлежащий вид, для чего были выделены городским управлением 600 рублей. Гродеков высказался помочь в разборке книг. Работа эта так его увлекла, что он составил каталог по этнографии и заполнил несколько сотен библиографических карточек. Он не только помогал развитию самостоятельных инициатив, умело их поощрял, но и сам являлся во многом примером самоотверженного служения общественному делу. 15 февраля 1895 г. «Приамурские ведомости» информировали своих читателей об открытии библиотеки. «Небольшой, но светлый и чистый, заново отделанный читальный зал библиотеки со шкафами книг производил очень приятное впечатление», –

писала газета. По словам директора библиотеки В.В. Перфильева, Н.И. Гродеков относился к библиотеке «с редкой внимательностью и отеческой заботливостью». Едва библиотека успела открыться, как он уже поспешил ей на помощь, пожертвовав из личных средств 200 рублей на газеты и журналы для читального зала¹⁸⁴.

Горожане постепенно привыкли пользоваться библиотекой, которая была доступна «всем обывателям в независимости от звания и сословия». Помимо читального зала имелся абонемент, где книги выдавали на дом за плату 50 копеек в месяц.

С самого начала было очевидно, что помещение библиотеки придется расширять. Для сбора денег на сооружение пристройки к читальному залу общественность устраивала лотереи и концерты. Поступали и частные пожертвования. В начале 1899 г. пристроенный зал библиотеки был открыт. «Быстрый рост библиотеки в скромной общественной жизни нашей окраины, — отмечали «Приамурские ведомости», — представляется выдающимся настолько, что приобретает значение высокого культурного торжества». В день освещения зала директор библиотеки закончил свою речь знаменательными словами: «Будем же надеяться, что те симпатии общества, которыми библиотека пользовалась до сих пор, сохранятся за ней и на будущее время... и деятельность ее с каждым годом будет становиться все шире и плодотворнее на пользу Приамурскому краю, а с ним вместе и всему нашему дорогому Отечеству»¹⁸⁵.

Новый читальный зал представлял собой прекрасное, по местным условиям, помещение с двойным освещением и мог вместить одновременно до 50 читателей. Для специалистов имелся особый, изолированный небольшой читальный зал. Большая часть платных абонементов приходилась на чиновников и их семейства, а также офицеров, учителей, купцов, ремесленников и лиц духовного звания. Из русских писателей наибольшим спросом пользовались Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов и др. В распоряжении читателей находились так называемые «толстые» журналы: «Русская мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Вестник Европы», «Вестник иностранной литературы».

О популярности библиотеки свидетельствует факт: в 1898 г. читальный зал посетило 5 тыс. читателей, в среднем 16 человек в день. Значительно увеличился контингент посетителей читальни «из простолюдинов, нижних чинов, служащих магазинов, ремесленников». «Читальня библиотеки становилась действительно общедоступной, народной», – делал вывод В.В. Перфильев. Во многом усилиями директора для читателей были созданы комфортные условия. Удалось издать два выпуска библиотечных каталогов. С целью воспитания читательской культуры посетителям вручали памятку. Был налажен учет читательского спроса. Библиотека продолжала получать книги, как тогда говорили, от жертвователей. Так, пришло письмо из Парижа (1901 г.), что скончавшийся там известный исследователь Дальнего Востока и общественный деятель М.И. Венюков завещал свои книги Николаевской библиотеке в Хабаровске.

Немало книг Гродеков передал Осиновскому Иоанно-Предтеченскому обществу трезвости, основанному в 1901 г. священником Г.Г. Ваулиным. Среди них Энциклопедический словарь в 14 томах, «История государства Российского» Н.М. Карамзина в 13 томах, сочинения Н. Гоголя, Н. Некрасова и др. Внесенные Николаем Ивановичем книги в библиотеку Восточного института были выделены в особый отдел «Гродековский».

Николаевская библиотека всячески поддерживала открывавшиеся библиотеки в других городах, способствовала распространению библиотечного дела в крае, делилась дубликатами книг с другими отделениями Приамурского отдела. Общественной библиотеке в Николаевске на Амуре из числа дубликатов был отправлен ящик с 215 томами книг. Библиотеки Читы получили 1 700 томов различных книг, общественная библиотека Благовещенска – почти 1 300 томов. Влияние Николаевской библиотеки вышло за границы края. Когда в Сеуле образовалась русская колония, то в ее адрес для создания общественной библиотеки было выслано 400 томов книг различного содержания. Кроме того, был открыт прием пожертвованных книгами для той же цели. Для образования общественной библиотеки в Порт-Артуре из Хабаровска были отправлены три ящика книг с 632 томами¹⁸⁶.

сделанные собственноручно епископом Камчатским, впоследствии митрополитом Московским, Иннокентием во время его просветительской деятельности на Востоке.

За семь лет самоотверженного труда на посту общественного директора Николаевской библиотеки, фонд которой вырос в 70 раз, В.В. Перфильев заслужил большую признательность горожан. Как выразился один из корреспондентов «Приамурских ведомостей», «среди здешней сухой прозы жизни ПО ИРГО с Николаевской публичной библиотекой и музеем является ее поэзией».

В конце XIX в. приобрели популярность общества народных чтений. Особо активным являлось общество во Владивостоке, насчитывавшее около 170 участников. Помимо устройства народных чтений были созданы две бесплатные библиотеки-читальни, воскресная школа и вечерние курсы, на которых преподавали английский и китайский языки. Удалось решить вопрос о постройке Народного дома, на что было собрано 20 тыс. рублей и получено согласие Министерства финансов на отпуск из казны 10 тыс. рублей. Хабаровское общество, объединившее более 50 участников, устраивало чтения не только в городе, но и в окрестных деревнях. При этом сельскому населению передавали в бесплатное пользование передвижные библиотеки. За шесть лет существования общества в Благовещенске устраиваемые им народные чтения посетили почти 14 тыс. человек¹⁸⁷.

Кроме Приамурского отдела Географического общества в крае возникли другие научные объединения. Во Владивостоке в 1898 г. образовалось отделение Императорского Русского технического общества (ИРТО), в котором через два года насчитывалось уже 76 членов. В его собраниях состоялись доклады по военно-морскому, инженерному и горному делу и по вопросам электротехники. Врачи Уссурийского края, Благовещенска и Читы создали объединения, в которые вошло 130 человек. Общество врачей Южно-Уссурийского края в 1898–1899 гг. обсудило 24 доклада по проблемам, имевшим общественное значение. Оно занималось решением вопросов научного, врачебно-административного и специально-гигиенического характера, активное участие принимало в организации предупредительных мер в ликвидации эпидемии холеры

во Владивостоке в 1902 г. По предложению общества в 1894 г. во Владивостоке был введен морской карантин, была открыта Пастеровская станция.

Приамурское юридическое общество во Владивостоке объединяло до 50 человек. В ежемесячных собраниях обсуждались вопросы, возникавшие в практике здешних судов, происходил живой обмен мнениями между судебными чинами гражданского, военного и морского ведомств.

Безусловно, главным объединителем интеллектуальных сил края являлось Приамурское географическое общество, в короткий срок занявшее заметное почетное место в ИРГО. Оно превратилось в авторитетную научно-исследовательскую организацию, прокладывающую первые тропы на трудном пути освоения дальневосточной окраины. В большой мере этому содействовал Н.И. Гродеков, который четыре года являлся непосредственным руководителем Приамурского отдела и четыре года патронировал его, будучи генерал-губернатором. В условиях освоения края отдел был больше чем научное общество. Он стал связующим звеном между администрацией и интеллигенцией, содействовал их деловому, неформальному общению, что приносило немало пользы культуре и просвещению населения. Возникшие в лоне общества в основном на частные пожертвования музей с богатой коллекцией и художественными полотнами и публичная библиотека превратились в культурно-просветительские центры, доступные для широких кругов населения.

Подчеркнем, что совет Приамурского географического общества, его крепкое ядро исследователей, занимавшихся изучением географии, истории, этнографии, биологии, минералогии края, в то время составляли в основном гражданские чиновники и офицеры, которые находились на Дальнем Востоке временно. Но они не были временщиками. Возможно, что многие из них соглашались на дальневосточную службу не только потому, что она давала определенные льготы, но и потому, что, проявляя интерес к какому-либо направлению исследований, они надеялись реализовать его на Дальнем Востоке. И многим это удавалось в полной мере. Проникшись чувством восхищения здешней первозданной природой, несметными природными богатствами края, они становились

патриотами Приамурья, убежденными сторонниками его освоения, понимавшими значимость этих земель для процветания России. К счастью, имена многих из них сохранились в истории, и первое – Николай Иванович Гродеков. И сто с лишним лет спустя их самоотверженность и энтузиазм вызывают чувства восхищения и признательности. В дело создания музея и библиотеки отцы-основатели и общественность внесли так много бескорыстия и душевности, что на долгие годы определили им счастливую судьбу.

Н.И. ГРОДЕКОВ –
ТРЕТИЙ ГЕНЕРАЛ-
ГУБЕРНАТОР
ПРИАМУРСКОГО
КРАЯ

Еще Петр Великий ввел в практику широкое привлечение профессиональных военных к государственному управлению. В конце XIX – начале XX вв. на престижные, хорошо оплачиваемые посты главных администраторов краев и областей, как правило, назначали заслуженных военных, в прошлом боевых генералов. Обычно после указа Сената и высочайшего приказа император давал аудиенцию вновь назначенному генерал-губернатору, на которой высказывал напутственные пожелания, а главное, подтверждал тот факт, что на службу генерал-губернатор назначен императором, является его доверенным лицом и перед ним будет нести полную ответственность за свои действия.

Управленческие проблемы. Процедура назначения Н.И. Гродекова Приамурским генерал-губернатором оказалась иной. После принятого четырехлетнего срока службы на Дальнем Востоке С.М. Духовского отозвали в Петербург, где

он был назначен на новое место службы — генерал-губернатором Туркестана. Н.И. Гродеков же оставался на месте и исполнял обязанности генерал-губернатора Приамурья. 28 марта 1898 г. император Николай II подписал приказ о назначении генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова Приамурским генерал-губернатором, командующим войсками военного округа и войсковым наказным атаманом Дальневосточных казачьих войск, о чем был уведомлен правительственной телеграммой. На основании правительственной телеграммы был издан приказ с объявлением ее содержания.

Сергей Михайлович расстался с Николаем Ивановичем по-благородному, душевно. В краевой газете был опубликован последний приказ Духовского по войскам Приамурского военного округа. «Сердечно радуюсь, — говорилось в нем, — что преемником моим назначен бывший помощник мой, деливший со мною несколько лет труды по управлению округом и командованию войсками. Прошу генерал-лейтенанта Гродекова принять вместе с приветствием мою самую сердечную признательность за всегда высокочестное, истинно патриотическое, беззаветное сотрудничество»¹⁸⁸.

Обращаясь к Н.И. Гродекову из Петербурга, С.М. Духовской в телеграмме писал: «С тяжелым чувством расстаюсь с моими амурскими сослуживцами и с делом, которому я посвятил столько сил. Радуюсь, что именно Вы стали моим преемником, и передаю Вам слова государя: «Весьма желательно, чтобы дальнейшее развитие Приамурского края шло без ломки принятой системы». Дай Бог Вам здоровья, сил и счастья... Еще и еще раз благодарю Вас за нашу общую работу на Амуре. Каждый год при этом приносит так много нового и обещает Вам поприще широкое и благотворное»¹⁸⁹.

Итак, Н.И. Гродеков получил широкое поприще деятельности — он стал главным начальником огромного молодого края, где шел процесс укоренения России в условиях быстро менявшихся отношений с сопредельными странами — Китаем и Японией. За предыдущие четыре года службы на Дальнем Востоке он основательно изучил край, имел собственные представления о его насущных проблемах, перспективах развития и путях освоения. Теперь появилась возможность их реализовать.

Кто же являлся сподвижниками Н.И. Гродекова по преобразованию края? Помощником его был назначен генерал-лейтенант Аркадий Семенович Бенеvский, который в 1880-е гг. уже служил на Дальнем Востоке в должности военного губернатора Амурской области. Военными губернаторами, командующими войсками и наказными атаманами являлись в Амурской области генерал-майор Константин Николаевич Грибский, в Приморской области — генерал-майор Николай Михайлович Чичагов. Военным губернатором и начальником местных войск острова Сахалин с мая 1889 г. назначен генерал-майор Михаил Николаевич Ляпунов. Правителем канцелярии генерал-губернатора стал Матвей Петрович Щербина, коллежский советник, имевший юридическое образование.

Н.И. Гродеков обратился в МВД с ходатайством об увеличении штата канцелярии генерал-губернатора, аргументируя эту необходимость тем, что штаты, определенные в момент образования Приамурского края, уже не соответствовали значительно возросшим объемам работ. За 13 лет делопроизводство канцелярии увеличилось почти втрое, а число сотрудников осталось прежним, что негативно отражалось на административном управлении краем. Но доводы Гродекова в столице были проигнорированы. Малочисленность штата управления Приамурского генерал-губернаторства в какой-то мере удавалось компенсировать высоким профессионализмом его чиновников, в большинстве случаев имевших высшее или среднее юридическое образование.

Особо Гродеков настаивал на введении должности помощника правителя канцелярии. Генерал-губернатор часто брал с собой правителя канцелярии в поездки «для обозрения края», и на него выпадал главный труд по разработке всех проектов и представлений, исходивших от генерал-губернатора. Поскольку поездки эти оказывались довольно продолжительными, канцелярия в это время оставалась без надлежащего руководства¹⁹⁰. Но министр финансов ходатайство отклонил со ссылкой на то, что в других губерниях нет должности помощника правителя канцелярии. Прецедент введения такой должности послужил бы поводом для просьб о введении ее и в других местах, что «вызвало бы довольно значительный расход государственного казначейства»¹⁹¹. В общем, С.Ю. Витте

не признал возможным «изъявить согласие на учреждение должности помощника правителя канцелярии Приамурского генерал-губернатора»¹⁹².

Для Гродекова настолько была очевидна необходимость введения новой должности и неубедительность отказа, что он вновь возбудил ходатайство. В МВД с генерал-губернаторами, как правило, старались в конфронтацию не вступать, поэтому нашли компромиссное решение «при сохранении лица» Витте. Было предложено одну из существовавших должностей – чиновника по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе – перевести из VI в V класс с возложением на него обязанностей помощника правителя канцелярии. Эта «маленькая бумажная война» Гродекова свидетельствовала, что столичные чиновники высокого ранга время от времени демонстрировали свою силу и власть местным администраторам. Боевой же генерал Гродеков не умел сдавать свои позиции, он привык брать на себя всю полноту ответственности за принимаемые решения, что порой ставило столичных чиновников в сложное положение.

Приамурскому генерал-губернатору принадлежало главное управление областями, местное же – военному губернатору, как по военной, так и по гражданской части.

Штат управления Амурской области, утвержденный в 1858 г., к этому времени не изменился и состоял из 19 чиновников, семь из которых входили в штат канцелярии по гражданскому управлению, где, в частности, были три чиновника по особым поручениям, один из которых выполнял обязанности землемера, и два переводчика с маньчжурского и монгольского языков. Окружной суд насчитывал четыре человека. В Благовещенске был полицмейстер. Медицинская часть была представлена областным врачом (он же заведующий медицинской частью в области), старшей повивальной бабкой и двумя лекарскими учениками – всего четыре человека¹⁹³.

Не претерпел изменений и штат управления Приморской областью, который был утвержден еще в 1856 г. Всего в него входило 46 чиновников, в два с лишним раза больше, чем в Амурской области. Так называемое общее управление состояло из восьми человек: правителя канцелярии, его помощника,

чиновников для особых поручений, землемера и чиновника по горному делу. В частное управление входили окружной суд (четыре человека) и окружное казначейство (пять человек). Управление городской и земской полицией, охватывавшее Николаевск, Удск, Гижигу, состояло из 13 человек. Сравнительно большим было медицинское ведомство, включавшее инспектора по медицинской части, его помощника, окружных врачей, лекарских учеников и двух повивальных бабок — всего 16 человек¹⁹⁴.

Каждому чиновнику был расписан оклад годового содержания серебром, состоявший из жалованья и «столовых». Оклад военного губернатора Амурской области составлял в целом 4 тыс. рублей. В Приморской области только «столовых» военному губернатору предназначалось 6 тыс. рублей, а жалованье он получал по морскому ведомству. Чиновникам же областей назначались приблизительно одинаковые оклады. Повивальной бабке был положен годовой оклад в 400 рублей. Н.И. Гродеков получал 35,5 тыс. рублей в год: 5,5 тыс. рублей — за звание командующего войсками, в 30 тыс. рублей — за службу генерал-губернатором¹⁹⁵.

В самодержавной государственной системе России, действовавшей в конце XIX — начале XX вв., взаимоотношения центральной (император, правительство) и местной (губернатор и генерал-губернатор) властей носили крайне противоречивый характер. С одной стороны, было некоторое понимание необходимости предоставления «блюстителям неприкосновенности верховных прав самодержавия» на местах — генерал-губернаторам и губернаторам — некоторой самостоятельности в силу усложнившихся социально-экономических и политических отношений в различных районах России, их непохожести и своеобразия. С другой стороны, центральная власть не желала расставаться со своими прерогативами, так как она боялась, что это могло ослабить ее и подточить незыблемость самодержавной власти в России. Вот как об этом писал Иван Блинов в своем исследовании «Губернаторы. Историко-юридический очерк», вышедшем в 1905 г.: «...Некоторая самостоятельность необходима, но, с другой стороны, как бы эта самостоятельность не была ограничена, как бы деятельность не была сужена, все же, безусловно, необходим посто-

янный ее поднадзор – организация ответственности, при отсутствии которой носитель даже самой ничтожной и самой ограниченной власти окажется достаточно сильным, чтобы совершать величайшие злоупотребления»¹⁹⁶.

Конечно, дело было не столько в опасности злоупотреблений местной власти, хотя и этого нельзя было исключить, сколько в нежелании самодержавия идти хотя бы на малейшие ограничения своей власти. В таких условиях генерал-губернатор мог или точно исполнять предписания центра, зачастую вопреки интересам подопечной территории, или, отстаивая назревшие потребности своего региона, вступать с центральной властью в изнуряющие бумажные баталии. Именно к последней категории главных начальников относился Н.И. Гродеков. И дело не только в его самостоятельном, целеустремленном характере. Безусловно, и это было очень важно. Обладая огромным администраторским опытом, обширными знаниями о своеобразии приамурских земель, он разумно полагал, что центральная власть должна со всем этим считаться и вносить коррективы в свою внутреннюю и внешнюю политику, проводимую на Дальнем Востоке. Зачастую, не находя поддержки в столице, генерал-губернатор поступал на свой страх и риск в интересах края и в конечном счете в интересах России.

В затруднительной ситуации оказались правительственные чиновники, когда в 1899 г. военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов с согласия генерал-губернатора издал приказ «О поселении китайцев и корейцев в особых кварталах г. Хабаровска». Основанием для него послужило постановление Хабаровской городской думы, которым «для поселения инородцев» выделялись особые кварталы города, с целью «приведения г. Хабаровска в надлежащее санитарное состояние»¹⁹⁷. Цель этих нововведений состояла в том, чтобы навести порядок в городе, бесконтрольно наводнявшемся иммигрантами, которые из-за отсутствия надлежащей полицейской службы оказывались вне какого-либо надзора. Гродеков, конечно, знал, что вопросы, связанные с поселением иностранных граждан, находились в компетенции центральных властей. Была надежда, что эхо приказа не докатится до столицы. Но произошло иначе. Около 40 китайцев, прожи-

вавших в Хабаровске и занимавшихся торговлей, обратились с письмами к Приамурскому генерал-губернатору и в Сенат с просьбой отменить постановление Приморского губернатора и приостановить выселение хотя бы тех китайцев, которые арендовали недвижимость у горожан. Они писали, что в результате переселения понесут «огромный имущественный ущерб»: «...много домов в городе построено нами за свой счет. К тому же запасы товаров и тысячи пудов хлеба на новом месте поселения негде разместить»¹⁹⁸. МВД потребовало от главного начальника края объяснений. Военный министр разъяснил Гродекову, что «это постановление, ограничивающее личные права китайцев и корейцев, противоречит российским законам, согласно которым инородцы, находясь в России, подлежат действию российских законов и пользуются общей защитой и покровительством. Поэтому принятые меры «могли бы последовать не иначе как с Высочайшего соизволения»¹⁹⁹. А в это время губернатор Амурской области также принимает постановление о выселении в особые кварталы проживавших в Благовещенске китайских подданных. При этом он ссылается не только на необходимость поддержания в городе санитарного порядка, но и на установление «надлежащего полицейского надзора» за китайцами при весьма ограниченном штате городских²⁰⁰. Одновременно городские думы Владивостока, Николаевска, Никольска-Уссурийского приняли постановления об устройстве особых кварталов для поселения китайцев и корейцев²⁰¹.

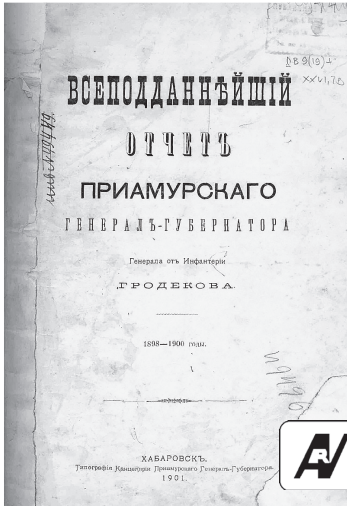
Столица требовала от генерал-губернатора ответа, и он отправляет на имя министра внутренних дел телеграмму: «Ввиду надвигающейся холерной эпидемии ходатайствую о скорейшем разрешении вопроса о поселении китайцев и корейцев в особые кварталах городов...». Переписка Гродекова с МВД затянулась более чем на два года. Только в октябре 1902 г. на имя Приамурского генерал-губернатора была получена телеграмма императора, в которой говорилось: «По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел высочайше соизволил на предоставление думам городов Приамурского генерал-губернаторства временно права составлять обязательные постановления об ограничении особыми кварталами в пределах означенных городов жительство тех азиатцев, антисанитар-

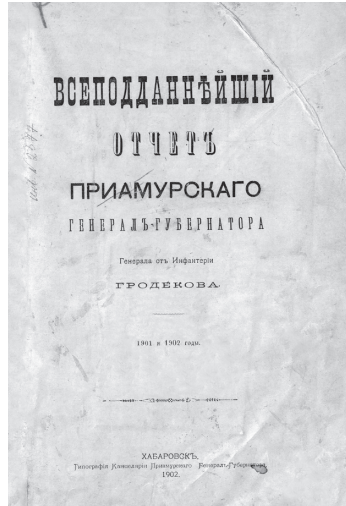
ные условия жизни которых вызывают необходимость особого за ними надзора»²⁰². Таким образом, благодаря твердости Н.И. Гродекова городские думы получили временные права, позволившие им регулировать расселение китайцев и корейцев на территории своих городов.

Генерал-губернатор обязан был в определенный срок отправлять императору отчет о своей деятельности, в котором он излагал изменения, происшедшие на вверенной ему территории, а также формулировал предложения и просьбы. Отчеты не являлись обыкновенной формальностью, подтверждением чего служило письмо министра финансов С.Ю. Витте Гродекову, в котором он писал: «...Как правило, в отчетах весьма большое внимание отводится обыкновенным предположениям, имеющим своей целью возможно полное удовлетворение нужд местного населения, но в большинстве случаев не приводится никаких соображений об источниках, на которые могли бы быть отнесены новые расходы, нередко весьма значительные»²⁰³. Ссылаясь на высочайшее утвержденное в июне 1898 г. «Положение об изменении программы для составления ежегодных всеподданнейших губернаторских отчетов», Витте подчеркивал, что в отчетах «должно быть объяснено, не представляется ли возможным отнести вызываемый проектируемою мерою расход, весь или частью, на какие-либо местные источники и на какие именно». Независимо от этого «представляется желательным, чтобы во всеподданнейших отчетах указывались также и те мероприятия, которые могут быть приняты в данной местности для увеличения государственных доходов вообще»²⁰⁴. Разумные требования, ориентировавшие губернатора на поиск местных источников для покрытия расходов, навряд ли были приемлемы в условиях Приамурского края, так как край являлся целиком дотационным.

Отчеты генерал-губернатора императору традиционно назывались «всеподданнейшими». Однако в тексте отчетов Н.И. Гродекова нельзя обнаружить даже подобострастной нотки. Отчеты были написаны кратко, четко, сдержанно, содержали обширную достоверную информацию о происшедших изменениях в генерал-губернаторстве и постановку новых насущных вопросов обустройства жизни в крае, обеспечения его

*Всеподданнейший отчет
Приамурского генерал-губернатора
генерала от инфантерии Гродекова
1898—1900 гг. Хабаровск, 1901 г.*

*Всеподданнейший отчет
Приамурского генерал-губернатора
генерала от инфантерии Гродекова
1901 и 1902 гг. Хабаровск, 1902 г.*

безопасности, защиты интересов России в Тихоокеанском регионе.

Император ознакомился с губернаторскими отчетами, оставляя на их полях лаконичные пометки вроде «отрадно», «приятно», «жаль», «неужели» и т. п. С помощью МВД эти пометки доводились до сведения губернатора, часть из них являлась основанием для подачи прошений. Так, на первом отчете генерал-губернатора Гродекова император сделал более 20 заметок, часть которых он адресовал министрам внутренних дел, земледелия, финансов, путей сообщения. Были и такие пометки: «С этими дорогами надо поспешить» — речь шла о проведении грунтовых дорог. Или «Это необходимо, но придется подождать» — по поводу постройки рельсового пути, который бы соединил Сретенск с Покровкой. На предложение о приобретении специальных пароходов для полицейской службы по Амуру и Усури Николай II прореагировал так: «Что предполагается сделать. Пора заказать несколько речных канонерок»²⁰⁵.

В свою очередь главный начальник края не стеснялся на-

помнить царю, что до сих пор не получили разрешения ходатайства, которые были возбуждены генерал-губернатором А.Н. Корфом, подтверждены генерал-губернатором С.М. Духовским и разрешение которых считал целесообразным и он, третий генерал-губернатор Приамурского края. В их число входили следующие:

— об увеличении существовавшей нормы почетных наград для служащих в Приамурском крае;

— о распространении на всех служащих в Приамурском крае права на получение пособий на воспитание детей;

— о передаче поступающих ныне на рассмотрение генерал-губернатора некоторых дел на окончательное разрешение военным губернаторам;

— об учреждении должностей крестьянских начальников;

— об усилении штатов полиции в г. Николаевске;

— об учреждении в г. Никольске-Уссурийском городской полиции и должности городского врача²⁰⁶ и др.

Переселенческое дело. Одним из ключевых направлений деятельности генерал-губернатора Гродекова являлись заселение Приамурского края и организация здесь нормальной жизни переселенцев. Заселение русскими отдаленной, почти безлюдной окраины всегда признавалось правительством делом государственной важности. Почти 40 лет переселение на Дальний Восток, знавшее взлеты и падения, осуществлялось на основе Правил от 26 марта 1861 г. Согласно им поселение разрешалось или целыми обществами, не менее 15 семей, или же отдельными семьями-хуторами с отводом земельного надела. В том и другом случаях — до 100 десятин на каждую семью. Земля передавалась в бесплатное пользование на 20 лет, с правом выкупа отведенных им земельных участков, а также с возможностью приобретать в собственность новые наделы земли с оплатой по 3 рубля за десятину. Переселенцы освобождались от подушной подати навсегда, а от воинской повинности — на 10 наборов. Поселение разрешалось всем пожелавшим прибыть в край на свой счет без всякой помощи от казны. Затем отдельные положения этих Правил уточнялись в специально принятых узаконениях. Менялись способы доставки переселенцев в край — сухопутно-речной, морской. Но переселенческий процесс по-прежнему регулировался Правилами 1861 г.

В течение многих лет заселение шло без предварительного изучения природных, климатических условий, поспешно, непродуманно, неряшливо. Поселенцы попадали в труднейшие ситуации, нередко случалось, что земля, на которой крестьяне обустроились, внесли в ее возделывание немало труда, в годы сильного наводнения затапливалась, и им приходилось перебираться на новые места. Именно среди засельщиков, испытывавших подобные мытарства, родились слова: «Кто на Амуре не бывал, тот горя не знал. Кто на Амуре побывал, тот горе всякое узнал»²⁰⁷.

С образованием Приамурского генерал-губернаторства процесс заселения стал изменяться в лучшую сторону. С каждым годом росла численность переселенцев. Существенно она возросла в годы губернаторства Н.И. Гродекова. К 1900 г. в Приамурский край переехало 15,4 тыс. человек, превысив почти втрое переселение 1898 г. и в шесть раз — 1896 г.²⁰⁸ Этому в немалой степени содействовало проведение Забайкальской железной дороги. В 1901 г. численность переселенцев достигла 16,7 тыс. человек с учетом казачьего сословия и запасных нижних чинов²⁰⁹. Каждый крестьянин пользовался пашней на правах ее захвата в таких размерах, в каких только был в состоянии ее обработать. Значительная часть крестьян, прожившая в крае уже несколько лет, в экономическом отношении представляла собой слой зажиточных крестьян. Такие села в Уссурийском крае, как Черниговка, Спасское, Григорьево, во многом состояли из крестьянских семей, достигших благосостояния.

Какое же влияние на осуществление государственной переселенческой политики оказывал главный начальник края, какова была его позиция в области землепользования, какие практические вопросы жизни переселенцев ему удалось решить?

Морской способ доставки переселенцев усилил их поток в южные районы Приморской области. Возникшие в связи с этим технические и организационные трудности заставили генерал-губернатора укрепить переселенческую службу новыми назначениями. По рекомендации Н.И. Гродекова заведующим переселением в Южно-Уссурийский край получил назначение энергичный, опытный Н.Л. Гондатти, который по этому случаю «имел счастье представляться государю им-

ператору». Гродеков распорядился назначить его по совместительству вице-губернатором Приморской области с правом исполнять обязанности по управлению во время отсутствия губернатора во Владивостоке.

В связи с тем, что действие Правил о переселении в Южно-Уссурийский край истекло в 1900 г., особо остро встал вопрос о выработке новых правил. Правительство в 1898 г. предоставило Приамурскому генерал-губернатору право разработать предложения о поземельном устройстве Амурской и Приморской областей. В начале 1900 г. в газете «Приамурские ведомости» появились аналитические статьи о форме землепользования, о землеустройстве, об основах сельскохозяйственной организации в Приамурском крае, авторами которых являлись специалисты-агрономы из управления государственными имуществами — А. Пожарский, К. Евтушевский, Ф. Дульский.

По распоряжению главного начальника края губернаторы и наказные атаманы должны были собрать и предварительно разработать необходимые материалы. Учитывая, что разработка новых правил — дело трудоемкое, требующее немало времени, был составлен временный проект, который летом 1900 г. утвердил император. Согласно ему устанавливалась новая уменьшенная в 6 раз норма земли для сельских переселенцев: вместо 200 десятин на семью выделяли 15 десятин на мужскую душу.

Вопрос о разрешении частного землевладения вылился в принципиальную проблему. Гродеков был убежденным сторонником разрешения частной собственности на землю. Он считал, что местные землевладельцы-собственники проявляют более бережливое, нежели крестьяне-общинники, отношение к земле, заботятся о сохранении и расширении лесных площадей в малолесных местностях, проводят опыты по разведению плодовых и ягодных садов. В общем, частное землевладение давало «более широкий простор для проявления личной предприимчивости». Генерал-губернатор предлагал в новые правила включить положение о предоставлении казенных земель частным лицам не только в пользование, но и в собственность. Вместе с тем случаев выкупа наделных земель в собственность, предоставленного Правилами 1861 г., в крае не наблюдалось. Не встречая претензий соседей, спокойно

пользуясь отведенными угодьями, не платя ни поземельной, ни оброчной податей, общества крестьян не имели никакой нужды выкупать предоставленные им в виде обширных наделов земли. Предложение Гродекова во многом было рассчитано на перспективу. «В будущем, — писал он императору, — желательнее право приобретения казенных земель в пользование и в собственность распространить на лиц всех сословий»²¹⁰, так как было немало купцов, мещан и чиновников, вносивших в дело сельского хозяйства кроме денежных средств и личный труд, и знания и приносивших несомненную пользу краю. Своим примером и содействием они оказывали влияние на развитие и усовершенствование окрестных хозяйств. Летом 1901 г. последовало высочайше утвержденное мнение Государственного совета об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Этот закон вызвал многочисленные заявления лиц, желавших приобрести земельные участки в собственность для сельскохозяйственных и отчасти промышленных целей.

Накопленный опыт организации жизни переселенцев, изучение основных тенденций освоения края позволили генерал-губернатору вносить необходимые коррективы, уточнения в переселенческую политику правительства. В 1902 г. он поставил вопрос о возможности переселения на Амур так необходимых и полезных для края кустарей и ремесленников, предусмотрев выдачу им увеличенного пособия из казны. Ремесленники могли восполнить нужды и городских, и сельских жителей в необходимых для них изделиях. По наблюдению Гродекова, переселенцы из Малороссии, привыкшие к родным степям, неохотно селились на местах лесистых и увалистых. А именно такие места настала очередь обживать. «Для этого больше бы подошли великороссы средних и северных губерний», — считал генерал-губернатор. Важно было в числе переселенцев иметь и рыбаков, учитывая перспективы развития рыбного промысла и местного каботажа. Начало переселения рыбаков было положено в 1899 г. За четыре года 225 прибалтийских и 110 таврических рыбаков расселились по побережью Приморской области близ Владивостока.

Освоение северо-востока Приморской области, Камчатки, отличавшихся суровыми условиями жизни, отдаленнейших районов, отрезанных от всех населенных центров края, тре-

бовало от засельщиков особой предприимчивости, энергии и стойкости в борьбе с природой и диким зверем. Именно этими качествами, по мысли главного начальника края, обладали религиозные сектанты, уже внесшие свою лепту в колонизацию Амурской области и составившие наиболее зажиточную часть ее сельского населения.

По мнению Гродекова, «необходимо влить в край в ближайшее же время, по крайней мере, миллион переселенцев»²¹¹. Думается, что заявление было нереальным. Ведь за все время присоединения Приамурья и Приморья к России по август 1902 г. в край переселилось около 126 тыс. крестьян и около 26 тыс. казаков, то есть всего свыше 150 тыс. человек. Что понимал Гродеков под «ближайшим временем»? Если даже десятилетие, то при условии вселения 20 тыс. человек в год и то это было бы всего 200 тыс. человек. Скорее всего, на миллион переселенцев Приамурский край мог рассчитывать на дальнюю перспективу, а не на ближайшее время.

Понимая, что реализация правительственной переселенческой политики по многим параметрам зависит от организации дел на месте, главный начальник края добился от центра значительного увеличения численности землеустроительной партии, а также права образовать 10 отрядов из офицеров и нижних воинских чинов для проведения в области рекогносцировки в целях изыскания земель, годных для образования переселенческих и хуторных участков. Данные, добытые ими, в значительной степени облегчали работу землеустроительной партии и дали возможность принять всех переселенцев 1900 г. и заготовить достаточный запас участков на 1901 и 1902 гг. Одновременно данные, полученные воинскими отрядами, свидетельствовали, что запас земель, непосредственно пригодных под заселение в Уссурийском крае, незначителен: почти все удобные и близкие к железной дороге и населенным пунктам места уже заняты переселенцами. Но это вовсе не означало, что колонизационная возможность края исчерпана. Оставались огромные массивы земель, для освоения которых требовались мелиоративные работы и прокладка грунтовых дорог. Гродеков настаивал на необходимости совместно с землеустроительными работами производить осушение местности. Для этой цели он считал важным включение в землеустрои-

тельную партию специалистов-гидротехников и двух дорожных техников.

Резервом свободных и удобных земель обладали Амурское и Уссурийское казачьи войска. По ходатайству начальника края под руководством чиновников канцелярии Комитета министров летом 1901 г. было проведено хозяйственное обследование казачьих селений. На основании собранного материала, с учетом мнения местного совещания из представителей заинтересованных ведомств, Гродеков сделал заключение, сущность которого сводилась к следующему. Значительность размеров земельных площадей, временно зачисленных за казаками Амурского и, в особенности, Уссурийского войск, допускает возможность выделения наиболее удаленных от государственной границы частей этих земель для крестьянской колонизации. Опыт показывал, что земли, отводимые в запас войску, принося сравнительно малый доход, недостаточно обеспечивали войсковые нужды. Поэтому представлялось более целесообразным вместо отвода в запас войску больших земельных площадей удовлетворять местные казачьи нужды путем соответственного отпуска казенных денежных средств.

Естественно, что от грамотной организации расселения засельщиков во многом зависело закрепление, укоренение их на дальневосточной земле. Но еще в большей степени оно зависело от того, насколько местная власть помогала земледельцу адаптироваться к местным условиям труда и быта. При отсутствии земств в крае все тяготы работы в этой сфере выпали на органы местной администрации и, главным образом, на управление государственных имуществ, на которое были возложены и заботы о сельском хозяйстве. Следует сказать, что управление состояло из агрономов, понимавших важность изучения климата, почв, широкого спектра агрономии для грамотной постановки сельскохозяйственного производства в крае. Прислушиваясь к их компетентному мнению, главный начальник края ходатайствовал об организации десятков хорошо обставленных метеорологических станций, о создании сети сельскохозяйственных опытных показательных полей, об учреждении казенного склада сельскохозяйственных машин и т. д. Жизнь заставляла генерал-губернатора просить центральные власти об открытии кредита для устройства в сельской

местности мельниц. Встала проблема и сбыта выращенного в крае зерна. Дело в том, что ввозимое из Маньчжурии зерно было гораздо дешевле по сравнению с местным. Основными покупателями местного зерна были интендантства военного округа.

Немаловажным фактором укоренения на дальневосточной земле крестьян, переселившихся из западных областей России, являлось создание условий для реализации их традиционных религиозно-обрядовых потребностей. При Гродекове в крае развернулось широкое церковное строительство, чему в большей мере содействовала поддержка церковностроительного фонда имени императора Александра III. За пять лет (1897–1902 гг.) на строительство церквей в Приамурье этот фонд выделил свыше 134 тыс. рублей; в Уссурийском крае на строительство церквей 38 тыс. рублей отпустил Комитет Сибирской железной дороги. В эти годы в генерал-губернаторстве было построено 30 церквей, в том числе в Уссурийском крае – 23, в Амурской области – две, в Забайкалье – пять церквей. Храмы были возведены и в городах – Владивостоке, Благовещенске, Чите. В Никольске-Уссурийском был открыт прекрасный соборный храм, сооруженный исключительно на средства, полученные от городского общества и пожертвованных частных лиц. Основанный в 1895 г. близ станции Шмаковка Свято-Троицкий Николаевский монастырь стал не только духовным, но и просветительским центром, внесшим свою лепту в распространение среди крестьян близлежащих деревень сельскохозяйственной культуры.

Учреждение Владивостокской епархии, а также открытие во Владивостоке духовной семинарии и училища привели к упорядочению религиозной жизни в крае.

Немалое беспокойство местным властям доставляли так называемые «самовольные» переселенцы-крестьяне, не получившие разрешения на переселение и прибывшие в край по годичным паспортам. Эта категория переселенцев добиралась до Хабаровска с непомерными трудностями: по дороге им приходилось делать остановки, чтобы добыть себе средства на пропитание и дальнейший проезд по железной дороге или пароходом. В 1900 г. таких «самовольщиков» оказалось около тысячи человек. Им не полагались пособия из казны. Местные

власти понимали, что этих людей нельзя бросать на произвол судьбы, и оказывали им помощь через благотворительное общество для переселенцев. Основанное в 1899 г. в Хабаровске это общество предназначалось для оказания помощи и покровительства нуждающимся переселенцам. Общество имело свое отделение во Владивостоке и располагало общим капиталом в 30 тыс. рублей²¹². Оно оказывало помощь неимущим или впадшим в бедность, пережившим несчастье переселенцам путем выдачи ссуд на домоустройство, на обзаведение скотом. Ссуды выдавались также для устройства мельниц и кузниц. Общество оборудовало специальные склады, снабжавшие переселенцев продовольствием и предметами первой необходимости по дешевой цене. Было решено построить в Никольске-Уссурийском приют для нетрудоспособных переселенцев.

Даже беглый обзор деятельности генерал-губернатора на главном направлении — заселении края — позволяет сказать, что он энергично воздействовал на правительственную переселенческую политику, внося грамотные, назревшие предложения, настойчиво решал многие важные практические вопросы обустройства новоселов на дальневосточной земле, способствовал повышению культуры земледелия и др. Но его возможности были чрезвычайно ограничены. Например, чтобы в землеустроительную партию включить гидротехника, или устроить опытное поле, или открыть сельскохозяйственную школу, он непременно должен был согласовывать эти частные вопросы с министрами, с МВД, ждать решения Госсовета, монаршего повеления. Секрет такой зависимости генерал-губернатора от центральной власти был очень прост — в его распоряжении не было даже нищего бюджета края. Оставалось одно — ходатайствовать, просить, убеждать, ждать, иногда на это уходили годы.

Охрана природных богатств Дальнего Востока. Генерал-губернатор Гродеков положил начало охранительной политике природных богатств, в первую очередь, в морском и рыбном промыслах. Это порождалось не только ростом добычи морских животных и рыбы российскими предпринимателями, но и возросшим иностранным промыслом в российских дальневосточных морях. Так, в губернаторском отчете за 1898—1900 гг. сообщалось о хищническом промысле китов и моржей

американскими предпринимателями у берегов Чукотского полуострова, использовавшими не парусные, как раньше, а паровые суда.

По инициативе главного начальника края были введены «Временные правила производства морского промысла в Приамурском генерал-губернаторстве» (1899 г.), которые предусматривали упорядочение лова рыбы, беспозвоночных и регламентацию способов их лова²¹³. За каждый добытый пуд рыбы, удобрительного тука, мяса с плавников акул, морской капусты, рыбьего и китового жира взималась пошлина, размер которой для иностранца был значительно выше, чем для российского подданного. Коренному населению (нивхам, айнам, чукчам и др.) разрешался беспошлинный и беспрепятственный промысел рыбы и морского зверя.

Вступившие в силу в 1901 г. «Временные правила производства в территориальных водах Приамурского генерал-губернаторства морского промысла» запретили иностранный промысел в российских дальневосточных морях. За нарушение предусматривался штраф. В первую очередь эти временные правила диктовались опасениями полного экономического, а затем и политического захвата Камчатки Японией, которая с каждым годом вела себя все агрессивнее.

Первенствующее значение по изобилию, ценности и размерам рыбного промысла имели три района — низовья Амура и его лиман, Южный Сахалин и полуостров Камчатка. Рыбные промыслы были переданы в ведение созданного управления госимуществ, которое в первую очередь занялось исследованием и упорядочением рыбного дела в районе Николаевска. Именно здесь располагался центр, снабжавший соленой рыбой весь край. Эта местность сравнительно густо была населена крестьянами и представителями коренных народов, интенсивно занимавшимися рыбными промыслами. Здесь имелись рыбообрабатывающие предприятия капиталистического типа. Крупный промысел, наносящий немалый ущерб местному населению, вели японцы. Все это и послужило поводом к упорядочению положения николаевского промысла. Было признано: лов рыбы иностранцам здесь совершенно запретить, русским предпринимателям использовать для лова местное население, разрешить иностранным подданным про-

изводить обработку приобретенной от русских ловцов свежей рыбы для вывоза в Японию, установить более выгодный для казны порядок сдачи в аренду рыболовных участков, охранить запасы рыбы от истребления. Все эти положения вошли в утвержденные Гродековым в 1899 г. временные правила для рыболовства в низовьях р. Амур. Они благоприятствовали развитию рыбного промысла в низовьях Амура, в частности в 1900 г. казенный доход от сдачи промысловых участков в аренду превзошел 1898 г. почти в девять раз и составил 115 тыс. рублей²¹⁴. На подобное регулирование рыбных промыслов на Сахалине и Камчатке в крае сил не было. «Огромное большинство рыбопромышленников на острове Сахалин в настоящее время японцы», — с сожалением констатировал в 1901 г. Гродеков. Он понимал, что весьма важно избежать без крайней необходимости каких-либо осложнений в наших отношениях с Японией. Но, с другой стороны, «постоянные, слишком легкие уступки, делаемые нами Японии, — считал генерал, — ...могут привести японцев к ложному убеждению относительно их силы и нашей слабости и сделать их более смелыми и упорными в своих претензиях»²¹⁵. Он сетовал на то, что «мы не являемся хозяевами на собственной территории», имея в виду Южный Сахалин. Строительство Сибирской железной дороги и КВЖД открыло для рыбных промыслов обширные рынки: появилась возможность сбывать сахалинскую сельдь как ценный пищевой продукт в Сибирь и европейскую часть России, а не перерабатывать ее в удобрение (тук) для Японии. Главный начальник края предлагал усилить заселение края рыбаками, поощрять местный русский каботаж выдачей ссуд на постройку и приобретение судов, открыть в Приморской области рыбопромышленные училища. Для производства морских промыслов в территориальных водах края главным начальником были утверждены временные правила. С целью ограждения от истребления иностранцами китов, моржей и прочих морских обитателей он считал необходимым последовать примеру американцев и завести особые суда для надзора за морскими промыслами, а для спасения котиков — заключить международное соглашение о запрещении охоты на котиков в море.

Охранительная политика распространялась и еще на одно природное богатство края — на леса. Строительство железных

дорог, промышленных предприятий, рост числа переселенцев с каждым годом увеличивали потребности в древесине. К концу века они возросли настолько, что возникла угроза истощения лесов, расположенных в благоприятной для вырубki зоне края. Лесничие-профессионалы и члены Географического общества, забившие тревогу по поводу хищнической вырубki лесов, инициировали разработку важных губернаторских постановлений и правил, которые должны были поставить преграду на пути разграбления лесов и ввести целесообразные правила и нормы в использовании богатых лесных запасов края. Проекты этих документов были разработаны под руководством начальника управления государственного имущества М.С. Веденского и вылились во временные правила для пользования лесами в крестьянских земельных наделах Амурской и Приморской областей²¹⁶, обнародованные в марте 1900 г. Лесные площади, находившиеся в составе крестьянских земельных наделов, подразделялись на лесные наделы, отводимые крестьянам для пользования лесными материалами, и наделы при назначении переселенческих участков.

Лесные наделы находились под надзором лесных объездчиков. Было решено усилить надзор со стороны полесовщиков и пожарных старост, число которых определяло управление государственных имуществ. Согласно временным правилам, полесовщики и пожарные старосты должны были выбираться из поселенцев хорошего поведения на собраниях крестьянских обществ сроком на три года. Затем управляющий государственных имуществ утверждал их в должности и по призыву в ближайшей церкви к присяге наделял их специальными медными знаками. Для чинов лесной стражи были предусмотрены такие льготы, как избавление от всех натуральных земских и мирских повинностей. Получение денежного вознаграждения зависело от решения Общества. В обязанности полесовщиков и пожарных старост входили охрана лесных массивов от самовольных порубок, наблюдение за тем, чтобы крестьяне рубили лес только в назначенных местах, наблюдение за исполнением в лесах противопожарных правил и т. д. С этими правилами было связано и постановление об организации лесной стражи в крае²¹⁷.

Главным начальником края были утверждены правила для отпуска, рубки и сплава леса в Приамурском крае (из заказных

казенных лесов). В них отмечалось, что все казенные леса в Забайкалье, Амурской и южной части Приморской областей (в округах Уссурийском, Хабаровском и Удском) признаны заказными. Сметы отпуска рубки леса в них должны планироваться на пятилетний срок. Их составляли местные лесничие при участии лесных ревизоров. Затем их представляли в управление государственных имуществ, где сметы составлялись по каждой области и утверждались генерал-губернатором. В правилах была подробно расписана вся процедура разрешенной вырубке леса на основе приобретения специального билета, система контроля за вырубкой и сплавом леса. Безденежные отпуска казенного леса в течение первых трех лет были предусмотрены: для крестьян-переселенцев, нижних чинов по увольнении в запас из армии и флота, оставшихся в крае на постоянное жительство; крестьян, казаков, инородцев, лишившихся домов от пожаров или наводнений; для постройки и ремонта монастырей, церквей, часовен; на постройку и ремонт общественных зданий, всякого рода училищ и т. п.²¹⁸.

Временные правила о разумном использовании лесов, по существу, являлись первыми лесоохранительными актами местного значения. Но на реализацию их не хватило ни технических, ни денежных средств, ни людских сил. Получалось по присказке: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Значение принятых актов состояло в том, что впервые была выдвинута проблема охраны лесов и разумного их использования, предложены пути ее решения.

Городское строительство. Каждый год эксплуатации Уссурийской железной дороги приносил новые доказательства ее высокой эффективности и культурного влияния на Приморскую область, в особенности на Уссурийский край. На линии дороги образовался новый город — Никольск-Уссурийский, в котором числилось к началу 1900 г. 10,7 тыс. жителей. С вводом железной дороги значительно увеличилась заселенная площадь края, так как уже при изыскательских работах были открыты новые участки земли, пригодные для земледелия. Железная дорога вызвала к жизни фабрично-заводскую промышленность в крае. После начала строительства дороги открылись спичечная фабрика, винокуренный завод, четыре пивоваренных, два чугунолитейных, три механических завода,

15 паровых мельниц и т. д. Кроме прямых и непосредственных выгод от установления скорого и удобного сообщения, давшего сильный импульс социально-экономическому развитию Уссурийского края, железная дорога вызвала огромное влияние на культурное его развитие, подняв престиж края, внушив веру в его будущность и способность вернуть затрачиваемые здесь труд и средства, разбудив энергию и предприимчивость его жителей. Население Владивостока и Хабаровска в 90-е гг. XIX в. увеличилось более чем вдвое.

Известный знаток хабаровской архитектуры Н.П. Крадин считает, что «наибольший всплеск развития архитектуры Хабаровска падает на годы губернаторства Н.И. Гродекова»²¹⁹. Стимулируя и одобряя многие начинания в области образования и культуры, он тем самым активно влиял на возведение новых зданий в административном центре края – Хабаровске, где в это время сложилась сильная команда военных и гражданских архитекторов и строителей. По проектам Н.Ф. Александрова, В.Г. Мооро, П.Е. Базилевского, Ю.З. Колмачевского и других было построено множество своеобразных каменных зданий, которые и сегодня являются украшением Хабаровска.

В октябре 1901 г. сомкнулась магистральная рельсовая линия КВЖД, в результате и Владивосток, и Порт-Артур соединились непрерывным рельсовым путем с Байкалом. Теперь только ширина этого озера разъединяла ее с линией, ведущей к Петербургу. Сооружению КВЖД начальник края дал самую высокую оценку. Он писал: «По смелости замысла, грандиозности сооружения и скорости выполнения разве только один Суэцкий канал может сравниться с сооружением Китайско-Восточной железной дороги... Таким сооружением справедливо может гордиться Россия»²²⁰. Он внес предложение назвать именами руководителей и строителей КВЖД выдающиеся сооружения и значительные станции дороги и таким образом выразить строителям признательность и увековечить их имена. Вместе с тем он считал необходимым соединить рельсовым путем станцию Сретенскую с Покровкой. Обосновывая свое предложение, он отмечал стратегическую важность обеспечения коммуникации Амурского края с тылом для упрочения нашего положения на Дальнем Востоке. Помимо военного значения этот путь был необходим для экономического развития Амурской области. Сооружение

КВЖД, привлекавшее в Маньчжурию русские капиталы и силы и давшее «могучее средство для экономического развития» северо-востока Китая, обернулось для Амурской области, лишенной удобных путей сообщения, спадом экономической активности, а в будущем был вероятен и «полный застой». Единственным средством избежать этого явилось бы устройство пути, который связал бы Приамурье с Европейской Россией, Гродеков начал ходатайство перед министрами путей сообщения и финансов о строительстве нового железнодорожного пути.

Большие надежды возлагались на прокладку грунтовой дороги вдоль Амура направлением от Хабаровска к станции Сретенской. В 1901 г. ее протяженность составила 226 верст и дошла до станции Михайло-Семеновской. Общая же длина дороги — 1 900 верст, но столь обширное строительство оказалось непосильно для областной администрации, и Гродеков возбудил ходатайство о передаче его в ведение Министерства путей сообщения. Управление водными путями Амурского бассейна, в распоряжении которого находились штат инженеров и техников и целая флотилия речных судов, имело финансовую базу для таких работ.

Сдерживающим фактором развития горного дела — добычи золота, цветных металлов — являлось отсутствие финансов. Н.И. Гродеков разделял мнение С.Ю. Витте о необходимости привлечения в край иностранного капитала. Успешно работавшая на всем российском Дальнем Востоке немецкая торговая компания «Кунст и Альберс» доказывала целесообразность привлечения в край иностранных предпринимателей. С 1898 г. начали поступать заявки на разведку нефти на Сахалине. В 1900 г. немецкий инженер Клейе организовал компанию, на средства которой проводилась разведка нефти на острове, но все это были лишь первые ласточки.

Сельскохозяйственная и промышленная выставка в Хабаровске в 1899 г. Оживлению экономической жизни края в значительной степени содействовала Амурско-Приморская сельскохозяйственная промышленная выставка, устроенная по инициативе генерал-губернатора в 1899 г. в Хабаровске. Гродеков высоко ценил просветительскую и пропагандистскую роль выставок и имел опыт их проведения со времен губернаторства в Туркестане.

К концу XIX в. выставочное движение, отражавшее развитие предпринимательства в пореформенный период, получило широкое распространение в России. Выставки устраивались промышленные, сельскохозяйственные, отраслевые в крупных торгово-промышленных центрах – Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Харькове, в губерниях.

Н.И. Гродеков решил приурочить организацию выставки к 15-летию административного образования Приамурского края. За разрешением он должен был обратиться в Министерство земледелия и государственных имуществ. В его телеграмме, в частности, говорилось: «Признавая ознакомление с условиями культуры, естественными богатствами края и его производительными силами в целях всестороннего развития вопросом первостепенной важности, полагал бы устроить выставку продуктов сельского хозяйства, рыболовства, кустарной, ремесленной и фабрично-заводской промышленности, которая явилась бы наиболее верным средством для изучения края, изучения столь необходимого ввиду вступления края с проведением Сибирской железной дороги в новую эру его экономической жизни»²²¹.

Получив разрешение на устройство выставки, главный начальник края образовал выставочный комитет под председательством своего помощника А.С. Беневского. В состав комитета вошли: управляющий государственными имуществами края М.С. Веденский, окружной инспектор училищ В.П. Маргаритов, старший чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Н.Л. Гондатти, хабаровский городской голова А.А. Рассушин и др. Затем было создано исполнительное бюро в составе А.В. Плюснина, Н.Л. Гондатти, Е.Т. Смирнова и других по непосредственному устройству выставки.

Из-за ограниченности в денежных средствах Амурско-Приморскую выставку решили устроить в кирпичных корпусах казарм 10-го Восточно-Сибирского линейного батальона, которые были отремонтированы и неплохо приспособлены к размещению экспозиции. Кроме того, были построены временные павильоны, помещения для музыкантов, специальный манеж для выводки лошадей, загоны для диких и домашних животных. Земля вокруг павильонов была вспахана и засеяна ранними злаками. Вход на выставку украсила

*Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка.
Общий наружный вид зданий. Хабаровск, 1899 г.*

красивая арка в русском стиле, сооруженная по рисунку члена выставочного комитета А.В. Плюснина. Павильоны, украшенные флагами и гирляндами из зелени, создавали праздничное настроение.

Часть экспонатов естественноисторического отдела, предназначенная для Парижской всемирной выставки 1900 г., размещалась в музее Приамурского отдела ИРГО. Было образовано десять отделов выставки, пять из которых отражали развитие сельскохозяйственного производства, а именно: полеводство и сельскую промышленность; садоводство, огородничество и цветоводство; лесоводство; животноводство и пчеловодство; охоту и рыбную ловлю. Остальные отделы охватывали горное дело, учебное и книжное дело, переселенческое дело, кустарную, ремесленную и фабрично-заводскую промышленность с подотделом графических искусств и водных путей сообщения в крае. Сам перечень отделов наглядно свидетельствовал, что приоритет на выставке отдавался отраслям сельского хозяйства, что адекватно отражало реальное положение в экономической жизни края.

Администрация края и выставочный комитет смогли предусмотреть своевременное решение многих вопросов, связанных с организацией выставки, с размещением людей и экспонатов. По просьбе генерал-губернатора министр путей сообщения разрешил бесплатно перевезти по Уссурийской железной дороге в Хабаровск 100 голов скота и 5 тыс. пудов экспонатов. Владельцы пароходной компании тоже обязались бесплатно перевезти выставочные экспонаты. Для участников выставки предусмотрены были льготы на проезд. По просьбе главного начальника края многие ведомства и общероссийские общества учредили награды для отмеченных на выставке экспонатов. Общество дешевых столовых открыло в Хабаровске вторую столовую, организовало жилье для приезжих участников и посетителей выставки. Газета «Приамурские ведомости» давала обширную информацию о ходе подготовки и работе выставки, рассказывала о ее значительных экспонатах и выдающихся экспонентах.

Торжественное открытие выставки произошло 1 сентября 1899 г. при большом стечении гостей. После совершения церковного обряда генерал-губернатор Н.И. Гродеков открыл выставку и осматривал ее в течение пяти часов. «Располагая скудными средствами, — сказал он устроителям выставки, — вы достигли хороших результатов, что указывает на ваше сердечное отношение к порученному вам делу. Благодарю вас, господа»²²². Действительно, для многих выставка явилась приятной неожиданностью, она показала то, чего не предполагали увидеть: в концентрированном виде были представлены несметные природные богатства края, усилия населения по его освоению и обустройству жизни. Выставка в течение двух недель работы довольно деятельно посещалась как местным городским, так и прибывшим из разных мест населением. Билет на выставку стоил 10 копеек, за исключением дня открытия, когда билет стоил один рубль.

Многих посетителей выставки привлекал отдел животноводства, где в специально построенных павильонах демонстрировались лошади, коровы, свиньи, овцы, выведенные в местных условиях. Хозяйство А.Д. Старцева, основанное в 1891 г. на о. Путятин, занимало одно из первых мест в деле насаждения в крае племенных домашних животных. Важное

*Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка.
Отдел «Учебное и книжное дело». Хабаровск, 1899 г.*

значение в своем хозяйстве он придавал коневодству, скотоводству и свиноводству. Свое хозяйство супруги Рутковские из г. Никольска-Уссурийского вели уже более пяти лет. Гордостью Веры Васильевны была домашняя птица. Хозяйка успешно занималась племенным птицеводством и акклиматизацией разных пород домашних птиц. Хозяева демонстрировали высокую культуру и обширные знания, у них многому можно было научиться. И это тем более было важно, что «в крестьянских хозяйствах уходу за животными не придавалось ровно никакого значения»²²³.

Высокую оценку специалистов получила коллекция из 28 древесных и 26 кустарниковых пород северной зоны Уссурийской тайги. Здесь наглядно можно было видеть древесную породу во всех фазисах ее произрастания — зимнего покоя, цветения, плодоношения. Представленная «изящно и умело», «она была достойна занимать место даже на всемирной выставке».

Садоводство в крае не было распространено, поэтому посетители выставки удивлялись представленным М.С. Веден-

ским трехлетним привитым яблоням, в короткий срок достигшим громадных размеров. Посетители выставки могли ознакомиться с экзотическими продуктами морских и речных промыслов, охотничьими трофеями и выделкой шкур.

Само название выставки говорило о приоритете сельского хозяйства в экономической жизни края. Промышленное направление было представлено слабо и наглядно отражало начало промышленного развития края. Экспонировались Охотская и Амгуньская золотопромышленные компании, цементно-кирпичные заводы, а также кожевенное, меховое и мукомольное производства. По наблюдению Н.И. Гродекова, «частные собственники занимали видное место во всех таких отделах, в которых особо проявилась предприимчивость и любовное отношение к делу, каковы: садоводство, коневодство, скотоводство, а также фабрично-заводская промышленность»²²⁴.

Зная, что педагогические отделы на выставке явление сравнительно молодое (впервые педагогический отдел был устроен на Всероссийской выставке в Москве в 1882 г.), распорядительный комитет отвел особый отдел для экспозиции гимназий края и профессиональных училищ. Очевиден был и недостаток выставки — Амурская область была представлена гораздо слабее Приморской.

Согласно пожеланию генерал-губернатора управление государственными имуществами, непосредственно ведавшее сельским хозяйством в крае, взяло на себя созыв съезда сельских хозяев, приуроченного к проведению выставки. Важность такого съезда обусловлена была тем, что состояние сельского хозяйства во многих районах края находилось в опытной стадии. Многие хозяйства действовали на свой страх и риск, продвигались ощупью, им приходилось изучать почву и климат, испытывать пригодность разных растений или сортов, определять наилучшие сроки сева, методы ухода за растениями, способы уборки, то есть вырабатывать наиболее пригодные для своего района основы полеводства. Аналогичная картина была и в скотоводстве. Первые поселенцы края не нашли здесь ни коня, ни быка, ни овцы местной породы. Адаптация скота к местным условиям — эту задачу также пришлось решать засельщикам новых земель.

В продолжавшемся пять дней съезде участвовали многие «интеллигентные хозяева — частновладельцы» и представители почти всех волостей и станичных округов — всего около 100 человек. Сельские хозяева, прибывшие из разных районов, имели возможность обмениваться между собой взглядами на многие вопросы местного сельского хозяйства, поделиться добытым опытом и возбудить ряд ходатайств, направленных на удовлетворение своих нужд. Так, участники съезда посчитали важным учреждение в крае конюшни государственного коннозаводства, так как многие вновь создававшиеся переселенческие хозяйства испытывали острую нехватку в лошадях и невозможность их приобретения. Это происходило и по причине падежа скота в результате эпидемий, часто заносимых из Маньчжурии. Поэтому съезд высказался за учреждение в г. Владивостоке лаборатории для приготовления вакцины от сибирской язвы. Было внесено предложение о проведении опытов утилизации отходов от винокуренного производства и др.

Все ходатайства съезда и заключения его по разным вопросам местного сельского хозяйства получили подробную разработку в управлении государственных имуществ, которое направило соответствующие ходатайства в министерства.

Кроме съезда сельских хозяев во время выставки происходили съезды учителей и врачей Приамурья и Приморья.

Настоящим торжеством стало состоявшееся 16 сентября закрытие выставки. В нем участвовали главный начальник края Н.И. Гродеков, его помощник А.С. Бенеvский, преосвященный епископ Благовещенский и Приамурский Иннокентий, военный губернатор Приморской области Н.М. Чичагов и прочие высшие «начальствующие лица». При звуках туша, исполнявшегося военным оркестром, участники выставки получили из рук Н.И. Гродекова присужденные им награды. Среди четырех участников выставки, награжденных золотыми медалями, был Михаил Иванович Янковский — крупный фермер, предприниматель и ученый. Сосланный царским правительством в Сибирь за участие в польском восстании 1863 г., этот польский дворянин (в 1879 г. ему были возвращены права дворянина) основал сельскохозяйственную ферму и конный завод на полуострове Сидеми (Амурский залив) в Приморье. К концу XIX в. он имел в собственности 321 десятину земли

и арендованные еще 7 345 десятин. Успешно занимался разведением лошадей, вывел особую породу лошади²²⁵. Лошадей поставлял крестьянам Приморской области, в Раздольненский драгунский полк. Свой опыт он обобщил в изданной в Петербурге в 1896 г. брошюре «Опыты коннозаводства в Южно-Уссурийском крае на конном хуторе. 1879–1896». М.И. Янковскому была присуждена высшая награда выставки «за долголетнее коневодство и образцовую постановку конюшни верховых лошадей».

Более 50 участников выставки были удостоены серебряных медалей. Одним из них был Николай Александрович Пальчевский – ботаник, ученый-лесничий из Буреинского лесничества, который собрал коллекции 52 проб больных колосьев различных хлебных злаков, 63 диких растений, пораженных паразитными грибами, несколько образцов умершей растительной ткани. Он открыл неизвестный грибок, паразитирующий на злаках, и предложил меры борьбы с ним. В 1891 г. в Петербурге вышла его работа «Болезни культурных злаков Южно-Уссурийского края»²²⁶. За представленную на выставку коллекцию и научную разработку вопроса о болезнях культурных злаков Южно-Уссурийского края Н.А. Пальчевскому была присуждена большая серебряная медаль.

Малой серебряной медали был удостоен священник С. Лебедев из Полтавки Приморской области за обучение населения самым усовершенствованным приемам ухода за пчелами, распространение лучших образцов ульев. Медалей были удостоены известные хабаровские купцы. Торговый дом «М. Пьянков с братьями» за винокурение и виноделие был удостоен большой серебряной медали. Другой известный купец В.Ф. Плюснин, располагавший большим капиталом, нажитым в торговле, начал вкладывать его в промышленность, открыл в Хабаровске лесопильный завод, в продукции которого нуждался строящийся город. На выставке демонстрировалась модель лесопильного завода с прекрасными образцами его изделий. За полноту производства и качество отделки лесных материалов на лесопильном заводе Плюснин был награжден бронзовой медалью.

В числе призеров были и женщины. В.В. Рутковской из Никольска-Уссурийского была вручена медаль за племен-

ное птицеводство и акклиматизацию пород домашних птиц. Хабаровчанка А.Д. Орлова за прекрасного качества турецкие баклажаны, капусту садовой и коллекцию помидоров получила похвальный лист Императорского Российского общества плодородства. Как писали «Приамурские ведомости», госпожа А.Д. Орлова принадлежит к числу «пионеров огородного дела в Хабаровске»²²⁷. Она снабжала многих любителей огородничества семенами овощей, полученными ею уже на Дальнем Востоке. По достоинству были оценены работы и представителей туземного населения. Серебряными кубками были отмечены, как сказано в документе, «жена инородца» Анна Беженка и гиличка Пальтакэ за искусно выделанные рыбы кожи. Среди награжденных были не только отдельные лица, но и целые фирмы, такие как «И.Я. Чурин и К», «Торговый дом Кунст и Альберс», управление государственными имуществами Приамурского края по лесному ведомству, Свято-Троицкий монастырь, золотопромышленные компании и другие. Призерами выставки стали Благовещенская и Владивостокская мужские гимназии и Хабаровская женская гимназия, отмеченные похвальными листами за хорошую постановку учебной работы и эстетического образования, а также Благовещенская и Владивостокская женские гимназии, Владивостокское, Хабаровское и Николаевское горные училища и Благовещенское ремесленное училище. Всего же выставочный комитет присудил и выдал 351 награду.

Тепло поздравив награжденных, Н.И. Гродеков высказал пожелание, чтобы полученные награды послужили поощрением к дальнейшему развитию и совершенствованию различных производств. «Кто не идет вперед, — сказал он, — тот остается на месте, а другие его обгоняют. К сожалению, выставка показала, что в целом хозяйственная культура в крае низкая, много приложено труда, но не хватает знаний и капиталов. Первый пробел, нужно думать, начнет выполняться выпускниками реальных училищ, а недостаток местных капиталов заставляет желать привлечение сюда иностранных капиталов, как известно, в этом состоит финансовая политика нашего министра финансов С.Ю. Витте»²²⁸. По предложению А.С. Беневского в честь генерал-губернатора — инициатора и вдохновителя выставки — прогремело дружное «ура», что и стало

последним аккордом праздничного закрытия выставки. Всем организаторам выставки Гродеков дал обед в своей резиденции. «Выставка показала и доказала, что край быстро развивается и может дать все необходимое человеку, — сказал он в начале обеда. — Я глубоко верю, что Сибирь даст много полезных деятелей для всей России. Я верю, что здесь появятся серьезные естествоиспытатели, математики, этнографы и другие деятели»²²⁹. Губернаторский тост «За несомненное будущее процветания края» с одобрением был встречен присутствующими.

По инициативе главного начальника края выставка, аналогичная хабаровской, состоялась и в Чите. На Забайкальской сельскохозяйственной и промышленной выставке экспонатов по отделу фабрично-заводской и кустарной промышленности было в два раза меньше, чем на выставке в Хабаровске. Побывав на выставке в Чите, губернатор сравнил Забайкалье — старейшую русскую область, входившую в край, с более молодыми восточными областями — Амурской и Приморской. И это сравнение было не в пользу Забайкалья. «Заброшенное в лесную и степную глушь Восточной Сибири и отрезанное от Европы и океана тысячеверстными расстояниями, с примитивными путями сообщения, русское казачье и крестьянское население Забайкалья, находясь в тесном общении с полудикими инородческими племенами, имея единственных представителей интеллигенции в лице дореформенных чиновников, слабо прогрессировало в сельскохозяйственном и промышленном отношении»²³⁰, — к такому выводу пришел Гродеков. При осмотре экспонатов Читинской выставки можно было подумать, что «Забайкалье переживает деревянный век, до такой степени незначительно применение металлов»²³¹. К этим выводам он пришел не только тщательно осмотрев выставку, но и в результате большой поездки по области, знакомства с населением, его бытом, нравами, обычаями и песнями, «напоминавшими старую Русь». Его поразило, что на его пути встречались поселения, где не было ни одного грамотного человека. Преимущества населения Приамурья Гродеков видел в том, что оно находилось в непосредственном соседстве с Великим океаном и имело постоянный приток новых поселенцев из Европейской России. Главной же причиной того, что в нем наблюдались энергия, предприимчивость, стремление к

улучшению, он видел в существовании в Приамурье частной собственности²³². Для 1901 г., когда были написаны приведенные строки, адресованные императору Николаю II, гродековские суждения о частной собственности на землю как основе развития предприимчивости в русской деревне являлись, по крайней мере, неординарными, поскольку в центральных областях России главным распорядителем крестьянской земли оставалась сельская община, и император не намеревался менять это положение.

Заметим, что хабаровская выставка дала повод Е. Т. Смирнову — автору книги «Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г.»²³³ — искать объяснение феномену предприимчивости в особенностях засельщиков края. Он считал, что крестьяне из средней полосы России, переселявшиеся сюда после 1861 г., были более подвижны и предприимчивы по сравнению с ранее пришедшими сюда забайкальцами. Особая роль принадлежала «ссылному элементу». «Вкрапленный в относительно инертную крестьянскую массу, он благотворно действовал на нее в смысле распространения технических знаний и практических сведений товарно-промышленного характера»²³⁴. Автор подчеркнул, что крупные правительственные предприятия — постройка железной дороги, развитие речного и морского флотов — также «придают местному населению характер бойкий, подвижный к предприимчивости, способный к самостоятельности в значительной степени»²³⁵. Суждения эти дополняли гродековские мысли о причинах предприимчивости местного населения.

Несомненно, устройство сельскохозяйственных и промышленных выставок в Хабаровске и Чите стало крупным событием в жизни края конца XIX в. Обе выставки дали достаточно полное представление о его производительных силах, «обнаружили много новых фактов и в целом способствовали распространению среди населения полезных сведений»²³⁶. Удавшиеся выставки, продемонстрировавшие плоды усилий населения по освоению богатейших земель, настраивали предприимчивых людей на поиск новых возможностей развития сельского хозяйства, промыслов, промышленности, торговли, позволяли оптимистически рисовать будущее Приамурского края.

Китайский фактор. Наряду с административно-территориальным принципом управления на Дальнем Востоке имелся и отраслевой подход к управлению. Существовали горные, военные, почтово-телеграфные, судебные и прочие округа, которые зачастую не совпадали с административным делением, а их органы управления были призваны осуществлять политику центральных министерств и ведомств.

Отраслевой подход к управлению в значительной мере ограничивал административное поле генерал-губернатора, его непосредственное влияние на положение дел в крае, что четко прослеживается на примере реакции Гродекова на так называемые беспорядки, устроенные рабочими-китайцами на одном из золотых приисков Приморской области в 1899 г. Надо сказать, что Горный устав, регулировавший трудовые отношения на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока, допускал подвергать рабочих за маловажные проступки или денежным взысканиям до 3 рублей, или аресту до семи дней, или наказанию розгами до 20 ударов. В отношении иностранных рабочих работодатели считали себя вообще не связанными никакими ограничениями. Китайцы с охотой шли на сезонную приисковую работу, надеясь на контрабанду золота. Работодателей же устраивали дешевизна труда китайцев и их непритязательность к условиям труда и быта. Но иногда они становились неприемлемы даже для китайцев, что вылилось в беспорядки. Расследование инцидента вела администрация генерал-губернатора, которая обнаружила, что не только на этом прииске, но и во всем золотоносном районе амгуньских и амурских приисков Правила о найме рабочих на частные золотые и платиновые промыслы по отношению к рабочим-иностранцам вовсе не применялись. По этому поводу начальник края выпустил циркуляр, в котором отмечалось, что такие отступления от закона могли установиться, очевидно, лишь вследствие недостаточного наблюдения со стороны горнополицейского надзора. У начальника края не было прав вмешаться непосредственно в эту ситуацию. Он мог лишь обратиться к начальнику горнополицейского надзора округа с просьбой подтвердить подведомственным ему горным исправникам и другим чинам, заведовавшим полицейской частью на золотых приисках, о неуклонном соблюдении требований Правил о найме рабочих

на частные золотые и платиновые промыслы и в отношении иностранных рабочих.

Во многом связанный со строительством КВЖД быстрый рост численности китайцев в городах и на золотых приисках Приамурья вызвал тревогу у главного начальника края. К началу 1900 г. их численность в крае определялась в 52 тыс. человек. Конечно, эта цифра являлась приблизительной, так как многим китайцам удавалось бесконтрольно переходить границу и растворяться в городах, в тайге, на приисках. Прибывавшие в край маньчжуры и китайцы пользовались полной свободой как в изыскании занятий и работы, так и в выборе места жительства. За пятилетие (1895—1900 гг.) в Приморской области число отходников из Китая увеличилось в четыре раза, численность же русского населения возросла всего в два раза²³⁷.

Существовавшая договоренность о торговле в пятидесятиверстной нейтральной полосе вдоль российско-маньчжурской границы ставила русских и маньчжурских торговцев в неравное положение, так как российская пограничная полоса была заселена сравнительно густо, тогда как маньчжурская — слабо. Владивостокское биржевое общество возбудило ходатайство об отмене пятидесятиверстной нейтральной торговой полосы.

В те годы в Уссурийской тайге находили селения маньчжуров со своей администрацией, подчинявшейся властям в Маньчжурии. Как правило, маньчжуры из этих селений старались распространить свою власть на инородцев — удэгейцев и гольдов, занимавшихся звероловством и рыболовством, собирали с них ясак, судили их по своим законам, подвергали их наказаниям и даже смертной казни. Например, такое поселение маньчжуров было обнаружено в 1900 г. на р. Бикин, в трехстах верстах от железной дороги. Земли у маньчжуров были отобрачны, и им было предложено покинуть пределы края²³⁸.

По распоряжению Гродекова в 1900 г. во Владивостоке и Благовещенске были образованы комиссии из сведущих людей для обсуждения вопроса о мерах ограничения наплыва в край китайцев. Предложения комиссии легли в основу проектов ряда постановлений, представленных Гродековым в МВД. Они касались выдачи китайским подданным паспортов на право пребывания в крае, владения ими недвижимым

имуществом, найма их на приисковые работы и на пароходы, условий получения ими права заниматься торговлей, а также предусматривали порядок высылки иностранцев из русских пределов по распоряжению администрации. Считаясь с тем обстоятельством, что край очень нуждался в дешевых рабочих руках, вопрос о совершенном прекращении доступа сюда китайцев комиссиями не ставился. Речь шла о принятии мер, которые давали бы краевой власти надежный контроль над иммигрантами.

Гродеков настаивал на необходимости приобретения специальных пароходов для полицейской службы по Амуру и Усури, установлении сторожевых постов на Амуре. По его мнению, расходы на это будут с избытком возвращены от увеличения сумм поступлений паспортного сбора. К тому же более тщательный надзор за границей благоприятно бы отразился на борьбе с тайным провозом в пределы края дешевой китайской водки, наносящей «громадный вред здоровью населения, помимо материального ущерба государственным доходам». Все вопросы, связанные с Китаем, центральная власть решала чрезвычайно осторожно и медленно или вообще оставляла ходатайства приамурских администраторов без внимания.

По поручению центральной власти Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков 5 мая 1898 г. подписал распоряжение о закрытии самой жестокой Карийской каторги. Под влиянием представителей науки и общественности Николай II 10 июня 1900 г. принял закон об отмене ссылки в России. Шесть лет назад генерал потратил немало сил и времени, проводя ревизию Сахалинской ссылки и каторги и не мог не высказать свое суждение о принятом законе. В первую очередь он обратил внимание на его непоследовательность, поскольку оставалась существовать послекаторжная ссылка. Поэтому акт отмены ссылки почти не коснулся Приамурского края – о Сахалин по-прежнему оставался местом каторги и ссылки. А что это такое, Н.И. Гродеков хорошо знал. Впечатления о посещении Сахалинской каторги оставили в его памяти глубокий след. По его мнению, отмена послекаторжной ссылки должна стать логическим последствием данного закона. При этом Гродеков считал, что нет необходимости сосредоточивать ка-

торги на окраинах России, так как содержание и пересылка преступников обходится государству вдвое дороже, чем в Европейской России. По мнению генерал-губернатора, целесообразнее было бы: строить каторжные тюрьмы в тех местностях, из которых поступают осужденные преступники; изменить порядок содержания в каторжных тюрьмах, правила наложения взысканий на осужденных и организацию их работы. Не могут не вызывать симпатию соображения Гродекова о необходимости отмены наказаний плетью и приковывания к тележке, составлявших остаток жестокой системы наказаний, унаследованной от татаро-монголов. «Настало время вычеркнуть из законодательства и практики последний остаток отжившей системы, не соответствующий гуманным началам... — плети, это жестокое наказание и прикование к тележке, являющееся не менее жестоким и крайне унижительным для человеческой личности», — считал Гродеков²³⁹.

Поездка по краю в 1899 г. Имея большой опыт общения с иноверцами Средней Азии, Николай Иванович Гродеков не упускал из поля своего внимания проблемы жизни коренных народов российского Дальнего Востока — гольдов, удэгейцев, эвенков и др. Выяснив причины возникновения в национальных селениях вспышек страшной болезни глаз — трахомы, генерал-губернатор пригласил из Петербурга подвижной медицинский отряд, который помог многим жителям тайги избавиться от болезни. При разработке проекта регулирования рыболовства в Амурском бассейне Н.И. Гродеков побеспокоился о том, чтобы не были ущемлены интересы коренных народов. По его мнению, они могли ловить рыбу «там и тем, где и чем всегда добывали». Он придерживался политики невмешательства во внутреннюю жизнь амурских народов, уважал их обычаи и порядки, которые сложились за тысячелетнюю историю их самостоятельного существования. Такие качества туземцев, как дружелюбие, открытость, искренность, импонировали генерал-губернатору. Он охотно представлял к наградам тех старост селений и стойбищ, которые помогали исследователям в изучении природных богатств края.

При чрезвычайно слабой системе связи единственным надежным средством получения информации о жизни населения, о его проблемах являлись поездки генерал-губернатора

по краю. При этом он выступал сразу в трех ипостасях – как гражданский администратор, как командующий войсками и как казачий атаман. Для Гродекова – человека неприхотливого, нетребовательного в быту, легкого на подъем – поездки не были обременительными или чрезвычайными. Летом 1899 г. Н.И. Гродеков предпринял большую поездку по Амурской и Забайкальской областям. На пароходе «Атаман» он отправился вверх по Амуру, останавливаясь во всех попадавших селениях. Атаман казачьего войска Н.И. Гродеков строго, придиричиво инспектировал боеспособность казачьих сотен: посещал их летние лагеря, осматривал молодых и льготных казачков, встречавших своего атамана в конном строю, наблюдал за джигитовкой, награждал наиболее отличившихся серебряными часами, выдвигал требования к сотникам, станичным атаманам, начальникам округов. В беседах со станичными атаманами любопытствовал о доходах и расходах, осматривал помещения телеграфных станций, хлебных магазинов, интересовался состоянием образования и медицинской помощи.

Главный начальник края в полной мере использовал поездку для неформального общения с населением. С глубоким благочестием он беседовал со старыми амурцами, участниками первых сплавов, сподвижниками Н.Н. Муравьева-Амурского. Так, он встретился с 75-летним ветераном славной муравьевской эпохи – отставным старшим урядником Никифором Чипизубовым, который участвовал в англо-русском столкновении при обороне Де-Кастри, и пожаловал ему серебряные часы с цепочкой. В станице Иннокентьевской генерал-губернатор посетил дом основателя станицы – отставного сотника Гантимура, 75-летнего старца, прибывшего на Амур из Забайкалья в 1857 г. в качестве начальника партии переселенцев-казачков. Н.И. Гродеков долго беседовал с ним, попросил дать свой портрет в Николаевскую публичную библиотеку, где собиралось все, что было связано с историей первого заселения Приамурья.

Казалось, что не было такой стороны жизни крестьянского населения, которая бы ускользнула от пронизательного взгляда генерал-губернатора. Он охотно посещал многие дома как бедняков, так и состоятельных крестьян, вел с ними беседы об экономическом положении, о трудностях ведения хозяйства,

*Полотно пути на перегоне:
Надеждинская – Мариловец
(Амурская колесная дорога)*

*Фотоальбом «Амурская
колесная дорога». Подносной
экземпляр Н.И. Гродекову от
инженера путей сообщения
И.И. Соколовского. 1905 г.*

5

Н.И. Гродеков — третий генерал-губернатор Приамурского края

рассматривал прошения. В ряде амурских селений Н.И. Гродеков, к своему удивлению, увидел сельскохозяйственные орудия американского производства, усовершенствованные в соответствии с местными условиями земледелия. А в одной деревне он познакомился с братьями Оськиными — кузнецом и столяром, которые изготовляли веялки-сортировки по образцу американских. Гродеков приказал одну веялку купить (за нее он заплатил 120 рублей) и отправить в наименее зажиточную деревню Березовку для общественного пользования.

Предметом особого внимания Н.И. Гродекова являлось состояние школьного дела. Не было ни одной школы, которую бы он не посетил. По его требованию в школу собирались дети вместе с учителем, и он сам экзаменовал учеников: просил произнести молитву, прочитать стихотворение, продемонстрировать элементарные математические знания. Отличившихся учеников он одаривал книгами А.С. Пушкина и лакомствами. Иногда выражал недовольство учителю за слабые знания учеников, за их неряшливый, неаккуратный внешний вид, а местным начальникам — за тесноту школьных помещений, за плохое их оборудование. Двум церковноприходским школам на оборудование классов генерал-губернатор выдал пособие по 100 рублей. С учителями, ученики которых показывали прочные знания, Гродеков был щедр. Учителя Троицкой сельской школы за успешное занятие с учениками и

организацию хорового пения главный начальник края наградил серебряными часами, а учительницу Ивановской церковноприходской школы – золотой брошью и серьгами. Гродеков убедился, что число школ в крестьянском районе недостаточно, большинство школ – церковноприходские, грамотность распространена среди населения весьма слабо.

Во время поездки генерал-губернатор ознакомился с ходом строительства Амурской колесной дороги, которая была жизненно важна для развития Приамурья. Дорога строилась в основном ссыльнокаторжными. Гродеков осмотрел склад продовольственных запасов для строителей и конвоя, лагерь, где жили ссыльнокаторжные рабочие, интересовался ходом работ, состоянием здоровья рабочих, их питанием, попробовал хлеб и квас. Он обладал удивительной способностью располагающего общения с людьми, принадлежавшими к низшему слою общества.

Почти трехмесячная инспекторская поездка по Приамурью и Забайкалью не только обогатила главного начальника края конкретными знаниями, но и помогла в решении социально-экономических задач населения этих территорий.

Ошибочно было бы предполагать, что взаимоотношения генерал-губернатора с населением не имели проблем. Так, восемь мещан и крестьян из Амурской области (мещане Павел Ланкин, Лаврентий, Орефий, Захар и Федосий Дружинины, крестьяне Андрей Лештаев, Тимофей Тулупов и Евсей Сояпин) посчитали, что не должны платить губернские земельные денежные сборы и отбывать подводную и дорожную повинность, и пожаловались царю. Видать, не из робкого десятка были амурцы. Дело по их жалобе на Приамурского генерал-губернатора по указу императора слушал Сенат и жалобу «признал неосновательной и оставил без последствий»²⁴⁰. Решение Сената через канцелярию Амурского военного губернатора было доведено до сведения жалобщиков.

О переносе праха графа Н.Н. Муравьева-Амурского на российский Дальний Восток. В 1900 г. Гродеков получил письмо от С.М. Духовского, в котором тот писал, что на 37-м амурском обеде²⁴¹ с участием генерал-адъютанта Н.П. Игнатьева, заключившего Пекинский договор с Дайцинской империей (1860 г.), князя М.С. Волконского, ближайшего сподвижника

Н.Н. Муравьева-Амурского и других, было решено возбудить вопрос о переносе праха графа Муравьева-Амурского в Россию, на Дальний Восток.

Мысль о необходимости переноса праха графа в Россию и сооружении достойного его заслугам памятника впервые была высказана в 1881 г. во время панихиды по умершему Н.Н. Муравьеву-Амурскому, совершенной в Петербурге. С этим была согласна и графиня Е.Н. Муравьева, которая в ожидании решения вопроса о монументе временно похоронила мужа в семейном склепе де Ришемон на парижском кладбище Монмартра²⁴². Вопрос о перезахоронении праха графа Муравьева-Амурского был поднят и в момент открытия ему на хабаровском утесе памятника. В письме-обращении к хабаровчанам М.И. Венюков тогда писал: «Господа! Вы можете исходить все Монмартрское кладбище и не найти могилы Муравьева... Так знайте, что у великого русского человека, умершего в чужой земле, и могила чужая, а своей нет!.. Чтобы найти ее, придется вам остановиться перед скромной, хотя и толстой, надгробной плитой семейства Ришемон и порыться в металлических венках, ее прикрывающих, и тогда лишь найти в одном углу неразделенного камня французскую надпись «Николай Муравьев граф Амурский»²⁴³.

Сожаление дальневосточников по этому случаю местный поэт из казаков Л. Волков выразил в таких горьких стихотворных строках:

Под небом Франции далекой
Средь католических крестов,
На старом кладбище Ле-Шеза
Зарыт в могиле Муравьев.
Вдали любимой им Отчизны
Скончался он, судьбой гоним;
В Париже шумном русской тризны
Друзья не справили над ним.

В связи с приближавшимся 20-летием со дня кончины Муравьева-Амурского «старые амурцы», как с гордостью называли себя дипломаты, чиновники, военные, которым довелось несколько лет служить на дальневосточной окраине, вновь возбудили вопрос о перезахоронении праха графа. Прежде всего они заручились согласием родственников. После кончины в 1897 г. Екатерины Николаевны²⁴⁴ ближайшим родственни-

ком графа был племянник – граф Валерьян Валерьянович Муравьев-Амурский²⁴⁵, полковник, служивший военным агентом в Париже. В письме он написал, что «не только не будет препятствовать выполнению сего предположения», но и окажет «полное и совершенное сочувствие и согласие»²⁴⁶. Были названы возможные места погребения «тела покойного покорителя Амурской и Уссурийской стороны»: Благовещенск, Хабаровск, Владивосток. О ведении необходимых переговоров с французским правительством и о других хлопотах Валерьян Валерьянович писал: «Считаю своим сыновним долгом принять их на себя»²⁴⁷.

В телеграмме на имя Приамурского генерал-губернатора Духовской писал: «На амурском обеде выражено общее желание просить Вас поднять вопрос о переносе праха графа Муравьева-Амурского из Парижа в Хабаровск под памятник»²⁴⁸. Выраженное мнение в полной мере соответствовало желанию самого Н.И. Гродекова и отвечало существовавшим в крае настроениям. В правительственных, чиновничье-бюрократических кругах, которым независимый, самостоятельный администратор в свое время доставил немало хлопот и неприятностей, по существу, забыли заслуги Н.Н. Муравьева-Амурского перед Отечеством. На дальневосточной же земле по мере ее колонизации, увеличения здесь славянского населения, когда все очевиднее становилось значение совершенного Муравьевым-Амурским, память о нем ширилась и крепчала. И не только о нем, но и о многих его сподвижниках, первопроходцах. «Местное население, благодарно вспоминая о первых деятелях Амурского края и ценя их великие заслуги перед престолом и Отечеством, – писал Приамурский генерал-губернатор Гродеков императору, – с большим сочувствием относилось и относится к предположениям об увековечении памяти об этих доблестных русских людях постановкою им памятников, принося на это посильные денежные пожертвования»²⁴⁹.

Решающая роль в реализации замысла о перенесении праха графа для захоронения на Дальнем Востоке, безусловно, принадлежала Приамурскому генерал-губернатору, во многом зависела от его умения убедить столичные власти в важности этой акции. Чтобы заручиться поддержкой столицы, Гродеков предпринял несколько шагов. Перво-наперво в своем всепод-

даннейшем отчете, посылаемом на имя императора, он изложил суть вопроса, подчеркнув, что это «предположение, несомненно, вполне отвечает общему желанию приамурцев и тем чувствам, которые они питают в память этого замечательного государственного деятеля и истинно русского человека. Поэтому скорейшее осуществление означенного предположения представлялось бы крайне желательным»²⁵⁰. Затем генерал поставил об этом в известность военного министра и управляющего морским министерством, встретив сочувствие и готовность помочь в благородном деле.

После этого Н.И. Гродеков обратился к военным губернаторам Амурской и Приморской областей с просьбой обсудить следующие вопросы: где именно, в Хабаровске или Благовещенске, представлялось бы наиболее желательным придать новому погребению тело графа Муравьева; если в Благовещенске, то где и какое именно предназначалось для этого место; предположение об издержках на морскую и сухопутную перевозку тела из Парижа в Благовещенск и особо о расходах по устройству места для погребения, надгробного памятника и прочих вызываемых этим актом денежных затратах; о проекте церемониала перенесения и придания праха земле²⁵¹.

Обобщив полученные предложения, Гродеков в августе 1902 г. направил министру внутренних дел письмо, которое с полным правом можно охарактеризовать как проект торжественной церемонии переноса праха графа Муравьева-Амурского на амурскую землю. Суть его состояла в следующем. Из всех городов Приамурского края приоритет на захоронение праха графа признавался за Благовещенском — городом, заложеным лично Н.Н. Муравьевым-Амурским 21 мая 1859 г., местом заключения Айгунского договора 16 мая 1858 г., по которому весь Амурский край был присоединен к России, и, наконец, местом, где граф прожил сравнительно долгое время. Было признано, что наиболее подходящим местом для погребения являлась ограда старейшего в городе храма во имя святого Николая, выстроенного при графе Муравьеве на лично избранном им месте. Над могилой предполагалось соорудить часовню на добровольные пожертвования, на повсеместный в Сибири сбор, на который нужно было испросить высочайшее соизволение.

В проекте планировалась перевозка останков графа Муравьева сухопутным путем от Парижа до российской границы, затем до Сретенска по железной дороге и, наконец, от Сретенска до Благовещенска по Амуру на пароходе. Причем перевозка по железной дороге, за исключением пути до границы, может быть с согласия министра путей сообщения проведена бесплатно, равно как и по Амуру, так как не подлежало сомнению, что Амурское общество пароходства и торговли, товарищество Амурского пароходства, а равно и владельцы отдельных пароходов «сочтут для себя за особую честь безвозмездно взять на борт своих судов прах знаменитого Муравьева»²⁵².

Церемония перенесения праха «должна быть обставлена сколь возможно торжественнее»²⁵³. По мнению Гродекова, в Париж должна быть командирована депутация, которую возглавит военный (хотя бы из отставных), служивший с графом в крае. В делегацию необходимо включить одного офицера от Забайкальского казачьего войска и по два урядника из числа георгиевских кавалеров от всех трех приамурских казачьих войск (Забайкальского, Амурского и Уссурийского) для почетного караула. Расходы по командировке предполагалось отнести за счет сумм, подлежащих казачьим войскам.

Кроме этого, в состав делегации важно было включить представителей от городов: Читы, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока, а также и сельского русского и инородческого (бурятского, гольдского) населения при условии, если городские и сельские общества изъявят согласие принять на свой счет расходы по поездке своих представителей.

С депутацией намечалось послать от каждой области края серебряные венки с гербами областей и инициалами графа, для чего открыть в областях подписку для сбора денежных пожертвований. В Париже останки графа должны быть доставлены в вагон с воинскими почестями в присутствии чинов российского посольства и представителей русской колонии. Вагон, в котором будет поставлен гроб с прахом, должен быть убран трауром, венками из зелени, гербом графа, снабжен большими подсвечниками, аналоем и покровом для гроба. Гродеков считал возможным просить французское правительство о предоставлении специального вагона для депутации.

На российской границе, в Москве, Иркутске, Чите и Сре-

тенске при встрече праха графа Муравьева должны быть совершены панихиды в присутствии представителей всех ведомств и воинских отрядов.

Опытный генерал-губернатор отдавал отчет в том, что признание столичными властями проекта во многом будет зависеть от размеров казенных сумм, планируемых на его реализацию. Их он определял по минимуму — 3 тыс. рублей²⁵⁴. Основная тяжесть расходов ложилась на дальневосточников.

Хорошо обоснованный, полно проработанный проект неспешно «ходил» по столичным канцеляриям, как говорили в старину: «Улита едет, когда-то будет». В 1903 г., когда Приамурским генерал-губернатором был уже Д.И. Суботич, в Хабаровск пришла телеграмма, сообщавшая, что наиболее соответствующим местом для хранения останков графа Муравьева-Амурского министр внутренних дел по соглашению с военным министром «полагали бы город Владивосток»²⁵⁵. Выбор этот никак не был обоснован. Возможно, столичная бюрократия, с которой у покойного графа было немало конфликтов, решила избежать широких торжеств и транспортировать прах без лишних хлопот морем, определив порт Владивосток как последнее его прибежище. Вскоре начавшаяся Русско-японская война, затем и первая российская революция 1905—1907 гг. помешали реализации гродековского проекта о придании амурской земле праха высокочтимого на Дальнем Востоке графа Муравьева-Амурского²⁵⁶.

Вместе с тем хлопоты Гродекова о переносе праха графа Н.Н. Муравьева-Амурского на дальневосточную землю еще раз подтвердили благородство гродековской природы, глубокое понимание им значения сохранения памяти о героическом прошлом народа.

Укрепление вооруженных сил. Обязанности командующего войсками округа и наказного атамана Дальневосточного казачьего войска были не в тягость бывшему боевому генералу Гродекову, скорее, они доставляли ему удовольствие. К тому же он видел, как значим его обширный военный опыт для молодого края, где шел процесс формирования вооруженных сил. В Приамурье постоянно наращивалась численность армии и флота. Если в начале 1880-х гг. она составила немногим более 14 тыс. человек, то в начале 90-х гг. — свыше 20 тыс. че-

ловек. Особенно быстро она стала расти с середины 90-х гг., когда обострились отношения Китая и Японии, приведшие к военным действиям. К началу 1900 г. регулярные войска составили около 41 тыс. человек, из них 30 тыс. размещались в Приморской области²⁵⁷.

Согласно заключенной русско-китайской конвенции (1895 г.) Китай передал Российской империи в арендное пользование на 25 лет Ляодунский полуостров без какой-либо платы в обмен на военно-политическую поддержку против японской агрессии. Россия получила разрешение провести к нему железнодорожную линию от планировавшейся российской железной дороги в Маньчжурии (КВЖД). На основании императорского указа Сенат решает образовать на территории полуострова Квантунскую область с главным городом военно-морским портом Порт-Артур (1899 г.). Население области насчитывало 250 тыс. китайцев и маньчжур.

На командующего Приамурским военным округом правительство возложило обязанности начального освоения новой территории — Ляодунского полуострова с городами Порт-Артур, Далянь и др. Во многом из частей Приамурского округа был сформирован Квантунский отряд, который первым занял Порт-Артур и Далянь и сразу же стал там твердою ногою. На первых порах Квантунский отряд входил в состав Приамурского военного округа и непосредственно подчинялся Гродекову. Начальником Квантунского полуострова и командующим войсками там стал генерал-майор Д.И. Суботич. Летом 1899 г. Гродековым был сформирован большой отряд военно-топографического отдела Генштаба для проведения в Квантунской области необходимых топографических работ. Многие из начальствующего состава округа, в том числе и Н.И. Гродеков, побывали на Ляодунском полуострове, помогали установлению там российских норм жизни. Действия генерал-лейтенанта были по достоинству оценены верховной властью: Гродеков был награжден орденом Александра Невского. В декабре 1899 г. в Порт-Артур прибыл назначенный императором начальник Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев, который стал к тому же командующим морскими силами на Дальнем Востоке. Войска, военное управление и учреждения области были выведены из состава Приамурского

ЧАСТЬ ОФИЦИАЛЬНАЯ.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСОЧАЙШЕ ПРИКАЗЫ ПО ВОЕННОМУ ВѢДОМСТВУ.

О чинахъ военныхъ.

Въ 7-й день ноября.

Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать орденъ св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго приамурскому генералъ-губернатору, командирующему войсками приамурскаго военнаго округа и войсковому наказному атаману приамурскихъ казачьихъ войскъ, генеральнаго штаба генералъ-лейтенанту *Гродекову*.

Газета «Приамурские ведомости». 14 ноября 1899 г.

военного округа и приобрели самостоятельный статус. В изданном по этому случаю приказе Гродеков выразил твердую уверенность в том, что связь войск Приамурья и Квантуна не ослабнет, что чувство военного братства и всегдашней готовности на выручку соединит навсегда эти войска. «Расставаясь с квантунскими войсками, — писал генерал, — обязываюсь от лица службы выразить всем чинам Квантунского отряда, состоявшим под моим командованием, глубокую душевную благодарность за службу и за самоотверженные труды по укреплению нашего положения на новой дальней окраине»²⁵⁸.

«Китайский фактор», оказывавший противоречивое влияние на развитие Приамурского края, столь же противоречиво проявлялся и в повседневной жизни военного округа. Так, Гродеков подтвердил решение военно-окружного суда, приговорившего к смертной казни троих китайцев, совершивших разбойное нападение на известковый завод соотечественника, сопровождавшееся убийством двух сторожей — запасных рядовых.

Когда урядник Н. Поляков и казак Я. Козлов из Забайкальского казачьего войска при переправе через р. Сунгари во время наводнения с явной опасностью для собственной жизни спасли троих тонувших китайцев, они были представлены к награде. Награждение казаков серебряными медалями с надписью «За спасение погибавших» и денежными наградами

по 5 рублей стало поводом для издания командующим специального приказа, в котором, в частности, говорилось: «Человеколюбивый и самоотверженный подвиг, притом вне предела нашего Отечества, еще раз показывает, что русский воин всегда готов протянуть руку помощи погибающему, хотя бы чужому ему по имени и вере»²⁵⁹. Приказ о похвальном поступке казаков был прочитан в войсковых частях, казачьих сотнях, на собраниях нижних чинов и во всех станицах на станичных сборах.

Обладая стратегическим мышлением, располагая разведывательными данными, Гродеков пристально наблюдал за нарастанием военной опасности на дальневосточных рубежах России и делал все возможное для создания здесь боеспособных вооруженных сил, готовых защитить Отечество.

В арсенале командующего находились проверенные многолетним личным опытом такие служебные способы и методы, как регулярные осмотры войск, участие во всех военных сборах, ревизия оружейных и продовольственных складов и т. д. Он никогда не пропускал возможности для осмотра воинских лагерей и казарм, солдатских кухонь и столовых. В результате всего этого появлялись приказы командующего, которые являлись своеобразными документами. Приказы, которые писал лично Гродеков, были деловыми, строгими, четкими распоряжениями, но зачастую они отражали личную позицию генерала — чувство удовлетворения или огорчения, его мысли о воинской службе, о солдате, об офицерской чести, то есть он их адресовал офицерам и солдатам, многих из которых он лично знал, уважал и надеялся на них. Например, летом 1899 г. был издан приказ о направлении на полевые работы чинов военно-топографического отдела. Большой конно-пеший отряд, состоявший из 190 нижних чинов, а также начальников партий и отделений, топографов Генерального штаба, направлялся на Ляодунский полуостров. Имевшие государственное значение топографические работы должны были производиться в экстремальных условиях. Поэтому командующий приказал начальникам частей войск выбрать и назначить на топографические работы «людей хорошего поведения, доброй нравственности, вполне здоровых и выносливых»²⁶⁰. Подробно говорилось об их экипировке — «вполне исправной обуви», одежде, о медицинском и продовольственном обеспе-

чении, о вооружении. Начальникам партий и отделений Гродеков сформулировал свое напутствие: «сердечно отнестись к нижним чинам и обратить особенное внимание на сбережение здоровья людей. При наложении дисциплинарных взысканий строго руководствоваться законом...»²⁶¹. В требовании к офицерам «сердечно отнестись к нижним чинам» — суть личности Н.И. Гродекова, выражение его жизненного кредо. Присущий ему сплав сердечности со строгой требовательностью и справедливостью делал личность Николая Ивановича во многом неординарной.

Свыше месяца командующий осматривал войска, военные учреждения и заведения Забайкальской области. Конечно, к приезду Гродекова особо готовились, но многое, что он увидел, не удовлетворило его. На произведенной выводке лошадей в Нерчинском полку, по словам генерала, «оказалось, что шестая часть всего конского состава полка с набитыми спинами или натертыми животами, тела плохи, есть хромые лошади, большинство лошадей не чищены, люди вышли на выводку неумытые, в грязных рубахах, в налезающих на уши шапках». То, что он увидел в лагере Сретенского резервного батальона, описал так: «Лагерь плох, много дырявых гнилых палаток, наскоро сколоченные из досок нары — коротки, люди спят без подстилок, ибо нельзя считать таковою свежесвязанные, сырые маты из болотной травы, которые люди должны высушивать своими боками. В палатке, вопреки положению, размещено по 14 человек. Столовой нет, крыша на кухне течет». И резюме: «Вообще в этом батальоне не видно никакой заботы о людях»²⁶². Начальствующему составу и офицерам Забайкалья был преподан отличный урок: нет главного дела в воинской службе, чем забота о солдате.

Наоборот, командующего порадовали сборы войск в окрестностях станицы Надеждинской и крепости Владивосток. На сбор войсковые части явились «хорошо обученными, стройными, благоустроенными, что все могло быть достигнуто лишь при условии почтенной и умелой работы начальствующих лиц всех степеней». «Люди оказались молодцами, выносливыми, бодрыми». Частные замечания, сделанные командующим, его пожелания гласили: «Большого навыка в вождении войск в поле — от начальников, большей практики

в полевой службе — от офицеров»²⁶³. Обратив внимание на то, что было допущено много облегчений, чтобы сберечь силы людей, не подвергать их опасности, Гродеков напомнил завет великого А.В. Суворова: «Тяжело в ученье — легко в походе, легко в ученье — тяжело в походе». От начальствующего состава и офицеров Гродеков требовал заботливого отношения к солдатам, сам являясь примером отеческого отношения к нижним чинам.

Знавший Николая Ивановича еще по военным походам в Средней Азии полковник А.В. Верещагин — брат известного художника В.В. Верещагина — встретился с ним в Маньчжурии и оставил описание осмотра командующим войск: «Вот он входит в ротное помещение. Окидывает взором потолок, стены — сухо ли? Поднимает на кане половик, циновку — как там? Тепло ли? Нет ли сырости? Подходит к окну, заглядывает. Смотрит под лавки, в ящики. В подвал, где хранится картофель, и туда заглянет. Одним словом, не остается угла, где бы он ни побывал. И начальство уже знает это, и потому везде устроено как следует, а не на показ. Вот входит Гродеков на ротную кухню. Это маленькая отдельная фанза. В ней поставлена печь и вмазаны котлы. Два кашевара в белых колпаках стоят вытянувшись в струнки. «Здорово, молодцы!» — «Здравия желаем, ваше превосходительство!» Генералу подают тарелку щей. Пробует. «Хорош. Очень хорош, — говорит он, улыбается и смотрит через очки на солдат. — А ну-ка каши дай. И каша хороша! Молодцы!» Затем подзывает адъютанта и шепчет ему на ухо: «Дайте кашеварам три рубля!» И так почти на каждой кухне, в особенности, где варились щи... Гродеков — страстный любитель щей и гречневой каши. У него даже и за официальными обедами подается гречневая каша с молоком»²⁶⁴. Верещагин восхищен «замечательно» подробным осмотром войск. Для генерала Гродекова такой осмотр являлся нормой, продиктованной заботой о солдате. Командующий категорически запретил офицерам использовать солдат для личных услуг, что довольно широко тогда было распространено. «Солдат, — говорилось в специальном приказе, — есть защитник престола и Отечества, и он должен нести исключительно обязанности, сопряженные с этим высоким званием, и постоянно упражняться в военном деле». Когда в некоторых частях Хабаровского гарнизона было

Н.И. Гродеков — Приамурский генерал-губернатор. Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1583. Л. 1

обнаружено, что при приготовлении пищи для нижних чинов допускается закладка в котлы только по $\frac{1}{4}$ фунта мяса на человека, тотчас был издан специальный приказ, в котором, в частности, говорилось, что начальникам частей надлежало «лично и с неотступною заботливостью следить за тем, чтобы во вверенных им частях пища была вполне хорошая, питательная, вкусная, с полным количеством продуктов»²⁶⁵.

Ознакомившись с набором продуктов, которыми торговали солдатские лавочки, существовавшие при некоторых частях, Н.И. Гродеков убедился, что главнейшим предметом их торговли, приносящим наибольший доход, служила водка. Он напомнил, что назначение солдатских лавочек состояло в удешевлении жизни солдат обеспечением их предметами насущной потребности по самым дешевым ценам. Своим при-

казом командующий запретил продажу водки в солдатских лавочках²⁶⁶.

Благодаря многолетним усилиям генерала Гродекова в Приамурском крае сложились дисциплинированные, боеспособные военные и казацкие формирования, готовые в любой момент защитить дальневосточные рубежи России.

Н.И. Гродеков – незаурядная, оригинальная личность. В силу своего дворянского происхождения, образования и воспитания, характера службы, Николай Иванович был обязан хранить верность трону, которая идентифицировалась с верностью России. Такие качества натуры, как добросовестность, аккуратность, пунктуальность, давали повод некоторым современникам считать Н.И. Гродекова заурядным службистом. Но они глубоко заблуждались, Николай Иванович был широкообразованным человеком, обладавшим по целому ряду общественно-политических проблем передовыми взглядами, которые он с присущей ему настойчивостью и энергией защищал, пропагандировал и пытался реализовать.

В отличие от многих генерал-губернаторов России того времени у Гродекова не было высокого сословного происхождения, крупных, да и мелких, земельных владений, элитарных семейных или дружеских связей. Феномен Гродекова заключался в том, что он как личность создал себя сам своей целеустремленностью и исключительной работоспособностью, беззаветной преданностью долгу, чести и Отечеству. Он заставил столичное чиновничество считаться со своим именем.

На примере службы Гродекова в Приамурском крае можно видеть, как генерал-губернатор, предназначенный быть представителем центральной самодержавной власти на окраине России, становился и представителем интересов региона перед центром. Гродеков мог быть доволен тем, что ежегодно число крестьян в крае увеличивалось на 14–16 тыс. человек, что ежегодный сбор хлеба в Амурской и Приморской областях доходил до 11 млн пудов, что доход казны от рыбного промысла возрос более чем в три раза.

Благородство гродековской натуры проявлялось в стремлении увековечить память людей, имевших выдающиеся заслуги перед Отечеством, в выражении искренней признательности своим предшественникам – приамурским генерал-губерна-

торам, публичной благодарности своим администраторам за их самоотверженную службу. Гродекову нравилось одаривать людей за их успехи, особенно детей и солдат. За покрывалом строгой холодной наружности скрывался добросердечный, душевный человек, недаром в лексиконе Н.И. Гродекова часто встречались слова «сердце», «сердечность», «сердечное отношение», но это вовсе не означало, что среди окружавших его людей он не встречал непонимание и неприятие. Ведь служить под началом Н.И. Гродекова было нелегко. Его требования к личным и профессиональным качествам были столь высоки, что далеко не каждый сослуживец мог их выдержать. Как мог чувствовать себя Д.А. Лухманов, опытный капитан парохода «Атаман», когда генерал-губернатор, впервые появившись на судне, «перетряс весь буфет, в каютах открывал гардеробы, выдвигал ящики комодов, заглядывал в умывальники»?¹²⁶⁷ Хорошо знавший свое дело капитан сразу же воспринял Гродекова как недоверчивого и самовластного человека. Только на второй год службы капитан получил от генерал-губернатора прилюдную благодарность, сопровождавшуюся крепким рукопожатием.

Бывшие подчиненные Гродекова жаловались на его подавляющую всех работоспособность, энергию и требование от сослуживцев напряженной работы. Поэтому были обиженные, которые платили Николаю Ивановичу тем, что распускали нелепые слухи, сочиняли анекдоты, чаще всего касавшиеся его личного поведения. «Много ходило анекдотов о ненависти Гродекова к женщинам, — читаем в воспоминаниях В.А. Муштафина, — ...преследовании им алкоголизма и алкоголиков, а также курения»²⁶⁸. Холостяцкое положение генерала, часто служившее основой для сочинения недоброжелателями всевозможных анекдотов о его женоненавистничестве, — тема интимная, деликатная. Знакомство с личным архивом Гродекова, где хранилось несколько женских писем, которыми, судя по всему, он дорожил, начисто опровергает версию об испытываемой им ненависти к женщинам. Одно письмо, по всей вероятности, относившееся к периоду его жизни в Ташкенте, представляло собой объяснение в любви к генералу в стихотворной форме. У Гродекова были и верные друзья из числа дам — жен сослуживцев. «Проездом через Лондон,

вспомнила, что Вы любитель варенья из имбиря, послала Вам баночку»²⁶⁹, – писала Ольга Викторовна Трусова, жена генерала А.А. Трусова. Судя по переписке, они были старинными друзьями. Дружеской симпатией были проникнуты отношения Николая Ивановича с Марией Алексеевной Александровой – директрисой Хабаровской женской гимназии...

Николай Иванович был убежденным сторонником здорового образа жизни и горячо пропагандировал его, что некоторые люди воспринимали как своего рода чудачество. Он с самого начала поддержал инициативу священника Григория Ваулина из села Осиновка в Приморье о создании здесь общества трезвости. Гродеков был избран почетным членом этого общества и всячески поддерживал его полезное начинание, помогал деньгами, снабжал книгами, из которых со временем образовалась сельская библиотека. А.П. Сильницкий в «Приамурских ведомостях» выражал уверенность, что работа общества трезвости с сельским населением под покровительством главного начальника края станет продуктивной, а в крае должны возникнуть последователи Осиновки, тогда в селе вместо кабака и водки сошьют себе гнездо читальня и дельная книжка²⁷⁰. Об этом мечтали романтики в начале XX века.

Без преувеличения следует сказать, что Гродеков был главным благотворителем в крае. Возведение храма, строительство учебного заведения, музея, библиотеки не обходились без щедрых денежных пожертвований генерал-губернатора. Своим поведением он показывал пример для состоятельных людей Приамурья. Во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и Николаевске возникли благотворительные общества, которые занимались призрением сирот в приютах, престарелых и увечных в богадельнях, помогали обучению бедных детей в так называемых элементарных школах. Наиболее широко было поставлено благотворительное дело во Владивостоке, где кроме благотворительного общества были учреждены участковые попечительства для бедных. Владивостокское благотворительное общество имело приют для девочек и мальчиков, богадельню для стариков и старух, ясли, две элементарные школы и ночлежный приют. Кроме того, городское управление учредило рабочий дом, где рабочий люд, временно не находивший заработка, мог за незначительную плату иметь стол и ночлег. В

Хабаровске была устроена дешевая столовая, существовавшая на добровольные пожертвования. В ней в уютной обстановке можно было пообедать за 20 копеек.

Воспоминания сослуживцев позволяют дорисовать портрет Николая Ивановича Гродекова — замечательного русского человека, узнать о его пристрастиях и антипатиях. Будучи человеком сильной воли, стойким в своих убеждениях, он не был нетерпим к чужому мнению и никогда не настаивал на своем, если после обстоятельного доклада убеждался в неправомерности своего взгляда, в своей ошибке. Нечасто встречающееся качество у людей, наделенных большой властью. К чему он был совершенно нетерпим, так это к лени, лжи и фальши. Человек, позволявший себе хоть малейшую ложь, навсегда утрачивал доверие Николая Ивановича, который был мастером высмеять и остроумно подшутить над человеком, попавшимся на лжи.

Большое и особенно незнакомое общество Гродеков недолюбливал, вместе с тем на больших торжественных приемах, парадах он сохранял полное достоинство, но предпочитал тесный кружок близких людей, в кругу которых он, обычно крайне молчаливый, делался разговорчивым, милым и чрезвычайно интересным собеседником.

Оценки личности генерал-губернатора в воспоминаниях современников диссонируют, и это естественно, так как их авторам была знакома только одна или несколько граней многогранной и сложной личности Н.И. Гродекова. У нас же имеется возможность подойти к оценке его личности с широких временных позиций и того вклада, который он внес в освоение дальневосточного края и обустройство жизни его населения.

Годы службы Н.И. Гродекова на российском Дальнем Востоке стали благодатными в истории Приамурского края и звездными в жизни самого генерала. Находясь в расцвете сил, обладая обширными знаниями и умениями, он стремился превратить молодой осваиваемый край в надежный оплот России на тихоокеанских рубежах. И ему многое удалось.

Обладая передовыми для того времени взглядами на целый ряд социально-экономических и военно-стратегических проблем, он активно воздействовал на правительственную переделанную политику, настойчиво добивался продолжения

железнодорожного строительства на российской территории, предложил систему регулирования потока иммигрантов из соседних стран, а также идеи по укреплению национальной безопасности России на Дальнем Востоке. Принятые им временные правила об охране лесов, рыбных и морских богатств стали первыми в Приамурье природоохранными актами. В годы гродековского губернаторства окреп военный округ, возросла безопасность России на самых дальних ее рубежах. Н.И. Гродеков был истинным авторитетным представителем интересов Приамурья перед верховной властью, верным последователем Н.Н. Муравьева-Амурского в деле освоения и защиты от недругов дальневосточного края. В целом жизнь Приамурского края на грани XIX–XX вв. была отмечена интеллектуальным всплеском, значительными культурно-просветительскими преобразованиями, заложившими крепкий фундамент для развития культуры, просвещения, науки на Дальнем Востоке.

«ШКОЛА ДОЛЖНА
БЫТЬ ЖЕЛАННЫМ
ДОСТОЯНИЕМ ВСЕХ
СЛОЕВ ОБЩЕСТВА»

Для Н.И. Гродекова являлось несомненным, что «школа, как источник нравственной силы и знаний, должна быть на должной высоте своей просветительской деятельности и в то же время должна быть желанным достоянием всех слоев общества, призванного на служение далекой окраине». «Только при таком условии прогресс страны возможен, и в этом — залог ее будущности»²⁷¹.

Освоение Приамурского края генерал-губернатор напрямую связывал с развитием здесь образования и, что особенно важно, с доступностью его для всех слоев общества. Его предшественниками — А.Н. Корфом и С.М. Духовским — было положено начало развитию просвещения в крае. Но особо плодотворными в этом отношении оказались годы губернаторства Н.И. Гродекова. Именно тогда удалось осуществить ранее возникшие проекты и значительно продвинуться по пути создания многообразия типов учебных

заведений и доступности школьного дела для крестьян-переселенцев.

Открытие Восточного института. Крупным событием в духовной жизни края явилось открытие в 1899 г. во Владивостоке Восточного института – первого высшего учебного заведения на российском Дальнем Востоке. Необходимость в создании здесь центра по обучению восточным языкам становилась все настоятельнее по мере расширения контактов России с соседними странами – Китаем, Японией и Кореей, в связи с началом строительства КВЖД, превращением Владивостока в международный порт. В 1896 г. городское управление Владивостока выступило с предложением реорганизовать существовавшую прогимназию в гимназию с добавлением двух специальных классов по изучению восточных языков. Предложение от имени Приамурского генерал-губернатора поступило в министерские кабинеты и совпало с решением правительства о подписании контракта с Китаем о постройке Китайско-Восточной железной дороги. Для успешной работы созданного огромного концерна «Общество КВЖД» под эгидой Русско-китайского банка требовались многочисленные переводчики, чиновники со знанием восточных языков. Поэтому из скромного предложения о создании специальных классов по изучению восточных языков в правительстве родилась идея об открытии во Владивостоке целого института.

24 мая 1899 г. «Мнение Государственного совета об учреждении Восточного института – первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке» было утверждено Николаем II.

Одновременно императором и министром народного просвещения было подписано «Положение о Восточном институте», в котором определялись правила и нормы функционирования вновь создаваемого высшего учебного заведения. Согласно положению, целью института являлась подготовка «учащихся в нем лиц к службе в административных и торгово-промышленных учреждениях Восточно-Азиатской России и прилегающих к ней государств»²⁷². Институту передавалась мужская гимназия, которая переходила под руководство директора института. Сам институт состоял в ведении Министерства народного просвещения. Шла речь о создании попечительского совета института. Всего положение включало 63 пункта.

Продолжительность обучения в институте определялась в четыре года. Со второго учебного года студенты распределялись по четырем отделениям: китайско-японское, китайско-корейское, китайско-монгольское и китайско-маньчжурское. Общими для всех являлись такие предметы, как богословие, китайский язык, английский язык, общий курс истории и этнографии Китая, Кореи и Японии с обзором их политического устройства и религиозного быта, политическая экономия, международное право, основы гражданского и международного права и судоустройства, счетоводство, товароведение и др.

Дела учебной части института решались конференцией под председательством директора, в которую входил профессорско-преподавательский коллектив. По усмотрению конференции студенты могли командироваться в каникулярное время в соседние восточные государства для совершенствования в изучаемых языках. Для поощрения студентов к учебным занятиям ежегодно предлагались темы для соискания золотой и серебряной медали или почетного отзыва.

С каждого студента и постороннего слушателя взималась плата за обучение, определенная министерством. Окончившие с отличными успехами курс обучения в институте получали аттестат, дававший право на чин X класса (коллежский секретарь), с удовлетворительными – чин XII класса (губернский секретарь).

Кандидатуры преподавателей рассматривались Приамурским генерал-губернатором. Директором института был назначен один из крупных монголоведов своего времени, профессор монгольской и киргизской словесности факультета восточных языков Петербургского университета, действительный статский советник Алексей Матвеевич Позднеев. Перед отъездом к новому месту работы он получил аудиенцию императора.

Выступая на торжественном открытии Восточного института, состоявшемся 21 октября 1899 г., генерал-губернатор Гродеков сказал: «...Итак, сегодня на самом крайнем Востоке зажжен светоч, лучи которого будут озарять не только наш край, но все страны, которые будут иметь дело с нашим краем»²⁷³.

По случаю открытия Восточного института ему были вручены поздравительные адреса от Пекинского университета, японского правительства и от корейского населения, проживавшего в Приморье. Всего новый институт получил 64 телеграммы и 27 адресов от городов, университетов, различных учреждений, обществ, отдельных лиц, были вручены и подарки. Русско-китайский банк преподнес в дар четыре стипендии по 500 рублей, город Владивосток – две стипендии, Николаевск-на-Амуре – одну. Благовещенск пожертвовал 1 тыс. рублей, проценты от которых должны были пойти на пособие студентам²⁷⁴.

В этот же день Гродеков отправил императору телеграмму, которая может служить образцом послания подданного самодержцу. «Всепопданнейше доношу Вашему Императорскому Величеству, что ... состоялось открытие Восточного института. Счастлив повергнуть к стопам Вашим благоговейные чувства глубочайшей благодарности учреждений, обществ и всего населения края, сознательно, ярко выразивших на торжественном акте открытия института все значение новой Великой Милости Вашего Императорского Величества всему Дальнему Востоку в даровании ему этого учреждения»²⁷⁵. Ответная телеграмма гласила: «Счастлив открытию Восточного института. Желая ему искренно успеха и процветания на пользу не только Дальнего Востока, но и всей России. Благодарю всех за выраженные чувства. Николай»²⁷⁶. Дата открытия Восточного института (21 октября 1899 г.) стала датой начала высшего образования на Дальнем Востоке России.

Основной преподавательский состав института с самого начала имел высокий уровень профессиональных знаний. Хорошую теоретическую подготовку, полученную в Петербургском университете, преподаватели дополняли обширной практикой во время командировок в Китай, Японию, Корею и другие страны Востока. Студенты института набирались из успешно окончивших курс средних учебных заведений. Наряду с изучением основных языков Востока: китайского, японского и корейского, в институте был введен курс новейшей истории Китая, Японии и Кореи, открыты кафедры монгольской и маньчжурской словесности. По просьбе директора, поддержанной генерал-губернатором, в институте была открыта первая в России кафедра тибетского языка. Для совер-

шенствования языковой подготовки студенты направлялись на практику в Маньчжурию, Корею, Японию и другие страны Востока. Профессорский коллектив института не ограничивался одним лишь практическим обучением слушателей восточным языкам. Он стремился к более широкой постановке образования: были созданы библиотека и музей, освещающий быт народов Дальнего Востока, открыты вечерние курсы восточных языков для посторонних слушателей, устраивались публичные доклады, посвященные своеобразию восточных стран. Труды профессоров печатались в «Известиях Восточного института», которые начали выходить регулярно. Создавались оригинальные учебники и учебные пособия по востоковедению на русском языке.

Кроме выполнения прямых своих педагогических и научных задач, профессорско-преподавательский коллектив института оказывал важные услуги краевой администрации, состоявшие в цензировании иностранных произведений печати на восточных языках, а также в переводе с восточных языков различного рода документов. Н.И. Гродеков высоко оценил помощь, оказанную директором института профессором А.М. Позднеевым во время военных действий 1900 г., когда благодаря своевременному и точному исполнению переводов некоторых китайских документов была получена ценная информация. В феврале 1902 г. Н.И. Гродеков вызвал А.М. Позднеева в Маньчжурию, Алексей Матвеевич выполнял роль эксперта во время переговоров с монгольскими князьями²⁷⁷.

Опекая Восточный институт со дня основания, генерал-губернатор выхлопотал в Министерстве просвещения шесть стипендий, в результате чего стипендиальный капитал сразу увеличился более чем в полтора раза против всех взносов, сделанных со дня основания института. Эти стипендии именовались «гродековскими» (заметим, что было бы уместно, правильно в память о трудах генерал-губернатора на ниве образования учредить в Дальневосточном государственном университете – преемнике Восточного института – стипендии имени Н.И. Гродекова).

Генерал-губернатор активно поддерживал издательскую деятельность института, в частности выпуск «Известий Восточного института». По его предложению стало издаваться

приложение к «Известиям» — «Современная летопись Дальнего Востока», на что начальник края специально выделил 120 рублей. По поводу летописи директор института писал Гродекову, что в настоящее время летопись содержит известия военного и политического характера, так как в Маньчжурии развернулись военные действия. «Но в будущем, — писал он, — ввязываться нам в политику решительно невозможно, так как, с одной стороны, может низвести наше издание со степени основательных исследований на степень газетной сплетни; с другой стороны, это может быть и опасно»²⁷⁸. По мнению А.М. Позднеева, задача летописи заключалась в наблюдении за ходом экономической жизни Востока.

Поощряя ранее введенное изучение офицерами китайского и японского языков (им выдавались денежные премии, фамилии их печатались в газете), с открытием института Н.И. Гродеков предложил провести специальный набор из числа военнослужащих. Сразу же было принято в институт 18 офицеров. Гродекову удалось доказать министерству необходимость увеличения вдвое приема военнослужащих в Восточный институт. А.М. Позднеев целиком разделял заботу командующего войсками военного округа о подготовке офицеров со знанием восточных языков. Более того, он считал, что Восточный институт может стать общероссийским центром в обучении офицеров восточным языкам. «Не будет ли уместно, — писал он Гродекову, — возбудить вопрос о том, чтобы офицерские вакансии Восточного института объявлялись повсеместно и намеревавшиеся поступить в него офицеры обращались со своими прошениями и документами к Приамурскому генерал-губернатору?»²⁷⁹ Усилиями Н.И. Гродекова и А.М. Позднеева в Восточном институте был создан военный факультет, где офицеры, включая и имевших уже академическое образование, осваивали специальную программу. Это было уникальное явление среди российских высших учебных заведений.

По инициативе генерал-губернатора во время военных событий в Маньчжурии туда были организованы экспедиции из преподавателей института с целью приобретения маньчжурских и китайских книг и архивов (подробнее об этом в следующей главе). Неудивительно, что китайский отдел в институтской библиотеке назывался гродековским.

Высоко ценя А.М. Позднеева как ученого и педагога, Гродеков безоговорочно поддерживал его идеи и предложения, направленные на повышение роли института в жизни края.

Первое высшее учебное заведение на российском Дальнем Востоке было окружено заботой общественности. По подписке среди владивостокцев было собрано 6 500 рублей на учреждение в институте золотой и двух серебряных медалей им. Н.М. Чичагова. Деньги директору института передал Н.Л. Гондатти.

По инициативе военного губернатора Приморья Н.М. Чичагова в 1900 г. из Маньчжурии были привезены две старинные статуи львов, украсившие парадный вход Восточного института. По одной из версий, эти львы остались от сгоревшего в Тяньцзине дома известного дальневосточного предпринимателя и общественного деятеля А.Д. Старцева, который не перенес гибели при пожаре уникальной библиотеки, ценных коллекций и скончался. А сохранившихся львов привезли во Владивосток, и они до сих пор являются его достопримечательностью. Ныне они сторожат парадный вход Дальневосточного государственного технического университета.

По мнению Чичагова, необходимо было ввести преподавание китайского и японского языков в программы всех средних учебных заведений и высших городских училищ области²⁸⁰. С одной стороны, это позволило бы поднять уровень языковой подготовки в институте за счет более подготовленных абитуриентов, а с другой — заполнить вакансии в Русско-китайском банке, на КВЖД, в Обществе пароходства КВЖД служащими, знающими китайский и японский языки. Выпускники же Восточного института предназначались для удовлетворения возраставших потребностей правительственных ведомств в чиновниках с хорошим знанием восточных языков.

По положению институт находился в ближайшем заведении Приамурского генерал-губернатора, через которого «восходят в центральные учреждения министерства представления по делам института»²⁸¹. То есть директор института со своими ходатайствами мог обратиться в министерство только через генерал-губернатора. Директор ежегодно писал предназначенный Гродекову отчет о работе института. Отчеты А.М. Позднеева — это своего рода письма-откровения, бесе-

ды с единомышленником, которым, безусловно, был для него Н.И. Гродеков. Директор информировал генерал-губернатора о важнейших институтских событиях, делился своими соображениями и сомнениями по многим жизненным вопросам, поднимал проблемы, требующие решения. В одном из отчетов он подробно описал аудиенцию у императора Николая II летом 1902 г. «Высочайшая аудиенция длилась для меня ровно 12 минут. Сначала государь милостиво припомнил не только когда я представлялся ему, но даже о чем он изволил говорить со мною, а засим я представил Его Величеству два последних тома «Известий Восточного института» и исследование об ихэтуанях, отметив, что это исследование совершено на основании полученных нами памятников Цицикарского архива, и выяснил значение этих памятников для ознакомления с Маньчжурией вообще. «Так вы уже начали их разработку? Это очень важно, благодарю вас, что же оказывается по вашим исследованиям?» Я доложил, что на основании приводимых документов делается несомненным, что движение было санкционировано богдыханским правительством. «Я не сомневаюсь в этом, — сказал государь. — Я вполне понимаю китайцев, которым действительно должны быть ненавистны европейцы с их гнилой и безнравственной культурой»²⁸².

А.М. Позднеев информировал генерал-губернатора о посещении Восточного института С.Ю. Витте, который в октябре 1902 г. совершил большую поездку по российскому Дальнему Востоку. В институте он пробыл более часа, обошел почти все здание, библиотеку, музей, побывал в архиве.

Новый, 1902 год в Восточном институте встретили шумно и весело все вместе — преподаватели, студенты, гимназисты. Был поставлен спектакль, устроены танцы. «Приятно было смотреть на ребячье веселье, с грустью заметил в себе это чувство, видя в нем признак старости»²⁸³, — признавался Алексей Матвеевич в одном из писем.

Когда на Дальний Восток начали приходиться слухи о студенческих волнениях в России, директор в очередном отчете не обошел вниманием реакции на них своих студентов: «Мои молодцы тоже устроили было стачку. Сначала послали ко мне депутацию просить о прекращении лекций с 15 декабря 1901 г., ссылаясь на вузы Центральной России». Директор не

разрешил, и лекции продолжались по плану. На другой день вместо 40 человек в аудитории присутствовало всего четыре студента. Лекции не прерывались. Директор предупредил, что тех студентов, которые не будут посещать занятий, не допустят до экзаменов. Порядок в институте был восстановлен.

В своих письмах А.М. Позднеев позволял себе поворчать на молодых преподавателей, которые, по его мнению, были нерасторопны, медлительны, и ему приходилось выполнять часть их работы. Он сетовал на то, что ему самому случалось заниматься выгребными ямами и протекавшей крышей.

Когда стало известно об оставлении Н.И. Гродековым службы на Дальнем Востоке, Алексей Матвеевич принял решение тоже уехать из Приморья. Он написал об этом генерал-губернатору: «Мое решение покинуть здесь службу вместе с вами непреклонно. Я убежден, что на Руси нет теперь другого человека, столь знающего Амур и его отношения к государствам Дальнего Востока, столь прозорливого и могущего с такой мудростью преследовать благо России, как Ваше Высокочрепославленное. Служить с иным начальником мне будет не под силу»²⁸⁴. А.М. Позднеев ушел в отставку с поста директора Восточного института в 1903 г., после первого выпуска специалистов со знанием восточных языков.

За четыре года директорства профессора Позднеева произошло становление Восточного института, сформировался его профессорско-преподавательский коллектив, на прочной основе велось преподавание восточных языков, были заложены традиции института. К этому времени в институте имелось четыре курса с 13 отделениями. Аудитории были оборудованы и снабжены всем необходимым для занятий. Восточный институт стал первым в России учебным заведением, преследовавшим, как говорилось в его уставе, практические цели в изучении Востока. Здесь впервые в российской истории стали преподаваться корейский, японский и тибетский языки, такие предметы, как история и география Дальнего Востока, политическая организация дальневосточных государств, их право, промышленно-торговое развитие. Поэтому молодому профессорско-преподавательскому коллективу пришлось самостоятельно разрабатывать программы и лекционные курсы, писать учебники.

За короткое время библиотека института стала обладательницей 44 тыс. томов книг. Алексей Матвеевич гордился тем, что для институтских изданий были приобретены восточные шрифты и появилась возможность печатать на китайском, монгольском, маньчжурском, японском, корейском, тибетском и калмыцком языках. Стали регулярно выходить «Известия Восточного института» с приложениями.

Были решены и некоторые организационные и хозяйственные вопросы. По инициативе А.М. Позднеева за институтом было закреплено 150 десятин земли, устроено «общество вспомоществования нуждавшимся студентам», функционировал попечительский совет и т. д.

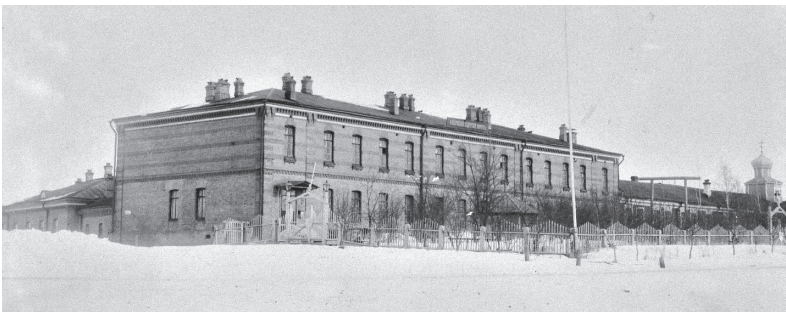
Наряду с Петербургским университетом Восточный институт во Владивостоке стал центром российского востоковедения.

Открытие кадетского корпуса в Хабаровске. Если инициатива создания Восточного института во многом исходила от правительства, то за открытие кадетского корпуса в Хабаровске генералу Гродекову пришлось немало похлопотать. Дело в том, что в Хабаровске — административном центре края — не было ни одного мужского среднего учебного заведения, и родителям из числа военных и чиновников приходилось отправлять своих детей на учебу в Сибирь или в Центральную Россию. Существовавшая 12 лет приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса не могла решить проблемы образования детей из семей военных и чиновников. Хлопоты предшественников Гродекова — А.Н. Корфа и С.М. Духовского — об открытии кадетского корпуса оказались безрезультатными. Лишь неоднократные настойчивые обращения Н.И. Гродекова увенчались успехом. В конце концов было получено разрешение на открытие в Хабаровске 28-го по счету кадетского корпуса в России. Кадетский корпус представлял собой тип военного закрытого среднего учебного заведения с семилетним курсом обучения юношей, здесь их готовили к поступлению в военные училища. В основном в кадетский корпус принимали детей потомственных и личных дворян, офицеров и казаков. Кадеты находились полностью на государственном содержании.

Торжественное открытие кадетского корпуса состоялось 3 сентября 1900 г. в присутствии командующего войсками

*Воспитанники Хабаровской подготовительной школы
Сибирского кадетского корпуса*

Здание кадетского корпуса. Хабаровск, 1902 г.

края генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова, который сердечно рад был этому значительному событию. Ведь он когда-то и сам закончил кадетский корпус. Как профессиональный военный, он хорошо понимал важную роль кадетского корпуса в воспитании будущих доблестных офицеров, защитников Отечества. Ему нравилось посещать это учебное заведение. Для кадетов

генерал Н.И. Гродеков с его славным боевым прошлым являлся образцом для подражания.

Первым директором корпуса, согласно высочайшему приказу, стал полковник Андрей Николаевич Ваулин – высокообразованный офицер, хорошо разбиравшийся в музыке, сам недурно игравший на виолончели, аккуратно посещавший все репетиции оркестра. Вскоре духовой оркестр кадетского корпуса стал достопримечательностью города. Директором были введены особые субботние еженедельные заседания педагогического комитета в составе директора, инспектора, ротных командиров, врачей, всех офицеров-воспитателей и административно-хозяйственных чинов. На них рассматривались и обсуждались успехи и поведение воспитанников за неделю, решались неотложные педагогические и хозяйственные вопросы, принимались превентивные меры против возможных отклонений в заведенном порядке.

Для корпуса нужно было строить специальное здание. Первый проект рассчитанного на 300 кадетов здания, стоивший 1 250 000 рублей, военным министром А.Н. Куропаткиным из-за дороговизны был отклонен. Удешевленный почти наполовину проект начал осуществляться в июле 1901 г., когда состоялась закладка главного здания корпуса, а через 2,5 года кадеты уже занимались в новом помещении²⁸⁵. Строительство продолжалось и в последующие годы. При корпусе были построены церковь, помещение для служительской команды и писарей, баня, паровая прачечная, квасоварня, паровая водочка собственного водопровода, ледник, флигель на две, а затем и на восемь офицерских квартир. В старых каменных и деревянных зданиях, в которых сначала находилась школа, разместились канцелярия корпуса и квартиры директора, инспектора, старшего врача, шести офицеров-воспитателей и эконома. По этому перечню можно судить, насколько основательным, хорошо оснащенным учебным заведением был Хабаровский кадетский корпус.

Кадеты гордились своим корпусом. К праздникам юные поэты сочиняли вирши вроде этих:

И над столь недавно пустынной страной
Засветились лучи просвещения.

Открылись в ней школы одна за другой,
Открылся простор для ученья.

Или о корпусе:

Да будет он здесь, на окраине, чтим
Рассадником правды и света!

Стоимость обучения и содержания одного учащегося была довольно высокой: в 1900 г. она составила 345 рублей, а к 1902 г. выросла до 745 рублей²⁸⁶. Учебный план корпуса включал изучение Закона Божьего, русского и славянского языков, математики, физики, географии, истории, космографии, двух иностранных языков – французского и немецкого, законоведения, а также чистописания и рисования. Для строевого и физического образования, состоявшего из обучения строю, гимнастике, фехтованию, а также танцам, отводилось внеклассное время. Оценки выставлялись по 12-балльной системе. В летнее время кадеты двух старших классов в составе строевой роты находились в лагерях. Лучшим воспитанникам 7 класса доверялось исполнять должности вице-фельдфебеля и вице-унтер-офицеров строевой роты.

По высочайшему повелению, последовавшему в начале 1902 г., хабаровским кадетам были «присвоены» для ношения медные пуговицы с гербом старых кадетских корпусов (государственный герб в сиянии), гербы на шапках и медные бляхи с черным лакированным кушаком.

Памятным для кадетов стал один из июньских дней, когда в саду кадетского корпуса собрались учащиеся хабаровских школ, чтобы отметить 100-летнюю годовщину А.С. Пушкина. Бывший кадет, а ныне генерал-лейтенант Н.И. Гродеков провел с учащимися несколько незабываемых часов, он подарил им книги и портреты великого поэта, послушал чтение учащимися пушкинских стихов, наблюдал за их спортивными состязаниями и танцами.

Первый выпуск хабаровских кадетов состоялся в 1905 г.²⁸⁷.

Реальное училище в Хабаровске. Почти одновременно с кадетским корпусом в Хабаровске открылось семиклассное реальное училище, в котором мальчики могли получить общее образование с техническим уклоном. Летом 1903 г. на Николаевской площади появилось трехэтажное здание из красного кирпича, в котором разместились классы первого на Дальнем Востоке реального училища.

Вообще Н.И. Гродеков считал, что развитие технического образования является одной из насущных нужд края. Разработка естественных богатств, которыми он изобиловал, нуждалась прежде всего в технически грамотных специалистах. Всякое благое начинание в промышленном деле не могло обойтись без техники и мастеров. Приглашение лиц с техническим образованием из центральных областей России, связанное с расходом немалых средств, не могло сколько-нибудь полно удовлетворить местные нужды в технически образованных людях.

Созданные при поддержке местных капиталов в Амурской и Забайкальской областях два ремесленных училища, а также железнодорожное техническое училище и мореходные классы в Приморской области положили начало техническому образованию в крае. Генерал-губернатор направил в столицу проект развития технического образования в крае с учетом особенностей каждой территории. Проект включал учреждение двух ремесленных училищ в Никольске-Уссурийском и Николаевске-на-Амуре, открытие одного горного училища в Благовещенске и учреждение в крае двух сельскохозяйственных училищ первого разряда с образцовыми при них хуторами и другими вспомогательными учреждениями: опытным полем, складом сельскохозяйственных орудий и семян, рассадником улучшенных пород лошадей, скота и т. д.

Наглядное мерило всех усилий по развитию народного образования — ежегодный казенный кредит — в Приамурском крае в 1900 г. увеличился по Министерству народного просвещения на 235 тыс. рублей, по военному министерству на 145 тыс. рублей и по духовному ведомству почти на 27 тыс. рублей,²⁸⁸ то есть в более чем на 400 тыс. рублей. В этом была немалая заслуга Приамурского генерал-губернатора, с завидной настойчивостью решавшего сложную проблему. Гродеков считал своей обязанностью внушать императору, «что просвещение Приамурского края требует еще многого и притом постоянных затрат правительства»²⁸⁹. Наряду с правительством делу просвещения края оказывали посильное содействие местные общества и частные благотворители. В 1900 г. на школьное дело было израсходовано из городских и земских сборов 140,5 тыс. и поступило пожертвований лиц 183 тыс. рублей²⁹⁰.

«Выдающимся жертвователем на дело народного образования» назвал Н.И. Гродеков промышленника, коммерции советника А.В. Даттана, который в течение десяти лет состоял почетным попечителем Владивостокской мужской гимназии, устроил на свои средства для воспитанников этой гимназии и студентов Восточного института интернат с церковью при нем, на что им было затрачено более 100 тыс. рублей. Нередко значительные суммы на народное образование жертвовали купцы Хабаровска и Благовещенска.

Николая Ивановича беспокоили факты направления представителями местной интеллигенции своих детей на учебу за рубеж. Не находя удовлетворения в том или другом типе ближайшего учебного заведения, родители иногда устраивали своих детей в заграничные пансионы. В 1899 г. в Китае и Японии при католических миссиях воспитывалось свыше 40 детей из края. По мысли генерал-губернатора, существовала реальная опасность, что этим детям не будут привиты «понятия о своей родной вере и родном языке и вообще традиций, на которых зиждется мощь русского народа». И поэтому он считал важным открывать в крае учебные заведения разных типов.

Образование женщин. О прогрессивности взглядов Н.И. Гродекова свидетельствовала его забота об образовании женской молодежи. В России лишь с 1869 г. начали учреждаться женские гимназии для всех сословий. По утвержденному в 1870 г. императором положению о женских гимназиях и прогимназиях, содержание их, а также устройство и обстановка помещений для них относились исключительно на местные средства, включая благотворительные взносы, субсидии городов и обществ и плату за обучение и содержание воспитанниц. При ограниченности местных источников финансирования, при общей дороговизне в крае материальное обеспечение приамурских женских гимназий было неудовлетворительным. Большинство из существовавших в крае семи женских гимназий (четыре — в Забайкалье, остальные — во Владивостоке, Хабаровске и Благовещенске) не имели приличных помещений, из-за нехватки средств были вынуждены доводить плату за обучение до размеров, недоступных многим родителям.

Особенно в плачевном положении находилась Благовещенская женская гимназия, которая помещалась в ветхом

деревянном, крайне неудобном и опасном в пожарном отношении здании. Генерал-губернатор сообщал в своем всеподданнейшем отчете, что его ходатайства об отпуске средств на постройку здания и пособия на содержание этой гимназии, к сожалению, остаются пока неудовлетворенными. Заодно он писал о необходимости выделения средств для отделки и обстановки возведенного на отпущенные казной в 1897 г. главного каменного корпуса Хабаровской женской гимназии, а также постройки лазарета, бани и прочих помещений, необходимых при интернате. У истоков этого учебного заведения стояла Мария Алексеевна Александрова (урожденная Постникова, 1874–1924 гг.) – выпускница петербургских Бестужевских курсов, историко-филологического факультета, которая увлеченно и горячо отдавалась школьному делу. Несмотря на свою молодость, она смогла поставить учебно-воспитательный процесс в гимназии на невиданную здесь высоту. Сверх обычных занятий по программе она организовала в гимназии лекции и практические занятия по огородничеству и садоводству, открыла рисовальный и рукодельный классы. Гимназистки с удовольствием участвовали в организованных экскурсиях по окрестностям Хабаровска. Генерал-губернатор присутствовал при освящении кирпичного здания первой в Хабаровске женской гимназии. В выступлении он напомнил, что первым вопрос о строительстве этого здания возбудил А.Н. Корф, С.М. Духовскому удалось выхлопотать 40 тыс. рублей на его возведение, и обещал отправить телеграммы вдове барона Корфа и С.М. Духовскому об этом радостном для Хабаровска событии. Затем он сказал, что вся тяжесть постройки здания легла на плечи городского головы А.А. Рассушина и строителя, военного инженера полковника В.Г. Мооро. Только благодаря их безвозмездному труду, энергии и распорядительности здание было построено. Он обратился к ученицам с предложением глубоким поклоном их поблагодарить. А во время большой перемены каждый класс получил от генерал-губернатора по две кулебяки с надписью «С новосельем».

Радея о благополучии женских гимназий, генерал-губернатор задумал учредить в Хабаровске институт благородных девиц. Закрытые учебные заведения ведомства императрицы Марии – женские институты – появились в начале XIX в. для

Новое здание женской гимназии. Хабаровск, 1902 г.

*Женская гимназия. VII класс. В верхнем ряду третья слева –
директриса М.А. Александрова (?)*

воспитания на казенный счет детей дворян, военных, чиновников и своекоштных от иных сословий. В обращении к главному управляющему канцелярией императора в пользу открытия этого учебного заведения были приведены следующие доводы. Во всех женских гимназиях края в 1900 г. воспитывалось около 2 тыс. девочек, из которых почти половина принадлежала привилегированному сословию. «Женские гимназии, преследуя главным образом общеобразовательные цели и пользуясь скудным источником содержания, — писал Гродеков, — не могут давать девочкам такого воспитания в обширном смысле этого слова, какое незабвенная благодетельница русской женщины императрица Мария вложила в созданную ею школу и какое многими предпочитается гимназическому»²⁹¹. Но эта просьба начальника дальневосточной окраины была сочтена в столице чрезмерной.

Являясь убежденным сторонником «правильного и здорового воспитания» юношества, начальник края предпринял меры для того, чтобы создать нормальные условия для обучения учащихся. Однако достичь этого было трудно. В крае имелись гимназии, где на каждого учащегося приходилось вдвое меньше площади, чем предусматривалось стандартами гигиены. «Освещение классов и жилых помещений, а равно отопление и вентиляция их в некоторых гимназиях, — считал генерал-губернатор, — крайне неудовлетворительные»²⁹². В начале 1901 учебного года на девять вакансий для дочерей военнослужащих в интернатах трех женских гимназий края было подано 55 прошений. Во Владивостокской мужской гимназии за два года число учащихся выросло вдвое²⁹³.

Школы для детей крестьян и казаков. Полагая, что только школа может «обеспечить прочное и правильное развитие далекой окраины», генерал-губернатор считал необходимым продвигать школу в крестьянские массы. Начальное образование крестьянским детям призваны были дать начальные училища, которые в основном принадлежали духовному ведомству (церковноприходские училища) и Министерству народного просвещения. Кроме того, были казачьи, миссионерские и частные училища. Церковноприходские и министерские училища были двухклассными и одноклассными. Всего в 1900 г. в Приамурском крае насчитывалось 724 начальных училища, в

которых обучалось 26 530 детей²⁹⁴. В среднем на одно училище приходилось 36 обучавшихся. Часто в училищах работали непрофессионалы, которые не могли дать детям надежные азы грамотности. Новоселам, число которых с каждым годом увеличивалось, на первых порах было не до обучения детей.

Школы в казачьих станицах содержались исключительно на средства общества. В 1901 г. в Амурском казачьем округе насчитывалось всего 34 школы с 1 543 мальчиками и девочками. На 100 жителей округа приходилось только два процента учащихся²⁹⁵. Из-за отсутствия учителей в ряде школ не преподавались история и география. Среди преподавателей встречались случайные люди, не имевшие понятия о программах и методике обучения. Школы испытывали дефицит в книгах для внеклассного чтения. Экзамены, как правило, производил начальник участка или станичный атаман. Один из таких экзаменаторов спрашивал учеников: сколько ящиков «ханшина» (китайской водки) ввезено в течение года в станицу, сколько бутылок содержит ящик с «ханшином» и т. д. По окончании школы учащимся не выдавались ни свидетельства, ни удостоверения. Поэтому понятна была тревога инспектора народных училищ Амурской области о состоянии образования детей, им был выработан проект о передаче казачьих школ в ведение Министерства народного просвещения.

Конечно, и в казачьих станицах работали уважаемые учителя. В Казакевичевской станице завидным авторитетом у взрослых и детей пользовался учитель Е.Г. Радченко, обладавший недюжинными педагогическими способностями, являвшийся добрым советчиком станичников во всех вопросах жизни. Его ученики с успехом поступали на работу в правительственный и железнодорожный телеграф. Видя осязаемые успехи своих детей, казаки утроили расходы на школьное дело²⁹⁶.

У Николая Ивановича были любимые школы, которые он с удовольствием по несколько раз посещал. Одной из них была церковноприходская школа в Никольске-Уссурийском. Этой школой много лет руководил протоиерей Павел Мичурин, человек выдающейся энергии, хорошо образованный. Каменное здание школы красивой архитектуры находилось в самом центре города. Оно было построено на средства, собранные протоиереем у «доброхотных деятелей», особенно из торго-

го дома «Пьянков и бр.». Украшением школы являлся садик, огороженный решеткой, с клумбами, чистыми дорожками. За порядком и чистотой в садике следили сами учащиеся.

Посещение школы генерал-губернатором всегда было радостным и долгожданным событием. Учитель слышал от него ласковое слово, ученик – вопрос, да не один. А когда Николай Иванович оставался доволен ответами учеников, то непременно учитель получал от генерал-губернатора подарок, а дети – груды сладостей.

Эта школа убеждала в том, что суть не в типе школы, а в отношении руководителя к своему делу и в его умении так поставить обучение, чтобы и дети, и родители полюбили школу.

На открытие новых училищ Министерство просвещения выдавало субсидии со скрипом. Учитывая все эти обстоятельства, Гродеков считал, что средства на обустройство школ необходимо включить в число расходов по переселению на Дальний Восток крестьян и казаков. Пытаясь убедить власти не скупиться в выделении средств на создание школ в крае, Николай Иванович подчеркивал, что местный крестьянин, «находясь в постоянных заботах об устройстве своей материальной жизни на далекой окраине, на школу смотрит как на обузу, отнимающую у него не только помощника-ребенка, но и требующую материальных затрат». «Школа, по воззрению народа, есть роскошь, допускаемая только при избытке средств. Вот почему, пока среди простого населения вверенного мне края этого избытка в средствах не будет, постройка, обстановка, содержание школ должны быть отнесены на счет правительства»²⁹⁷, – считал Н.И. Гродеков. Он был убежденным сторонником бесплатного образования для детей крестьян и казаков.

В Приамурском крае существовали обширные территории, население которых почти полностью было обделено просвещением. Так, на о. Сахалин «не было ни одного правильно поставленного учебного заведения». Начальные школы, которых насчитывалось 27, влачили жалкое существование: роль учителей, как правило, выполняли ссыльные, на содержание школ тюремное ведомство могло отпустить только 4 тыс. рублей. Из-за отсутствия учебных заведений на острове служащие не могли обучать там своих детей. Поэтому главный началь-

ник края просил министра народного просвещения открыть на Сахалине первые четыре класса реального училища с правом принимать в них и девочек. Он возлагал некоторые надежды на организацию правильной постановки начального образования в связи с учреждением на Сахалине должности инспектора народных училищ.

Конечно, до наступления того положения, когда школа станет желанным достоянием приамурского крестьянства, было очень далеко. Но задача была поставлена, и делались настойчивые шаги для ее решения. В 1901 г. в крае было открыто 37 новых начальных училищ и 17 преобразованы из одноклассных в двухклассные. В 1902 г. были открыты прогимназия, реальное училище и др.²⁹⁸.

Проблема педагогических кадров. Главной трудностью организации образования в крае являлась острая нехватка педагогических кадров. Дороговизна жизни в крае, низкая оплата труда учителей, отдаленность от университетских центров России, а также отсутствие в крае учебных заведений по подготовке педагогов дают представление о масштабе этой трудности, преодоление которой было не под силу генерал-губернаторской власти.

Выписка учителей из Европейской России была крайне затруднительна и обходилась дорого. Молодые учителя, незнакомые с условиями жизни в крае, зачастую по прибытии в край уходили на другие, лучше оплачиваемые работы. Поэтому администрацией края был поставлен вопрос перед Министерством народного просвещения об открытии в крае учительской семинарии. Ходатайства главного начальника края в Министерство народного просвещения и Министерство финансов были наполнены предложениями и просьбами. Так, было возбуждено ходатайство перед Министерством народного просвещения об увеличении содержания педагогов до полуторного размера в гимназиях, городских и ремесленных училищах.

Кое-что из просьб генерал-губернатора медленно удовлетворялось. В какой-то мере потребности начальных школ в учителях должна была решить открывшаяся в Чите учительская семинария. Удалось содержание учителей мужских средних учебных заведений увеличить на 50 процентов. Благодаря

этому вакантные места в мужских гимназиях и реальных училищах с большей охотой стали замещать педагоги с высшим образованием.

Затем эта мера была распространена на женские гимназии и ремесленные училища. Начальным школам, о которых особо заботился начальник края, в 1901 г. также была оказана существенная помощь: содержание 42 училищ было принято на счет казны. В итоге высвободившиеся местные средства были направлены на открытие новых школ и повышение их статуса. Министерство финансов выделило 4 тыс. рублей единовременно и 2 тыс. рублей ежегодно для пособий учителям начальных училищ, вызываемым из Европейской России. Благодаря этому только в течение 1901 г. в Приамурский край прибыло 47 учителей для средних учебных заведений, ремесленных училищ и начальных школ.

Зная о мизерной оплате труда учителей, особенно в начальной школе, Н.И. Гродеков стремился морально поощрять их труд. Это делалось в виде публикуемых в «Приамурских ведомостях» приказов генерал-губернатора. Например, газета от 8 мая 1899 г. поместила такой приказ генерал-губернатора: «За отличное состояние учебной части в Михайловской и Григорьевской сельских школах, свидетельствуемое мне директором владивостокской гимназии, объявляю мою благодарность учительницам этих школ Щибра и Ляторовской».

Тогда для поощрения усердной работы педагогов высших и средних учебных заведений, а также городских и ремесленных училищ существовала увеличенная для дальневосточной окраины норма почетных наград. Но она не касалась учителей начальных училищ и учителей-женщин. Для них был установлен знак отличия – медаль на Александровской ленте «За 10 лет службы». По мнению Н.И. Гродекова, было бы справедливо установить сокращенные сроки для награждения этих труженников, работающих нередко при весьма тяжелой обстановке и за ничтожное материальное вознаграждение²⁹⁹. Эти соображения он высказал в своем отчете императору и изложил в ходатайстве, направленном в Петербург.

Помимо постоянного дефицита средств на создание новых учебных заведений школьное дело в крае испытывало и другие трудности, в том числе и организационные. Непосредствен-

ное руководство народным образованием в крае осуществлял лишь один окружной инспектор училищ с правами чиновника особых поручений при генерал-губернаторе. Им был Василий Петрович Маргаритов, оставивший заметный след в просвещении населения Приамурского края. Генерал-губернатор считал необходимым создать местный орган по руководству учебными заведениями, о чем он ходатайствовал перед Министерством народного просвещения. Он считал, что тормозом в организации школьного дела в крае являются не соответствующие реальной жизни размеры содержания и разъездных денег инспекторов училищ, которые были назначены такими же, как и в центре Европейской России, в то время как при гораздо худших путях сообщения инспекторские районы были в пять-шесть раз больше инспекторских районов в центре России. Ходатайства генерал-губернатора об увеличении содержания и разъездных денег инспекторам Приамурского края остались без ответа, как и просьба о создании местного органа для руководства учебными заведениями края.

Таким образом, в деятельности генерал-губернатора вопросы народного просвещения занимали, без преувеличения, большое место, что было связано не только с тем значением, которое придавал просвещению населения Н.И. Гродеков. В существовавшей тогда административной системе генерал-губернаторской власти отсутствовала какая-либо структура, которая бы ведала разраставшимся и становящимся все более многообразным учебным делом в крае. Оно целиком замыкалось на генерал-губернаторе. К тому же за основу всех нормативных документов — должностных окладов, содержания учебных заведений, расходов на их строительство и т. д. — министерствами народного просвещения и финансов были взяты нормы, действовавшие в центральных губерниях России и не соответствовавшие условиям Дальнего Востока. Поэтому генерал-губернатору приходилось заниматься корректировкой нормативных документов, а это означало писать многочисленные и неоднократные ходатайства об увеличении всех расходов на образование. А если учесть, что ввиду быстрого роста населения городов, поселков и постоянного увеличения числа сельских поселений система образования в крае сильно отставала от потребностей жизни, то станет очевид-

ным, какая ответственность лежала на генерал-губернаторе за просвещение населения края, какой большой объем вопросов приходилось ему решать – от разработки проектов развития профессионального образования в крае до уточнения правил поощрения педагогов.

Обладая передовыми для того времени взглядами на просвещение, Н.И. Гродеков своими энергичными действиями добился в сфере образования населения Приамурского края существенных перемен к лучшему: значительно возросла сеть народного образования, которая обогатилась новыми, высшего типа учебными заведениями, для них были выстроены капитальные здания, комфортабельные для обучения, успешно решалась проблема продвижения школ в места поселений крестьян и казаков и т. д. К сожалению, далеко не все из задуманного генерал-губернатору удалось осуществить. Вместе с тем гродековский вклад в сферы образования и культуры края по объему и значимости оказался самым крупным и долговечным, плодами которого мы продолжаем пользоваться и в XXI в.

ПРИАМУРЬЕ
В ВОЕННЫХ
СОБЫТИЯХ
В МАНЬЧЖУРИИ
1900—1901 гг.

Горжусь, что судьба предназначила мне стоять во главе вас при первом боевом крещении вашем, и счастлив, что при мне заслужили вы свои первые Георгиевские кресты.

(Из приказа Н.И. Гродекова по войскам Приамурского военного округа. Хабаровск. 7 октября 1902 г.)

Вступление Н.И. Гродекова в должность Приамурского генерал-губернатора совпало с началом строительства КВЖД. Наблюдение за ситуацией на стройке и вокруг нее вошло в сферу деятельности главного начальника края.

Тревога и предчувствия. Располагая секретной информацией о том, что правительство Дайцинской империи предпринимает настойчивые меры по заселению пограничных с Россией маньчжурских земель, особо заботится об увеличении своих военных сил в провинциях Маньчжурии, о перевооружении имперской армии, Н.И. Гродеков счел необходимым обратить

на эти обстоятельства внимание Министерства иностранных дел и российского посланника в Пекине. На сделанные по этому поводу представления пекинскому правительству был получен ответ следующего содержания: цинское правительство придает особое значение увеличению вооруженных сил во всех частях империи — это его главная цель. Значительное число войск, говорилось в ответе, необходимо иметь и для борьбы против хунхузов³⁰⁰.

Для сбора оперативной информации, изучения ситуации на строительстве КВЖД Н.И. Гродеков командировал в Маньчжурию пограничного комиссара Амурской области. В совершенно секретном письме комиссар изложил свои, как он оценил, «поверхностные впечатления». Первое, на что он обратил внимание, — это дешевизна китайской рабочей силы. Один подрядчик-китаец поставлял рабочих за мизерную плату — 25 копеек в сутки на собственном содержании. В то же время в Амурской области русскому рабочему надо было платить 2 рубля 65 копеек в сутки (то есть в 10 раз больше) на полном довольствии от приискового управления³⁰¹. Второе, что привлекло внимание комиссара, — это способ расчетов железнодорожного управления: оно вело их не с рабочими, а с подрядчиками-китайцами, немилосердно обворовывавшими своих рабочих, платя им по 6—12 копеек. За такую плату даже непритязательный восточный рабочий не мог как следует прокормить себя, поэтому наблюдались побегии со стройки, а иногда и волнения. Зачинщиков же русская охранная стража наказывала «телесно», то есть избивала.

Одним из видов косвенного обирания рабочих являлся отпуск им продуктов по высоким ценам в лавках, принадлежавших начальникам строительных участков. По соглашению с пекинским правительством управление КВЖД занимало пустующие казенные земли бесплатно. За обработанные сельскохозяйственные участки оно уплачивало владельцам по 100 рублей за десятину. Плата за фанзы устанавливалась по соглашению. Но и в этом случае железнодорожное управление имело дело не с владельцами земли и фанз, а с агентами, то есть с маньчжурскими чиновниками, которые нещадно обманывали и обкрадывали соотечественников, наживая на этом немалые барыши. Несправедливо произведенные расче-

ты, виновниками которых объявлялись русские, вызывали у маньчжуров большое неудовольствие и протесты.

Для полноты социальной картины строительства КВЖД, которую окрестили «маньчжуркой», следует сказать, что она притянула к себе из России авантюристов, разного рода мошенников и проходимцев, увидевших здесь возможность нечестно нажиться и разбогатеть. В немалой степени этому способствовало полное отсутствие в администрации каких-либо контролирующих структур. Для лиц с «невысоким нравственным уровнем» стройка представляла возможность обогатиться без труда. К тому же в среде администрации дороги оказались «рыцари легкой наживы», которые растратили сотни тысяч государственных средств, за что были изгнаны со службы. Некоторые чиновники увлеклись личным бизнесом, на паях участвуя в организации мельниц, что приносило огромные прибыли. Находились начальники участков, которые занялись прибыльной торговлей. Как результат, у маньчжурских рабочих было более чем достаточно оснований недоверчиво, недружелюбно относиться к русским в Маньчжурии. В полной безопасности русские строители чувствовали себя лишь при штабе стройки и наличии охранной стражи. Как сообщал Гродекову пограничный комиссар, на линии наши «живут в постоянной тревоге и с мрачными предчувствиями»³⁰². Считая, что в строительство дороги вложена масса энергии и знаний, комиссар прозорливо писал: «Успешное окончание его зависит от такого множества случайностей, что в настоящее время никто не в состоянии сказать с уверенностью, как они разрешатся». Наблюдательный комиссар сделал в заключение следующий вывод: «С населением Китая, по мнению моему, необходимо считаться, так как правительство здесь слабо и далеко не всегда может справиться с чернью»³⁰³. Думается, эту точку зрения разделял и Гродеков, имевший десятилетний опыт управления в Туркестане.

Нашлись люди и из правительственных кругов, бывавшие в это время в Маньчжурии и критически воспринявшие порядки на стройке. Среди них – начальник главного управления военных сообщений генерал Левашов. В своем рапорте на имя военного министра он писал: «На всем объезжанном мною участке линии я не видел решительно никаких мер за-

ботливости и попечения со стороны железнодорожной администрации улучшением быта этого безответного труженика — полуголого китайца-работника, безропотно, за небольшие гроши таскающего в корзинках на коромыслах землю на полотно ... под палящими солнечными лучами»³⁰⁴. Генерал считал, что строители из России должны быть в Китае «пионерами русской цивилизации и, располагая такими могущественными средствами, как капитал, могли бы расположить и заслужить полные симпатии ко всему русскому и со стороны мирного и работающего населения Китая»³⁰⁵. Увы, этим никто из русской администрации строительства КВЖД озабочен не был. Все уповали на вооруженную силу в лице охранной стражи, численность которой неизменно увеличивалась. Железнодорожная администрация полагала, что вооруженная охрана в состоянии защитить стройку от каких-либо посягательств со стороны маньчжуров. В расчеты же главного идеолога стройки и ее главного финансиста С.Ю. Витте и железнодорожной администрации совершенно не входило создание маломальских условий для существования маньчжурских рабочих. Справедливости ради следует сказать, что и на строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали злоупотреблений было ненамного меньше, русские рабочие тоже не ощущали заботы о своем житье-бытье. Рапорт генерала Левашова о хищениях и казнокрадстве, злоупотреблениях администрации дороги с припиской, что автор «страстен в работе ... и это обязывает относиться к его выводам с осторожностью», А.Н. Куропаткин передал Витте, чем вызвал его гнев. В письме на имя военного министра он писал: «Военное ведомство дало право своим соглядатаям распространять всякую всячину о дороге». Государство бы выиграло, если бы «каждое ведомство занималось своим делом и без надлежащих знаний не сувалось бы в чужие»³⁰⁶.

Традиционно в Маньчжурии существовал многочисленный и крепкий чиновничий аппарат, прежде всего в лице цзянцзуней (губернаторов). Наживаясь на строительстве КВЖД, они тем не менее считали, что прокладка магистрали — «начало конца Маньчжурии как части Китая». В охранной страже они видели русскую вооруженную силу, предназначенную для захвата Маньчжурии. Опасения их усилились после занятия русскими Порт-Артура и сооружения южной ветки КВЖД.

При этом масса местного населения не была оповещена о договоренности с цинским правительством о строительстве этого участка пути. Постоянное наращивание охранной стражи, утверждение русских в Порт-Артуре давали правящим лицам Маньчжурии повод считать, что Россия намерена захватить всю Маньчжурию, а затем заменить местную администрацию русской и тем самым лишить чины маньчжурской администрации обеспеченного существования. Поэтому они, считал Гродеков, «все время мучили народ против дороги».

Глубокие противоречия местного характера развивались одновременно со столкновением интересов Китая и европейских стран – Англии и Германии, пытавшихся воспользоваться ослаблением пекинского правительства, чтобы подчинить себе экономику и отдельные районы азиатской страны. Россия же вкладывала огромные средства в строительство крупнейшей железнодорожной магистрали, которая должна была дать мощный толчок социально-экономическому развитию отсталых, слабо заселенных провинций Маньчжурии. Но располагало ли цинское правительство твердыми гарантиями, что Россия после того, как железнодорожная магистраль будет построена, не захватит Маньчжурию? Таких гарантий у него не было. Да и в правящих кругах России вопрос о будущем Маньчжурии трактовался по-разному. Николай II и его правительство старались не касаться этого чувствительного вопроса.

В обострившиеся отношения Китая с европейскими странами, в том числе и с Россией, буквально ворвались «внезапно вошедшие в круг цивилизованных наций» японцы. Вынудив Японию уступить России Ляодунский полуостров, правительство России не учло, что тем самым оно заимело не только два порта на Тихоокеанском побережье, отстоявших на огромном расстоянии от российской территории, но и врага. Ослабленный, терзаемый европейцами Китай и обиженная, враждебно настроенная против России Япония после Китайско-японской войны 1894–1895 гг. стали искать поддержку друг у друга. Н.И. Гродеков знал, что цинское правительство обращалось к Японии с просьбой провести модернизацию вооруженных сил Китая. Он понимал, что достаточно маленького камешка для того, чтобы лавина накопившейся неприязни и даже враждебности обрушилась на головы русских в Маньчжурии.

Начало мятежа. Как часто бывает, все началось с небольшого инцидента. В столичной провинции Чжили в мае 1900 г. народные массы, организованные членами тайного общества «Ихэтуань», найдя поддержку среди некоторых чиновников и военных чинов, начали жечь дома христиан и разрушать железные дороги. Это был протест против усиливавшегося внедрения в страну европейцев, железнодорожного строительства и нарушения векового уклада жизни коренного населения. Восставшие вошли в Пекин, не встретив со стороны его властей какого-либо сопротивления. В этих условиях шесть держав — Германия, Франция, Австро-Венгрия, США, Япония и Россия — ввели свои военные формирования в Пекин для охраны посольств и христиан. Инициативу в решении военных вопросов взял на себя опиравшийся на поддержку Петербурга и русского посольства в Пекине командующий войсками Квантунской области вице-адмирал Е.И. Алексеев, предпочитавший военный вариант разрешения конфликта. Не останавливаясь на эпизодах военных столкновений в Южной Маньчжурии, следует подчеркнуть, что русские войска оказались втянутыми в затяжные бои.

Исследователь В.Г. Дацышен считает «началом русско-китайской войны в Маньчжурии» 22 июня 1900 г., когда маньчжурская армия, расположенная вдоль южной линии КВЖД, постепенно стала переходить на сторону восставшего народа³⁰⁷. Конфликт перебросился и в Северную Маньчжурию. «Быстрота, с которой враждебные действия охватили громадный район, и единовременность начала этих действий не оставляют никаких сомнений в том, что приходилось иметь дело с движением, заблаговременно организованным»³⁰⁸, — считал военный министр А.Н. Куропаткин.

Положение становилось критическим, и 26 июня 1900 г. последовало императорское повеление о вступлении наших войск в Маньчжурию. В правительственных сообщениях говорилось, что для России главным является «сохранение исконного государственного строя в Китае и устранение всего того, что могло бы повести к разделу Поднебесной империи»³⁰⁹. «Если мы и были вызваны действиями китайцев ввести свои войска в Маньчжурию, — разъяснялась позиция России в правительственном сообщении, — то эти временные меры отнюдь не могут свидетельствовать о каких-либо своекорыстных

Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков (второй ряд, третий слева) со штабом и офицерами третьего Верхнеудинского полка. 1900—1901 гг.

планах, совершенно чуждых политике императорского правительства, и как скоро в Маньчжурии будет восстановлен прочный порядок и будут приняты меры к ограждению рельсового пути, Россия не преминет вывести свои войска из пределов соседней империи, если, однако, этому не послужит препятствием образ действий других держав»³¹⁰.

Заметим, в правительственных документах говорилось, что российские войска вводились в Маньчжурию в помощь пекинскому правительству, чтобы обуздать восставших. Однако вскоре стало ясно, что пекинское правительство выступает заодно с восставшими. Но правила игры были оговорены, и официально Россия придерживалась продекларированных положений.

Центром напряженных отношений стали северные провинции Маньчжурии и вся линия КВЖД. И прежде происходили нападения маньчжуров на строителей дороги, совершались диверсии и убийства, но с июня 1900 г. начались массовые агрессивные действия по отношению к охранной страже и русским служащим, при этом разрушалась построенная магистраль, уничтожались склады. Более того, местные власти потребовали от управляющего дороги передать все имущество и дорогу в их распоряжение. Охранная стража

была не в силах защитить российских строителей от восставших и армии. Пришлось эвакуировать население. Пятью рейсами пароходов было вывезено около 10 тыс. человек из числа членов семей рабочих и служащих. К концу июня маньчжуры овладели почти всей железной дорогой, за исключением Харбина. Было очевидно, что пока сформированные из войск Киевского и Одесского округов с артиллерией из Варшавского и Виленского округов четыре армейских корпуса доберутся до Маньчжурии, вся тяжесть и ответственность за ситуацию ложится на Приамурский военный округ — на командующего войсками генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова.

С разрешения военного министра с 12 июня 1900 г. в округе началась мобилизация, которая прошла четко и организованно. Из казачества края были сформированы 56 конных и 23 пеших сотни и четыре батареи. В станицах остались только старики, женщины и дети. Да и на тех зачастую лежала задача охранять телеграф, склады дров для пароходов и свои дома. Нередко казаки, по выражению Гродекова, «опоясывались шашками» и несли охранную службу.

Из неказачьего населения Приамурья было призвано на действительную военную службу 16 750 запасных воинских чинов. У населения было реквизировано 14 290 лошадей. Военские перевозки осуществляли 54 морских и 64 речных парохода и 50 барж, принадлежавших частным лицам³¹¹.

18 июня Н.И. Гродеков телеграфировал военному министру А.Н. Куропаткину проект боевого расписания войск Приамурского военного округа как отправленных, так и подготавливаемых к переброске в Маньчжурию.

Выразив полное согласие с проектом, Куропаткин представил его на утверждение Николаю II со следующим мнением: «В случае волнений в Маньчжурии ввиду необходимости скорейшего сосредоточения значительных сил в Харбине полагалось бы нужным предоставить генералу Гродекову право увеличивать отряд, отправляемый по Сунгари по его усмотрению, доводя его, если он то признает нужным, до 3-х батальонов пехоты с соответствующей численностью частей других родов оружия»³¹². Приписка министра свидетельствовала, что в военное время командующий войсками округа не имел права без военного министра и императора в случае необходи-

мости увеличить отряд, отправляемый в Маньчжурию. Право на принятие самостоятельного решения надо было получить в Петербурге. И Гродеков его получил.

Согласно утвержденному командующим «Положению об охране селений Приморской области, объявляемых на военном положении» создавалась «народная охрана из вольных дружинников». В дружины принималось мужское население всех сословий от 21 до 45 лет «добровольно или по выбору общества». В зависимости от удаленности границы численность была разной: в тридцативерстной полосе от двух дворов выделялся один человек, на расстоянии 30–60 верст — один человек от четырех дворов, далее шестидесятиверстной полосы дружинник требовался от шести дворов. Для корейского населения четкого представительства не предусматривалось. Дружинники получали от казны берданки и патроны с возвратом. Подчинялась дружина военному губернатору Приморья, при котором создавалась специальная канцелярия. Во время участия в военных действиях дружинники и их семьи получали казенное довольствие, а при командировках — фураж и приварок. Деятельность дружины регламентировалась специальной инструкцией. В Приморье «правителем добровольной дружины» был назначен заведующий переселенческим управлением Н.Л. Гондатти. В Амурской области также были сформированы дружины. Всего населением края было выставлено около 6 тыс. добровольцев, из которых сформировали сотни и дружины под командой отставных офицеров и нижних чинов³¹³. Добровольцы в значительной степени содействовали поддержанию порядка в крае и успокоению населения.

В отправленной шифрованной телеграмме военному министру Гродеков изложил свое мнение по поводу разработанного плана военных операций в Маньчжурии³¹⁴. В целом одобряя предполагаемую кампанию, командующий войсками округа внес в нее существенные коррективы. Признавая движение второго и третьего корпусов в центральную часть Маньчжурии по сходящимся направлениям и выбор места для главных передовых магазинов (складов) «отвечающими существующей обстановке и местным условиям», генерал подчеркнул, что третий сибирский корпус при движении через Хайлар и Цицикар может встретиться с большими затруднениями

в снабжении войск продовольствием. Поэтому он предложил в этом направлении двинуть лишь половину корпуса, другую половину направить на Сретенск, Благовещенск и далее на Цицикар. Гродеков считал целесообразным направить и большую часть запасов для третьего корпуса этим же путем, главные магазины для корпуса учредить не в Нерчинске, а в Сретенске, так как он является конечным пунктом железной дороги и начальным пунктом грунтовых коммуникационных линий. Предметом особой заботы генерала являлось обеспечение войск продовольствием и обмундированием. Он считал необходимым, чтобы десантный корпус имел вместо полугодового годовой запас провианта, фуража и приварочных запасов. Для второго сибирского корпуса необходимо «прислать из России также морем девятимесячный запас провианта и фуража». Предметами же снаряжения и зимней одеждой «...войска Приамурского округа будут вполне обеспечены», — заверил Н.И. Гродеков. А вот войска, отправлявшиеся из Европейской России, «должны быть снабжены как мундирной одеждой, так и предметами снаряжения, сапогами и теплыми зимними вещами по штатному составу военного времени, причем, в виду суровости зимы, полушубки должны быть непременно длиннее колен»³¹⁵. Уточнение «полушубки должны быть непременно длиннее колен» свидетельствует о Гродекове как о генерале, принадлежавшем к лучшей части русского офицерства, для которого забота о русском солдате была святым делом.

Особое внимание генерал-губернатор обращал на госпитальное имущество. Его мнение было таково: сверх имевшихся в округе госпиталей следует развернуть дополнительно 11 полевых подвижных и 10 запасных госпиталей, для которых следовало прислать полагавшееся имущество. Хабаровский и Иркутский аптечные склады он предлагал расширить каждый в три раза. На копии шифрованной телеграммы генерал-лейтенанта Гродекова военный министр наложил резолюцию: «Спешно. Весьма важные данные. Прошу доложить со справками в пятницу всем управлениям»³¹⁶.

Можно предположить, что далеко не все предложения Н.И. Гродекова были учтены военным ведомством. Но даже реализовав часть из них, удалось спасти жизни немалому числу русских солдат.

28 июня 1900 г. Н.И. Гродеков обнаружил прокламацию «Властям и населению Маньчжурской провинции Дайцинского государства от Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа»³¹⁷. В ней говорилось, что в пределах Дайцинского государства появились вредные люди, которые составили общество под названием «Большой кулак». Разбойники совершают неистовства и злодеяния, грабят и жгут селения, убивают иностранцев, а вместе с ними и своих соотечественников-китайцев, особенно принявших христианство. Само Пекинское императорское правительство бессильно в борьбе с мятежниками. Из Печилийской провинции восстание проникло в Маньчжурию; мятежники разрушают созданную русским трудом железную дорогу. Факт ввода российских войск в Северную Маньчжурию Гродеков объяснил таким образом: «Государь император Всероссийский, снисходя к печальному положению законного китайского правительства и ради устранения опасности, грозящей нашему трудовому русскому народу, работающему над постройкой Китайской Восточной железной дороги, повелеть соизволил ввести в Маньчжурию свои войска».

Обращаясь непосредственно к маньчжурам, генерал обещал, что русское оружие будет обращено только против мятежников, мирные же жители Маньчжурии должны оставаться спокойными и уверенными в том, что найдут в государевых войсках защиту от всяких покушений на жизнь или имущество со стороны восставших. Войска императора Всероссийского не обидят мирного жителя чужой страны, а в случае нужды выручат его из тяжелого положения. За все взятое от жителей будет уплачиваться наличными деньгами. Если же, несмотря на это объявление, найдутся такие люди, которые примкнут к мятежникам или будут распространять дурные и вредные мысли среди народа, то тем будет худо.

Оборона Харбина. Знаменем борьбы за русские интересы в Маньчжурии стал Харбин — русский город, обязанный своим рождением строительству дороги. Здесь располагались основные материальные ценности, находились резиденция главного инженера КВЖД А.И. Юговича и штаб командующего охранной стражей. Оборона Харбина стала одним из важнейших военных событий. После эвакуации из города многих членов

семей, служащих в нем находилось более 4 тыс. человек, в том числе 2 тыс. охранной стражи, около тысячи запасных нижних чинов³¹⁸. Во главе харбинского отряда встал командующий Охранной стражей генерал-майор А.А. Гернгросс, собравший в общем 3 300 штыков и сабель. Маньчжурских войск вокруг Харбина сосредоточилось около 8 тыс. человек, на вооружении которых была артиллерия в виде шести пушек. Решающие события развернулись 13 июля, когда маньчжуры предприняли наступление, начав его с артиллерийского обстрела района Затона. По приказу отряд, оборонявший его, отступил за реку. Завязался бой в районе кирпичного завода и Нового города. Было решено всю оборону сосредоточить на Пристань, куда раньше перебралось население из Старого и Нового города. Овладев кирпичным заводом, находившимся в двух верстах к западу от Нового города, неприятель установил четыре орудийные батареи и начал обстреливать Пристань и Новый город. Войска противника заняли железнодорожный мост, депо, дровяные склады. Для защитников города возникла критическая ситуация. Зашедшие к маньчжурам с фланга две сотни охранной стражи из Старого города неожиданно напали на них и вынудили их отступить к винокуренному заводу, где они и укрылись. Русские отчаянно штурмовали завод, завязался бой, в ходе которого маньчжурские войска понесли существенные потери и бежали. Русские захватили богатые трофеи – три артиллерийских орудия. До этого у защитников города артиллерии не было. Деморализованные войска противника больше не предпринимали наступления, хотя по-прежнему стояли около Харбина и продолжали его обстреливать.

На помощь защитникам Харбина по приказанию Гродекова был отправлен отряд генерал-майора В.В. Сахарова. При отправке отряда Гродеков дал инструкцию, в которой указывал, что употреблять в дело оружие следует «только в виду действительной надобности ... войска должны знать, что в течение 200 лет мы жили с китайцами в большом согласии и мире, а если и призваны в настоящее время на территорию Китая, то лишь для усмирения мятежников против законного китайского правительства. Обиженных китайцев без повода с их стороны быть не должно. Особенно строго следует относиться к имущественной собственности каждого китайца»³¹⁹.

Оборона г. Благовещенска со 2 по 19 июля 1900 г. 2-м линейным, 21-м стрелковым полком

Военный отряд на 67 судах по Сунгари достиг Харбина и высадился на берег. Осада города, продолжавшаяся три недели, была ликвидирована. Столица КВЖД отстояла себя и стала опорной базой для будущего разгрома армии противника в Маньчжурии. За умелое командование войсками генерал-майор А.А. Гернгросс был награжден орденом Святого Георгия IV степени.

Борьба за Амур. Начавшиеся в столичной провинции Чжили русско-китайские военные столкновения постепенно распространились на север и достигли границы Приамурского края. В районе Благовещенска они оказались наиболее ожесточенными и продолжительными. Обе воюющие стороны понимали, что дальнейшее развитие конфликта во многом будет зависеть от исхода борьбы за Амур, единственную транспортную артерию, соединявшую Приамурье с остальной Россией. К тому же именно в бассейне Амура с середины XIX в. существовали русско-маньчжурские противоречия. Население Благовещенска, привыкшее к тому, что рядом с ним живут китайцы – торговцы, домашняя прислуга, рабочие, – не допускало мысли, что придется воевать с ближайшими соседями. Хотя в июне появилась информация о том, что рабочие-китайцы стали уходить с золотых приисков, маньчжурские

крестьяне стали переходить через Амур, а купцы переводили капиталы в Маньчжурию. По градековским сообщениям А.Н. Куропаткину, по Амуру усиливались маньчжурские караваны, маньчжурские отряды с артиллерией появлялись даже там, где и пограничных пикетов никогда не было³²⁰. Но тем не менее местные власти не допускали мысли, что конфликт достигнет Амура. Чем же иначе можно объяснить факт отправки собранных в Благовещенске войск в состав Хабаровского отряда? Город практически оказался без войск.

Боевые действия на Амуре начались 1 июля 1900 г. с артиллерийского обстрела парохода «Михаил», который вел из Хабаровска пять барж с артиллерийским грузом для Благовещенского гарнизона. Во время переговоров с маньчжурскими пограничниками те сказали, что получен приказ, запрещающий плавание по Амуру. Подошедший к «Михаилу» пароход «Селенга» имел на борту пограничного комиссара Амурской области и взвод казачьего полка. Когда пароходы, согласно приказу комиссара, двинулись, маньчжуры открыли по ним сильный огонь. В ответ казаки с «Селенги» тоже ответили огнем. Пароходы, изрешеченные неприятельскими пулями и снарядами, в Благовещенске встречала масса горожан. Вид побитых пароходов, вынос с них раненых — комиссара, двух казаков, боцмана и лоцмана — свидетельствовали о начале военных действий на Амуре. Военный губернатор области К.Н. Грибский принял решение «очистить свободный путь нашим пароходам по Амуру» и вечером того же дня отправил берегом отряд в сторону Айгуня. Пароход «Селенга» с двумя орудиями на борту и пароход «Михаил» стали спускаться по Амуру, но встретили с маньчжурской стороны сильный огонь. На правом берегу на протяжении 12 верст были сооружены окопы и установлено 40 орудий. Понесся потери — двое убитых и пять раненых, пароходы двинулись к Благовещенску, который уже подвергался бомбежке. И на следующий день бомбежка Благовещенска продолжалась. Огонь вели с противоположного берега 2 тыс. человек маньчжурской пехоты и восемь орудий. В городе появились убитые и раненые. Обстрел Благовещенска продолжался 13 дней. Из горожан погибли пять человек и 15 были ранены.

С 5 июля Амурская область и сам Благовещенск были переведены на военное положение. Именно в ночь на 5 июля по-

Защитники-добровольцы г. Благовещенска. 1900 г.

Маньчжурия, Харбин. Январь 1901 г.

сле ряда неудачных попыток на наш берег переправился маньчжурский отряд с 18 орудиями. Ему удалось потеснить русские отряды и сжечь казарму, но он оказался неспособным к сопротивлению, когда подвергся удару отряда под командованием полковника И.Н. Печенкина, командира Амурского казачьего

полка. Маньчжуры были разбиты, а с 6 июля весь левый берег Амура был очищен от противника. Несмотря на продолжавшиеся обстрелы Благовещенска, казаки переправились через Амур. Маньчжуры были ошеломлены, когда ночью увидели русский отряд в 150 человек. В завязавшемся бою маньчжуры понесли значительные потери. Переходы русских отрядов за Амур приобрели регулярный характер, как и обстрелы Айгуня и соседних сел. Местные жители были вынуждены покинуть свои дома и уйти в лес. В короткий срок войска Амурского военного округа, не имея поддержки извне, отразили опасность вторжения неприятельских сил и стали хозяевами положения на Амуре.

Военный конфликт в районе Благовещенска, вызвавший тревогу властей в Хабаровске и Петербурге, заставил пересмотреть военные планы российских войск. Командующий Приамурским военным округом Гродеков срочно сформировал три отряда для отправки в район Благовещенска: один отряд из Хабаровска под командованием полковника Сервианова и два из Забайкалья во главе с генерал-майором Ренненкампом и генералом Александровым. 18 июля собранным в Благовещенске войскам был отдан приказ переправиться через Амур и захватить Сахалин и Айгунь. Сахалин был взят с ходу, а решающий бой за Айгунь произошел 21 июля. Маньчжурские войска не смогли оказать достойного сопротивления, и Айгунь пал. В одном из боев погиб кадровый офицер Амурского казачьего войска, талантливый поэт и литератор тридцатилетний Л.П. Волков.

Получив известие о взятии Айгуна, император Николай II в своем дневнике 23 июля 1900 г. записал, что «это очень важный успех, так как обеспечивает безопасное сообщение по Амуру»³²¹.

Для преследования отступавших командующий назначил Ренненкампа, передав его отряду всех казаков. Пределы движения отряда не указывались, «все будет зависеть от лихости казаков». Состоялся бой под Цицикаром, в результате которого столица Хэйлунцзянской провинции с населением в 50 тыс. человек, обороняемая гарнизоном в 6 700 человек при 43 орудиях, была взята отрядом в 460 казаков при восьми орудиях. За эту победу командующий Гродеков назвал казаков «чудо-богатырями».

Первым комендантом Цицикара стал есаул Д.Н. Пешков. Это тот лихой казак, который совершил на своем коне Сером беспримерный 193-дневный конный пробег от Благовещен-

ска до Петербурга. Казачий отряд, воодушевленный победой, захватил Гирин, Шуаян и другие населенные пункты. По приказу Гродекова отряд возвратился в Гирин.

Военные успехи приамурцев в освобождении КВЖД от мятежников подвигли императора на принятие важного решения. «У меня было совещание с Витте, графом Ламздорф и Куропаткиным по китайскому вопросу, — записал он в дневнике 12 августа 1900 г. ... Окончательно решил уходить нам из Пекина... Чувствовал себя облегченным после этого решения»³²². К чести российского правительства оно первым без согласования с союзниками вывело свои военные формирования из Пекина, чем вызвало огромное недовольство европейских государств, особенно Германии. Император считал, что «Россия правильно поступила, решившись убраться из водоворота, который образуется под Пекином. Пусть другие сами выбирают, когда им заблагорассудится»³²³.

Генерал-губернатор с гордостью подчеркивал, что к 20 августа, то есть до прибытия на театр военных действий подкрепления из Европейской России, вся магистраль КВЖД на протяжении 1 380 верст перешла к русским, а 23 сентября состоялось соединение передовых отрядов войск северного и южного театров военных действий. В ноябре завершилось освобождение и южной ветки КВЖД³²⁴.

Более месяца продолжавшийся военный конфликт на Амуре обнажил существовавшие с середины XIX в. проблемы в отношениях между Российской и Дайцинской империями в районе Благовещенска и подтвердил неизбежность подписанных договоров и договоренностей.

Трагический инцидент на Амуре. Было бы отступлением от исторической правды, говоря о доблести и храбрости русских офицеров, воинов и казаков, проявленных в ходе подавления мятежа, умолчать о трагических событиях, вызывающих огромное сожаление. Речь идет о стихийных всплесках массового насилия против мирного китайского населения в Амурской области. В первый же день неожиданного обстрела в Благовещенске началась паника среди жителей из-за присутствия в городе нескольких тысяч мирных китайцев. Высказывались резонные опасения, что в случае высадки китайских войск на наш берег эта многотысячная толпа окажется помощницей врагу. Со сто-

роны горожан поступала масса просьб избавить Благовещенск от проживающих в нем китайцев, якобы «злоумышлявших поджечь город». Военный губернатор К.Н. Грибский приказал отправить за Амур всех маньчжурских подданных. В период военных конфликтов административная высылка иностранных граждан является общепринятой мерой. Беда состояла в том, что высылка подданных Дайцинской империи с российской территории была осуществлена с помощью грубой силы и повлекла за собой многочисленные жертвы. Колонна численностью в несколько тысяч китайцев, сопровождаемая небольшим конвоем из вооруженных казаков и добровольцев-горожан, вышла из города к месту переправы через Амур около поселка Верхне-Благовещенского. Поселковый атаман отказался предоставить китайцам лодки, так как ими мог воспользоваться противник на другом берегу. Китайцам, среди которых были старики, женщины, дети, приказали отправиться на другой берег вброд и вплавь. Люди, не умевшие плавать, тонули. Отказавшихся войти в реку избивали нагайками, били шашками. С противоположного берега началась пальба из ружей. В печати появились сведения о гибели почти 3 тыс. мирных китайских граждан. О благовещенской трагедии писали не только центральные газеты, но и зарубежные.

Этот инцидент директор Восточного института А.М. Позднеев изложил императору Николаю II следующим образом: «Сколько мне известно, местное русское начальство приняло в этом деле все меры гуманности, какие только можно изыскать, при условии незначительности наших военных сил в городе. Китайцев нельзя было оставить на левом берегу Амура, так как значительная часть их была в заговоре, и они, естественно, симпатизировали своим соотечественникам; перевозить их на лодках было невозможно за недостатком судов, отправить на пароходе было нельзя, потому что китайцы могли легко овладеть им; оставалось единственное средство для переправы — направить их вброд, а что избранное для брода место было вполне подходяще, за это ручаются те многие сотни, которые действительно перебирались на другой берег; не наша вина, если сами китайцы начали стрелять в своих переправлявшихся и породили в них панику, повлекшую за собою несчастье, которого совершенно не было возможности предвидеть»³²⁵.

Существовали и другие интерпретации инцидента. Собранный «целую связку документов, т. е. телеграмм», Д.И. Сувотич считал, что «главным мотивом, двигавшим местным населением при избиении мирных китайцев, была корысть: избавление от кредиторов-китайцев и ограбление убитых...»³²⁶. Вместе с тем были известны случаи, когда благовещенцы прятали и спасали целые семьи китайцев. Благовещенский инцидент стал предметом рассмотрения в высших российских правительственных инстанциях.

Глубоко переживавший этот трагический случай, Н.И. Гродеков встал на защиту военного губернатора К.Н. Грибского. По словам военного министра Куропаткина, «генерал Гродеков стоял за Грибского горой». Куропаткин высказал Грибскому официальную точку зрения о благовещенском инциденте: «...Во время вашего губернаторства, благодаря, быть может, несвоевременно принятым мерам, вследствие ли общей тогда растерянности, а следовательно, и нераспорядительности, много невинных душ погибло без причины»³²⁷.

Безусловно, прав В.Г. Дацышен, когда объясняет всплеск стихийного массового насилия в июле 1900 г. в Амурской области страхом. Русское население встретилось с реальной угрозой войны с Китаем, и «страх не оставил у простых людей места для сострадания в их душах». «Это позволило бесконтрольно действовать людям, руководствующимся лишь звериными инстинктами»³²⁸. Но в этом явлении имелся и другой аспект. Значительная часть православного русского населения Приамурья, состоявшего в основном из неграмотных и малограмотных крестьян и казаков, высокомерно относилась к китайцам, воспринимая их как инородцев и язычников. К тому же неприязнательность китайцев в быту, готовность выполнять любую грязную работу за низкую плату усиливали у части русского населения чувство чванливости, спеси и заносчивости. И когда вдруг со стороны этих «ничтожных китайцев» появилась военная угроза, не только вооруженный казак, но и крестьянин и горожанин посчитали применение насилия по отношению к ним чуть ли не праведным делом. Не обошлось здесь и без обычных грабителей и уголовников. Стихийно возникшее массовое насилие, хоть и с некоторым опозданием, властям все же удалось пресечь.

Военный губернатор 9 июля принял специальное постановление, которое в виде листовок было отпечатано в типографии и развешано в людных местах Благовещенска. В нем говорилось: «До сведения моего дошло, что некоторые жители гор. Благовещенска, а также лица из крестьянского и казачьего населения вверенной мне области допускают различного рода насильственные действия против живущих на нашей территории мирных маньчжуров и китайцев. Нападение на безоружного и беззащитного врага не в характере русского человека»³²⁹. Губернатор объяснил «прискорбные случаи насилия» «вспыхнувшей озлобленностью против возмутительного вероломства китайцев, начавших против нас враждебные действия, без всякого с нашей стороны повода». С целью устранения «дальнейших каких-либо посягательств на личность и имущество проживающих у нас мирных китайцев, а также в видах предупреждения заразных болезней от разлагающихся по берегу Амура трупов убитых китайцев, плывущих в значительном количестве по реке», губернатор принял два решения. Во-первых, объявить всему населению, что виновные в убийстве, грабеже и других насильственных действиях против мирных безоружных китайцев будут предаваться суду и подвергаться наказанию по всей строгости законов военного времени. Во-вторых, вменить в непрременную обязанность полицмейстеру, председателю правления Амурского казачьего войска и окружному начальнику принять самые энергичные и безотлагательные меры к тому, чтобы городская полиция, казачье-крестьянское население области «вытаскивало из воды трупы китайцев и зарывало возможно глубже в землю или сжигало». «О числе найденных и зарытых трупов представлять сведения в мою гражданскую канцелярию»³³⁰. Этот суровый документ, содержащий признание фактов насилия против китайского населения, осуждавший их и грозивший насильникам судом, подействовал отрезвляюще.

Чтобы предупредить возможные эксцессы на золотых приисках, на которых в области трудилась не одна тысяча жителей Дайцинской империи, военный губернатор издал еще один документ, предназначенный для работавших на приисках, — «Объявление военного губернатора Амурской области». В нем, в частности, говорилось: «Сим объявляется всем находящимся там китайским подданным как рабочим, так и

торгующим, что они должны спокойно продолжать свои занятия и вполне рассчитывать на безопасность как личную, так и имущественную. Обиженные всегда найдут покровительство и защиту властей. Со своей стороны китайские подданные должны вести себя мирно и строго соблюдать и исполнять русские законы: каждый должен иметь установленный русский билет ... не иметь при себе оружия, зарабатывать средства к жизни честным трудом...». Выразив надежду, что «настоящее положение временное, опасность войны грозит только пограничным жителям, а в тайге, на приисках, значительно удаленных от границы, можно быть спокойным», губернатор особо обратился к золотопромышленникам и управляющим приисками. Он рекомендовал им, «как людям интеллигентным», «поддерживать отношения, основанные на самой строгой справедливости и гуманности», «обратить все свои усилия для сохранения мирных и добрых отношений между русскими и китайскими рабочими»³³¹. Во многом благодаря превентивным мерам на золотых приисках области, где трудились около 12 тыс. китайских рабочих, удалось избежать по отношению к ним насильственных действий. С окончанием рабочего сезона специальным постановлением военного губернатора были разработаны меры по отправке китайских рабочих. Мелководье р. Зеи вынудило отправлять их сухопутным транспортом, партиями по 200—300 человек под охраной нижних чинов. «Перед выступлением партии, — говорилось в нем, — внушать конвоирам, чтобы они во время следования оберегали китайцев от насильственных действий, устраняли всякие поводы к неудовольствиям и прибегали к оружию только в исключительных случаях ... Равным образом разъяснять и китайцам, что нижние чины назначаются исключительно только для их охраны и безопасности во время пути»³³². Говорилось также о заблаговременном закрытии питейных заведений во всех станциях, через которые будут следовать рабочие, о безопасном размещении их в Благовещенске и отправке на родину. Своевременные меры по организации безопасной отправки китайских рабочих с золотых приисков позволили им благополучно добраться до родных мест и избежать эксцессов насилия.

Судьба Маньчжурского (Цицикарского) архива. На территории поверженной Северной Маньчжурии царили хаос и на-

силе: часть населения бежала, деревни опустели, некоторые поля остались необработанными, многочисленные шайки хунхузов, пополнившиеся солдатами из разбитых воинских соединений, бродили всюду, грабя и сжигая деревни. Свыше 20 тыс. человек из остатков армии скрылись в глухих районах Маньчжурии и представляли угрозу для населения.

Оставляя города, маньчжуры уничтожали архивы, в большинстве случаев поджигая их. Было известно, что ихэтуани в Пекине таким образом уничтожили уникальное книгохранилище с книжными складами, типографией и массой исторических памятников. На глазах у русских были сожжены архивы Ажэха, Айгуни и других городов. Хорошо понимая практическую, научную и культурную ценность архивов, Н.И. Гродеков совместно с директором Восточного института А.М. Позднеевым предприняли попытку спасти оставшиеся архивохранилища. По распоряжению Гродекова в Маньчжурию был командирован профессор Восточного института Аполлинарий Васильевич Рудаков. Когда он прибыл в Хунчун, «он нашел здесь большую часть архивов уже сожженной, а другую часть ему пришлось вытаскивать из земли, извлекать из колодцев, болот, помойных ям...»³³³. Собранные профессором драгоценные материалы со следами ужасного обращения с ними были доставлены в Восточный институт. При осаде г. Нингута маньчжуры тоже пытались сжечь местный архив. По распоряжению военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Н.М. Чичагова пожар в архиве погасили в первую очередь, и были сохранены документы, которые затем передали в Восточный институт. Маньчжуры уничтожали архивы, поскольку, по их понятиям, Россия овладела их городами для того, чтобы установить в Маньчжурии свою власть. В Цицикаре, где находилась главная квартира Главнокомандующего русскими войсками Н.И. Гродекова, умелыми действиями русских было предотвращено уничтожение крупного архива. Туда был командирован профессор А.В. Рудаков. 16 сентября 1900 г. генерал направил коменданту г. Цицикара письмо следующего содержания: «Профессор Рудаков командирован по высочайшему соизволению для ознакомления с официальными документами в занятых нашими войсками городах. Предлагаю допустить профессора Рудакова к разбору всех официальных цзяньдзюньских, так и других архивов, а также к осмотру обще-

Маньчжурия, Цицикар. Дом, в котором жил командующий войсками округа. 1900–1901 гг.

ственных учреждений, присутственных мест, а также разрешить ему вывезти из Цицикара те документы и предметы из числа составляющих казенную собственность, которые он признает заслуживающими внимания»³³⁴.

Рудаков не раз исполнял поручения генерала о доставке разного рода сведений из архива, докладывал ему об изучении архивных документов. По словам Позднеева, Гродеков «глубоко сознавал высокое значение для нас всех вообще маньчжурских, в том числе и цицикарских, архивов, с высоким интересом следил за ходом научных работ и приобретений г. Рудакова»³³⁵. В целом в Восточный институт было доставлено 1 450 тюков с газетами и книгами. Кроме того, Рудаков списал все каталоги богатейшей Мукденской библиотеки, он приобрел до 800 томов, основная масса которых была куплена в Пекине почти за бесценок.

Всего же из Цицикара во Владивосток Рудаков отправил более 500 сундуков с архивными документами и книгами. Это были архивы, содержавшие финансовые документы, податные списки, документы о поземельном деле, по уголовному и военному делам. По словам А.М. Позднеева, все эти документы являлись копиями, так как по правилам Дайцинской империи оригиналы этих документов отсылались в Пекин.

В связи с вывозом Цицикарского архива (или Маньчжурского) во Владивосток Позднееву и Гродекову пришлось

объясняться со столичными чиновниками и доказывать правомочность своих действий. Вопрос об этом поднял один чиновник Министерства иностранных дел, который в своей записке обвинил Рудакова в недружелюбных действиях по отношению к маньчжурам, писал об «огорчениях и смущении китайских властей по поводу утраты архивов».

Заметим, что при этом отсутствовал официальный документ маньчжурской стороны. Но петербургских чиновников беспокоило, как бы этот факт не вызвал недовольство местной маньчжурской администрации и населения. Поэтому и Позднееву, и Гродекову пришлось писать объяснения по поводу действий профессора Рудакова в Маньчжурии.

В объяснении на имя министра народного просвещения генерал целиком взял под свое крыло Рудакова. Он писал: «Мною было разрешено вывезти из Цицикара те документы и предметы из числа состоявших в казенной собственности, которые он признает заслуживающими внимания. Директор Восточного института сообщил, что Рудаков собирал потребные для России и интересные для науки литературу и архивные памятники маньчжурского делопроизводства. Означенные поручения, как показывают доставленные в Восточный институт документы, господином Рудаковым выполнены в точности»³³⁶.

Гродековские объяснения тогда поставили точку в архивном деле. Во многом благодаря ему Восточный институт стал располагать Маньчжурским архивом, крупнейшим собранием, включавшим документы местных учреждений Маньчжурии за 1675–1900 гг., ставшим богатейшей базой для обучения студентов и ведения научной работы.

Стабилизация положения в Маньчжурии. Занятие Маньчжурии потребовало от российского правительства определить свою позицию в отношении ее административно-политического устройства. Программой политического устройства до заключения договора с Пекином стал выработанный в Петербурге документ «Основания русского правительственного надзора в Маньчжурии». В нем говорилось: «Маньчжурия остается составной частью Китайской империи и сохраняет те же административные подразделения, тот же порядок управления, который существовал до занятия сей области русскими войсками»³³⁷. Отмечалось, что для прочного поддержания

спокойствия, обеспечения порядка на строящейся КВЖД части русских войск временно занимают Маньчжурию. Надзор за деятельностью администрации южной провинции Фынтань возлагался на главного начальника Квантунской области Е.И. Алексеева, а двух северных провинций — Хэйлунцзянской и Гиринской — на Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова. В начале сентября 1900 г. генерал-губернатор прибыл в Северную Маньчжурию и «находился на театре военных действий на правах командира отдельного корпуса в военное время» до марта 1901 г. С начала октября 1901 г. по февраль 1902 г. по делам службы он вновь находился в Маньчжурии³³⁸. Он являлся главным представителем российского правительства в Северной Маньчжурии, по существу — ее главой. Без согласования с ним не назначалось ни одно первое административное лицо ни в провинции, ни в городе. В Гирине должность цзянцзюня стал исполнять Чан Шунь, а военным комиссаром при нем Н.И. Гродеков назначил подполковника М.М. Манакина. В провинции Хэйлунцзян вопрос о цзянцзюне долго не решался. Военным же комиссаром в Цицикаре был назначен полковник Иксуль фон Гильденбандт. При вводе войск в Маньчжурию Гродеков, уделявший большое внимание моральному духу армии, заботился об «обаянии русского солдата», о его достойном поведении среди мирного населения. Когда Николай Иванович узнал, что в одном из маньчжурских городов для поддержания порядка и спокойствия была назначена полиция из русских солдат, он тотчас отреагировал на этот факт. Признавая необходимым использовать русскую полицию в начальный период после взятия города, генерал был принципиальным противником привлечения русских солдат и офицеров к несению полицейской службы. Он считал недопустимым, чтобы русские солдаты исполняли несвойственные их званию обязанности полицейских. В октябре 1900 г. Н.И. Гродеков утвердил положение о полицейской маньчжурской страже. Конные и пешие стражники должны были иметь нагрудные бляхи с надписями на маньчжурском и русском языках, выдаваемые начальниками гарнизонов. Он утвердил назначенных в разные города фудутунов. Однако до конца 1900 г. в большинстве мест маньчжурская власть не была восстановлена. Руководящие функции в основном осущест-

вляли назначенные генералом военные комиссары. Часть населения занятых русскими районов бежала, деревни опустели, некоторые поля остались необработанными, в торговле наблюдался застой, многочисленные шайки хунхузов, пополнившиеся солдатами из разбитых воинских соединений, бродили всюду, грабя и сжигая деревни. Русским войскам пришлось защищать маньчжурские населенные пункты от нападений хунхузов, совершать продолжительные рейды против них. Нахально вели себя хунхузы и на пограничной с Россией полосе, стремясь прорваться на российскую территорию с целью грабежа и наживы. Так, «Амурская газета» за 1901 г. пестрела сообщениями о стычках с хунхузами. Только в июне их было несколько. Приведем некоторые факты. 20 июня на рассвете на пограничную стражу штабс-ротмистра Рогожина с командой в 30 человек напали более 300 хунхузов. Нападение было отбито. У хунхузов 32 убитых, несколько раненых, шестеро взяты в плен. 26 июня отряд подполковника Дементьева в составе 310 стрелков, 27 уссурийских казаков и четырех конных охотников обратил в бегство банду хунхузов в несколько сот человек. Убито 87 хунхузов. Наши потери: один убитый и двое раненых³³⁹.

Остатки маньчжурской армии свыше 20 тыс. человек скрылись в глухих районах Маньчжурии. После того как не удалась попытка обезоружить их путем выкупа оружия, были предприняты две экспедиции, продолжавшиеся свыше четырех месяцев, с целью разоружения и расформирования цинских военных подразделений. Уже к августу 1901 г. скопища их были рассеяны, часть принуждена сдаться. Еще более трудным делом являлась борьба против мелких шаек хунхузов, рассеянных повсюду и легко избегавших стычек с русскими отрядами. При таких обстоятельствах генерал разрешил всему мирному населению Северной Маньчжурии иметь вооруженную сельскую стражу, чтобы охранять свои родные очаги, а всем заводам — иметь для самообороны огнестрельное оружие. Чтобы дать местной администрации возможность успешно бороться против шаек хунхузов, численность маньчжурской полицейской стражи была увеличена.

К концу 1901 г. продуманные своевременные меры привели к стабилизации положения в Северной Маньчжурии: возвратилось на свои места население, оживились города, возоб-

новилась торговля. Жизнь провинций вновь стала входить в свои обычные рамки. Видя в русских защиту своих интересов, население стало проявлять доверие к ним. По распоряжению Н.И. Гродекова была оказана продовольственная помощь голодающему населению Хэйлунцзянской провинции, лишившемуся своих жилищ после разрушения Айгуни и других прибрежных селений Амура.

Многие китайские и маньчжурские купцы начали нанимать русских людей для сопровождения своих грузов и охраны заводов и лавок. К началу 1902 г. умиротворение и успокоение в Северной Маньчжурии достигло такого состояния, что стало возможным возбудить вопрос о выводе части наших войск из ее пределов, ограничившись здесь лишь одной бригадой.

26 марта 1902 г. русским посланником в Пекине и уполномоченным пекинского правительства было подписано соглашение об условиях отзыва русских войск из Маньчжурии. Этим документом в Маньчжурии была восстановлена власть цинского правительства и назывался срок вывода русских войск — полтора года со дня подписания соглашения. Н.И. Гродеков, успешно справившись с труднейшими задачами по нормализации обстановки в Северной Маньчжурии, сложил с себя обязанности ее главы. Тем не менее проблемы, связанные с Маньчжурией, продолжали находиться в центре внимания Приамурского генерал-губернатора. Недаром четвертая часть его отчета за 1902 г. была посвящена различным аспектам этих проблем, в том числе: охране Амурского водного пути и КВЖД, русскому судоходству по Сунгари, торговле, фабрично-заводской промышленности и золотодобыче в Северной Маньчжурии и др.

Заслуженные награды. Победа в Маньчжурии ознаменовалась награждением участников военных действий и вообще всех, кто мог иметь какое-либо отношение к ним. Командующие русскими войсками в Китае Е.И. Алексеев и Н.И. Гродеков были награждены золотыми с бриллиантами шашками с памяtnыми надписями «За победы в Северной Маньчжурии, 1900 г.». Высочайшим приказом 1 января 1901 г. Н.И. Гродеков был произведен в генералы от инфантерии³⁴⁰. В военных событиях 1900 г. он являлся самым зрелым и опытным военачальником, с мнением которого считались военный министр и император. Его благоразумные, объективно обусловленные

идеи и предложения, грамотные военные действия спасли жизнь многим русским солдатам.

Главным своим достижением за время службы в регионе генерал от инфантерии Н.И. Гродеков считал превращение войск Приамурского военного округа – самого молодого в России – в боевую силу, которой не мог противостоять враг. Войска и командующий неоднократно удостоивались весьма лестной оценки военного министра А.Н. Куропаткина, который в «Записке о наших действиях в Китае» подчеркивал: «Еще до прибытия подкреплений отряды войск собственно Приамурского военного округа слабые числом, разъединенные значительными пространствами, но сильные энергиею своих начальников, мужеством и необычайной выносливостью войск достигли в боевых своих предприятиях таких успехов, результаты коих превзошли предварительные расчеты и предположения»³⁴¹. А Николай II в дневнике 30 июля 1900 г. записал: «Известия, приходящие из Маньчжурии, славу Богу, хорошие. Молодые приамурские войска действуют так же геройски и самоотверженно, как старые боевые части»³⁴². Активные усилия генерала по укреплению боеспособности войск Приамурского военного округа принесли превосходные плоды. С честью выдержав боевое крещение, приамурцы доказали, что в военных действиях они не уступают старым, испытанным частям русской армии.

Именным золотым оружием, орденами Святого Георгия и другими орденами награждались офицеры. Рядовой состав тоже не был обойден. Казачьи части за участие в боях получили знаки отличия на головные уборы, например, «За отличие против китайцев в 1900 г.». Другими наградами были Георгиевские серебряные трубы. Для награждения всех, кто принимал участие в войне, императором была утверждена медаль «За поход в Китай. 1900–1901» (для ношения на груди на ленте, составленной из Владимирской и Андреевской лент). Серебряная выдавалась всем участвовавшим в боевых действиях, светло-бронзовая – «всем вообще военным и морским чинам, находившимся в походах как в пределах Китая, так равно в местностях, объявленных на военном положении, но не принимавшим участия в боевых действиях». Командующий войсками Н.И. Гродеков своим приказом ответственность за

непосредственное награждение возложил на командиров корпусов, командующих войсками в областях и атаманов казачьих войск. То есть награждение этими медалями носило действительно массовый характер. Тем не менее были обращения от отдельных лиц, которые не получили медали, но считали, что имеют право ее получить. Так, с подобным ходатайством обратилась жена сотника 1-го Читинского полка Забайкальского казачьего войска Марианна Силинская, которая выполняла обязанности сестры милосердия в местностях, находившихся на военном положении.

Среди награжденных были и женщины-амурчанки. В начале октября 1901 г. в Благовещенске в резиденции военного губернатора Амурской области состоялось торжество по случаю вручения серебряных медалей с надписью «За храбрость» жительницам города Анастасии Юдиной и Евдокии Катышевой, которые совершили подвиг при защите родного города во время его бомбардировки, когда в Благовещенске ожидали высадки маньчжуров. Для того чтобы помешать этому, было решено собрать многочисленные лодки и сплавить их от мола к пристани Амурского общества пароходства и торговли. 4 июля 1900 г. на площади возле торгового дома «И.Я. Чурин и К», где от выстрелов укрывались многие горожане, пристав обратился к ним с просьбой переправить лодки. Напуганные люди молчали, а кто-то даже сказал: «Кому охота раньше времени смерть принимать». Анастасия Юдина и Евдокия Катышева, расспросив пристава о лодках, заявили о своем желании участвовать в их доставке, на что услышали: «Убирайтесь! Дам здесь не нужно!» Но дамы были настроены решительно. Сопровождаемые насмешками, они пошли на берег Амура, увлекая за собой нескольких мужчин. Отвязав самую большую лодку, под вражескими выстрелами, гребя против течения, Юдина и Катышева доставили ее к указанному месту, при этом им пришлось лезть в воду и снимать севшую на мель лодку. Вслед за ними лодки доставили и поддерживавшие их мужчины. Отважные амурчанки в мокрых платьях пригнали еще две лодки. Они попали под обстрел, две пули прострелили юбки Юдиной, но ее не поранили.

И вот теперь в присутствии многочисленных известных горожан военный губернатор К.Н. Грибский, обращаясь к мужественным дамам, сказал, что он счастлив поздравить их с

высочайшею милостью и от лица Родины передать «русское спасибо их мужественности и храбрости, тесно связавшим их имена с многострадальной судьбою осажденного города». Он передал награжденным душевную благодарность командующего войсками Приамурского военного округа генерала Н.И. Гродекова³⁴³. Была получена поздравительная телеграмма от генерала П.Ф. Унтербергера. Тогда же в Москве появилась брошюра, рассказавшая о подвиге амурчанок³⁴⁴.

Правительственными наградами – серебряными медалями с надписью «За усердие» – были награждены 16 казачек поселка Верхне-Благовещенского – Анна Костромина, Прасковья и Анна Поповы, Дарья Пешкова, Любовь Щеголева и др.³⁴⁵. Во время бомбардировки Благовещенска эти молодые казачки в момент отсутствия казаков, призванных по мобилизации, добровольно взяли на себя разведывательную и сторожевую службы вдоль телеграфной линии и берега Амура и ревностно их несли, подчас под неприятельскими выстрелами. Пытаясь дать объяснение мужественным поступкам амурчанок, журналист с гордостью писал «об особом складе амурской женщины, которая не идет день изо дня на помочах у мужа». Жены, чьи мужья работали на приисках и привыкли стоять «в дебрях тайги в виду смерти», по крайней мере, на полгода оставались хозяйками в своих домах. Казачки отличались самостоятельностью и независимым нравом.

По воле военного министра А.Н. Куропаткина часть знамен, взятых русскими войсками у маньчжуров, были поставлены в церквях как трофеи. В станичные церкви выделялось по четыре знамени, а в Никольский собор в Благовещенске – 12³⁴⁶.

Население Приморской, Амурской и Забайкальской областей было пожаловано царскими грамотами за понесенные труды и самоотверженную работу на благо своей Родины «при возникновении беспорядков на Дальнем Востоке», что являлось наглядным признанием заслуг жителей молодого российского края в служении Отечеству.

Последствия военных действий для края. Известно, что в любой войне самые тяжелые и невосполнимые потери – это люди. Военное ведомство России оценило их в 509 погибших, более 11 500 раненых и 56 пропавших без вести³⁴⁷. Но, очевидно, прав В.Г. Дацышен, утверждая, что эти данные неполные

и людские потери были более значительными. Что же касается людских потерь Китая, то они были несравнимы с российскими, и их «вряд ли вообще можно подсчитать»³⁴⁸.

Россия понесла ощутимые материальные потери. В них входил и тот ущерб, который был нанесен неокрепшей, только складывавшейся экономике российского Дальнего Востока. Военные действия самым негативным образом отразились на Приамурском крае. Из-за отвлечения на военную службу значительного числа рабочего населения и отъезда за границу большей части проживавших в крае маньчжуров и китайцев вдвое повысились цены на рабочую силу, что тяжело отразилось на местной промышленности, особенно на золотых промыслах. У сельских хозяев были реквизированы лошади. Урожай на части полей не был собран. Стал ощущаться дефицит многих товаров, так как ввоз их, преимущественно жизненно важных припасов, из Маньчжурии совершенно прекратился, доставка российских товаров была затруднена ввиду мобилизации всего транспорта, а с прибытием войск из Сибири и Европейской России потребности в промышленной и сельскохозяйственной продукции, особенно в продовольствии, существенно выросли. Цены на многие предметы первой необходимости поднялись в два-три раза.

Правда, население края стойко перенесло эти невзгоды: «за выходом на службу служилых казаков оборона и наблюдение границ легли на стариков и малолетков, а Амурское казачье войско может справедливо гордиться тем, что даже жены и дочери казаков с шашкой и на коне охраняли границу и родные станицы наравне с самими казаками». По информации генерал-губернатора, «никаких заявлений о тягости положения, ни ропота среди населения не было». Что же касается материального ущерба, нанесенного военными действиями строительству КВЖД, то он был огромен. Большая часть уже построенных путей, станций, мостов была разрушена. Убытки от китайской смуты С.Ю. Витте оценил в 70 млн рублей³⁴⁹. В результате строительство КВЖД обернулось громадными расходами, превратив ее в самую дорогую железную дорогу в мире: стоимость ее версты оказалась больше, чем стоимость строительства версты Кругобайкальской дороги, прорубаемой в скалах³⁵⁰.

Значительный ущерб понесли и частные лица. Их претензии на компенсацию за убытки составили 4 504 233 рубля³⁵¹.

Золотопромышленная компания Ельцова и Левашова выставила претензий на 530 тыс. рублей, золотопромышленник Хренов – почти на 50 тыс. рублей, «Торговый дом Кунста и Альберса» – почти на 12 тыс. рублей и т. д.

Прямые военные расходы С.Ю. Витте оценил не более 50 млн рублей. Но исследователи считают, что эта цифра сильно занижена. Деньги в Маньчжурию летом – осенью 1900 г. шли широким потоком. И затем, когда в Маньчжурии оказались почти 250 тыс. русских войск, которые нужно было содержать, поток этот не иссякал.

Казна взяла на себя обязанности компенсировать земские расходы и материальный ущерб различных слоев населения Приамурья. Была оказана помощь в приобретении американской сельхозтехники для семей казаков, ушедших на войну. Семьям убитых казаков были выданы денежные пособия – от 50 до 100 рублей. Чиновникам Приамурского генерал-губернаторства, получавшим не более 3 500 рублей в год, были назначены денежные пособия в размере месячного оклада ввиду возникшей дороговизны. Конечно, понесенные краем материальные потери не носили катастрофического характера, но, несомненно, они нанесли неокрепшей экономике чувствительный урон, на ликвидацию которого потребовалось несколько лет.

С короткой временной дистанции казалось, что Россия получила существенный внешнеполитический выигрыш. Разгром цинских войск, размещение русских войск в Маньчжурии расценивались в правящих кругах России как крупная победа. Однако жизнь показала, что она еще более обострила русско-китайские противоречия, нарушив баланс сил на Дальнем Востоке, создала угрозу войны с другими державами, в первую очередь с Японией, которая с большой тревогой следила за активными и успешными действиями России в Маньчжурии. В 1901 г. Япония предложила Петербургу разграничить сферы влияния: Россия могла владеть Маньчжурией, но взамен должна была предоставить ей свободу действий в Корее. Возможно, тогдашний военный успех в Маньчжурии помешал правительственным кругам России объективно проанализировать военно-политическую ситуацию в Тихоокеанском регионе и принять адекватные решения, что через несколько лет привело к Русско-японской войне...

**ИДЕИ
И ПРЕДЛОЖЕНИЯ
Н.И. ГРОДЕКОВА
ОБ УКРЕПЛЕНИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ НА ДАЛЬНЕМ
ВОСТОКЕ**

Военные события в Северной Маньчжурии выявили недостатки в обеспечении национальной безопасности России на Дальнем Востоке, оказывающие негативное влияние на процесс освоения Приамурья. Результаты победоносного усмирения мятежников Приамурскими войсками Н.И. Гродеков внимательно анализировал, чтобы создать более надежные способы охраны русско-китайской границы, железнодорожной магистрали, судоходства по Амуру и т. д.

Генералу принадлежало несколько взаимосвязанных идей, одни из которых были обусловлены прошлыми решениями, другие формировались во время разрешения маньчжурского конфликта, третьи нацеливались на будущее. Благодаря посредничеству военного министра А.Н. Куропаткина между генералом и императором проходил заочный диалог, посвященный актуальным политическим и военным

проблемам того времени. Свою позицию Н.И. Гродеков подробно разъяснял также и во всеподданнейших отчетах 1901 и 1902 гг. Принимая предложения генерала к сведению, правительство иногда не соглашалось с его мнением и решало задачу в альтернативном ключе. Однако это обстоятельство нисколько не умаляет усилий Гродекова в поиске оптимальных военных и политических решений, направленных на обеспечение благоприятных условий для освоения Приамурья.

В убедительной военной победе русских войск над мятежниками в Северной Маньчжурии Гродеков видел окончательное разоблачение придуманного маньчжурскими чиновниками мифа о сомнительном, неправомерном способе присоединения Приамурья к России в середине XIX в. В 1858 г. Восточно-Сибирский генерал-губернатор Н.Н. Муравьев и уполномоченный китайским императором амурский главнокомандующий И Шань подписали договор о территориальном разграничении в бассейне реки Амур. Это было сделано «по общему согласию, ради большой вечной взаимной дружбы двух государств, для пользы их подданных и для охранения от иностранцев», так говорилось в тексте заключенного международного документа. Проблемы российско-китайской границы и территориального разграничения были решены путем переговоров, мирным путем, без единого выстрела. Это был уникальный случай в истории. Обычно подобные результаты достигались в ходе вооруженных столкновений сопредельных стран. Айгунский же договор явился следствием использования исключительно дипломатического способа урегулирования территориальных споров между двумя империями. В течение почти двух веков существовали нерешенные вопросы определения границы между Дайцинским и Российским государствами — и вдруг в короткий срок, без войны они были решены, а результаты переговоров закреплены в соответствующем международном документе. Ошарашенные этим известием маньчжурские чиновники сразу же объяснили феномен тем, что богдыхан Поднебесной подарил российскому императору Приамурье из милости. Таким образом они пытались поставить под сомнение законность, окончательность, незабываемость пограничного

разграничения между Россией и Китаем и присоединения Приамурья к России. Очевидно, допускалось, что свою милость китайский император мог поменять и на немилость. Теперь же, одержав победу над мятежниками в ходе боевых действий, освободив от них Северную Маньчжурию, понеся человеческие жертвы, Россия вооруженным путем подтвердила бескровную победу графа Н.Н. Муравьева-Амурского в 1858 г. и тем самым доказала незыблемость подписанных договоров между двумя соседними империями. Н.И. Гродеков заявил: «Известной легенде, упорно поддерживаемой здешними китайцами, что богдыхан уступил русским Амур лишь из милосердия, положен конец»³⁵².

Вместе с тем уже первые успехи русских воинов и казаков, высадившихся на правый берег Амура, взятие Сахалина и Айгуна инициировали генерала задуматься о более эффективном расположении линии русско-китайской границы и переносе ее с фарватера реки на правый берег Амура. Радуюсь первым победам, Н.Н. Гродеков направил военному министру А.Н. Куропаткину телеграмму, в которой писал: «50 лет тому назад, 1 августа Невельской поднял русский флаг на устье Амура, на левом его берегу, и положил начало нашего владения этой великой рекой. Ныне после упорных боев мы завладели и правым берегом Амура и тем закрепили великое дело присоединения реки Амура к русским владениям, сделав эту реку внутренней, а не пограничной рекой.»³⁵³ Освобождение Северной Маньчжурии русскими войсками от мятежников, по мысли генерала, создавало реальные возможности для переговоров с пекинским правительством о переносе русско-китайской границы с фарватера Амура на его правый берег, что обеспечивало ей большую определенность и безопасность.

В ответ на свое послание Н.И. Гродеков получил от военного министра телеграмму, которая должна была подействовать на него отрезвляюще. «Государь император в видах скорейшего восстановления дружеских отношений к Китаю соизволил решить: не присоединять какой-либо части Китая к русским владениям, а ограничиться принятием мер, необходимых для спокойного и прочного пользования железными дорогами, проводимыми через Маньчжурию, для свободного

плавания наших судов по Амуру³⁵⁴. После этого генерал больше не касался проблемы переноса границы.

Предметом особой заботы И.И. Гродекова являлась организация надлежащей охраны КВЖД, без которой ее будущее представлялось проблематичным. На основе его сообщений военный министр представил императору специальный доклад. В нем говорилось, что цинским правительством утвержден проект заселения китайцами пятнадцативерстной полосы вдоль южной полосы железной дороги в Хэйлуцзянской провинции. Указывая на особую опасность этой акции, Н.И. Гродеков полагал крайне необходимым принять зеркальные меры к заселению русскими северной полосы вдоль магистрали. Для обеспечения охраны дороги он предложил формировать новые батальоны, обнести важнейшие железнодорожные станции и сооружения укрепленными оградами, значительно усилить охранную стражу. Без этого Россия не могла достроить и эксплуатировать принадлежавшую ей дорогу. Часть этих предложений была реализована. К 1903 г. охранная стража на КВЖД выросла в три с лишним раза и составила 25 тыс. человек, а общая численность железнодорожных батальонов достигла 6 тыс. человек³⁵⁵. Можно только догадываться о том, как при этом сильно подскочила стоимость перевозок по железной дороге. Первоначальная ставка, сделанная на дешевизну строительства и дальнейшую эксплуатацию железнодорожной магистрали в Северной Маньчжурии, в жизни не оправдалась.

Захват и разрушение мятежниками почти построенной дороги показали со всей очевидностью ее уязвимость и зависимость от внешнеполитических факторов. Во всеподданнейшем отчете на имя императора Н.Н. Гродеков счел необходимым высказать идею об «устройстве параллельного пути на нашей территории вдоль Шилки и Амура»³⁵⁶. В условиях, когда КВЖД после разгрома еще предстояло восстановить, завершить ее строительство и ввести в эксплуатацию, гродековская идея о возведении новой железной дороги, которая шла бы по российской территории, осталась гласом вопиющего в пустыне. Но всего через несколько лет, еще при жизни генерала, благодаря усилиям П.А. Столыпина строительство такой железной дороги — Амурской — все-таки началось на

российском Дальнем Востоке. Это решение было продиктовано интересами обеспечения национальной безопасности России на «крайнем Востоке», о которых так настойчиво пекся Н.И. Гродеков. В начале ноября 1916 г. курьерский поезд впервые проследовал из Петрограда во Владивосток по сплошному, без разрывов, рельсовому пути и всецело по русской территории, что знаменовало собой окончательную готовность Великого Сибирского пути, пересекавшего азиатский материк.

Судьба Северной Маньчжурии, территории, граничащей с Приамурьем, от которой во многом зависели мир и стабильность на железной дороге, на границе, на р. Амур, волновала российское правительство. Временное нахождение в северных провинциях победоносных приамурских войск создавало иллюзию реальной возможности решения этой проблемы в пользу России. Что делать с Маньчжурией — вопрос, который не раз обсуждался в правительстве. Выявились две позиции: военных и политиков. Военные полагали, что Китай должен компенсировать России материальные потери, которые она понесла из-за восстания ихэтуаней и его военного подавления. В первую очередь огромный урон был нанесен строящейся КВЖД. Неокрепшей экономике Приамурского края был нанесен ощутимый ущерб, на ликвидацию которого требуется несколько лет. Поэтому военные считали, что Китай в качестве компенсации причиненных убытков должен предоставить России или всю Северную Маньчжурию, или ее часть, находящуюся вдоль линии Китайской Восточной дороги. Так, министр иностранных дел в июле 1901 г. запрашивал мнение военного министра по вопросу: желательно ли в государственных интересах России сохранение за нею территории, занятой нашими войсками в Маньчжурии, в полном объеме либо одной из провинций. А.Н. Куропаткин тогда высказал мнение, что «в русских интересах желательно присоединение к владениям России не всей Маньчжурии, а только ее северной части»³⁵⁷. Эту точку зрения он настойчиво отстаивал, нередко ссылаясь на доводы и аргументы Приамурского генерал-губернатора. «Образ действий в Маньчжурии пекинских властей, необходимость производить серьезные военные экспедиции против многочисленных шаек хунхузов, — писал А.Н. Куропаткин

*Член Государственного совета, генерал-лейтенант Н.И. Гродеков.
1890–1900-е гг. ЦГАКФФД СПб А 10420*

императору, — все это поддерживало наших начальников на Дальнем Востоке в мнении, что мы поторопились дать обещание очистить Маньчжурию». Министр был по-военному категоричен, в письме Николаю II он заявил, что надо «взять Северную Маньчжурию в наши руки и объявить все свободные в Северной Маньчжурии земли достоянием России».

Оппоненты военных — политики — считали, что аннексия земель в Маньчжурии нарушит баланс политических и военных сил в Восточной Азии, приведет к серьезной дестабилизации обстановки. Выразителем лояльной политики по отношению к Дайцинской империи был министр финансов С.Ю. Витте. Убежденным сторонником сохранения status quo в отношениях с Цинской империей являлся и император. Не углубляясь в ход обсуждения в правительстве проблемы судьбы Маньчжурии — она в данном случае затронута лишь в связи с позицией Н.И. Гродекова, — важно подчеркнуть, что, несмотря на сильный напор военных, политики и император не

изменили своего мнения. Николай II был убежден, что присоединение к России хотя бы части Маньчжурии стало бы импульсом к захвату европейскими державами территории ослабшей Поднебесной империи, что, в свою очередь, могло бы привести ее к распаду. Такой ход событий совсем не отвечал интересам России и был бы для нее совершенно нежелательным. Не решаясь воспользоваться слабостью цинского правительства, император не стал дезавуировать первоначально данные ему обещания вывести русские войска из Маньчжурии и отказался от какой-либо аннексии, несмотря на кажущуюся ее целесообразность и оправданность. Тем самым Россия еще раз доказала, что дорожит стабильными отношениями со своим ближайшим соседом на Востоке.

И все-таки за свою храбрость и удалство приамурские казаки получили «клок шерсти», вернее «пядь земли», — территорию бывшего Зазейского маньчжурского района (от устья реки Зеи до станции Константиновской). Маньчжуры более 100 лет жили на этом участке левого берега Амура. При заключении Айгунского договора в 1858 г. Н.Н. Муравьев в качестве компромисса согласился оставить маньчжурских жителей на прежних местах под ведением Маньчжурского правительства. И это было зафиксировано в Айгунском трактате. Теперь, когда русские стали освобождать от мятежников правый берег Амура, левобережные маньчжуры спешно покинули насиженные места и переправились на китайскую сторону реки. С предложением атамана и войскового правления Амурского казачьего войска о передаче ему освободившихся земель Зазейского района император сразу же согласился. В ноябре 1901 г. последовало высочайшее соизволение «в воздаяние за доблестную службу казаков Амурского войска» на предоставление ему для заселения земли, находившейся в Зазейском районе, оставленной маньчжурскими подданными. Возможно, на это решение императора повлияли настойчивые высказывания Н.И. Гродекова о законности требования компенсации значительных материальных потерь, понесенных Россией в ходе оказания помощи цинскому правительству в подавлении восстания ихэтуаней. Обширный и плодородный район с массой распаханых полей с этого времени стал заселяться казаками, в том числе и переселенцами с Дона и Кубани.

Победоносное завершение войсками Приамурского военного округа под командованием генерала Н.И. Гродекова конфликта в Северной Маньчжурии в 1900–1901 гг., несомненно, способствовало росту авторитета Приамурского генерал-губернаторства, увеличению его значимости в защите интересов России в Восточной Азии. Вместе с тем «поход в Китай», потребовавший срочной мобилизации людских и материальных ресурсов, довольно ограниченных в Приамурье, нанес его формировавшейся, еще нестабильной социально-экономической сфере чувствительный ущерб и затормозил темпы освоения восточной окраины.

9

ПОСЛЕДНЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ ЖИЗНИ ГЕНЕРАЛА

Где бы я ни был, мои взоры, как магнит,
будут обращены на край.
Н.И. Гродеков.

П*рощание с Приамурским краем.* В зените славы генерал от инфантерии Гродеков написал на имя императора всеподданнейшую просьбу об увольнении со службы. Причины – расстроенное здоровье. Служа на Дальнем Востоке, он ни разу не был в отпуске. Но скорее всего за этим решением скрывались латентные мотивы. Стало известно о намерениях правительства учредить на Дальнем Востоке наместничество в составе Приамурского генерал-губернаторства, генерал-губернатор которого будет находиться в непосредственном подчинении не императора, а наместника, а также арендованной у Китая Квантунской области с чужим населением. Главе наместничества – предположитель-

но адмиралу Е.И. Алексееву — предполагалось дать широкие полномочия, вплоть до ведения дипломатических дел. Намечаемая система управления, для Гродекова спорная и малоцелесообразная, а также персона наместника, склонного к диктаторству, лишили Гродекова шанса продолжить службу на Дальнем Востоке. Милостиво оценивая понесенные генералом труды и оказанные заслуги, Николай II назначил Н.И. Гродекова с 3 августа 1902 г. членом Государственного совета с оставлением по Генеральному штабу³⁵⁸.

С честью и достоинством прослужив на Дальнем Востоке в целом около десяти лет, генерал готовился покинуть, как он любил говорить, «дорогой моему сердцу край». Известие об этом дошло до Маньчжурии, откуда на имя генерала пришло несколько благодарственных писем за спасение городов от хунхуз. «Я с Вашим высокопревосходительством имел хорошие дружеские и симпатичные отношения ... я Вам очень признателен»³⁵⁹, — писал цзянцзюнь из Гирина. Из Дурбетского хотуна князь сообщал: «Через мой хотун проходит железная дорога, и при ней находятся Ваши солдаты, которые, как во время войны, так и теперь, не разоряли моей местности, что, конечно, было результатом Вашего командования войсками. Считая своим приятным долгом посвидетельствовать доброе отношение к нам Ваших войск, прошу не отказать принять от меня мою благодарность»³⁶⁰. Другой князь — Удай — в своем благодарственном письме признавался: «Ваше Высокопревосходительство сделали для меня много доброго, а я лишен чести лично принести Вам еще раз свою глубокую признательность и лично произнести прощальные слова с пожеланием одного хорошего на всем Вашем пути...»³⁶¹.

Перед отъездом в столицу Николай Иванович сердечно попрощался с хабаровчанами, которые выражали генерал-губернатору искреннюю признательность и сердечную благодарность. Выпестованное им детище — Приамурский отдел ИРГО — посвятил специальное заседание заседанию своего первого председателя. Заседание прошло в Военном собрании при большом стечении хабаровчан. Выступавшие подчеркивали, что Н.И. Гродеков был «истинным руководителем и вдохновителем деятельности и в то же время первым самым ревностным работником Приамурского отдела». На заседании

было решено возбудить ходатайство о предоставлении музею права носить имя Гродекова в память «о его отеческих заботах и созидательных трудах»³⁶². Позднее ходатайство было удовлетворено, и музей стал носить имя Гродекова³⁶³. К этому времени в крае установилась традиция, согласно которой селам, станицам, железнодорожным станциям присваивались имена авторитетных генерал-губернаторов, известных военных губернаторов, священников, инженеров-путейцев. Имя Гродекова было присвоено двум станицам и двум селам в Приморской и Амурской областях. Примечательно, что они до наших дней сохранили это имя.

Накануне дня отъезда генерал-губернатор издал приказ, в котором подвел краткие итоги своей деятельности, напомнил события, «внесшие существенные изменения в жизнь края». «Считаю своей обязанностью, — говорилось в приказе, — свидетельствовать, что подведомственные мне чины, начиная с помощника моего, губернаторов и кончая служащими низших степеней, свято исполнили свой долг. Да ниспошлет Всевышний благословение на преуспевание всего населения, оставляемого мною дорогого мне края».

В приказе Приамурским казачьим войскам войсковой наказной атаман генерал от инфантерии Гродеков подчеркнул, что «доблесть и отвага Приамурского казака поставили его имя наравне с именами старого именитого казачества Русской земли. Хвала вам, доблестные казаки, и да будут и впредь кони ваши быстры, шашки востры, пули метки, а сердца пламенеть на защиту родного края и на славу нашего великого государя и дорогого Отечества!»³⁶⁴ «Оставляя Приамурский край, я расстаюсь с тем, что для меня особенно близко и дорого в период моей 8¹/₂-летней здесь службы, завершённой военными событиями 1900—1901 годов», — говорилось в его другом приказе по войскам Приамурского военного округа. С чувством глубокой благодарности были перечислены имена 31 персоны генералов, офицеров, гражданской администрации, военных губернаторов и т. д. «...Сила и мощь ваша создала на Дальнем Востоке обаяние русского имени»³⁶⁵, — говорилось в приказе. (Полный текст приказа приведен в Приложении.)

В день отъезда 7 октября генерал посетил высокочтимый им Хабаровский кадетский корпус, чтобы проститься

с офицерами и учащимися, заехал в женскую гимназию, где собрались все учащиеся и преподаватели хабаровских учебных заведений. В адресе, прочитанном городским головой И.Н. Фоминым при прощании на станции Хабаровск, к отъезжавшему Н.И. Гродекову были обращены такие слова: «Ваши общедоступность и сердечное отношение к нуждам городского обывателя навсегда запечатлели в сердцах городских жителей чувство глубокой искренней признательности к вам!» Это признание не ритуального характера, оно наиболее полно выражало отношение хабаровчан к уважаемому генерал-губернатору, много сделавшему для укрепления обороны края, устройства здесь жизни и развития культуры. При прощании с друзьями и сослуживцами Николай Иванович признался: «Где бы я ни был, мои взоры, как магнит, будут обращены на край»³⁶⁶. И всей последующей жизнью он подтвердил правоту этих слов.

Вопреки поговорке «С глаз долой, из сердца вон» приамурцы и после отъезда Николая Ивановича продолжали оказывать ему знаки глубокого уважения. Так, городские общественные управления Хабаровска и Благовещенска вышли с ходатайством о присвоении генералу звания почетного гражданина своих городов. Императором эти ходатайства в 1903 г. были удовлетворены.

Когда известие об отъезде генерала с Дальнего Востока дошло до станиц Гродековской Уссурийского казачьего войска, Поярковской Амурского казачьего войска, Маковеевской и Чиндантской Забайкальского казачьего войска, Гродекова избрали почетным стариком этих станиц. Кстати, высшей инстанцией присвоения этого звания являлся император как Августейший атаман всех казачьих войск России. Бышему генерал-губернатору выражались и другие знаки внимания. Так, совет Владивостокского общества поощрения изящных искусств, выразив благодарность Н.И. Гродекову за развитие и распространение в крае художественного и музыкального образования, единогласно постановил просить его принять звание почетного члена Общества. Офицеры – слушатели Восточного института вместе с директором и преподавателями, празднуя свой первый выпуск, в отправленной на имя Гродекова телеграмме просили «принять их сердечную признатель-

ность и глубочайшую благодарность за осуществление Вашей мысли о командировании офицеров в Восточный институт»³⁶⁷.

В Петербурге. Переписка с дальневосточниками. После четырехмесячного отпуска и лечения в Западной Европе Н.И. Гродеков начал новую жизнь в столице. Некоторое время жил по адресу: Гродненский переулок, дом 12, а затем – Надеждинская улица, дом 38. В Петербурге жил его старший брат генерал Владимир Иванович Гродеков, с которым он теперь получил возможность гораздо больше общаться.

Николаю Ивановичу предстояло осваивать новые обязанности члена Государственного совета, представлявшего собой высшее законосовещательное учреждение Российской империи. Задуманный М.М. Сперанским как важнейшее звено высшего административного аппарата Государственный совет отметил в начале XX в. столетие своего существования. Но в жизни решения его имели только рекомендательный характер, царь мог утвердить мнения большинства или меньшинства членов Совета, а мог и полностью проигнорировать их. Николай II предпочитал рассматривать важнейшие вопросы в узком кругу приближенных. Звания членов Совета предназначались в основном для отставных министров, генерал-губернаторов и других сановников. Государственный совет иронически называли «звездной палатой», поскольку он являлся собранием сиятельных, заслуженных особ, лишенных реальной власти. Некоторое представление о заседании «звездной палаты» дает картина И.Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета», посвященная 100-летию его существования. Художник получил заказ на картину в апреле 1901 г., а закончена она была в декабре 1903 г. На картине представлено импозантное зрелище: в зале, где преобладали красный и золотой цвета, участники заседания изображены преисполненными сознания своей значительности и важности. Среди них граф С.Ю. Витте, В.К. Плеве, К.П. Победоносцев, И.Л. Горемыкин, князь Д.П. Голицын, граф А.П. Игнатьев и др.

Состав Государственного совета император утверждал ежегодно, он же утверждал и оклад членов Совета – от 10 до 21 тыс. рублей. Гродекову был положен оклад в 18 тыс. рублей. В это время в состав Совета входило около 60 человек, в том числе действительные тайные советники П.П. Семенов и

А.Н. Куломзин, князя Оболенский, Вяземский, Волконский. Члены Совета распределялись по следующим четырем департаментам: 1) законов; 2) гражданских и духовных дел; 3) государственной экономики и промышленности; 4) науки и торговли. Гродеков вошел в Департамент законов. Привыкший к открытому, искреннему общению с офицерами, солдатами, казаками, крестьянами, представителями интеллигенции, Николай Иванович, видимо, чувствовал дискомфорт, находясь среди золоченых мундиров высших царских сановников, аристократов, людей света. На первых порах пришлось неофиту испытать горечь неудач. На одном из очередных заседаний Совета стоял вопрос о закрытии порто-франко на Дальнем Востоке. Как бывший Приамурский генерал-губернатор, интересовавшийся этим вопросом, Николай Иванович собрал много материалов и написал довольно длинную речь, которую и начал читать во время общего собрания. Однако его остановил великий князь Михаил Николаевич, напомнивший, что, согласно наказу, желающие выступить с речами должны предварительно записываться для определения очереди и, кроме того, речи в Государственном совете не читаются, а произносятся устно. Замечание великого князя так смутило генерала, что он, не обладавший от природы даром красноречия, по его словам, совершенно смешался и молча сел на место, не пытаясь более выступать в качестве оратора. Свою деятельность Гродеков перенес в разные комиссии Государственного совета, где оказывал огромную пользу своими знаниями и опытом³⁶⁸.

Николай Иванович пристально следил за общеполитическими событиями на всем Дальнем Востоке и, конечно, в Приамурском крае, где происходили странные назначения на пост генерал-губернатора. Преемником Гродекова на посту главного начальника края стал генерал Д.И. Суботич, до этого короткое время исполнявший обязанности губернатора Квантунской области. Однако через полгода его назначают генерал-губернатором Туркестанского края. В Приамурском же крае по году исполняли обязанности генерал-губернатора генерал Н.П. Линевиц (1903–1904 гг.), а затем генерал от кавалерии Р.А. Хрещатицкий (1904–1905 гг.). Чехарда с первыми лицами негативно отразилась на общеполитической жизни края, ухудшившийся моральный климат в обществе

способствовал оживлению корыстных завистливых людей, от которых страдали близкие к Гродекову сослуживцы. Одним из них стал редактор «Приамурских ведомостей» А.П. Сильницкий. Не выдержав мелочных язвительных придинок, он уехал на Камчатку, где служил уездным начальником Петропавловска. Попытка борьбы с хищническим истреблением котиков и бобров, распродажей их шкур за бесценок дорого стоила бывшему редактору газеты – его объявили сумасшедшим. Сильницкий с большим трудом выбрался с Камчатки в Иркутск, где его поддержал Н.Л. Гондатти, незадолго до этого ставший правителем канцелярии Иркутского военного губернатора. Гондатти помог Антону Петровичу добраться до Хабаровска. В своих двух исповедальных письмах Сильницкий рассказал Гродекову о пережитых им мытарствах и гонениях. «Первого июня с. г. кончается 25 лет моей службы, – писал А.П. Сильницкий в заключение письма. – Уйду в отставку. В моей жизни, равно как и в службе, только и были светлые моменты, когда я работал по личным указаниям и приказаниям Вашего Высокопревосходительства. Я не смею приносить Вам за эти моменты благодарности, но Бог видит мое сердце и мою истинную, неподдельную преданность Вашему Высокопревосходительству. Не гневайтесь на меня... Желаю Вашему Высокопревосходительству много лет здравствовать. И пошли Вам Бог за все то добро, которое видел от Вас край от Байкала до Анадыря, всего лучшего. Память о Вас на Амуре живет и будет жить долго»³⁶⁹. Он снова работал какое-то время редактором «Приамурских ведомостей», а потом редактировал газету «Приамурье». А.П. Сильницкий стал прототипом одного из главных героев романа В. Пикуля «Богатство» – А.П. Соломина.

Председатель попечительского совета Хабаровской женской гимназии А. Неудачин информировал о зачислении до полного окончания курса на стипендию имени Гродекова, равную плате за право учения – 60 рублей, дочери ссыльнопоселенца о. Сахалин ученицы 5 класса Екатерины Паньчи (Паньчиной), отличавшейся выдающимися успехами и благонравием³⁷⁰. При принятии такого решения совет помнил о том, что Николай Иванович всегда сердечно и высокогуманно относился к людям, пережившим несчастье. В телеграмме атаман станицы

Поярковой Коренев благодарил бывшего наказного атамана за внимание и сообщал, что его родители оставили по себе вечную память, а Иван растет настоящим казаком³⁷¹.

Николай Иванович поддерживал связь с Александровыми – Николаем Фомичом, военным инженером, и Марией Алексеевной, директрисой женской гимназии № 1. Мария Алексеевна сообщала, что в крае «вся внутренняя жизнь и просвещение совершенно пришли в упадок», в связи с чем она рада счастливой случайности – рождению дочери, «которая так вовремя убрала» ее из женской гимназии. «Представительница и почитательница старого режима 1898–1902 гг.», как она себя называла, в одном из своих писем Николаю Ивановичу призналась: «Само собою разумеется, что мои общественные симпатии и мои воспоминания всегда на стороне доброго прежнего времени, когда крепко и сильно держалось знамя власти, когда не только военное, но и гражданское общество было подчинено известной разумной дисциплине, когда все довольные и недовольные невольно должны были признавать полнейшую бескорыстность власти, служение исключительно общественным интересам и отсутствие и тени личных материальных и узкокарьерных целей; когда все суетное, тщеславное и мелкое силой этой власти держалось крепко под спудом, лесть и низкопоклонство были изгнаны, а самые слабости людей ... были обращены на хорошие общественные цели (музей, Географическое общество и проч.); когда совершенно было изгнано дамское вмешательство и влияние на служебные дела, когда власть была настолько щепетильна, что реклама совершенно отсутствовала и даже враги не посмели бы заподозрить ее в употреблении фамусовского девиза: «Ну как не порадеть родному человечку!»³⁷². Просто восхитительно – как Мария Алексеевна на примере административной деятельности Гродекова смогла довольно четко сформулировать политологическое понимание сущности власти и факторы ее авторитета.

Приходили письма и от старинных знакомых Трусовых – полковника штаба Приамурского военного округа Алексея Александровича и Ольги Викторовны. «Приехавшие из Никольска, – писала Ольга Александровна, – разумеется, передидали Вам, как о Вас вспоминают часто и с каким глубоким сожалением, что Вас здесь нет... Жаль мне заброшенного,

заглохшего музея — о Вашем председательстве вспоминают как о невозвратном золотом веке ... все еще движется по прежней, прочно поставленной, хорошо заведенной Вами машине, а вот как гром грянет — тогда вся надежда на Николаю Чудотворца... Часто думаю о том, почему у вас столько преданных Вам людей, а у других их нет?»³⁷³ Для всех приезжавших с Дальнего Востока бывших сослуживцев и знакомых двери гродековской квартиры в Петербурге были всегда гостеприимно открыты.

Еще в 1901 г. завязались связи Николая Ивановича с Румянцевским музеем в Москве, когда он с готовностью откликнулся на просьбу предоставить тому имеющиеся в Хабаровском музее дубликаты. С тех пор музей систематически обогащался ценными гродековскими пожертвованиями. Так, в 1903 г. генералом были принесены в дар лубочные картины, картины художников и халаты из Китая. Директор музея И.В. Цветаев в своем письме выразил Гродекову «глубочайшую признательность за драгоценные и интереснейшие пожертвования» и сообщил, что «музей считает его в числе своих почетных членов»³⁷⁴.

Огромное количество журналов и газет, которые выписывал генерал, позволяли ему внимательно следить за действиями Японии и Китая. По словам Н. Янчука, посетившего Гродекова, «он был полон огня и живого интереса к вопросам современной жизни». «По столам были разложены карты Восточной Азии и Китая. Он с тревогой рассматривал их и говорил, что на Дальнем Востоке затевается что-то недоброе. По поручению Главного штаба он составлял какие-то записки, доклады и планы кампании...»³⁷⁵. Начавшаяся в 1904 г. Русско-японская война для генерала не была неожиданностью. Косвенные данные позволяют говорить о том, что Гродеков был одной из кандидатур на пост главнокомандующего русскими войсками на Дальнем Востоке. Однако главнокомандующим сначала был назначен адмирал Е.И. Алексеев (заметим, что он был ровесником Гродекова), затем А.Н. Куропаткин. А в августе 1904 г. император наградил Николая Ивановича за доблестную службу на военном и гражданском поприщах и ревностное участие в заседаниях Государственного совета бриллиантовыми знаками ордена Александра Невского³⁷⁶. Не являлась ли эта награда для Гродекова «утешительным призом»?

Трудно теперь ответить на вопрос: почему превосходные профессиональные умения генерала Гродекова, его отличное знание театра военных действий на этот раз не были востребованы. Возможно, его трезвые оценки крупного военного потенциала Японии не укладывались в распространенные тогда представления о «небольшой победоносной войне», на которую ошибочно рассчитывали в российском правительстве? Может, имели место какие-то закулисные интриги в аристократических кругах, когда ожидаемую и несомненную победу и связанные с этим награды и почести не хотели делить с генералом-служакой. Так или иначе, но генерал Гродеков продолжал ходить по мягким коврам зала заседаний Государственного совета, в то время как на Дальнем Востоке разыгрывалась трагедия — русские армия и флот терпели поражение. В столицу пришло известие, которое произвело удручающее впечатление. 3 апреля 1904 г. неподалеку от Порт-Артура подорвался на mine и затонул броненосец «Петропавловск». На его борту находился выдающийся флотоводец — командующий Тихоокеанской эскадрой адмирал С.О. Макаров, с которым в столице связывали большие надежды в деле руководства русскими военно-морскими силами. Николай Иванович был знаком с С.О. Макаровым по прежней службе и тяжело пережил трагическое известие. О.В. Трусова, супруг которой уже получил генеральский чин и знал многих офицеров в Порт-Артуре, откровенно писала Гродекову об Алексееве, Суботиче и других. В частности Старка (*О.В. Старк, адмирал, командующий Тихоокеанской эскадрой (1902–1904 гг.)*. — *Н. Д.*) она характеризовала так: безвольный, бесхарактерный человек... — и делала вывод: «Одним словом, войска лягут костыми, а флот оскандалится»³⁷⁷. Грустно было читать такие прогнозы, тем более что они начинали сбываться. Другая генеральская жена — М.А. Александрова в феврале 1905 г., вернувшись из Мукдена в Хабаровск, в большом письме подробно описала свою поездку. Находясь в Харбине, она узнала, что началось наступление противника и пришло приказание подготовить госпитали на неограниченное число раненых. «Не раз при таких обстоятельствах, — признавалась она, — приходила мысль, почему Вас нет при войсках, фундамент которых поставлен Приамурским краем. В России может быть это и незаметно,

но стоит только разобраться в ходе этой войны, чтоб убедиться, какую огромную роль сыграл в ней Приамурский край, давший вместе с Сибирью и лучшие войска, и главных деятелей»³⁷⁸. Однако сил и умения приамурцев и сибиряков было явно недостаточно, чтобы остановить врага. Осада японцами Порт-Артура, отступление русских войск под командованием генерала Куропаткина к северу Маньчжурии, разгром японцами русских кораблей, выступивших по приказу Николая II из Порт-Артура во Владивосток, — это был лишь первый акт трагедии. Потом были кровопролитные бои под Мукденом, разгром в Цусимском проливе эскадры вице-адмирала Рожественского. Ожидаемая «маленькая победоносная война» обернулась для России большим военно-стратегическим поражением.

Забота о русских воинских кладбищах и сохранности архива. Летом 1905 г. Гродеков стал постоянным членом Совета Государственной обороны. Он кропотливо анализировал военную кампанию 1904–1905 гг. С этой целью получил из канцелярии Особого комитета Дальнего Востока экземпляр издания на правах рукописи «Документы по переговорам с Японией 1903–1904 гг.». В ответ на его просьбу А.М. Позднеев из Токио прислал генералу альбомы и книги, посвященные Русско-японской войне.

Генерал тщательно анализировал людские потери, понесенные Россией. Он обратился в соответствующие инстанции по поводу приведения в порядок захоронений русских воинов в Маньчжурии. По его подсчетам, во время войны 1904–1905 гг. было 13 больших столкновений (не считая Порт-Артура), в которых погибло около 60 тыс. российских воинов. Умерли от ран и болезней до 200 тыс. человек³⁷⁹. Итого на полях Маньчжурии было похоронено около 260 тыс. человек. Места упокоения воинов были разбросаны по всей Маньчжурии — от Порт-Артура до Харбина.

Тихо вокруг, ветер туман унес,
На сопках Маньчжурии воины спят
И русских не слышат слез.

По мнению генерала, русские воинские кладбища в Маньчжурии, «можно сказать, совсем не устроены». Так, кладбище в Мукдене не имело ни одного креста, ни одной надписи, ни одного дерева, ограда была проломана в нескольких местах,

кирпич расхищался. В печати было сделано приглашение к пожертвованиям в пользу приведения в порядок маньчжурских кладбищ. К сожалению, сетовал генерал, сбор пожертвований продвигается очень туго. Дело это надо взять в свои руки правительству. Далее генерал со свойственной ему обстоятельностью писал, что всех кладбищ в Маньчжурии 23–25. Для каждого кладбища необходимы каменная ограда, большой каменный памятник с соответствующей надписью, сторожка, рабочий инструмент. Могилы должны быть обсажены деревьями и кустами. По расчетам Гродекова, каждое кладбище потребует одновременно около 3 500 рублей, а все – около 90 тыс. рублей. Ежегодный расход на содержание кладбища (наем сторожа, древесные посадки и т. д.) – 600–800 рублей, а на все – до 17 тыс. рублей. Генерал считал, что кладбища должны находиться в заведовании наших консулов, а на линии КВЖД – Заамурского округа пограничной стражи. Попечительство над кладбищами должно принадлежать российскому посланнику при пекинском дворе³⁸⁰. Забота о могилах русских солдат в Маньчжурии стала новым свидетельством высокой гражданской позиции генерала Гродекова.

Трепетное отношение к историческим документам объясняет наличие у Гродекова значительного по объему архива, в котором хранилась коллекция документов XVIII–XIX вв., в том числе повести, поэмы, изречения, загадки, молитвы народов Средней Азии в оригинале и в переводе на русский язык. Большую часть архива составляли служебные документы: докладные записки, доклады, отчеты и заметки о военных действиях в Средней Азии, документы канцелярии Туркестанского генерал-губернатора по управлению Сыр-Дарьинской областью и взаимоотношениям с Афганистаном, Бухарой, документы штаба Приамурского военного округа и канцелярии Приамурского генерал-губернатора, письма, полученные от М.И. Венюкова, С.М. Духовского, А.Н. Куропаткина, С.О. Макарова, а также В.В. Стасова и И.В. Цветаева. Генерал принял решение передать архив московскому музею П.И. Щукина. Принадлежа к одной из известных купеческих семей, Щукин являлся коллекционером-меценатом, создателем частного музея «Российские древности». В сентябре 1905 г. Гродеков писал ему: «Милостивый государь Петр Ива-

нович. Сегодня получил четыре выпуска Шукинского сборника. Какое отличное издание. Приношу Вам великую благодарность за подарок. И вместе с тем еще раз великое Вам спасибо за Ваше патриотическое предприятие и за Ваш неоценимый дар Отечеству. Дай Бог Вам здоровья и долголетия для продолжения Вашего чудного дела»³⁸¹. Наряду с архивными посылками Николай Иванович направлял П.И. Шукину письма, в которых тщательно нумеровал и называл отправляемые документы. Доведя счет до 182-х, он отказался от нумерации, стал только приводить названия документов и материалов. В одном из писем, написанном в начале января 1906 г., Гродеков сообщал, что «волновался за музей, т. к. читал о стрельбе и разрушениях в зоологическом саду», и беспокоился, как бы они не затронули музей. По его мысли, «московская революция, несомненно, будет способствовать умножению коллекции Шукинского музея в виде фотографий, осколков гранат, пуль, воззваний и пр., и пр.»³⁸². Генерал предложил создать в музее особый отдел, посвященный «московской революции». Можно смело утверждать, что в то время Николай Иванович был в числе немногих, а может быть, единственным, кто задумывался о сохранении для потомков сведений о революционных событиях 1905 г. В гродековском архиве П.И. Шукин особо ценил среднеазиатские материалы. «В моем собрании, — писал он в воспоминаниях, — имеются подаренные мне бывшим Туркестанским генерал-губернатором Н.И. Гродековым бумаги М.Д. Скобелева, относящиеся, в особенности, до Ахал-Текинской экспедиции, и несколько записных книжек Михаила Дмитриевича, которые он называл «мерзавками»³⁸³.

Снова в Маньчжурии. Когда в 1905 г. в России начались массовые протестные выступления, правительство решило попрिдержать в Маньчжурии войска, участвовавшие в Русско-японской войне, чтобы не добавить масла в огонь разгоравшегося в центре народного движения. А между тем многотысячная армия, познавшая горечь военных поражений, с нетерпением ждала возвращения на родину. Это нетерпение подогревалось и теми тревожными известиями, которые приходили из Центральной России. В ноябре началась мощная стачка железнодорожников, охватившая все дороги Сибири и Дальнего Востока, в том числе и КВЖД, где активно дей-

ствовала социал-демократическая организация. В резолюции рабочего съезда Харбина (декабрь 1905 г.) указывалось: главная задача стачки — доставить в Россию сконцентрированные в Маньчжурии войска: «Эти революционные войска России, как организованная военная сила, могут сыграть огромную роль в деле окончательного освобождения страны»³⁸⁴. Съезд вынес решение о революционном захвате власти на линии железной дороги, об организации стачечных комитетов, избрал центральный стачечный комитет западного района КВЖД. Революционеры энергично действовали в войсках и настраивали солдат не повиноваться офицерам и выставлять свои требования на митингах и собраниях. Сменивший генерала А.Н. Куропаткина на посту командующего армией генерал Н.П. Линевиц и его штаб оказались не готовы к такому повороту событий и, по существу, потеряли управление армией. Нижние чины перестали отдавать честь офицерам, которые пьянствовали и своим развязным поведением вызывали неуважение нижних чинов и населения. Одним словом, шел процесс деморализации армии в условиях нарастания революционных событий. Начавшаяся забастовка железнодорожников вообще сделала невозможной эвакуацию войск.

Для усмирения армии и расправы с бастовавшими железнодорожниками царь направил отряды генералов Ренненкампа и барона Меллера-Закомельского. Решение же главной, архисложной задачи — эвакуации из Маньчжурии 900-тысячной российской армии — император поручил генералу Н.И. Гродекову, который к тому же должен был принять энергичные меры к сокращению расходов казны на содержание армии путем упразднения многочисленных штабов и управлений действующей армии.

Именным высочайшим приказом от 31 декабря 1905 г. император уволил главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, действовавшими против Японии, генерала от инфантерии Н.П. Линевица «с оставлением генерал-адъютанта нашим». Одновременно А.Н. Куропаткин — генерал-адъютант, командующий первой Маньчжурской армией, генерал от инфантерии был уволен «с оставлением генерал-адъютантом нашим»³⁸⁵. Уволенный генерал обратился к армии: «Расставаясь с вами, я скорблю, что

мне не пришлось видеть вас победителями в тот срок, которой нам был уделен для борьбы с храброю высокопатриотичною многомиллионною нацией. Мы можем с чувством уважения вспоминать нашего храброго врага. Уверен, что и японцы отдадут должное храбрости, упорству и выносливости войск первой Маньчжурской армии».

21 января 1906 г. вышел императорский приказ о новом назначении Н.И. Гродекова: «Члену Государственного совета, члену Совета Государственной обороны генералу от инфантерии всемилостивейше повелеваю быть командующим войсками на Дальнем Востоке с правами главнокомандующего, с оставлением членом Государственного совета»³⁸⁶.

Новый командующий войсками выехал из Петербурга на Дальний Восток 21 января 1906 г. особым экстренным поездом. Поскольку на Сибирской и Забайкальской железных дорогах сложилось тревожное положение, наблюдались беспорядки, чинимые демобилизованными из эшелонов, которые шли в Россию, его сопровождала конвойная рота. В Иркутске главный инспектор железной дороги Гродекову сообщил, что накануне уволенные в запас солдаты из проходившего эшелона произвели на станции крупные беспорядки: они врываются в вагоны стоящих на станции поездов, вытаскивали женщин, детей, избивали пассажиров³⁸⁷.

Известие о направлении императором генерала Гродекова в Харбин начальник Заамурского округа пограничной стражи генерал-лейтенант Н.М. Чичагов встретил с воодушевлением. Прошло шесть лет с того момента, как он — тогда военный губернатор Приморской области — являлся непосредственным свидетелем и участником блестяще проведенной Приамурским генерал-губернатором Гродековым операции в Маньчжурии по усмирению мятежа ихэтуаней, окруживших Харбин и разрушивших почти построенную КВЖД. Теперь Гродекову предстояло организовать эвакуацию из Маньчжурии на родину русской многотысячной армии. Понимая масштабность предстоящего дела и стремясь быть полезным, Чичагов написал и издал небольшую брошюру «Память 1900 года. Посвящается усмирителю боксерского движения в Маньчжурии генералу от инфантерии Н.И. Гродекову». Она предназначалась в первую очередь для русских офицеров Маньчжурской армии,

не владевших информацией о Гродекове. В очерке приводился текст гродековской прокламации властям и населению Маньчжурской провинции Дайцинского государства, говорилось о мерах по организации обороны Харбина, подчеркивалось, что под командованием генерала Гродекова русские войска быстро успокоили мятежников и дали возможность прежнему небольшому поселку разрастись в современный оживленный русский центр Маньчжурии – Харбин. Автор признавался, что он располагал недостаточным количеством материалов, особенно о действиях Благовещенского отряда. Тем не менее дружеский жест генерала Н.М. Чичагова, написавшего и издавшего небольшой очерк о Н.И. Гродекове, был своевременным и полезным.

Экстренный поезд доставил командующего в Харбин 3 февраля. Познакомившись с ситуацией, Гродеков сделал заключение, что волнения, имевшие место среди запасных в войсках маньчжурских армий, еще далеко не улеглись. Новый командующий ежедневно получал десятки писем, в том числе и анонимных, с просьбами о скорейшем увольнении солдат в запас и отправке их в Россию, иначе они угрожали «разнести Харбин». Произошло несколько открытых выступлений. Так, запасные 6-го корпуса собрались громадной толпой и требовали безотлагательного отправления их на родину. В 56-м Житомирском полку, узнав об изменении очереди отправки эшелонов, солдаты собрались толпой и угрожали самовольно сесть в вагоны. Их усмирило появление пяти сотен казаков с двумя орудиями, при этом 43 солдата были взяты под стражу и затем преданы суду³⁸⁸. Для подавления неповиновения в 160-м пехотном Абхазском полку 8 марта 1906 г. было употреблено оружие, убит один и ранены два нижних чина. В частях армейского корпуса произошло сильное волнение, вызванное тем, что вне очереди отправили уволенных в запас солдат Восточно-Сибирского стрелкового полка, которые направлялись в места нового расположения.

Командующий войсками Дальнего Востока регулярно посылал телеграммы на имя Его Императорского Величества с информацией о положении дел в Маньчжурии. Телеграммы, а также приказы императора публиковались в ежедневной газете «Русский инвалид» Военного министерства.

Изучив документацию бывшего штаба главнокомандующего, Гродеков пришел к выводу, что самое большое число волнений среди солдат маньчжурских армий произошло в ноябре – декабре 1905 г. и январе 1906 г. и совпало со временем пика забастовочного движения на железных дорогах. Солдатские требования сводились главным образом к немедленному увольнению в запас, отправке на родину и лишь отчасти были связаны с неправильным толкованием Манифеста 17 октября, распространяемого политическими партиями³⁸⁹. В середине февраля главнокомандующий впервые издал приказ по армии с такой преамбулой: «Государь император поручил мне передать свой царский привет войскам Маньчжурской армии. Счастлив перед рядами вашими исполнить такое высшее повеление». В приказе говорилось, что 19 месяцев войска Дальнего Востока, отстаивая честь и достоинство нашего Отечества, грудью своей сдерживали врага в далекой Маньчжурии. «Ныне Государь и Родина ждут возвращения вашего и мне повелено ускорить это возвращение. Внутренняя смута, введя неурядицу на железной дороге, несколько задержала возвращение ваше. Но ныне установилось уже правильное движение по всему пути»³⁹⁰.

Генерал считал, что к беспорядкам солдат толкнули внешние обстоятельства. К его радости, не пришлось применять массовых репрессий, поскольку волнения уже шли на спад, а предпринятые им четкие организационные меры вскоре вообще нормализовали обстановку в воинских частях. Все эшелоны запасных стали отправляться в сопровождении строевых рот. Для запасных по пути следования были устроены продовольственные пункты, некоторым выдавались порционные деньги (50 копеек). Порядок, восстановленный на Сибирской и Забайкальской железных дорогах, позволил увеличить количество отправляемых из Маньчжурии поездов с четырех (февраль) до шести. За счет переброски паровозов и вагонов с европейских железнодорожных депо перевозки военных значительно возросли. К концу апреля были перевезены в Европейскую Россию 1-й, X, XVII армейские корпуса и почти все запасные. Эвакуация производилась и морем, но из-за нехватки судов была незначительной. Эвакуация по железной дороге продолжалась организованно и беспрепятственно.

Главнокомандующий выполнял и другое правительственное задание, принял экстренные энергичные меры к сокращению расходов казны путем упразднения многочисленных штабов и управлений армий. Телеграммой он сообщал императору, что приказал к 15 февраля упразднить все штабы и управления всех трех армий, сократить число корпусных казначейств, упразднить канцелярию по морской части при Главнокомандующем.

На имя императора генерал регулярно посылал телеграммы о санитарном состоянии армии. Так, на 1 февраля 1906 г., по сведениям главного начальника санитарной части, в лечебных заведениях действующей армии и тыла имелось больных офицеров 557 человек, нижних чинов, в том числе раненых и больных тифом, дизентерией, сибирской язвой, оспой, цингой, 13 251 человек. Всего на излечение — 13 808 человек³⁹¹. Общее состояние хорошее. А в телеграмме от 24 марта сообщалось, что в лечебных заведениях армии Дальнего Востока находились 10 451 человек, в том числе 371 офицер и 10 080 нижних чинов. Санитарное состояние оценивалось как хорошее³⁹². На 16 апреля 1906 г. общее число больных составило 7 394 человека, в том числе офицеров 239, нижних чинов 7 155³⁹³.

Поддерживать в хорошем состоянии санитарное положение в армии содействовал открытый с первых дней военных действий в Харбине благотворительный медицинский центр (склад) императрицы Александры Федоровны.

Неожиданностью для Николая Ивановича стала полученная 28 апреля на его имя телеграмма императрицы Александры Федоровны. В ней он прочитал: «Передайте войскам Дальнего Востока, что я душевно радуюсь, что мне удалось хоть немного облегчить участь несчастных жертв суровой войны, столь самоотверженно проливавших кровь свою в честь Престола и России»³⁹⁴. В ответ на телеграмму Гродеков написал: «Первого мая оканчивает свою деятельность Собственного Вашего Императорского Величества склад на Дальнем Востоке, последнее из многих благотворительных Вашего Императорского Величества учреждений, работавших по оказанию широкой и скорой помощи к облегчению страданий больных и раненых, к уменьшению тяжести походно-боевой жизни нашей армии. Помощь, оказанная госпиталям как бельем, так и аптечными

предметами, медикаментами, перевязочными материалами и хирургическими инструментами, была огромна и бесценна. От лица войск Дальнего Востока беспредельная благодарность за столь великие материнские заботы Ваши о всех верноподданных воинах Российской империи»³⁹⁵.

Бывший генерал-губернатор Приамурского края не мог не обратить внимание на огромный ущерб, нанесенный войной населению, особо сельскому. Поэтому с удовлетворением воспринял решение императора о помощи бедным казакам и крестьянам. В поощрение доблестной службы населения и для поднятия экономического положения, подорванного войной, принимается решение раздать в дар от имени Его Императорского Величества бедным казакам и крестьянам 22,5 тысячи лошадей, плюс в Забайкальской области 2 888 лошадей³⁹⁶.

Успешно выполнивший свою миссию в Маньчжурии генерал от инфантерии Гродеков высочайшим приказом от 22 сентября 1906 г. был уволен от должности командующего войсками Дальнего Востока и оставлен членом Государственного совета.

Освобождая Н.И. Гродекова от должности командующего войсками на Дальнем Востоке, Николай II издал специальный рескрипт, копия которого была направлена генералу в Маньчжурию. В нем говорилось: «С присущею вам спокойной твердостью характера и неослабевающей энергией осуществили вы порученную вам задачу с тем успехом, который вполне оправдал мои ожидания»³⁹⁷. В рескрипте царь призывал генерала к продолжению служения в Государственном совете и выражал «монаршую признательность за те труды», которые Гродеков приложил на Дальнем Востоке «для осуществления его воли». И на этот раз генерал полностью оправдал доверие императора, как говорилось в рескрипте, «пребывавшего к нему неизменно благосклонным».

У генерала появилась возможность осмотреть достопримечательности Маньчжурии, ближе познакомиться с памятниками культуры древнейшей цивилизации. Его заинтересовали скульптуры из камня, и возникла мысль: образец установить в Петербурге в память о пребывании русских войск в Маньчжурии. Осуществить замысел помог гиринский цзянцзюнь, с которым у генерала сложились дружеские отношения еще в

1900 г. Цзянцзюнь позволил Гродекову увезти в столицу две каменные скульптуры львов (ши-цза). В Санкт-Петербурге генералу пришлось хлопотать об установлении скульптур, согласовать место их расположения, позаботиться об изготовлении постаментов с надписями на них. Место для водружения львов было выбрано отличное — Петровская набережная Невы, напротив первого домика Петра Великого. На обоих постаментах камнерезы сделали такие надписи: «Ши-цза из города Гирина в Маньчжурии перевезена в Санкт-Петербург в 1907 году. Дар генерала от инфантерии Николая Ивановича Гродекова». Так на набережной Невы наряду с египетскими сфинксами возникли львы с мордами мопсов в память о русских войсках, дважды проливавших кровь в Маньчжурии. Появившиеся по инициативе Гродекова в Хабаровске черепаха и в Петербурге львы как бы связали между собой два его любимых города — Хабаровск и Санкт-Петербург.

Туркестанский генерал-губернатор. Еще находясь в Маньчжурии, Гродеков получил предложение занять высокий административный пост генерал-губернатора и командующего войсками в Туркестанском крае. До среднеазиатских земель докатились протестные революционные настроения, которые становились особо опасными, поскольку Туркестан переживал затянувшийся, продолжавшийся несколько лет административный кризис. Во многом он был вызван тем, что высшие столичные чиновники некомпетентно решали такую ответственную кадровую проблему, как подбор и назначение лиц на пост генерал-губернатора края.

Это проявилось уже в конце XIX в., когда генерала С.М. Духовского после пяти лет службы на Дальнем Востоке в марте 1898 г. утвердили генерал-губернатором Туркестанского края — огромного региона со своеобразными климатическими, природными и демографическими условиями. Сергей Михайлович в это время уже был сильно болен, и ташкентские чиновники недоумевали, как его могли направить в Туркестан и назначить главным начальником края. Не прослужив двух лет, он вынужден был покинуть пост, получив звание генерала от инфантерии и членство в Госсовете. Духовской скончался в Петербурге (1 марта 1901 г.). В своем дневнике Николай II упомянул присутствие на панихиде заслуженного генерала.

Дом Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте

Преемники Духовского на посту Туркестанского генерал-губернатора, очевидно, тоже не отличались хорошим здоровьем. Так, генерал-лейтенант Н.А. Иванов после четырех лет службы скончался. Генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев управлял краем год, до самой смерти. Чтобы залатать образовавшуюся дыру в руководстве Туркестана, срочно с Дальнего Востока с поста Приамурского генерал-губернатора был направлен 53-летний энергичный генерал Д.И. Суботич (декабрь 1905 г.). На дальневосточной окраине он два года служил военным губернатором Приморской области (1897–1899 гг.), несколько месяцев губернатором Квантунской области, шесть месяцев являлся Приамурским генерал-губернатором. Прослужив около года главным начальником Туркестанского края и не оставив о себе доброй памяти, опасаясь за свою жизнь, Суботич 17 сентября 1906 г. верхом в сопровождении небольшого отряда казаков тайно покинул Ташкент. В Петербурге спецкомиссия рассмотрела деятельность генерала Суботича в Туркестане, в результате он был уволен в отставку. И вновь Турке-

станский край оказался без главного начальника. На этот раз пост не замещался около полугода. Остро ощущался дефицит в умелых администраторах, способных без применения массовых репрессий снять социальное напряжение и нормализовать обстановку в крае.

Любопытно, что при обсуждении вопроса о назначении нового командующего Туркестанским военным округом в Главный штаб поступило анонимное письмо некоего генерал-лейтенанта, который писал: «Я, как старый туркестанец, прослуживший в Туркестане более 25 лет... знаю этот край и людей, в которых они нуждаются, считаю, что «только следующие три имени смогут с честью стоять на страже окраины России: генерал Гродеков (ныне член Государственного совета); генерал Ионов — командующий войсками Семиреченской области; генерал Куропаткин. Эти люди пользуются доброй славой среди туркестанских войск и имеют громадный престиж среди населения, что теперь так важно. Только они, знающие край люди, способны поддержать честь и достоинство русского имени и укрепить поколебавшуюся веру в могущество России»³⁹⁸. Император отдал предпочтение генералу Гродекову.

При принятии нового предложения службы Николай Иванович сильно колебался. Вновь обострившаяся хроническая болезнь вынудила его написать императору, что он не считает возможным принять ответственный пост генерал-губернатора в Туркестане, так как в настоящее время у него нет уже прежних сил и энергии для управления этим краем. Но генералу было сделано повторное предложение принять должность генерал-губернатора хотя бы на короткий срок³⁹⁹. Тогда Гродеков отправил телеграмму военному министру, в которой написал: «Назначение в Туркестан принять согласен, но вследствие чрезвычайного напряжения за последнее время при исполнении должности командующего войсками на Дальнем Востоке я просил бы предоставить мне двухмесячный отдых»⁴⁰⁰. В ответной телеграмме за подписью начальника Главного штаба сообщалось Гродекову, что император «очень рад его согласия, вполне понимает необходимость отдыха и согласен на просимый отпуск»⁴⁰¹. В декабре 1906 г. император назначил генерала Гродекова Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа и

войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска с оставлением его членом Государственного совета. Очевидно, что в распоряжении императора генерал Н.И. Гродеков оказался чуть ли не единственным человеком, на которого он мог положиться в решении чрезвычайных военных и социальных инцидентов, все чаще возникавших в империи.

После напряженных трудов в Маньчжурии и отдыха генерал направился в Ташкент — тогдашнюю столицу Туркестана. Жизненная спираль Н.И. Гродекова сделала новый виток: после 13-летнего перерыва он вновь оказался в Туркестане, но теперь на высшей административной должности — генерал-губернатора. Сопровождавшие в дороге генерала были удивлены тем, что на станциях, близ которых находились русские селения, приветствовать его выходило все население от мала до велика. Обладая феноменальной памятью, Гродеков помнил многих крестьян по фамилиям, даже знал их семейные отношения. Он умел говорить с крестьянами на понятном им языке, тепло и сердечно. На станции близ Ташкента крестьяне окрестных селений поднесли Гродекову икону, и один из приветствовавших произнес благодарственную речь, которая могла служить для генерала лучшей наградой.

Возможно, как никому в России новому генерал-губернатору были известны особенности Туркестана, своеобразие его населения. Он довольно ясно представлял проблемы управления краем, знал его механизмы. Однако он совершенно не был знаком с чиновниками краевой администрации, военными губернаторами. Гродеков осуждал практику, дожившую до наших дней, когда при новом назначении начальствующее лицо меняло подчиненных, руководствуясь лишь одним желанием «окружить себя своими людьми». Он считал, что от этого «чрезвычайно страдает самое дело управления, так как иногда лица опытные и вообще достойные сменяются негодными или просто даже худшими новичками в крае, которым надо употреблять много времени для ознакомления с новыми делами, новыми условиями службы и т. п.»⁴⁰² Кроме того, вокруг начальника создавалось окружение из близких, а иногда и родственных ему лиц, которые старались скрывать от него различные неприятности; не находясь сами в кругу местных интересов, они не в силах и генерал-губернатора держать в

курсе последних. Когда Н.И. Гродеков убедился в компетентности и высоких нравственных качествах В.А. Мустафина, который прежде являлся управляющим канцелярией, он оставил его на этой ключевой должности. Мерилом благоволения генерала были служебные и нравственные качества сотрудников. Однако высоким гродековским требованиям отвечали далеко не все администраторы и чиновники. Один из губернаторов области являлся заведомым алкоголиком, другой подпал под влияние своего родственника, третий проявлял полную беспечность и слабость в управлении войсками и областью. В интересах дела новому генерал-губернатору пришлось начинать свою деятельность с перемен в составе своих ближайших сотрудников. «Но известно, — замечал Мустафин, — как трудно у нас в России удалить плохого администратора, особенно, если он занимает важный пост; сейчас же являются соображения жалости к почтенному сановнику, у него являются влиятельные заступники, затевается бесконечная переписка, высказывается неудовольствие за излишнее придирчивое отношение и т. п.»⁴⁰³.

Со всем этим столкнулся Н.И. Гродеков, когда производил перемены высших чинов в составе областных управлений. Ему пришлось пережить немало огорчений и неприятностей и, более того, занять «много непримиримых врагов». Немного отвлекали от неприятностей письма брата Владимира Ивановича, которые начинались словами «Дорогое братство...». В них он спрашивал о состоянии здоровья младшего брата, общал, что в его квартире все благополучно: «счетчики сняты, стекла замазаны, картины обернуты газетами, ширмы — простыней, ковры убраны, шелковые материи со стен убраны и спрятаны»⁴⁰⁴. Брат выполнял некоторые поручения Николая Ивановича, в частности он обратился к секретарю Академии художеств за содействием устройства художественного отдела при Ташкентском музее подобно тому, как несколько лет назад он хлопотал о Хабаровском музее.

На долю Н.И. Гродекова выпало время управления обширным, далеко еще не устроенным краем, к тому же в период социального брожения. Слабая власть в Туркестане, обострение социально-экономических проблем во многом способствовали распространению здесь протестных настроений. Неудов-

летворительное положение служащих на железных дорогах явилось причиной организации железнодорожного союза, захватившего в свои руки Ташкентскую и Средне-Азиатскую железные дороги. Был убит начальник Средне-Азиатской дороги генерал Ульянов. Последовали дерзкие бандитские нападения. Ко дню приезда нового генерал-губернатора из воинской части Ташкента были похищены пулеметы, ограблены станция Самарканд и казначейство в Чарджоу, в результате было похищено более 400 тыс. рублей. Для успокоения края новому генерал-губернатору пришлось отдавать распоряжения об аресте главарей беспорядков, предании их суду, высылке из края активных агитаторов. Поступая твердо и неуклонно, Гродеков тем не менее стремился действовать справедливо и законно. Когда к нему обратились с настойчивым требованием выслать из края сразу более 200 служащих железной дороги и удостоверили, что без этой меры нельзя вырвать железные дороги из зоны влияния революционного союза, генерал-губернатор потребовал самого подробного исследования вины каждого из предназначенных к высылке. Не удовлетворяясь сбивчивыми и неточными сведениями, он после тщательного обсуждения этого вопроса на особом совещании, несмотря на требования Петербурга, решил выслать лишь нескольких активных агитаторов.

Будучи инициатором переселения русских в Туркестанский край, Гродеков и на этот раз много внимания уделил переселенческому делу. Но он хорошо понимал, что совершенно изменившаяся по сравнению с прежними условиями жизнь края требует серьезных коррективов в переселенческой политике. Прежде в пользовании коренного населения было достаточное количество орошенных земель, и можно было без особого ущерба для него изымать земли для русских переселенцев. Теперь большинство местного населения занималось земледелием. Да и само население значительно увеличилось, а свободных орошенных земель осталось ничтожное количество. По мнению Гродекова, для переселения необходимо орошать новые земли, каких в крае имелось достаточно. Он категорически возражал против изъятия у туземного населения орошенных земель, так как это было несправедливо по отношению к коренным народам, считалось нарушением их

прав на землю предков, к тому же могло вызвать серьезные беспорядки. К огорчению генерал-губернатора, его идеи не встретили понимания у столичных чиновников Главного земельного управления, занимавшихся переселением. Более того, среди чиновников, служивших в крае, оказались безынициативные безответственные люди, освобождение которых от службы не входило в компетенцию генерал-губернатора, поскольку они подчинялись Главному земельному управлению в Петербурге. Началась изматывавшая нервы переписка. А в это время в столице была сочинена легенда о том, что краем руководит не генерал-губернатор, а управляющий его канцелярией В. Мустафин, мусульманин, сепаратист, стремящийся повредить делу русской колонизации ради интересов туземного населения. Все попытки подвинуть Главное управление земледелия на разработку адекватной реальным переселенческой политики в Туркестане оказались безрезультатными, планы, предложения генерал-губернатора встретили в управлении негативное отношение. Дело дошло до того, что из Главного управления земледелия за подписью его руководителя на имя Гродекова пришла телеграмма, в которой в саркастически-издевательской форме предлагалось выселить всех русских переселенцев из края и навсегда закрыть силою оружия доступ в него русским людям⁴⁰⁵. Это дерзкое послание чрезвычайно оскорбило Н.И. Гродекова, инициатора и организатора переселения русских в Туркестан.

Николай Иванович был верен себе — в круг его забот входили вопросы развития просветительных учреждений края: музея, публичной библиотеки, картинной галереи, школы. Чтя память покорителя и устроителя Туркестанского края К.П. Кауфмана, Николай Иванович испросил высочайшее соизволение на открытие всероссийской подписки на сооружение ему памятника. Во многом благодаря Гродекову, вставшему во главе комитета по сбору пожертвований, удалось в короткое время собрать капитал в 70 тыс. рублей и в 1913 г. в Ташкенте открыть памятник первому Туркестанскому генерал-губернатору.

Терпимостью и благоразумием были отмечены отношения Туркестанского генерал-губернатора с соседними Хивинским ханством и Бухарским эмиратом. Н.И. Гродеков придерживался мнения о желательности сохранения за ними прав на са-

мостоятельное существование, но признавал необходимость бдительного контроля за туземным чиновничеством с целью недопущения эксплуатации им населения. С эмиром Бухары и Хивинским ханом Николай Иванович поддерживал дружественные отношения, вместе с тем они всегда чувствовали в нем достоинство представителя русской правительственной власти. Бухарский эмир как-то говорил Мустафину, что после Кауфмана из всех правителей Туркестана по знанию края, по свойствам ума и характера на второе место он ставил Гродекова. Эмир утверждал, что Гродеков пользовался большими симпатиями у туземного населения не только в пределах края, но и в Бухаре и Хиве, слывя человеком строгим, но вместе с тем справедливым.

Обладая обширными знаниями о Средней Азии, истории, географии, этнографии сопредельных с ней стран, Гродеков постоянно пополнял их, не пропуская ни одной статьи, ни одной книги по этим проблемам. В это время он серьезно увлекся идеей о Трансиндийской железной дороге. По его мысли, дорогу надо будет проводить не через Афганистан, как думали ранее, а через Персию, которая вошла в сферу влияния России после англо-русского соглашения. Очень важно, что ее природа представляла меньше трудностей для такого сооружения, а население дружелюбно настроено. С проведением этой дороги Гродеков связывал оживление Закаспийской области, видел ее огромное торговое и политическое значение для всей империи.

Вместо поездок с целью изучения состояния дел на местах Николай Иванович все чаще предпочитал вызывать чиновников с докладами в свой кабинет и все реже покидал губернаторские апартаменты. Его противники распустили слух о том, что он боится покушения. Действительно, до него доходила информация о готовящемся покушении на его персону. Может быть, с годами у боевого генерала, многократно доказывавшего беззаветное мужество и храбрость, появилось чувство страха? Однако В. Мустафин считал, что Гродеков «никогда не ценил своей жизни и чувство страха было ему совершенно чуждо»⁴⁰⁶. Когда он выезжал из дома, то никогда не брал конвоя, не окружал себя агентами охраны, ездил в открытом экипаже. Причина того, что он все реже покидал губернаторский дом,

заклучалась в том, что его все сильнее мучила обострившаяся в Туркестане хроническая болезнь. Нездоровье, усугубленное противодействиями Главного земельного управления, распространением недругами всевозможных инсинуаций, заставило Николая Ивановича просить у императора отставку с поста Туркестанского генерал-губернатора, тем более что «короткий срок» — год, на который он дал согласие, был им выдержан.

Ожидая со дня на день ответа из столицы, испытывая физические страдания, Гродеков пишет письмо на имя премьер-министра П.А. Столыпина, в котором рекомендует управляющего канцелярией полковника В.А. Мустафина на губернаторскую должность. «Совершенно искренне убежден, — писал Николай Иванович, — что настоящей моей рекомендацией я оказываю не столько услугу полковнику Мустафину, сколько выполняю нравственный долг свой, так как совершенно уверен, что на посту губернатора одной из внутренних губерний он будет не только вполне на своем месте, но как человек с широким кругозором, серьезно образованный, может при своих выдающихся служебных и нравственных качествах оказать истинные услуги России и правительству»⁴⁰⁷. За свою продолжительную службу генерал дал поощрительные рекомендации десяткам своих сослуживцев, которые по профессиональным и нравственным качествам отвечали высоким гродековским требованиям.

Наконец в телеграмме военного министра сообщалось о высочайшей воле, в силу которой Николай Иванович с 9 марта 1908 г. отзывался (вместо отставки) в Государственный совет с пожалованием ему ордена Святого Владимира I степени. «Ныне отпусками раба Твоего с миром», — сказал он, прочитав телеграмму.

В Петербурге. В столице генерал Гродеков, имея заслуженный авторитет знатока Дальнего Востока России, нередко привлекался высокими правительственными инстанциями к обсуждению спорных вопросов. Так, на заседании Совета министров Российской империи (8 ноября 1906 г.) обсуждался актуальный вопрос о способах сооружения Амурской железной дороги. Среди присутствующих военных авторитетов находился и Н.И. Гродеков. В журнале Совета министров подчеркнуто, что «на необходимость безотлагательной постройки

этой дороги указывал также Приамурский генерал-губернатор (*П. Ф. Унтербергер. — Н. Д.*)». «Это же мнение разделяют Военное министерство и начальник Генштаба и другие наши военные авторитеты. В том числе и генерал от инфантерии Гродеков, близко знакомый с условиями, в которых ныне находится Дальний Восток»⁴⁰⁸.

Государственный совет, в котором Гродеков продолжал работу, в 1906 г. преобразованный из совещательного органа во вторую верхнюю палату, получил законодательные права, равные с правами Думы. Изменен был и состав Совета, в который теперь входили лица как по назначению, так и по выборам. Численность Совета возросла почти до ста членов. При этом Государственный совет сохранил свой аристократически-чиновничий облик. Он был призван не пропускать те законопроекты, которые проходили через Государственную думу, но были неприемлемы для царя. Как и прежде, Николай Иванович воздерживался от участия в публичных выступлениях, а энергично работал в комиссиях и комитетах, основательно изучал и готовил для обсуждения вопросы. Входивший в Департамент законов, он являлся членом особой комиссии по законопроектам «О закрытии порто-франко по привозу иностранных товаров в Приамурское генерал-губернаторство и Забайкальскую область Иркутского генерал-губернаторства» (декабрь 1908 г.), участвовал в обсуждении законопроекта «О пользовании проточными водами в Крыму» (1909 г.), выступал по вопросам сметы Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог на 1909 г., издания Общего устава рыболовства (1912 г.), входил в согласительную комиссию по законопроекту «О временном сохранении в штатах таможенных полицейских управ должностей унтер-офицеров» (1912 г.) и др.⁴⁰⁹.

В 1911 году Николая Ивановича постигла невосполнимая утрата — скончался старший брат Владимир Иванович Гродеков (1838—1911 гг.), по родству и по духу самый близкий ему человек. Будучи на пять лет старше, Владимир Иванович по сути прошел тот же карьерный путь, что и Николай Иванович, но в военно-юридической сфере. По молодости участвовал в Крымской войне и в Польской кампании. После окончания Александровской военно-юридической академии по первому разряду (1870 г.) в чине полковника он служил военным судьей

Военно-окружного суда Одесского военного округа. В 1886 г. назначается на высокий пост председателя Военно-окружного суда Кавказского военного округа. С 1894 г. — постоянный член Главного военного суда Российской империи. В 1903 г. произведен в генералы от инфантерии. Награжден орденами Св. Александра Невского, Св. Владимира (IV, III, II степени) и др. Служил в Средней Азии и на Дальнем Востоке. Николай Иванович не раз обращался к брату с просьбами, касавшимися приобретения для местных музеев картин и книг для библиотек.

Уместно заметить, что Российская империя имела двоих военных и государственных деятелей, генералов от инфантерии с многочисленными наградами за боевые заслуги и за верную службу трону и Отечеству, происходивших из семьи служилого дворянина, не имевшего высокого сословного происхождения, элитарных семейных и других связей и материального достатка. Для них социальным лифтом являлась армия, располагавшая системой военного образования, позволявшая способным и целеустремленным офицерам становиться профессионалами своего дела, а с помощью самообразования достичь глубоких познаний в области культуры и овладеть незаурядным интеллектуальным творческим потенциалом.

С дорогим его сердцу Приамурским краем Николай Иванович поддерживал связи, в особенности с Приамурским отделом Географического общества, продолжая отправлять в его адрес книги и альбомы. Так, в отчете отдела за 1908 г. говорилось, что отдел вновь обогатился даром своего почетного члена Н.И. Гродекова, пожертвовавшего книг и художественных альбомов не менее 600 экземпляров. Председатель отдела С.Н. Ванков — один из немногих гродековских знакомцев, продолжавших службу на Дальнем Востоке, в письме выразил «живейшую благодарность за щедрый дар и добрую память». Продолжались творческие связи и с Московским этнографическим музеем, который обогатился ценными генеральскими пожертвованиями разных предметов из монгольского, маньчжурского и китайского быта. Высоко ценя внимание Николая Ивановича к музею, в благодарность за ценные дары совет музея избрал его в 1912 г. почетным членом совета.

Между генералом и казаками Гродековской станицы существовала многолетняя регулярная связь. Для строящегося

храма Успения станичники не раз получали из Петербурга денежные переводы и посылки. Так, в конце 1910 г. они получили в дар от своего почетного старика такие ценные вещи, как престольный крест и Евангелие, пару хоругвей и два комплекта полного священского облачения. В отправленном письме с благодарностью казаки писали: «Ваше доброе дело распространяется не на нас одних, но и на потомство наше. Вы оказали благодеяние целому населению. Да благословит Вас господь и да наградит дарами своими за Ваши щедрые милости».

Николая Ивановича тронуло поздравление с 50-летием самоотверженной службы в виде приказа по Уссурийскому казачьему войску (9 июня 1912 г.). Приведем полностью его содержание: «13-го июня исполняется пятьдесят лет службы царю и Родине в офицерских чинах почетного старика Гродековской станицы, бывшего нашего войскового атамана, ныне члена Государственного совета, генерала от инфантерии Николая Ивановича Гродекова. Под его высоким начальством Уссурийские казаки молодого войска впервые столкнулись (в 1900—1901 гг.) в открытом поле с врагом России и впервые получили лестную оценку боевой службы от его высокопревосходительства, особенно ценную, как исходившую от известного своим боевым прошлым доблестного начальника. Любя Уссурийское войско, он не расстается с высочайше пожалованным ему мундиром Уссурийского казака, и — имя его навсегда запечатлено в войске, наименованием одной из самых больших станиц войска — Гродековской, казаки коей и доселе пользуются его неоскудевшей помощью.

Пожелаем же, казаки, в этот знаменательный день нашему высокоуважаемому юбиляру еще на многие и многие лета сохранить силы и здоровье на верное служение царю и Родине...».

Подписал наказной атаман генерал-майор Манакин.

«Неизменно благосклонный и благодарный» император издал формальный по содержанию рескрипт, в котором не столько шла речь о юбиляре, сколько о царских щедротах — монарших наградах. На этот раз заслуги генерала Николай II отметил тем, что зачислил его в списки лейб-гвардии Гренадерского полка, в коем он состоял более шести лет после производства в офицеры.

Кончина Н.И. Гродекова. Завещание. Находясь зимой 1910–1911 гг. в Петербурге, известный путешественник В.К. Арсеньев, тогда директор Гродековского музея, не мог не посетить Николая Ивановича. Арсеньев удивился: Гродеков его сразу же узнал, хотя виделись они однажды лет десять назад. Гродеков был таким же приветливым, как и раньше, но только немного постарел. В гостях Владимир Клавдиевич пробыл целый день. Состоялась обстоятельная беседа о Дальнем Востоке, о его исследованиях. Арсеньев был приглашен на обед через два дня. На этот обед Гродеков созвал всех сослуживцев-приамурцев, бывших в это время в Петербурге. «...Когда я пришел, он представил меня своим гостям как директора Гродековского музея и при этом сказал, что знает меня по Приамурью еще с чина поручика. За обедом он вспоминал такие мелочи, которые ясно говорили о его хорошей памяти... Он просто очаровал меня лаской и вниманием. После обеда, который затянулся очень долго, когда гости стали расходиться, Николай Иванович сказал мне: «Останьтесь, мне надо с вами поговорить об очень серьезном деле». Когда все ушли, Николай Иванович стал водить меня по всем комнатам и показывать все, что есть у него ценного, между прочим он вынул из ящика свою осыпанную бриллиантами шпагу и при этом сказал: «Не могу жить вечно, я должен скоро умереть; поэтому я хочу завещать все, что у меня есть ценного, Гродековскому музею»⁴¹⁰. На следующий день Гродеков заболел, и этот важный разговор не имел продолжения.

На открывшемся 13 декабря 1913 г. заседании Государственного Совета его председательствующий сообщил, что вчера, 12 декабря, на 71-м году жизни скончался член Государственного совета, генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков. Памяти его он посвятил несколько прочувствованных слов, члены Совета почтили память коллеги вставанием и минутой молчания.

Известие о кончине Н.И. Гродекова отозвалось печалью в сердцах тысяч людей в Петербурге, в Туркестане, в Приамурье, в Маньчжурии. Во многих столичных, туркестанских и дальневосточных газетах были напечатаны некрологи, посвященные воину, администратору, писателю, ученому, в них подчеркивалась и просветительская деятельность Гродекова

■ Почившій бывший приамурскій генерал-губернаторъ Н. И. Гродековъ, по полученнымъ изъ Петербурга свидѣніямъ, пожертвовалъ по нотаріальному духовному завѣщанію 14000 руб. процентными бумагами, всѣ свои азіатскія весьма цѣнныя коллекціи и бібліотеку и пожалованную Государемъ шашку — Гродековскому музею въ г. Хабаровскѣ.

Газета «Приамурские ведомости». 8 февраля 1914 г.

на благо России. Исследователь переселенческого вопроса и быта сибирских крестьян, видный экономист А.А. Кауфман в своей статье, посвященной генералу, подчеркнул его выдающуюся роль в организации переселения в Туркестан и на Дальний Восток. «И громче всех застольных речей, выше всех памятников Н.И. Гродеков своим внутренним миром, исключительно своею индивидуальностью создал среди русского народа, с ним соприкасавшегося, незабвенную вечную для себя память»⁴¹¹, — считал автор некролога, опубликованного в одной из ташкентских газет.

В некрологе, помещенном в «Отчете Румянцевского музея за 1913 г.» (к слову, напечатанном вслед за некрологом И.В. Цветаеву), особо подчеркивались заслуги генерала перед наукой, его «страстная любовь к музейному делу».

В эти дни «Приамурские ведомости» писали о Н.И. Гродекове как о видном государственном деятеле на гражданском и военном поприщах, напомнили те позитивные перемены, которые произошли во всех областях жизни Приамурья в годы его службы на Дальнем Востоке, особо выделив такие душевные качества генерала, как отзывчивость, общедоступность, сердечность и доброту.

«До сих пор я с удовольствием вспоминаю его ласковое и сердечное ко мне отношение, — вспоминал В.К. Арсеньев о встрече с Н.И. Гродековым во Владивостоке в 1902 г. — Он меня долго расспрашивал и, узнав, что я хочу здесь остаться навсегда, обещал свое содействие и дал много советов и указаний»⁴¹².

В Градо-Хабаровском Успенском соборе была отслужена панихида по покойному. В здании Гродековского музея состоялась панихида по его основателю.

Из хроники «Правительственного вестника»: «15 декабря в церкви Святой Троицы на Смоленском кладбище после заупокойной литургии состоялось отпевание тела члена Государственного совета, генерала от инфантерии Н.И. Гродекова. Отдать последний долг покойному собрались сослуживцы его по Государственному совету и среди них генерал от кавалерии Палицын, инженер-генерал Унтербергер, граф Олсуфьев, генерал Клунников, офицеры Гренадерского полка во главе с генерал-майором Бутовичем. Среди возложенных на гроб венков были венки от Государственного совета, лейб-гренадеров, бывших адъютантов покойного и др. Последние воинские почести усопшему отдавали лейб-гвардии гренадеры, лейб-гвардии атаманцы и гвардейская артиллерия»⁴¹³.

Для близких родных, в круг которых входила семья генерала от инфантерии Владимира Ивановича — вдова, два сына и дочь, духовное завещание Николая Ивановича явилось полной неожиданностью. Согласно ему, процентные бумаги (облигации разных займов) на общую сумму 14 тыс. рублей завещались Гродековскому музею в г. Хабаровске. Ему же предназначались предметы буддийского культа, собрание китайских и японских предметов (в газетах писали о музее восточных древностей и дорого его оценивали), альбомы видов, все собранное генералом в путешествиях по Европе и Азии. «Высочайше пожалованную мне золотую шашку с бриллиантовой надписью «За победы в Северной Маньчжурии. 1900 г.», — говорилось в завещании, — назначаю в музей для хранения»⁴¹⁴. Библиотека в шесть тысяч томов, которую генерал собирал годами, тоже завещалась Хабаровскому музею. Все остальное имущество — мебель, картины, ковры, посуда и т. д. — завещалось Ольге Алексеевне Зандрок, проживавшей в Петербурге. При этом в завещании имелась оговорка: «В случае смерти О.А. Зандрок при жизни моей завещенное ей имущество должно быть продано с аукциона и вырученные деньги присоединены к той сумме, которая отказана Гродековскому музею». То есть допускалось обстоятельство, когда единственным номинантом завещания становился Хабаровский музей.

Племянник Николая Ивановича – Владимир Владимирович Гродеков, который в последние дни болезни генерала находился рядом с ним и оформил опеку, посчитал завещание несправедливым и неразумным. Поэтому он подал в суд иск на пересмотр завещания, ссылаясь на то, что оно якобы было написано генералом не в здравом уме. Молодой офицер не мог согласиться с тем, что немалое его состояние завещалось находившемуся на краю света музею и незнакомой женщине.

С началом Первой мировой войны офицеры Гродековы – участники боевых действий на германском фронте. Подполковник Всеволод Владимирович, получивший ранение, за боевые заслуги был награжден высочайшей наградой – Георгиевским оружием. Капитан-лейтенант гвардии Гренадерского полка Владимир Владимирович погиб в бою в сентябре 1914 г.

Совершенно неожиданно завещание раскрыло имя женщины, очень близкой Николаю Ивановичу, о которой мало что было известно, но именно ей он завещал основную часть своего имущества. Ольга Алексеевна Зандрок, урожденная Зиновьева, рождения 1848 г., умерла через год после кончины генерала и была похоронена рядом с мужем генералом Алексеем Филипповичем на Новодевичьем кладбище в Петербурге, унеся тайну взаимоотношений с Н.И. Гродековым. Вместе с тем становилось очевидным, что она являлась в его жизни единственной сердечной привязанностью.

А в это время столичный присяжный поверенный вел переписку с Приамурским отделом ИРГО, с директором музея В.К. Арсеньевым о гродековском завещании, о предстоящем судебном его оспаривании, о представлении документов и т. д. 8 сентября 1915 г. судебное дело в Петербурге было прекращено и завещание осталось в силе. Поверенному Приамурского отдела ИРГО в Санкт-Петербурге И.И. Алексеевскому была отправлена доверенность на получение денег и имущества, завещанного генералом Хабаровску. Сохранились документы о том, что деньги и процентные бумаги в сентябре 1916 г. получены Хабаровским отделением Государственного банка и по решению Совета Приамурского отдела ИРГО открыт в денежной книге Отдела особый счет специального капитала под наименованием «Наследство Гродекова». Судьба завещанных

книг и драгоценной шашки не выяснена, как и той части завещания, которая предназначалась О.А. Зандрок⁴¹⁵.

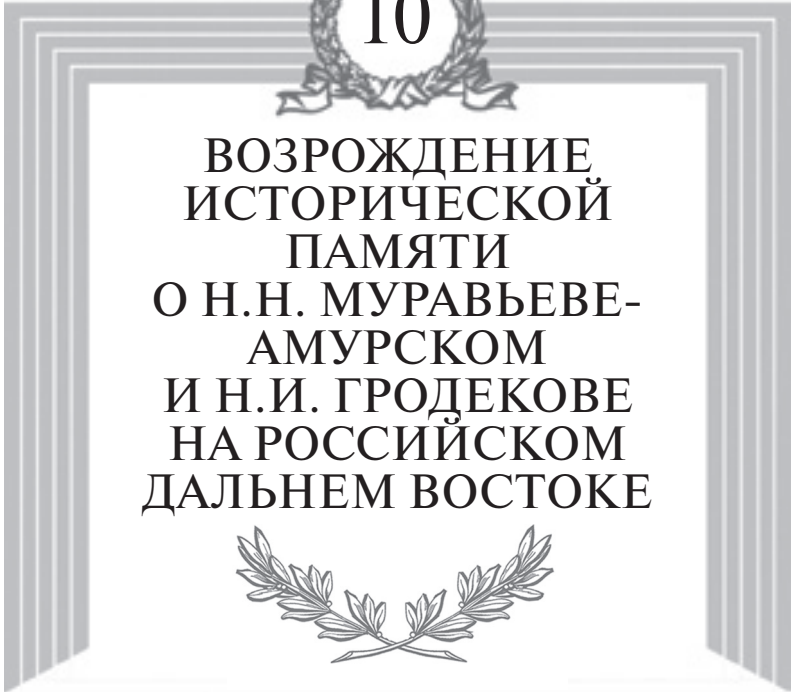
С полной уверенностью можно утверждать, что богатое наследство своего основателя, за исключением денежного вклада, Хабаровский музей так и не получил. Пока шла переписка, велось оформление документов, в Петрограде произошла смена власти, и исполнение завещания затерялось в вихре революционных событий. Тем не менее духовное завещание Н.И. Гродекова еще раз ярко и убедительно подтвердило, что Хабаровский краеведческий музей являлся его самым любимым детищем.

Смерть Н.И. Гродекова послужила поводом для весьма критических выступлений в печати по поводу отношения центральной власти к талантливым умам России, к которым, несомненно, принадлежал и Гродеков. В одной из публикаций содержался призыв к тем людям, которые знали Николая Ивановича, по свежей памяти написать о нем, чтобы эти воспоминания стали печальным венком на могиле «большого русского человека, замученного мелкими делами»⁴¹⁶.

10

ВОЗРОЖДЕНИЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ
О Н.Н. МУРАВЬЕВЕ-
АМУРСКОМ
И Н.И. ГРОДЕКОВЕ
НА РОССИЙСКОМ
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие.

Пушкин А.С. (Собрание сочинений.

В 10 т. Т. 6. М., 1981. С. 39)

Генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву-Амурскому (1809–1881 гг.) и генерал-губернатору Приамурского края Н.И. Гродекову (1843–1913 гг.) принадлежит во многом первооткрывательская, первоосновательская роль в истории российского Дальнего Востока. С их именами связано начало превращения дальневосточного региона в российский оплот на крайнем Востоке, становление России тихоокеанской, евро-азиатской державой. В XIX в. более трех десятилетий они являлись современниками, но по службе не соприкасались, т. к. Муравьев-Амурский в 1861 г. вышел в отставку, а Гродеков в 1862 г. только начал военную службу. Скорее всего, они и лично не были знакомы. Вместе с

тем Н.И. Гродекову выпала судьба продолжить славное, ценное муравьевское дело в Приамурье и Приморье, и он с присущей ему необыкновенной ответственностью и умением выполнил эту историческую миссию. Естественно, что генерал являлся самым активным деятелем реализации проекта о перенесении праха графа Муравьева-Амурского из Парижа на Амур.

Сподвижники-сибиряки в полной мере выразили своему признанному лидеру благодарность за высокие заслуги перед Россией, возведя на Амурском утесе в г. Хабаровске выразительную скульптуру Н.Н. Муравьева-Амурского и создав его фундаментальную биографию. По объективным обстоятельствам (Первая мировая война, революция) амурцам-сослуживцам не удалось увековечить память о видном государственном и военном деятеле России, о своем доблестном командующем и наказном атамане Н.И. Гродекове. Хотя после его кончины на российском Дальнем Востоке и возникла идея о создании биографии самого выдающегося администратора и военачальника Приамурского края. Она принадлежала В.К. Арсеньеву, испытывавшему на себе благотворное влияние знаменитого генерала. Две встречи с Гродековым, разделенные десятилетием, явились для Арсеньева знаковыми и значимыми в жизни. Признанный исследователь Дальнего Востока, талантливый писатель на посту директора Хабаровского историко-естественного музея стал последователем музейных традиций, заложенных Гродековым – основателем музея. В октябре 1916 г. Арсеньев обратился к начальнику Главного штаба с просьбой прислать послужной список генерала Н.И. Гродекова. При этом он писал: «Бывший Приамурский генерал-губернатор и командующий войсками округа генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков вложил много труда и личных денежных средств на устройство в г. Хабаровске музея, который ныне называется его именем и которым я имею честь заведовать. Мне хотелось бы увековечить память Н.И. Гродекова изданием его биографии, в которой упомянуть не только о деятельности в Приамурском крае, но и о научных работах в Туркестане»⁴¹⁷. Автор письма просил выслать в музей копии послужного списка генерала Гродекова для хранения его в делах Приамурского отдела «на вечные времена».

Как свидетельствует приведенный документ, Арсеньев планировал «увековечить память о Н.И. Гродекове», при этом

рассказать не только о его деятельности в Приамурском крае, но и «о научных работах в Туркестане». Это означало, что он намеревался создать полноцветное жизнеописание заслуженного генерала.

Просьба была исполнена, но свое благородное намерение В.К. Арсеньев, к огромному сожалению, по объективным причинам не осуществил. Свершившиеся революционные события 1917 г. в России сделали неактуальными биографии генерал-губернаторов, да и в жизни Арсеньева произошло много перемен.

Вместо увековечения имен Н.Н. Муравьева, Н.И. Гродекова и многих достойных личностей, которые, благодаря служению верой и правдой России, внесли многогранный вклад в ее историю, начался процесс забвения их памяти, длившийся несколько десятилетий. Руководствовавшаяся классовым подходом отечественная историческая наука в советский период изъела из истории России имена многих заслуженных государственных и военных деятелей и тем самым обеднила, исказила отражение исторического процесса в литературе. Так, в книгах по истории Дальнего Востока, в области культуры, в сфере пропаганды имена ни Муравьева, ни приамурских генерал-губернаторов даже не упоминались.

Уже в 1920-е годы центральная улица г. Хабаровска, административного центра края, носившая имя Муравьева-Амурского, стала улицей Карла Маркса – европейца, основоположника марксизма. В городе исчезла и улица, названная в честь Гродекова. Выполняя постановление центральной власти о снятии памятников, прославляющих царский режим, по решению местной власти в 1925 г. демонтирован великолепный памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому скульптора А.М. Опекушина. Пятиметровая бронзовая скульптура по своим размерам не поместилась в музее и длительное время находилась на земле, в итоге была утеряна.

Со временем на муравьевском гранитном пьедестале появилась гипсовая белая, не представлявшая абсолютно никакой исторической и художественной ценности небольшая скульптура вождя мирового пролетариата В.И. Ленина. В год 125-летия города Хабаровска (1983 г.) на капитально отремонтированный пьедестал была установлена стела «Ладья» в память о русских землепроходцах.

Имя Муравьева исчезло из научных и пропагандистских публикаций. Написанная историком И.П. Барсуковым капитальная биография графа в двух томах (1891 г.) хранилась в фонде редких книг в Дальневосточной научной библиотеке и во многом превратилась в недоступную для массовых читателей. С годами слой песка забвения на именах Муравьева и Гродекова становился все толще. В немалой степени этому способствовала и «политика научного атеизма», поскольку Муравьев являлся соратником святителя Иннокентия (Вениаминова) в утверждении в Приамурье и Приморье православия, а Гродеков особо радел о строительстве здесь православных храмов для переселенцев.

Безусловно, благородного вида муравьевский пьедестал (он был признан даже охраняемым Советским государством памятником культуры) являлся укором гражданам города за уничтожение скульптуры. А гранитный пьедестал крепко хранил память о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском, как хранили память и основанные и названные им города – Благовещенск, Хабаровск, Владивосток.

Возрождение памяти о Муравьеве-Амурском на российском Дальнем Востоке. В советский период приоритет публикации изданий о Н.Н. Муравьеве-Амурском на Дальнем Востоке принадлежал в прошлом партийному работнику, преподавателю М.Г. Штейну. В 1944 г. в журнале «На рубеже» (Хабаровск) появилась его статья «Н.Н. Муравьев-Амурский». А через два года вышел его историко-биографический очерк «Н.Н. Муравьев-Амурский»⁴¹⁸. В восстановлении памяти о графе, его сподвижниках и последователях неординарную роль сыграло художественное полотно ветерана Отечественной войны художника В.Е. Романова, изобразившего на своей картине исторический момент подписания Айгунского договора. На экспонировавшейся в Благовещенске в 1947 г. многофигурной картине впервые в советские годы художник изобразил Н.Н. Муравьева и святителя Иннокентия, предусмотрительно закрыв его епископский крест изображением вазы с цветущим багульником, который свидетельствовал о месяце события – мае (16 (28) мая 1858 г.).

В послевоенные годы на исторических факультетах педагогических вузов Благовещенска и Хабаровска, Владивостокского

университета в учебных планах появились лекции о присоединении Приамурья и Приморья к России и роли в этом процессе Н.Н. Муравьева-Амурского. В 1956 г. мне посчастливилось слушать на эту тему превосходную лекцию кандидата исторических наук Н.И. Рябова в Хабаровском педагогическом институте. Но прошло ни одно десятилетие, прежде чем отдельные зерна памяти проросли и дали свои плоды. Несомненно, этому в большой степени способствовал живительный ветер событий второй половины 1980-х годов, снятие идеологических препон и демократизация социально-политической жизни страны. Начавшееся переосмысление исторического прошлого России, «возвращение человека в историю» дали мощный импульс для возрождения памяти о государственных и военных деятелях, имевших крупные заслуги перед Россией.

На Дальнем Востоке все настойчивее звучала идея о восстановлении памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Об этом говорили и писали историки А.И. Алексеев, А.И. Крушанов, М.И. Светачев и другие. Однако реакция властных структур Хабаровского края и Приморского края отсутствовала.

Она появилась только в самом начале 1988 г. в неожиданной форме и завуалированном виде. В опубликованной газетой «Советская культура» статье «Обелиск на Амурском утесе» (9 января 1988 г.) известный журналист Евграф Кончин между прочим написал: «Будучи в командировке в Хабаровске, я заходил в крайком партии и встретил благожелательное отношение к предложению восстановить памятник»⁴¹⁹. Удалось установить, что, во-первых, журналист действительно встречался с первым секретарем крайкома КПСС А.К. Черным и, во-вторых, речь шла о восстановлении памятника Муравьеву-Амурскому. Газетная статья позволяет реконструировать идеи, аргументы, которыми Евграф Кончин тогда убеждал лидера Хабаровского края. Он начал с того, что «мы в большом долгу перед памятью и заслугами Н.Н. Муравьева-Амурского — патриота русской земли». И долг должны возратить сполна. Особую убежденность журналисту придавал и его личный интерес, так как он являлся потомком прадеда — одного из первых поселенцев на Нижнем Амуре (Николаевск-на-Амуре), который в свое время внес на устройство памятника Н.Н. Муравьеву двадцать рублей — сумму тогда значительную.

Воссоздание памятника Муравьеву-Амурскому журналист считал не столь сложным и дорогостоящим делом, поскольку сохранился пьедестал, а в Русском музее имелась модель памятника А.М. Опекушина. Средства же на скульптуру можно собрать всем миром, как и в XIX в. И последним, но чувствительным его доводом стало утверждение, что Хабаровск весьма беден истинными высокохудожественными произведениями монументального искусства. Скорее всего под влиянием убедительных аргументов известного журналиста у партийного руководителя края и сложилось «благожелательное отношение» к предложению восстановить памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому. Важно, что с помощью авторитетной газеты оно стало гласным.

В краевой газете «Тихоокеанская звезда» (16 июля 1988 г.) под заголовком «День благодарных потомков» появилось письмо-обращение известных дальневосточников – В.П. Сысоева, Ю.А. Шестаковой, В.И. Клипеля, Н.Д. Наволочкина – писателей, Г.Д. Павлишина – народного художника РСФСР, Г.Т. Казьмина – академика ВАСХНИЛ, М.Ф. Буриловой – заведующей отделом Хабаровского краевого музея. Они обратились ко всем жителям города и края, ко всем гражданам Отечества, кому дорога его история, внести свои трудовые рубли на восстановление памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому на историческом месте – в Хабаровске.

В соответствии с еще существовавшим (до 1991 г.) алгоритмом принятия решения свое позитивное мнение крайком КПСС адресовал крайисполкому, который возложил обязанности восстановления памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому на Хабаровское краевое отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), председателем которого являлся Н.П. Крадин, ответственным секретарем – Л.С. Григорова. Срочно был сформирован оргкомитет во главе с активисткой ветераном А.К. Дмитриевой. Первым делом он выпустил «Обращение ко всем трудящимся, ветеранам войны и труда, молодежи, студентам, учащимся и воинам Дальнего Востока», под которым стояли фамилии известных и уважаемых личностей края: А.К. Дмитриевой, председателя оргкомитета, А.М. Жукова, рабочего, краеведа, Ю.А. Косыгина, академика, лауреата Ленинской премии, Н.П. Крадин-

на, кандидата архитектуры, Г.Г. Левкина (зампредседателя), полковника запаса, Н.Д. Наволочкина, писателя, В.В. Онихимовского, доктора геолого-минералогических наук, Г.Д. Павлишина, народного художника РСФСР, М.И. Светачева, доктора исторических наук, В.С. Шевченко, замредактора журнала «Дальний Восток», А.С. Шейнгауза, доктора сельскохозяйственных наук. «Восстановление памятника Муравьеву-Амурскому – наша гражданская обязанность», – утверждалось в обращении.

Внести средства можно было по подписным листам оргкомитета, а также переводом на счет хабаровского Жилсоцбанка. Появившийся в учебных, культурных заведениях и на предприятиях города и края текст обращения инициировал сбор средств на муравьевский памятник. Несмотря на ухудшение в крае экономического положения, увеличение дефицита продовольствия, сбор средств на памятник проходил успешно. Сказывалась и энергичная работа членов оргкомитета и многочисленных добровольных помощников. По протоколу оргкомитета на восстановление памятника было собрано 170 135 рублей⁴²⁰.

Процесс восстановления муравьевской скульптуры пришелся на смутное время, переживаемое Россией в самом начале 1990-х годов, что отразилось на нем самым негативным образом. Вскоре выяснилось, что председатель оргкомитета А.К. Дмитриева заключила договор в Петербурге о возведении скульптуры Муравьева в Хабаровске с кооперативом, оказавшимся конторой «Рога и копыта». Кооператор-мошенник вместе со значительной частью собранных народных денег исчез. Оргкомитет из-за отсутствия средств не мог оплатить выполненную заводом «Монументскульптура» работу по изготовлению скульптуры в бронзе.

В этой критической ситуации в городе, конечно же, нашлись мужественные хабаровчане, которые взяли на себя неблагодарное дело – исправление допущенных ошибок. «Ходокам за деньгами» Г.Г. Левкину, В.И. Симакову, Ю.В. Ефименко удалось у губернатора края В.И. Ишаева получить сто тысяч рублей на продолжение заключительных работ по изготовлению бронзовой скульптуры, на ее транспортировку и установление в Хабаровске.

15 мая 1992 г. на Амурском утесе на свой пьедестал вновь встала скульптура Н.Н. Муравьева-Амурского. Торжество состоялось с речами, с парадным прохождением воинов Хабаровского гарнизона, казаков, возложением живых цветов, с вручением участникам брошюры «Муравьевский век на Амуре» (автор — М.Ф. Бурилова).

Сейчас можно только восхищаться тем, как в условиях глубокого политического и экономического кризиса, раздрая в стране начала 1990-х годов хабаровчанам удалось восстановить памятник графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. В истории возрождения памятника проявились драматизм времени и победа благодарной народной исторической памяти над постыдным беспамятством и малодушием.

А через несколько дней после торжественного открытия памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому 28 мая 1992 г. Хабаровский краевой совет народных депутатов, идя навстречу настойчивым пожеланиям хабаровчан, переименовал часть центральной улицы Карла Маркса в улицу Муравьева-Амурского, тем самым восстановив ее историческое название. В 2003 г. имя графа Н.Н. Муравьева-Амурского получил Центральный парк культуры и отдыха. А в 2007 г. парк был переименован в Хабаровский краевой парк имени Н.Н. Муравьева-Амурского.

Масштаб результатов деятельности Муравьева объясняет размах процесса восстановления его памяти на российском Дальнем Востоке. Администрация Приморского края энергично решила на правительственном и дипломатическом уровнях проблему переноса праха Н.Н. Муравьева-Амурского из Парижа на дальневосточную землю. «Вдали любимой им Отчизны скончался он, судьбой гоним». В 1991 г. в торжественной обстановке прах Н.Н. Муравьева-Амурского был предан родной земле во Владивостоке. Тем самым были выражены народное почитание и признательность выдающемуся русскому человеку за его жизнь-подвиг.

К радости горожан Благовещенска 17 июля 1993 г. на набережной Амура в торжественной обстановке был открыт первый памятник Н.Н. Муравьеву-Амурскому — основателю города. Несколько лет спустя в городе появился оригинальный парный памятник графу Муравьеву-Амурскому и Иннокентию — архиепископу Камчатскому, Курильскому и Алеутскому.

Н. Н. Муравьев-Амурский сильно ошибся, когда брату Валериану написал: «Бог не дал мне заслужить внимание современников; не рассчитываю я на внимание потомства»⁴²¹. И современники, и близкие и дальние его потомки, последователи оказались единодушны в своем желании выразить глубокую благодарность Н. Н. Муравьеву-Амурскому за проявленные им мужество, стойкость, политическую мудрость в решении Амурского вопроса, самоотверженное служение России.

Крупным событием в культурной жизни Хабаровского края и всего российского Дальнего Востока явилось репринтное издание двух книг фундаментального сочинения И. П. Барсукова, посвященного графу Н. Н. Муравьеву-Амурскому, изданного в 1891 г. Имея более чем столетний возраст, это сочинение и в XXI веке сохраняет свою познавательную и научную ценность как наиболее полная и достоверная биография выдающегося государственного деятеля России.

В 2008–2009 гг. на Дальнем Востоке широко были отмечены 150-летие заключения Муравьевым Айгунского договора и 200-летие со дня его рождения: прошли научно-практические конференции, чтения, презентации книг, выставки и др. Ценный библиографический указатель литературы «Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н. Н. Муравьев-Амурский (1809–1881)» был издан ДВГНБ ко дню 200-летия со дня рождения Н. Н. Муравьева⁴²². В указателе представлено более 150 записей о книгах и статьях из тематических сборников, периодических и продолжающихся изданий начиная с 1882 по 2008 г., находящихся в фонде научной библиотеки. И в последующие годы библиография графа Муравьева продолжала пополняться. Хабаровским краевым музеем имени Н. И. Гродекова в 2014 г. было издано историко-документальное повествование «Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские»⁴²³. В нем впервые в широком историческом контексте представлен парный портрет Н. Н. и Е. Н. Муравьевых-Амурских. Ценно, что в книге опубликованы извлеченные из фонда Государственного архива Российской Федерации три письма Н. Н. Муравьева-Амурского князю М. С. Волконскому (1871–1872 гг.), два письма графини Е. Н. Муравьевой-Амурской князю М. С. Волконскому (1890–1891 гг.) и письмо графа В. В. Муравьева-Амурского (племянника Николая Николае-

вича) князю М.С. Волконскому с парохода «Орел» в Индийском океане 28 марта 1891 г. по пути в Хабаровку на открытие памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому.

В рамках проекта, реализованного АНО «Лаборатория идей» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов, при непосредственном значимом участии Дальневосточной государственной научной библиотеки в 2020 г. в Хабаровске появилась книга «И.П. Барсуков – историк российского Дальнего Востока»⁴²⁴. Автор биографий митрополита Московского Иннокентия (в 7-ми томах) и графа Н.Н. Муравьева-Амурского (в 2-х томах), историк и археограф И.П. Барсуков и его научные труды в советское время оказались малоизвестными и невостребованными. Поэтому понятен повышенный интерес как к личности историка Барсукова, так и к методам его работы над жизнеописаниями. Несмотря на ограничения, связанные с пандемией коронавируса, успешно прошли в 2020–2021 гг. организованные АНО «Лаборатория идей» четыре презентации книги в Хабаровске и Владивостоке, а также в Благовещенске и Аяне.

Имя Н.Н. Муравьева-Амурского прочно вошло в информационное поле российского Дальнего Востока, Приамурья и Приморья – в особенности. Во время празднования юбилеев городов Благовещенска, Владивостока, Хабаровска имя Муравьева ярко звучит как основателя. Систематически пополняется библиография Н.Н. Муравьева-Амурского, регулярно появляются книги и статьи о его славных соратниках – Г.И. Невельском, святителе Иннокентии (Вениаминове), М.С. Корсакове, П.В. Казакевиче, М.С. Волконском и др.

Память о Н.И. Гродекове на российском Дальнем Востоке. Высокая волна общественного движения за возрождение памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском на Дальнем Востоке привела к вполне ощутимым, зримым, важным результатам. Ценно, что она способствовала высвобождению из мрака забвения другой достопамятной личности, оставившей свой глубокий созидательный след в истории России и ее Дальнего Востока в особенности, – Николая Ивановича Гродекова.

Ради справедливости следует сказать, что в советский период на российском Дальнем Востоке имя Н.И. Гродекова сохранялось в названии нескольких старых дореволюционных

поселений. Это село (Благовещенский район) в Амурской области, село (район им. Лазо) в Хабаровском крае, село (Анучинский район) и железнодорожная станция в Приморском крае. Хотя могила Гродекова на православном Смоленском кладбище в Ленинграде была утеряна, но имя его сохранилось в городе на постаментах скульптур двух китайских львов (ши-цза) на Петровской набережной реки Невы. Ставшими привычными и обыденными, тем не менее, эти топонимы утратили связь с личностью Н.И. Гродекова, поскольку знания о ней фактически отсутствовали.

Заслуга в предоставлении одной из первых информации в советское время о Н.И. Гродекове, генерал-губернаторе Приамурского края, принадлежит хабаровским авторам Л.А. Вострикову и З.В. Востокову, которые в 1991 г. опубликовали книгу «Хабаровск и хабаровчане»⁴²⁵. Она стала своего рода окном, открывшим вид на огромное поле малоизвестного и забытого исторического прошлого дальневосточной окраины России. Впервые приведены краткие биографические данные Н.И. Гродекова и других семи главных начальников Приамурского края.

Отмечая в 1994 г. столетие Приамурского отдела Русского географического общества, особо подчеркивалось, что первым его председателем являлся генерал от инфантерии Н.И. Гродеков. Одновременно, празднуя свое столетие, Хабаровский музей вернул по праву принадлежавшее ему имя Н.И. Гродекова. Перспективы развития музея во многом были определены решением краевого правительства о постройке нового музейного комплекса. Современное здание музея, по архитектуре гармоничное старому, гродековскому зданию, позволило создать новые экспозиции с использованием современных технологий. В музейный комплекс органично вошел и отдельно расположенный музей археологии Приамурья. Гродековский музей, директором которого в течение около двух десятилетий являлся заслуженный деятель культуры Российской Федерации, кандидат исторических наук Н.И. Рубан, получил статус научного учреждения, был признан одним из лучших региональных музеев России. Вполне естественно, что Хабаровский музей превратился в центр восстановления памяти о Н.И. Гродекове.

В декабре 1996 г. музей провел первую научно-практическую конференцию «Гродековские чтения», которая проделала путь от регионального формата к конференции с международным участием представителей Китайской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики, Республики Корея, Японии и др. Чтения играют большую роль в привлечении общественного внимания к личности Н.И. Гродекова, раскрытию его вклада в обеспечение национальной безопасности России на Дальнем Востоке. Следует заметить, что в теме обеспечения безопасности страны на Востоке акцентируется внимание на историческом значении завершающего этапа Второй мировой войны, роли СССР в разгроме милитаристской Японии. Эта проблема и стала главной на X Гродековских чтениях, посвященных 80-летию начала Великой Отечественной войны и 75-летию Токийского процесса над японскими военными преступниками (20–21 апреля 2021 г.). Несомненно, опубликованные доклады и материалы Гродековских чтений являются важным ресурсом научных знаний о Н.И. Гродекове, его служебной карьере, а также углубления истории российского Дальнего Востока, России в целом.

Проведена большая поисковая работа. В ходе идентификации фондовых предметов главному хранителю музея Т.В. Мельниковой, занимавшейся изучением китайской коллекции, удалось установить забытую историю ее появления в музее. Оказалось, Н.И. Гродеков в 1897 г. передал музею коллекцию китайской деревянной скульптуры, купленную им в Шанхае. В нее входило около 50 деревянных искусных миниатюр с изображением разнообразных картинок из жизни населения Поднебесной – «Посадка риса», «Ловля рыбы при помощи бакланов», «Игроки в го» и другие. Как великолепна пятифигурная скульптура «Счастливая песня!» Этот дар Гродекова положил начало формированию ныне существующей в музее богатой китайской коллекции.

Важную работу по идентификации книг, подаренных Гродековым тогда Николаевской библиотеке, ныне ведет Дальневосточная государственная научная библиотека (ДВГНБ). В ее редком фонде уже несколько лет поиском гродековских книг успешно занимается Н.В. Радишаускайте. Уже выявлено более 160 книг, которые принадлежали Николаю Ивано-

10

Возрождение исторической памяти о Н. Н. Муравьеве-Амурском и Н. И. Гродекове на российском Дальнем Востоке

Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова

Дальневосточная государственная научная библиотека

вичу. Составлен каталог книжной коллекции Н.И. Гродекова в фонде ДВГНБ. В их числе книги с его автографами, либо подаренные ему авторами и другими лицами. Значительная часть их посвящена Туркестану, а также этнографии, географии, истории и военному делу. В их число входят и книги его

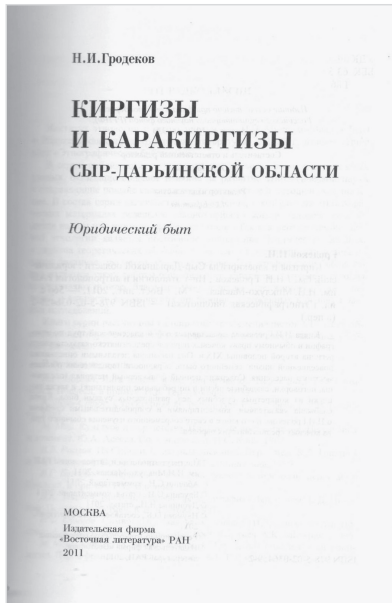
авторства. К сожалению, библиотека не располагает полным количеством авторских книг Н.И. Гродекова. Будучи библиофилом, Николай Иванович любил дарить книги из своей обширной личной библиотеки, и поэтому поисковиков ждет еще немало открытий.

Стали появляться научные публикации, в которых раскрывалась служебная и военная карьера генерала. Малоизвестной роли Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродекова в усмирении восставших ихэтуаней в Северной Маньчжурии в 1900–1901 гг. была посвящена монография В.Г. Дацышена⁴²⁶. В 2001 г. под эгидой Приамурского географического общества и при поддержке Гродековского музея в Хабаровске увидела свет книга «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков»⁴²⁷. На обширной документальной базе, извлеченной из четырех центральных и четырех региональных архивов, в контексте важнейших исторических событий второй половины XIX – начала XX вв. в ней впервые показаны значимые этапы военной и гражданской службы генерала, выделена его деятельность на Дальнем Востоке России, ставшая своеобразной вершиной плодотворной жизни этого необыкновенного человека.

Зерна культуры, сердечно взлелеянные Н.И. Гродековым на благодатной дальневосточной земле, ныне являются признанными, авторитетными научно-просветительскими и духовно-культурными центрами российского Дальнего Востока. Это Дальневосточная государственная научная библиотека, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Дальневосточный художественный музей, Приамурское географическое общество.

Популяризации личности Гродекова содействовали такие публикации, как «Почетные граждане города Хабаровска»⁴²⁸, статьи краеведов в журнале «Словесница искусств», а также выступления архивистов, музейщиков и библиографов в электронных и печатных средствах массовой информации.

Личность выдающегося государственного и военного деятеля России привлекла и общероссийское внимание. В 2002–2004 годах в популярных журналах «Родина» и «Источник» были опубликованы его статьи о русской политике в Центральной Азии, а в журнале «Исторический архив» – письмо

Титульный лист книги Н. И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-дарьинской области. Юридический быт». М.: Восточная литература, 2011 г.

Гродекова министру внутренних дел В. К. Плеве о перенесении праха Муравьева-Амурского из Парижа на Амур⁴²⁹. В издававшейся в это время Большой Российской энциклопедии Н. И. Гродекову была посвящена статья⁴³⁰. Принципиальное значение имела публикация формулярного списка генерала Гродекова и списка вопросов, в обсуждении которых он участвовал в Государственном совете Российской империи, будучи его членом в 1902–1913 гг.⁴³¹.

Оформившаяся мысль о создании памятника Н. И. Гродекову не раз обсуждалась на ученом совете Хабаровского музея и была воплощена местным скульптором Ю. Кукуевым в проект с изображением генерала, стоящего рядом с лошадей. Известно, что Гродеков являлся отличным кавалеристом, верхом на лошади он преодолел более двух тысяч верст по неизвестной северной территории Афганистана и Персии. К сожалению, осуществление интересного проекта пока откладывается.

Значительным явлением в гродековедении стало научное издание в 2011 г. книги Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт», которая впервые увидела свет в Ташкенте в 1889 г.⁴³². В научном издании помещена статья этнографа О.И. Брусиной «Труд Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» и проблемы изучения обычного права кочевых народов Средней Азии», содержащая высокую современную оценку этнографического труда автора. В ней утверждается: «Книга Гродекова стала классическим трудом по этнографии социальной и культурной жизни казахов и киргизов, далеко опередив другие работы по качеству и широте привлечения источников, объему материала и глубине анализа. Разработанные им методы сбора и использования этнографического материала и по сей день считаются достоверными... До настоящего времени книга Гродекова остается непревзойденным источником по обычному праву и социальной жизни кочевого населения Средней Азии и служит основой для многих современных исследований»⁴³³.

Если центром возрождения исторической памяти о Н.И. Гродекове в Хабаровском крае был и остается музей им. Н.И. Гродекова, то в Приморском крае – жители Пограничного района и железнодорожной станции Гродеково. Подготовка и проведение в 2013 г. юбилейных торжеств – 170-летия со дня рождения Н.И. Гродекова – стали важным этапом в возрождении о нем народной памяти. Тогда по инициативе Андрея Викторовича Абрамова образовалась группа энтузиастов – приморцев, объединенных стремлением восстановить историческую память о генерале Гродекове. Интересен факт зарождения этого замысла. Уроженец поселка Гродеково, бывший офицер-пограничник, служивший в Гродековском погранотряде, А.В. Абрамов, будучи в Петербурге, к своему большому огорчению, не смог найти могилу генерала на Смоленском православном кладбище, где он был похоронен с воинскими почестями в 1913 году. Его захоронение оказалось утерянным, как и многие другие. Будучи деятельным, созидательным человеком, Абрамов не мог смириться с утратой захоронения праха заслуженного государственного и военного деятеля, почетного старика станицы Гродековской и отсутствием ему памятника на российском Дальнем Востоке. Так возникла идея, позднее и проект создания памятника

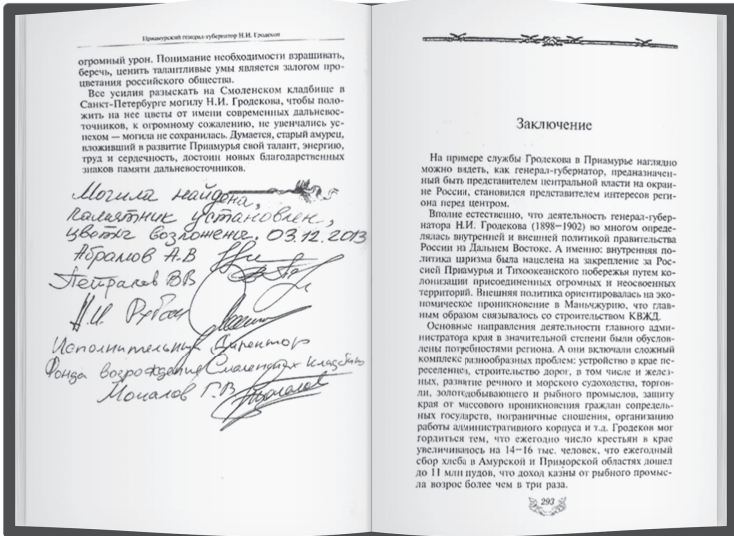

Памятник Н.И. Гродекову с его создателями. Г.Ф. Шароглазов и А.В. Абрамов, п. Пограничный Приморского края. 28 сентября 2013 г.

10

Возрождение исторической памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском и Н.И. Гродекове на российском Дальнем Востоке

Запись в книге Н.И. Дубининой «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков». Хабаровск, 2001 г.

Н.И. Гродекову и восстановления его захоронения на Смоленском кладбище. Сначала в инициативную группу вошли сослуживцы, одноклассники и друзья Андрея Абрамова, постепенно она пополнилась общественными и политическими деятелями, историками, музейщиками, представителями Петербурга, Москвы, Хабаровска. Сразу же решили ставить памятник в Пограничном районе Приморского края.

Проводилась большая поисковая работа, поскольку властным структурам Петербурга и Пограничного района Приморского края необходимо было предоставить убедительные документированные данные, подтверждающие факты отношения территорий к памяти Н.И. Гродекова. Так, местонахождение гродековского захоронения на Смоленском кладбище в Петербурге было установлено по поименной схеме захоронений на этом кладбище, опубликованной в справочнике «Весь Петербург» 1917 г. Многоплановой оказалась организационная работа, включавшая сбор денежных средств. С помощью ресурса интернета был открыт счет, на который деньги присылали как организации, так и многочисленные заинтересованные лица, в особенности пограничники разных поколений Приморского края. Всего на счет поступило около 400 тыс. рублей.

Реализация гродековского проекта началась почти одновременно и в Петербурге, и в Приморье. Скульптурную часть памятника талантливо выполнил известный владивостокский скульптор Г.Ф. Шароглазов, а изготовили бронзовый бюст литейные мастерские Подмосковья.

Показательно, что осуществлению проекта бескорыстно помогали многие люди, которые, может быть, впервые слышали о Н.И. Гродекове. Так, летчики МЧС безвозмездно доставили скульптуру из Москвы во Владивосток, местные предприниматели взяли на себя расходы по установке памятника в Пограничном.

28 сентября 2013 г. в поселке Пограничном вблизи станции Гродеково в торжественной обстановке состоялось открытие первого памятника Н.И. Гродекову — видному государственному и военному деятелю России, оставившему глубокий созидательный след в истории Дальнего Востока и в том числе нынешнего Пограничного района Приморского края.

Почетная роль открытия памятника Н.И. Гродекову, счи-

Почетный караул Пограничного управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Курсанты Военно-морской академии имени адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Открытие мемориала Н.И. Гродекову на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. 3 декабря 2013 г.

Потомки уссурийских казаков, проживающие в Санкт-Петербурге и опекающие мемориал Н.И. Гродекова на Смоленском православном кладбище

тавшему российский Дальний Восток дорогим своему сердцу краем, была предоставлена главе Пограничного района Игорю Червинцу и руководителю инициативного общественного движения Андрею Абрамову. «Установка бюста Николаю Ивановичу Гродекову на нашей, Пограничной земле – это дань памяти и нашего глубокого к нему уважения, – подчеркнул И. Червинец. – Мы, пограниченцы, гордимся тем, что железнодорожная станция Гродеково и в целом наш район неразрывно связаны с именем этого государственного деятеля. Я искренне благодарен тем, кто внес свою лепту в создание новой достопримечательности Пограничного района»⁴³⁴. В своем выступлении А.В. Абрамов признался: «Меня переполняют чувства гордости и радости – у нас все получилось!» Очевидно, эти чувства испытывали все, кто был непосредственно причастен к осуществлению гродековского проекта и присутствовал на торжестве. Это скульптор Г.Ф. Шароглазов, директор Хабаровского музея им. Н.И. Гродекова Н.И. Рубан, член Совета Федерации от Приморского края Т. Заболотная, настоятель храма отец Лев, представители предпринимателей, пограничников и казаков.

А.В. Абрамов подчеркнул, что бронзовый бюст изготовлен на средства общественности, жителей поселка Пограничный и Пограничного района, солдат и офицеров-пограничников, а также коллектива Уссурийской таможни, администрации муниципального района, ГОУ «Пограничная коррекционная школа», Хабаровского краевого музея им. Н.И. Гродекова, казачьей организации «Станица Гродековская», фонда Д. Зимина «Династия» и многих дальневосточников.

Поздравив жителей Пограничного района, всего Приморского края с возведением отменного памятника, достойного памяти генерала от инфантерии и умелого администратора, директор Хабаровского музея им. Н.И. Гродекова Н.И. Рубан вспомнил, как несколько лет назад в музее активно обсуждался проект памятника генералу. Музейщик поблагодарил приморцев за подаренный музею гипсовый бюст генерал-губернатора и выразил надежду, что и в Хабаровске непременно ему появится памятник.

Единственный памятник Н.И. Гродекову – бронзовый бюст – установлен в год его 170-летия в административном центре Пограничного района Приморского края в окружении многолетних елей, на территории, которую он хорошо знал. Не-

ординарная история гродековского памятника свидетельствует о сохранении в толще народной чувств великодушия, святой памяти о людях, радевших о России. Эти чувства и знания являются импульсом, мотивацией к гражданским действиям, поступкам и подвигам наших современников во славу Отечества.

В юбилейный год как нельзя к месту оказалась заказанная В.В. Петраковым памятная медаль, посвященная Н.И. Гродекову – генералу от инфантерии, ученому-этнографу, благотворителю. Медальером В.В. Поповым были изготовлены три памятные бронзовые медали. За тем с изображением медали была отпечатана тысяча почтовых открыток.

В начале декабря 2013 г., спустя сто лет после кончины Н.И. Гродекова, на восстановленном захоронении на Смоленском православном кладбище Петербурга в торжественной обстановке с воинскими почестями доблестному генералу от инфантерии был открыт мемориал. Опеку над ним взяли на себя живущие в Петербурге бывшие пограничники-гродековцы.

Установление памятника вблизи Владивостока и мемориала на Петербургском кладбище стало своего рода венцом обретенных за 20 с лишним лет важных знаний и сведений о государственной, военной, научной деятельности Н.И. Гродекова, создавших прочную основу в увековечении его памяти.

Опыт инициативного общественного движения во главе с А.В. Абрамовым по восстановлению исторической памяти Н.И. Гродекова, на наш взгляд, достоин изучения и применения в процессе возрождения утерянной памяти о достойных людях и важных событиях прошлого.

Новые предложения инициативной группы о присвоении имени Н.И. Гродекова, как правило, встречали в административных органах и у общественности положительное решение. Так, имя Гродекова в 2018 г. было присвоено одной из улиц на острове Русский в Приморском крае. В г. Хабаровске есть жилой комплекс «Гродеков». Мэрия г. Хабаровска в 2019 г. приняла решение о присвоении имени Гродекова строящейся новой набережной реки Амур, как продолжение набережной Невельского. Следуя замечательным традициям прошлого, в Хабаровском крае с 2020 г. лучшим выпускникам общеобразовательных учебных заведений стали выплачиваться именные денежные премии имени Н.И. Гродекова. Целесообразно это

начинание распространить и в высших учебных заведениях региона.

Зная и осуждая существовавшие перекосы и жесткую политизацию в области монументальной политики СССР, ныне мы возрождаем, реанимируем и создаем новые символы и знаки исторического прошлого и героического настоящего. История стала полем информационной борьбы России за правду, за справедливость, за верность общечеловеческим морально-нравственным ценностям. Опыт возрождения народной памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском, Н.И. Гродекове и многих заслуженных сынах и дочерях России со всей очевидностью свидетельствует, что историческая, народная благодарная памятьливость является глубинным качеством менталитета россиян и морально-нравственной ценностью российской цивилизации. Важно это твердо знать, беречь и укреплять в нашей сегодняшней жизни, выстраивая нравственный мост в будущее.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

От автора

- ¹ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2001.
- ² Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М., 2007. С. 28–29.
- ³ Шилов Д.Н. Члены Государственного совета Российской империи 1801–1906. Биобиблиографический справочник. СПб., 2007.
- ⁴ Государственный совет Российской империи 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008.

1. От поручика до генерала.

Служба в Средней Азии

- ⁵ Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи 1801–1906: Биобиблиографический справочник. СПб., 2007. С. 247.
- ⁶ Исторический очерк Николаевской академии Генерального штаба. СПб., 1882. С. 211.
- ⁷ Там же. С. 214.
- ⁸ Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1883. С. 15.
- ⁹ Там же. С. 135.
- ¹⁰ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1860–1906) // Исторический вестник. 1913. Т. 134. С. 890.
- ¹¹ Там же. С. 805.
- ¹² Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту, Ферганской области, Каспийскому морю и Волге. В 2 т. и 6 ч. Т. 1–2. СПб., 1901. Ч. 1. С. 479.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Цит. по: Масальский В. Скобелев. Исторический портрет. М.: «Андреевский флаг», 1998. С. 69.
- ¹⁵ Через Афганистан: Путевые записки Генерального штаба полковника Н.И. Гродекова. СПб., 1880. С. 3.
- ¹⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 73. Лл. 65–66.
- ¹⁷ Там же. Л. 67.
- ¹⁸ Гродеков Н.И. Война в Туркмении: Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб., 1983. Т. 4. С. 142.
- ¹⁹ Там же. С. 195.
- ²⁰ Гродеков Н.И. «Мы будем приняты подобно кяфирам...»: Генерал Гродеков о русской политике в Центральной Азии // Родина. 2002. № 9. С. 27.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Гродеков Н.И. Война в Туркмении. СПб., 1883. Т. 4. С. 23.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 24–25.
- ²⁶ Там же. С. 27.
- ²⁷ Там же. С. 180.
- ²⁸ Там же. С. 381.
- ²⁹ Там же. С. 18–19.
- ³⁰ АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 22. Л. 3.
- ³¹ Там же. Л. 4.
- ³² Марков Е.Л. Указ. соч. Ч. 1. С. 506.
- ³³ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Оп. 1. Д. 46. Л. 14–14 об.
- ³⁴ Мустафин В.А. Николай Иванович Гродеков: Воспоминания-заметки. 1888–1913 // Исторический вестник. СПб. Т. 142. № 10. С. 144.
- ³⁵ Цит. по: Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998. С. 156.
- ³⁶ Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Даринской области. Юридический быт. Ташкент, 1889. С. 5.
- ³⁷ АРГО. Ф. 30. Оп. 111. Д. 1. Л. 65.
- ³⁸ Военный сборник. 1890. С. 85.
- ³⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 5. Л. 24.
- ⁴⁰ Марков Е.Л. Указ. соч. С. 513.
- ⁴¹ ОПИ ГИМ. Ф. 37. Д. 48. Л. 42–42 об.
- ⁴² Там же. Л. 29, 29 об.
- ⁴³ Шукинский сборник. Издание Отделения Императорского Российского исторического музея им. императора Александра III – Музея П.И. Щукина. Вып. 7. М., 1907. С. 81–82.

- 44 Мустафин В.А. Указ. соч. С. 144, 146.
45 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 69. Л. 55.
46 Там же. Л. 39, 42, 50.
47 ЦГА Узбекской ССР. Ф. И-1008. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
48 Там же.
- 2. Земля российского Востока.**
Приамурское генерал-губернаторство
49 Цит. по: Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Хабаровск, 1997. С. 309.
50 Там же.
51 Там же. С. 310.
52 Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири... Новосибирск, 1998. С. 189.
53 Цит.: Ремнев А.В. Управление Сибирью и Дальним Востоком в XIX — начале XX в. Омск, 1991. С. 64.
54 Там же. С. 66.
55 Там же. С. 68.
56 Дальний Восток России: Из истории системы управления: Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 60.
57 Дубинина М.А. Эволюция административно-территориального устройства Дальнего Востока. История, проблемы // Власть и управление на Востоке России. 1998. № 1. С. 116.
58 Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 142—159.
59 Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т. VIII. СПб., 1892. С. 314.
60 Там же.
61 Дальний Восток России: из истории системы управления. ... С. 66.
62 Там же. С. 67.
63 Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане. Хабаровск, 1991. С. 55.
64 Там же. С. 59.
65 Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1856—1898. СПб., 1900. С. 309.
66 Карийская трагедия (1889): Воспоминания и материалы. Пг., 1920. С. 25, 26.
67 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 192. Л. 13.
68 Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 11. М., 1963. С. 461.
69 Там же. С. 460.
70 Там же. Т. 10. М., 1963. С. 69.
71 Там же. С. 68.
72 Там же. С. 69.
73 Цит. по: Костанов А.И. Источники по истории Сахалина и Курильских островов в фондах и коллекциях личного происхождения. Владивосток, 1992. С. 33.
74 Там же. С. 68.
75 Чехов А.П. Собрание сочинений. Т. 11. С. 468.
76 Там же. С. 463—464.
77 Там же. С. 399.
78 Цит. по: Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 68.
79 Брат цесаревича Николая Георгий Александрович по причине болезни вернулся из Бомбея домой.
80 Греческий принц Георгий приходился Николаю кузеном.
81 См.: Боханов А.Н. Император Николай II. М., 1998. С. 61.
82 Там же. С. 62.
83 Матильда Кшесинская. Воспоминания. Смоленск, 1998. С. 45.
84 От Владивостока до Уральска. Путеводитель к путешествию Его императорского высочества государя наследника цесаревича. СПб., 1891. С. 42.
85 Там же.
86 Там же. С. 43.
87 Путешествие государя императора Николая II на Восток (1890—1891). Т. III. Петербург — Лейпциг, 1897. С. 114.
88 Обзор Приморской области за 1891 г. Владивосток, 1892. С. 30.
89 От Владивостока до Уральска. ... С. 58.
90 Цит. по: Муравьевский век на Амуре. Хабаровск, 1991. С. 29—30.
91 Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. С. 179.
92 Поездка сотника Д.Н. Пешкова по высочайшему повелению была зачислена в командировку. Ему был разрешен шестимесячный отпуск, в который он побывал в Палестине для поклонения в г. Иерусалиме Св. Гробу Господню. По возвращении из отпуска сотник Д.Н. Пешков поступил в офицерскую кавалерийскую школу в С.-Петербурге. См.: Гуро Ж.-Л. Серко. М.: Terra, 1999. С. 208.

- 93 От Владивостока до Уральска. ... С. 40.
- 94 Государственный архив Амурской области. Ф. 2. Оп. 10. Лл. 12–20.
- 95 Историческая записка о состоянии Благовещенской мужской гимназии. Типография т-ва Мокин, 1899. С. 10.
- 96 Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. С. 110.
- 97 Цит. по: Боханов А.Н. Император Николай II. С. 63.
- 98 Цит. по: Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация. Т. 1. М., 1996. С. 392.
- 99 Путешествие государя императора Николая II на Восток (1890–1891). Т. III. С. 129.
- 100 Приамурские ведомости. 1916. 19 мая.
- 101 Там же.
- 102 Известия Российского государственного архива Дальнего Востока. Владивосток, 1996. Т. 1. С. 21–30.
- 103 Спустя несколько лет вдова баронесса С.А. Корф перезахоронила прах А.Н. Корфа в фамильную усыпальницу в г. Либава (Латвия).
- 3. Помощник Приамурского генерал-губернатора**
- 104 Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. М.: «Захаров», 2019. С. 375.
- 105 Подробнее о М.Я. Сибирцеве см.: Жуков А. У истоков дальневосточной журналистики // Приамурские ведомости. 2000. 25 октября.
- 106 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 192. Л. 1.
- 107 Отдельным изданием книга А.П. Чехова «Остров Сахалин» вышла в 1895 г.
- 108 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 58. Л. 4.
- 109 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 192. Л. 61.
- 110 Там же.
- 111 Там же. Л. 62.
- 112 Там же. Л. 66.
- 113 Ювачев И.П. (Миролубов И.П.) Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 222.
- 114 Там же. С. 216, 217.
- 115 Б.О. Пилсудский (1866–1918 гг.), будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, примкнул к «террористической фракции» партии «Народная воля». После неудачного покушения 1 марта 1887 г. на императора Александра III Пилсудскому смертный приговор был заменен 15 годами каторги на Сахалине. Один из первых исследователей сахалинских айнов. Этнограф. Жил в Японии и Западной Европе.
- 116 Л.Я. Штернберг (1861–1927), являясь студентом юридического факультета Новороссийского университета в Одессе, был арестован и осужден в административную ссылку на Сахалин за активное участие в революционной деятельности «Народной воли». Член-корреспондент Академии наук СССР. Автор более 150 научных работ по этнографии.
- 117 Пилсудский Бронислав. «Дорогой Лев Яковлевич...». Южно-Сахалинск, 1996. С. 88.
- 118 Там же. С. 86.
- 119 Там же. С. 90.
- 120 Там же.
- 121 Там же.
- 122 Там же. С. 91.
- 123 Там же.
- 124 Там же.
- 125 Там же.
- 126 Там же. С. 101–102.
- 127 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 60. Л. 435–438.
- 128 Бутаков скоропостижно скончался.
- 129 РГИАДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 192. Л. 15.
- 130 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 57. Л. 131.
- 131 Там же. Л. 82.
- 132 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 192. Л. 15.
- 133 Там же. Л. 80.
- 134 Духовская В.Ф. Указ. соч. С. 535.
- 135 Там же. С. 523.
- 136 Там же. С. 537.
- 137 Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. Т. 1. СПб., 1905. С. 142–159.
- 138 Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX – начале XX в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Владивосток, 1998. С. 51.
- 139 Там же. С. 56.
- 140 Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. М., 1909. С. 148–149.
- 141 Общий свод по Империи результа-

тов разработки данных Первой всеобщей переписи населения. ... С. 142–159.
142 Там же.
143 Приамурские ведомости. 1897. 7 сентября.
144 В годы Гражданской войны памятник частично был разрушен. Позднее был демонтирован. Восстановлен в 2006 г.
145 Приамурские ведомости. 1898. 19 апреля.
146 Там же.
147 Приамурский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 188.
148 Духовская В.Ф. Указ. соч. С. 439.
149 РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 153. Л. 57.
150 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 61. Л. 29–34.
151 Приамурские ведомости. 1897. 30 марта.

4. Председатель и покровитель Приамурского отдела ИРГО

152 Приамурские ведомости. 1898. 12 апреля.
153 Приамурские ведомости. 1894. Приложение № 19. Возникновение Приамурского отдела ИРГО.
154 Там же.
155 Востриков Л.А. И привести в известность край...: из истории Приамур. (Хабаров.) фил. Геогр. о-ва СССР. Хабаровск, 1989. С. 17.
156 Приамурские ведомости. Приложение № 19.
157 Гродеков Н.И. Всепопданнейший отчет... 1901. С. 33.
158 Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 199.
159 Пилсудский Бронислав. «Дорогой Лев Яковлевич...». Южно-Сахалинск, 1996. С. 166.
160 Там же. С. 21.
161 Записки Приамурского отдела ИРГО. Хабаровск, 1896. Т. 2. Вып. 1.
162 Приамурские ведомости. 1897. 16 ноября.
163 Поездка в Камчатку и на р. Анадырь А.П. Сильницкого // Записки Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Вып. III. Хабаровск, 1897. С. 42.

164 Гондатти Н.Л. Поездка из с. Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки ПО ИРГО. Вып. 1. Хабаровск, 1898. С. 26.
165 Гондатти Н.Л. Сведения о поселениях по Анадырю // Записки ПО ИРГО. Т. 3. Вып. 1. Хабаровск, 1897. С. 71–110; Его же. Оселдое население реки Анадыра // Там же. С. 111–165; Его же. Состав населения Анадырской округи // Там же. С. 166–178; Его же. Поездка из с. Марково на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив) // Записки ПО ИРГО. Т. 4. Вып. 1. Хабаровск, 1898. С. 3–56.
166 Востриков Л.А. Указ. соч. С. 60.
167 Там же. С. 60–61.
168 Приамурье. 1913. 18 декабря.
169 Приамурские ведомости. 1898. 4 октября.
170 Там же. 1898. 15 марта.
171 Там же. 1893. 1 сентября.
172 ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.
173 Там же.
174 Там же.
175 Востриков Л.А. Указ. соч. С. 29–30.
176 Словесница искусств. 2020. № 1. С. 91.
177 Бурилова М.Ф. Новые документы Н.И. Гродекова: Записки Гродековского музея. Хабаровск, 2001. Вып. 2. С. 10.
178 Шукин П.И. Воспоминания: из истории меценатства в России. М., 1977. С. 174.
179 Новомодный Е.В. Скелет морской коровы Стеллера. Хабаровск, 2020. С. 45.
180 Востриков Л.А. Указ. соч. С. 36.
181 Приамурские ведомости. 1899. 15 сентября.
182 Гродеков Н.И. Всепопданнейший отчет... 1902. С. 13–14.
183 Радченкова М.Г. География формирования библиотечного фонда Николаевской публичной библиотеки за 1896–1898 гг. по газете «Приамурские ведомости» // Гродековские чтения: тез. докл. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1996. Ч. 2. С. 63; Шаврина И.А. Первые поступления в фонд ДВГНБ // Там же. С. 61.
184 Краткий очерк возникновения и деятельности Николаевской публич-

- ной библиотеки Приамурского отдела ИРГО за первое четырехлетие ее существования (1895–1898 гг.). Хабаровск, 1899. С. 12.
- 185 Там же. С. 22.
- 186 Там же. С. 17.
- 187 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... 1901. С. 33–34.
- 5. Н.И. Гродеков — третий генерал-губернатор Приамурского края**
- 188 Приамурские ведомости. 1898. 12 января.
- 189 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 22. Л. 12.
- 190 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 402а. Л. 1.
- 191 Там же. Л. 3.
- 192 Там же.
- 193 Дальний Восток России: из истории системы управления: Документы и материалы. Владивосток, 1999. С. 47–48.
- 194 Там же. С. 34–36.
- 195 РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 426. Л. 1.
- 196 Блинов Ив. Губернаторы: Историко-юридический очерк. СПб., 1905. С. 4.
- 197 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 334. Л. 12.
- 198 Там же. Л. 19.
- 199 Там же. Л. 29.
- 200 Там же. Л. 37.
- 201 Там же. Л. 39.
- 202 Там же. Л. 53.
- 203 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 354. Л. 3.
- 204 Там же.
- 205 В книге «Хабаровск и хабаровчане» на с. 84 воспроизведен фрагмент страницы отчета Н.И. Гродекова и ошибочно утверждается, что пометки на нем сделаны Николаем П. В действительности императорские пометки вносились в текст варианта отчета рукой Гродекова на основе специального сообщения МВД, в котором перечислялись страницы отчета, на которых император при его чтении сделал пометки и приводился их текст. См.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2960. Л. 14.
- 206 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 117.
- 207 Дневник П.А. Кропоткина. М.-Пг., 1923. С. 133.
- 208 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 1.
- 209 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 1.
- 210 Там же. С. 9.
- 211 Там же. С. 5.
- 212 Чичагов Н.М. Отчет военного губернатора Приморской области. Владивосток, 1900. С. 79.
- 213 РГИА ДВ. Ф. 1027. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
- 214 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 84.
- 215 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 39.
- 216 Приамурские ведомости. 1900. 19 марта.
- 217 Там же. 1899. 16 марта.
- 218 Приамурские ведомости. 1899. Июль — ноябрь.
- 219 Крадин Н.П. Развитие архитектуры Хабаровска в период губернаторства Н.И. Гродекова // Гродековские чтения: тез. докл. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1996. Ч. 2. С. 21.
- 220 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 17.
- 221 Смирнов Е.Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. Хабаровск, 1899. С. 55.
- 222 Там же.
- 223 Приамурские ведомости. 1899. 19 сентября.
- 224 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 112.
- 225 Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С. 570.
- 226 Там же. С. 346.
- 227 Приамурские ведомости. 1899. 19 сентября.
- 228 Там же.
- 229 Приамурские ведомости. 1899. 26 сентября.
- 230 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 111–112.
- 231 Там же.
- 232 Там же.
- 233 Книга издана в Хабаровске в 1899 г.
- 234 Смирнов Е.Т. Указ. соч. С. 57.
- 235 Там же.
- 236 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 68.
- 237 Чичагов Н.М. Всеподданнейший отчет о состоянии Приморской области в 1900–1901 гг. С. 71.

- 238 Там же. С. 104.
- 239 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 133.
- 240 ГААО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 166. Л. 1; Д. 167. Л. 2.
- 241 Традиция проведения амурских обедов была связана с именем Н.Н. Муравьева-Амурского. Получивший отставку, он пригласил своих сподвижников на прощальный обед в ресторан. После его отъезда во Францию на родину супруги Екатерины Николаевны они решили ежегодно встречаться за обедом и посвящать встречу памяти Н.Н. Муравьева-Амурского. На этих встречах произносились всего два тоста: «За процветание Амурского края, за бывших, настоящих и будущих деятелей в нем» и второй – в память Н.Н. Муравьева-Амурского. (А.А. Хисамутдинов «Тетта incognita», или Хроника путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. С. 211).
- 242 Муравьевский век на Амуре / авт.-сост. М.Ф. Бурилова. Хабаровск, 1991. С. 25.
- 243 Цит. по: Муравьев-Амурский: возвращение на пьедестал / авт.-сост. М.Ф. Бурилова, А.К. Дмитриева. Хабаровск, 1996. С. 9.
- 244 Муравьевы, 1488–1996: Крат. роспись рода дворян Муравьевых, Муравьевых-Апостолов, Муравьевых-Апостолов-Коробьиных, графов Муравьевых-Амурских и графов Муравьевых-Виленских от его основания до наших дней. М.; Париж, 1997. С. 40.
- 245 Титул графа Муравьева-Амурского перешел племяннику Валериану Валериановичу Муравьеву по просьбе Николая Николаевича (детей у него не было) с императорского позволения.
- 246 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 366. Л. 17.
- 247 Там же.
- 248 Там же. Л. 14.
- 249 Гродеков Н. И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 38–39.
- 250 Там же. С. 39.
- 251 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 366. Л. 50 об. – 51.
- 252 Там же. Л. 51.
- 253 Там же. Л. 51 об.
- 254 Там же. Л. 52 об.
- 255 Там же. Л. 56.
- 256 В год 50-летия заключения Айгунского договора власти Хабаровска, Владивостока и Никольска-Уссурийского совместно с купцами на могиле графа Амурского воздвигли надгробие и возложили серебряный венок с надписью: «Города Приморской области: Хабаровск, Владивосток и Никольск-Уссурийский – графу Муравьеву-Амурскому. 1858–1908». Это все, что удалось тогда осуществить из гродековского проекта.
- 257 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 1.
- 258 Приказы по войскам Приамурского военного округа. 1900. Приказ 15 декабря.
- 259 Там же. Приказ 16 марта.
- 260 Приказы по войскам Приамурского военного округа. 1899. Приказ 7 мая.
- 261 Там же. Приказ 17 сентября.
- 262 Там же.
- 263 Там же. Приказ 17 декабря.
- 264 Верещагин А. По Маньчжурии (1900–1901): Воспоминания и рассказы. СПб., 1903. С. 186.
- 265 Приказы по войскам Приамурского военного округа. 1900. Приказ 29 мая.
- 266 Там же.
- 267 Лухманов Д.А. На капитанском мостике. Хабаровск, 1941. С. 104–105.
- 268 Мустафин В.А. Николай Иванович Гродеков (1888–1913): Воспоминания-заметки // Исторический вестник. 1915. Октябрь. С. 142.
- 269 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 108. Л. 9.
- 270 Записки Общества изучения Амурского края. Т. XXXII. Владивосток, 1998. С. 6–7.

б. «Школа должна быть желанным достоянием всех слоев общества»

- 271 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора. 1901. Хабаровск. С. 24.
- 272 История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. 1899–1939. Владивосток, 1999. С. 7.
- 273 Дальневосточный государственный университет: история и современность. Владивосток, 1999. С. 10.

- менность. Владивосток, 1997. С. 12.
- 274 Приамурские ведомости. 1899. 31 октября.
- 275 Там же. 24 октября.
- 276 История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. ... С. 25.
- 277 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 11.
- 278 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 4. Л. 120.
- 279 Там же. Л. 184.
- 280 Там же. Л. 144.
- 281 История Дальневосточного государственного университета в документах и материалах. ... С. 7.
- 282 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 4. Л. 145.
- 283 Там же. Л. 174.
- 284 Там же. Л. 177.
- 285 Хабаровский графа Муравьева-Амурского кадетский корпус. Сан-Франциско, 1979. С. 51.
- 286 Там же. С. 50.
- 287 По случаю 50-летия присоединения к России графом Муравьевым-Амурским Приамурья и Уссурийского края по высочайшему повелению в 1908 г. корпусу было присвоено имя Муравьева-Амурского. Последний — 21-й выпуск кадетского корпуса Муравьева-Амурского произошел на чужбине — в Сербии в 1925 г., куда корпус перебрался из Шанхая, где он существовал в условиях эмиграции.
- 288 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет ... Хабаровск, 1901. С. 26.
- 289 Там же. С. 27.
- 290 Там же. С. 26.
- 291 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1901. С. 28.
- 292 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 12.
- 293 Там же.
- 294 Там же. С. 29.
- 295 Амурская газета. 1902, 25 января.
- 296 Приамурские ведомости. 1899. 24 октября.
- 297 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... Хабаровск, 1902. С. 26.
- 298 Там же. С. 1.
- 299 Там же. С. 13.
- 7. Приамурье в военных событиях в Маньчжурии 1900—1901 гг.**
- 300 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет. Хабаровск... 1901. С. 143.
- 301 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 310. Л. 4.
- 302 Там же. Л. 5.
- 303 Там же. Л. 9.
- 304 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 309. Л. 67.
- 305 Там же.
- 306 Там же. Л. 49.
- 307 Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900 г. СПб., 1996. С. 64. В отличие от В.Г. Дацышена автор придерживается традиционной точки зрения, сложившейся в начале XX в., согласно которой военные события в Маньчжурии являлись усмирением мятежников (ихэтуаней, маньчжур).
- 308 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 25.
- 309 Там же. Л. 57.
- 310 Там же.
- 311 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет. 1901. С. 144.
- 312 РГВИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 8. Лл. 1—2.
- 313 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет. 1901. С. 144.
- 314 РГВИА. Ф. 486. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 315 Там же.
- 316 Там же. Л. 1.
- 317 Памяти 1900 года: Посвящается усмирителю боксерского движения в Маньчжурии генералу от инфантерии Н.И. Гродекову. Харбин, 1906. С. 6, 7.
- 318 Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 81.
- 319 Военная энциклопедия. Петербург: Т-во Сытина, 1912. Т. VIII. С. 499.
- 320 Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 86.
- 321 Дневники императора Николая II Т. 1. 1894—1904. М., 2011. С. 546.
- 322 Там же. С. 550.
- 323 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 4952. Л. 1.
- 324 Гродеков Н. И. Всеподданнейший отчет. 1901. С. 143.
- 325 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 4. Л. 146.
- 326 РГИА. Ф. 30. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.
- 327 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 1. Л. 131. Поллицмейстер и казачий полковник «за расправу с китайскими подданными» были отданы под суд и приговорены к незначительным наказаниям. Генерал-лейтенант К.Н. Грибский был переведен в одну из западных областей России губернатором.

- 328 Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 95.
 329 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 347. Л. 3.
 330 Там же.
 331 Там же. Л. 4.
 332 Там же. Л. 57.
 333 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 4. Л. 129.
 334 Там же. Л. 169.
 335 Там же. Л. 158 об.
 336 Там же. Л. 172. Маньчжурский архив был возвращен Китайской Народной Республике по решению правительства СССР в 1956 г. См.: Костанов А.И. История Маньчжурского архива в России // Отечественные архивы. 1998. № 3.
 337 Цит.: Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 120.
 338 Шилов Д.Н. Члены Государственного совета. ... С. 250.
 339 Амурская газета. 1901. 5 августа.
 340 РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 426. Л. 16.
 341 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 29.
 342 Дневники императора Николая II Т. 1. 1894–1904. РОССПЭН. 2011. С. 547.
 343 Амурская газета. 1901. 28 августа.
 344 Елец Ю.А. Амурская героиня. М., 1901.
 345 Амурская газета. 1902. 6 января.
 346 Дацышен В.Г. Указ. соч. С. 130.
 347 Там же. С. 129.
 348 Там же.
 349 Там же. С. 130.
 350 Там же.
 351 РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 357. Л. 103.
- 8. Идеи и предложения Н.И. Гродекова об укреплении национальной безопасности России на Дальнем Востоке**
 352 Цит. по: Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900 г. СПб., 1996. С. 95.
 353 Там же. С. 96.
 354 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5225. Л. 1.
 355 Там же. Д. 5301. Л. 58.
 356 Гродеков Н.И. Всеподданнейший отчет... 1902. С. 47.
 357 РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5301. Л. 57.
- 9. Последнее десятилетие жизни генерала**
 358 РГИА ДВ. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 153. Л. 1.
- 359 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 62. Л. 77.
 360 Там же. Л. 125.
 361 Там же. Л. 129.
 362 Приамурские ведомости. 1902. 13 октября.
 363 После революции имя Гродекова было вычеркнуто из названия музея. В 1994 г. — в столетнюю годовщину основания музея — ему было возвращено имя основателя — генерал-губернатора Н.И. Гродекова.
 364 Приказ Приамурским казачьим войском. Хабаровск. 3 октября 1902 г. № 34.
 365 Приказы по войскам Приамурского военного округа 1902 г. Приказ № 426. 7 октября 1902 г.
 366 Приамурские ведомости. 1913. 17 декабря.
 367 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 121. Л. 13.
 368 Мустафин В. Николай Иванович Гродеков (1883–1913 гг.): Воспоминания-заметки // Исторический вестник. 1915 г. Октябрь. С. 161–162.
 369 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 98. Л. 5.
 370 Там же. Д. 77. Л. 1.
 371 Там же. Л. 24.
 372 Там же. Д. 3. Л. 2.
 373 Там же. Д. 108. Лл. 7–8.
 374 Там же. Д. 114. Л. 1.
 375 Янчук Н. Генерал от инфантерии Николай Иванович Гродеков (1843–1913 гг.) // Отчет Императорского Московского и Румянцевского музея за 1913 год, представленный директором музея г. министру народного просвещения. 1914. С. 57.
 376 РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 153. Л. 75.
 377 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 108. Л. 7.
 378 Там же. Д. 3. Л. 3.
 379 Людские потери России в войне составили около 270 тыс. человек, в т. ч. свыше 50 тыс. убитыми // Советская военная энциклопедия. М., 1979. С. 199.
 380 АРГО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
 381 ОПИ ГИМ. Ф. 307. Д. 62. Л. 1.
 382 Там же. Л. 62.
 383 Шукин П.И. Воспоминания: из истории мещенатства в России. М., 1997. С. 173–174. Позднее шукинская коллекция вошла в состав Государственно-исторического музея, где находится и сейчас (Фонд Н.И. Гродекова).

- 384 Цит по: Очерки истории дальне-восточных организаций КПСС. Хабаровск, 1982. С. 29–30.
- 385 Русский инвалид. 1906. № 31. С. 1.
- 386 Там же.
- 387 РГВИА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- 388 Там же. Л. 2 об.
- 389 Там же. Л. 3.
- 390 Русский инвалид. 1906. № 52. С. 5.
- 391 Там же. № 34. С. 5.
- 392 Там же. № 69. С. 4.
- 393 Там же. № 94. С. 5.
- 394 Там же. № 95. С. 2.
- 395 Там же.
- 396 Там же. № 79. С. 2.
- 397 РГВИА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.
- 398 Там же. Л. 13.
- 399 Мустафин В. Николай Иванович Гродеков... // Исторический вестник. 1915. Октябрь. С. 148.
- 400 РГВИА. Ф. 400. Оп. 10. Д. 677. Л. 22.
- 401 Там же.
- 402 Мустафин В. Указ. соч. С. 152.
- 403 Там же. С. 151.
- 404 АРГО. Ф. 30. Оп. 2. Д. 31. Л. 1.
- 405 Мустафин В. Указ. соч. С. 156.
- 406 Там же.
- 407 ЦГА УзССР. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 676. Л. 32.
- 408 Особые журналы Совета Министров Российской империи. 8 ноября 1906. С. 306.
- 409 Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 69.
- 410 Приамурье. 1913. 18 декабря.
- 411 ЦГА УзССР. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 7.
- 412 Приамурье. 1913. 18 декабря.
- 413 Правительственный вестник. 1913. 17 декабря.
- 414 ГАХК. Ф. И-2. Оп. 1. Л. 137.
- 415 Словесница искусств. 2014. № 2. С. 12.
- 416 ЦГА УзССР. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 71. Л. 10.
- 10. Возрождение исторической памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском и Н.И. Гродекове на российском Дальнем Востоке**
- 417 РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 153. Л. 176.
- 418 Штейн М.Г. Н.Н. Муравьев-Амурский: ист.-биограф. очерк. Хабаровск: Дальгиз, 1946.
- 419 Евграф Кончин. Обелиск на Амурском утесе // Советская культура. 1988. 9 января. С. 12.
- 420 Левкин Г.Г. За кулисами воссоздания памятника Н.Н. Муравьеву-Амурскому // Аргументы времени. Военно-патриотическое издание. 2014. 6 марта. С. 8.
- 421 Барсуков И.П. Граф Н.Н. Муравьев-Амурский. Кн. 1. М., 1891. С. 643.
- 422 Генерал-губернатор Восточной Сибири граф Н.Н. Муравьев-Амурский (1809–1881): Библиографический указатель литературы. Хабаровск, 2008.
- 423 Дубинина Н.И. Николай и Екатерина Муравьевы-Амурские: Историко-документальное повествование. Хабаровск, 2014.
- 424 Дубинина Н.И. И.П. Барсуков – историк российского Дальнего Востока: Документально-историческое повествование. Хабаровск, 2020.
- 425 Востриков Л.А., Востоков З.В. Хабаровск и хабаровчане. Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991.
- 426 Дацьшен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900 г.: Ч. 1. Боевые действия на сухопутном фронте. СПб., 1996.
- 427 Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков. Хабаровск, 2001.
- 428 Константинов А.А. Почетные граждане города Хабаровска. Хабаровск, 1997.
- 429 Гродеков Н.И. Мы будем приняты подобно «кяфирам»...: Генерал Гродеков о русской политике в Центральной Азии // Родина. 2002. № 9. С. 27–35.
- Арапов Д.Ю. «Что, если мы найдем в Афганистане не друзей, а врагов?»: Генерал Н.И. Гродеков о русской политике в Центральной Азии // Источник. Документы русской истории. 2020. № 5. С. 30–33; Гродеков Н.И. Возбудить вопрос о перенесении праха графа Муравьева-Амурского из Парижа на Амур: Письмо Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова министру внутренних дел В.К. Плеве.

1902 // Исторический архив. 2004. № 1. С. 190–194.

⁴³⁰ Большая Российская энциклопедия. Т. 8. М.: БРЭ, 2007.

⁴³¹ Шилов Д.Н. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Библиографический справочник. СПб., 2007; Государственный совет Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008.

⁴³² Гродеков Н.И. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. М.: Восточная литература, 2011.

⁴³³ Там же. С. 516–517.

⁴³⁴ Бронзовый бюст генерал-губернатору // Вестник Приграничья. 2013. 24 сентября. № 107. С. 1.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Генерал-губернаторы Туркестанского края (1865–1917 гг.)

1. Генерал-адъютант, генерал-инженер К.П. Кауфман	1867–1882
2. Генерал-лейтенант М.Г. Черняев	1882–1884
3. Генерал-адъютант, генерал-лейтенант Н.О. Розенбах	1884–1889
4. Генерал от инфантерии барон А.Д. Вревский	1889–1898
5. Генерал от инфантерии С.М. Духовской	1898–1901
6. Генерал-лейтенант Н.А. Иванов	1901–1904
7. Генерал от кавалерии Н.Н. Тевяшев	1904–1905
8. Генерал-лейтенант Д.И. Суботич	1905–1906
9. Генерал от инфантерии Н.И. Гродеков	1906–1908
10. Генерал-лейтенант П.И. Мищенко	1908–1909
11. Генерал-лейтенант А.В. Самсонов	1909–1914
12. Генерал от инфантерии Ф.В. Мартсон	1914–1916
13. Генерал от инфантерии А.Н. Куропаткин	1916–1917

2. Генерал-губернаторы Приамурского края (1884–1917 гг.)

1. Генерал-адъютант, генерал от инфантерии барон А.Н. Корф	1884–1893
2. Генерал от инфантерии С.М. Духовской	1893–1898
3. Генерал от инфантерии Н.И. Гродеков	1898–1902
4. Генерального штаба генерал-лейтенант Д.И. Суботич	1902–1903
5. Генерал от инфантерии Н.П. Линевиц (и. д. генерал-губернатора)	1903–1904
6. Генерал от кавалерии Р.А. Хрещатицкий (и. д. генерал-губернатора)	1904–1905
7. Инженер-генерал П.Ф. Унтербергер	1905–1910
8. Шталмейстер Н.Л. Гондатти	1911–1917
9. Наместник Дальнего Востока генерал-адъютант Е.И. Алексеев	1903–1904

3. Награды Н.И. Гродекова

Орден Св. Анны III ст. (1870 г.); орден Св. Станислава II ст. (1873 г.); Золотая шпага с надписью «За храбрость» (1874 г.); орден Св. Анны II ст. (1878 г.); орден Св. Владимира IV ст. с мечами и бантом (1879 г.); орден Св. Владимира III ст. с мечами (1880 г.); орден Св. Георгия IV ст. (1881 г.); орден Св. Станислава I ст. с мечами (1882 г.); орден Св. Анны I ст. (1885 г.); орден Св. Владимира II ст. (1888 г.); орден Белого Орла (1895 г.); орден Св. Александра Невского (1899 г.); Золотая шашка, украшенная бриллиантами с надписью «За победы в Северной Маньчжурии» (1900 г.); бриллиантовые знаки ордена Св. Александра Невского (1904 г.); орден Св. Владимира I ст. (1908 г.).

Иностранные награды. Орден Льва и Солнца II ст. со звездой (1874 г.), Персия; орден Вендской короны (1879 г.), Мекленбург-Шверин; орден Льва и Солнца I ст. (1889 г.), Бухара; орден Благородной Бухары I ст. (1889 г.), Бухара; орден Двойного Дракона I ст. 2-го класса (1897 г.), Китай; орден Восходящего солнца I ст. (1898 г.), Япония; орден Короны I ст. (1900 г.), Пруссия.

4. Сочинения (труды) Н.И. Гродекова

Через Афганистан: Путевые записки. СПб., 1880; Стратегический обзор Хивинского ханства. Ташкент, 1882 (совм. с Л.Н. Соболевым); Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1883. 2-е изд. СПб., 1888; Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. Т. 1–4. СПб., 1883–1884; Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. Ташкент, 1889; По вопросу о вооружении кавалерии // Военный сборник. 1890. № 7; Хидая. Комментарии мусульманского права. В 4-х т. Перевод с английского, под редакцией Н.И. Гродекова. Ташкент, 1893; Об открытии Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского Географического общества. Иркутск, 1894; Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 годы. Хабаровск, 1901; Всеподданнейший отчет. Хабаровск. 1901; Всеподданнейший отчет. Хабаровск. 1902; «Мы будем приняты подобно «кяфирам»...: Генерал Гродеков о русской политике в Центральной Азии // Родина. 2002. № 9; «Что если мы найдем в Афганистане не друзей, а врагов?»: Генерал Н.И. Гродеков о русской политике в Центральной Азии // Источник. 2002. № 5; «Возбудить вопрос о перенесении праха графа Муравьева-Амурского из Парижа на Амур»: Письмо Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова министру внутренних дел В.К. Плеве. 1902 г. // Исторический архив. 2004. № 1.

5. Н.И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т. 1. Юридический быт. «Предисловие» (с сокращениями сносок)

Изучение современного юридического быта киргизов и каракиргизов чрезвычайно важно как для правильного устройства управления и суда в среде кочевого населения наших среднеазиатских областей, так равно и для науки.

Необходимость изучения обычного права инородцев, населяющих окраины империи, чувствовалась давно. Так, в двадцатых годах текущего столетия по распоряжению правительства под надзором генерал-губернатора Сибири и специальной комиссии был составлен сборник обычного права сибирских инородцев, в том числе и киргизов. Сборник составлялся самими инородцами на их языках и по переводе на русский язык хранился во II отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. При графе Сперанском су-

ществовала мысль о составлении свода всех местных законов и обычаев империи, между прочим и для сибирских иноверцев, для чего мог послужить материалом означенный сборник. Мысль эта не была приведена в исполнение, и собранный в Сибири материал был издан по сохранившимся копиям только в 1876 г. профессором варшавского университета Д.Я. Самоквасовым под заглавием: «Сборник обычного права сибирских инородцев» (Самоквасов, 1876 г.). В конце сборника в отделе «Обычаи киргизов» в строго догматической форме изложено обычное право киргизов, очевидно сибирского ведомства, т. е. преимущественно Большой и Средней орд. О каракиргизах в сборнике не упоминается. Как видно из предисловия к отделу «Обычаи киргизов», материал этот составлялся в особом комитете с участием киргизских старшин. Даже при беглом чтении этого отдела видно, что собранное комиссией в значительной степени сочинено приглашенными в комитет киргизами. Такова глава «О богопочитании». Далее обращают на себя особенное внимание статья о преимуществах белой кости и жестокие наказания (смертная казнь, плети, отсечение членов и пр.), совсем не свойственные киргизам, у которых почти все преступления оплачивались и оплачиваются вознаграждением. В 1831 г. А. Левшиным издан труд под заглавием «Описание киргиз-казачьих орд и степей» (Левшин, 1832 г.), составленный замечательно умело и служащий до сего времени основой для дальнейшего изучения кочевников киргизских степей. В нем изложены начала киргизского обычного права, но, к сожалению, весьма кратко.

В начале пятидесятых годов чиновник азиатского департамента и образованный ориенталист Бонч-Осмоловский, служивший в Оренбурге и Перовске, трудился над собиранием и разработкой сведений о юридических обычаях киргизов. Труд его, к сожалению, не был издан и таким образом погиб для дела.

В 1865 г. издана книга «Киргизская степь Оренбургского ведомства», составленная подполковником генерального штаба Мейером (Мейер, 1865 г.). В ней, между прочим, имеются сведения о юридических обычаях киргизов; но все это изложено весьма кратко и притом в общем описании нравов и обычаев.

Вот почти весь печатный материал, имевшийся в нашей литературе ко времени составления (1865 г.) «Проекта положения об управлении в областях Семиреченской и Сыр-Дарьинской», из коих в 1967 г. было образовано Туркестанское генерал-губернаторство, управлявшееся на основании указанного «Проекта положения» до 1887 г., т. е. в течение почти 20 лет. Если в этом «Проекте положения» не сделано очень крупных ошибок, то благодаря только удачному личному персоналу составлявшей «Проект» комиссии.

За время управления Туркестанским генерал-губернатором К.П. Кауфманом, от просвещенного ума которого не могла укрыться необходимость собрания постановлений киргизского обычного права, делались попытки в этом направлении. Но задуманное не удалось

по многим причинам, из коих как на главную можно указать на то, что дело велось канцелярским порядком. Впрочем, мысль Кауфмана, поощрявшего исследования Средней Азии во всех отношениях, не осталась без всякого результата. Вместо официальных в печати появились частные работы.

Из них более замечательная работа Г. Загряжского, напечатанная в 1876 г. в IV выпуске сборника «Материалы для статистики Туркестанского края» под заглавием «Юридический обычай киргизов» (Загряжский, 1876 г.). Труд этот довольно полон и касается юридического быта не только степных киргизов (казаков), но и каракиргизов. Недостатки его заключаются в форме изложения: все разбито по параграфам и изложено в строго догматической форме, без вариантов по ордам и местностям; затем не указано время составления, а также и местность, в которой записывались адаты. Между тем в подобной работе все это имеет существенное значение, потому что юридические обычаи киргизов разных орд и местностей, далеко отстоящих одна от другой, значительно разнятся между собою.

Кроме этого капитального труда имеется несколько мелких статей, помещенных в разное время в периодических изданиях. Из них заслуживает упоминания статья г. Ибрагимова, помещенная в Записках Географического общества (том VIII, 1878 г.) под заглавием «Заметки о киргизском суде» (Ибрагимов, 1878 г.). Статья не представляет собою сборника постановлений обычного права киргизов, а есть очерк киргизского судопроизводства и характеристика некоторых обычаев. Между прочим в ней имеются важные для юриста указания на отношения киргизов к русским и мусульманским (по шариату) судебным постановлениям.

Западносибирские статистические комитеты, изучая киргизов восточной части степей, обратили внимание на исследование их юридического быта; причем сделаны попытки критической разработки как старых материалов, так равно и самого юридического быта. В 1882 г. издана в Омске «Памятная книжка Западной Сибири»; в отделе III в ней имеется статья И. Козлова под заглавием «Обычное право киргизов», составленная на основании судебных решений биев, соображаясь с трудами Самоквасова, Загряжского, Левшина и других. По своему направлению статья эта представляет критическую разработку обычного права всех киргизов и общую характеристику его с указанием тех нововведений и изменений, которые вошли в обычное право из шариата и «Временного положения об управлении в областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской», параллельно с обычаями сибирских киргизов приведены и обычаи киргизов Туркестанского края.

Новейшую работу по киргизскому обычному праву представляет издание (в 1886 г. в Омске) Семипалатинского областного статистического комитета «Материалов для изучения юридических обычаев киргизов» (вып. 1. Материальное право). Основным материалом

для этой книги послужили данные, собранные уездными начальниками Семипалатинской области, по программе, данной в 1882 г. генерал-губернатором Западной Сибири; они разработаны и дополнены составителем книги П.Е. Маковецким (Маковецкий, 1886 г.), членом статистического комитета, посредством устных расспросов в степи и путем изучения подлинных решений биев.

Труд г. Маковецкого представляет ценный вклад в литературу по обычному праву киргизов, заключая в себе указание на историческое происхождение некоторых обычаев, на влияние шариата и русских законов; кроме того, в книге собраны варианты обычаев по местностям и обстоятельствам дела; введен критический разбор, объяснения и пр.

С первых дней вступления в управление Сыр-Дарьинской областью я заметил большой пробел в сведениях по обычному праву киргизов. То, что было напечатано по этому отделу в России, мало удовлетворяло современным местным требованиям вследствие крайней ограниченности собранного материала и совершенно недостаточной его разработки. Вместе с тем под влиянием таких могущественных факторов, каковы: мусульманство, энергия проповеди которого среди кочевников ишанами из Бухары, Самарканда, Коканда и Ташкента усилилась со времени умиротворения нами Средней Азии; русское владычество с новыми порядками и цивилизацией; переход кочевников к земледелию; появление новых видов промышленности и пр., произошло значительное изменение в обычном праве. То, что было у киргизов при ханах, при султанах, управлявших ордами и группами родов, при сильных, независимых родовичах, при кокандских беках и хакимах и др., отчасти давно забыто, отчасти изменено. В жизнь народа широкою волною влились новые взгляды и понятия; жизнь начала предъявлять новые требования, к которым и пришлось приспособить постановления обычного права.

В 1884 г. я обратился к лицам уездной администрации с просьбою собрать адаты. Но присланный материал, собранный через безграмотных переводчиков, не имел никакой цены.

В январе 1886 г. я познакомился с окончившим курс историко-филологического института А.Н. Вышнегорским. На службе в Средней Азии он изучил языки: киргизский, сартовский и персидский. Мне тогда же пришла мысль пригласить его собрать адаты на месте, в самых кочевьях и зимовых стойбищах киргизов, посредством расспросов и записывания со слов биев и других сведущих людей.

Чтобы приступить к делу, я обратился с просьбою к известному знатоку Средней Азии В.П. Наливкину составить программу для сбора постановлений киргизского обычного права. Г-н Наливкин исполнил мою просьбу, и в начале 1886 г. г. Вышнегорский был послан в уезды. Ему между прочим было указано: записывать все варианты адатов по местностям и имена сообщивших и не пренебрегать никакими сведениями, как бы они ни казались малознача-

---

щими. Г-н Вышнегорский пробыл в среде кочевого населения семь месяцев. Им собрано было так много материала, что на разбор его потребовалось около года. Кроме того, пришлось вести сношения с уездами для пополнения пропусков или объяснения мест неясных. Для иллюстрации собранного материала взяты были из бийских книг решения на разные случаи.

Таким образом составилась настоящая том, представляющий свод современных юридических обычаев киргизов (казаков) и каракиргизов Сыр-Дарьинской области.

Кроме материала, имеющего чисто юридический характер, попутно собирались: исторические сказания по копиям древних рукописей, сохранившихся в руках грамотных киргизов, героические поэмы, поверья, басни, загадки, заклинания и пр. Этого материала, вероятно, хватит еще на два тома. Ввиду этого программу всего издания пришлось значительно расширить и дать ему более общее заглавие: «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области».

При собирании аdatов наиболее ценные сведения доставили: 1) Е.А. Александров, помощник начальника Казалинского уезда, родом сибирский казак, из гор Кокчетава, хорошо владеющий киргизским языком и знакомый с бытом киргизов; 2) Кадыр Абсалямов, переводник Чимкентского уездного управления, родом из татар, давно живущий в Туркестане и по своим прежним профессиям купца, поставщика провианта для войск и содержателя почтового тракта изучил адат не из одних рассказов биев, а из постоянного сношения с народом, из бийских решений, жалоб, вообще непосредственно из жизни; 3) Торгай, киргиз рода Ошакты, по профессии возчик, видевший Оренбург, Троицк, Верный и другие места. Ныне занимается земледелием в Кураминском уезде; 4) каракиргизский бий Курпетай Даулеткулов; 5) бий Абдрахман Аулиеатинского уезда; 6) бий Султан Канаев Чимкентского уезда; 7) Султан Даулет Бушаев, из тюрей Перовского уезда; 8) Сагындыков, бий Чимкентского уезда и др.

Н. Гродеков
Ташкент, июнь 1889 г.

Н.И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. Восточная литература РАН. М., 2011. С. 9–14.

6. Властям и населению Маньчжурской провинции Дайцинского государства от Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа

В пределах Дайцинского государства появились вредные люди, которые составили общество под названием «большой кулак». Эти разбойники совершают неистовства и злодейства, грабят и жгут селения, убивают иностранцев, а вместе с ними и своих соотечественников-китайцев, особенно принявших христианство. Само Пекинское императорское правительство бессильно в борьбе с мятежниками и

осаждено ими в Пекине. Из Пчелинской провинции восстание проникло в Маньчжурию; мятежники разрушают созданную русским трудом железную дорогу.

Государь император Всероссийский, снисходя к печальному положению законного китайского правительства и ради устранения опасности, грозящей нашему трудовому русскому народу, работающему над постройкой Китайской Восточной железной дороги, повелесть соизволил ввести в Маньчжурию свои войска.

Объявляю, что русское оружие будет обращено только против мятежников; мирные же жители Маньчжурии должны оставаться спокойными и уверенными в том, что найдут в Государевых войсках защиту от всяких покушений на жизнь или имущество со стороны мятежников.

Войска Императора Всероссийского не обидят мирного жителя чужой страны, а в случае нужды выручат его из тяжелого положения. За все взятое от жителей будет уплачиваться наличными деньгами.

Объявляя об этом с своей стороны, требую, чтобы жители Маньчжурии не обращали внимание на разные вредные слухи, распространяемые мятежниками, и оставались при своих обычных занятиях. Если же, несмотря на это мое объявление, найдутся такие люди, которые примкнут к мятежникам или будут распространять дурные и вредные мысли среди народа, то тем будет худо.

Генерал-лейтенант Гродеков. Хабаровск. 28 июня 1900 г.

Памяти 1900 года: Посвящается умирителю боксерского движения в Маньчжурии генералу от инфантерии Н.И. Гродекову. Харбин, 1906 г. С. 6, 7.

7. «Возбудить вопрос о перенесении праха графа Муравьева-Амурского из Парижа на Амур»: Письмо Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова министру внутренних дел В.К. Плеве

Господину министру внутренних дел

(Август 1902 г.)

На 37-м амурском обеде, состоявшемся в Санкт-Петербурге в феврале 1900 года, присутствовавшими было выражено общее желание возбудить вопрос о перенесении праха графа Муравьева-Амурского из Парижа на Амур.

Бывший Приамурский генерал-губернатор, генерал от инфантерии Духовской, участвовавший на этом обеде и взявший на себя по поручению присутствовавших на обеде лиц известить меня о таком желании старых амурцев, обратился ко мне от общего имени с просьбою возбудить по означенному предположению соответственное ходатайство, причем сообщил, что место погребения графа Муравьева-Амурского в Париже носит самый скромный и совершенно несоответствующий заслугам покойного характер.

Праха графа Муравьева покоится рядом с 2-мя членами фамилии Richemond под одним общим камнем, на котором среди других надписей значится: “Nicolas Mouravief, comte Amoursky”.

В ответ на сделанное генералом Духовским сношение с родственниками покойного графа старший представитель этого рода, племянник Николая Николаевича, военный агент в Париже, полковник граф Валериан Валерианович Муравьев-Амурский, от имени всех родных уведомил о полном сочувствии и согласии на перенесение праха знаменитого предка из Парижа на берег Амура, причем граф В.В. Муравьев изъявил готовность принять на себя ведение необходимых переговоров с французским правительством относительно взятия из склепа фамилии де Ришемон гроба покойного.

О вышеизложенном генералом Духовским доведено было до сведения военного министра и управляющего морским министерством, причем генералом от инфантерии Куропаткиным, как видно из письма начальника Главного штаба от 26 мая 1901 г. за № 27953, мысль эта была встречена с сочувствием и готовностью помочь в упомянутом деле.

В видах осуществления означенного предположения, о котором было упомянуто во всеподданнейшем отчете о состоянии Приамурского генерал-губернаторства за 1898–1900 гг., мною было предложено военным губернаторам Амурской и Приморской областей обсудить:

Где именно, в Хабаровске или Благовещенске, представлялось бы наиболее желательным и по каким именно основаниям предать новому погребению тело графа Муравьева;

Если в Благовещенске, то где и какое именно предназначалось бы для этого место;

Сметные предположения об издержках на морскую и сухопутную перевозку тела из Парижа в Благовещенск и особо о расходах по устройству места для погребения, надгробного памятника и прочих вызываемых этим актом денежных затратах;

Проект церемониала перенесения и предания праха земле.

По рассмотрении представленных названными военными губернаторами соображений по означенному предмету я пришел к заключению, [что]:

1) Из всех городов Приамурского края наибольшее право на принятие к себе останков графа Муравьева имеет Благовещенск, как первый город, заложенный на Амуре лично графом Муравьевым (21 мая 1858 г.), как место заключения Айгунского договора (16 мая 1858 г.), по которому весь Амурский край присоединен к России, и, наконец, как пункт, где граф Муравьев прожил долгое время (в 1854, 1855, 1857–1859 гг.), перенося разные невзгоды и трудясь для дела окончательного закрепления Амурского края.

2) Наиболее подходящим местом для погребения праха графа Муравьева является ограда старейшего в городе храма во имя Святителя Николая, выстроенного при графе Муравьеве на лично избранном им месте. Над могилою представлялось бы желательным соорудить часовню на счет добровольных пожертвований, на повсеместном в Сибири сбор коих испросить **ВЫСОЧАЙШЕЕ** соизволение.

3) Перевезти останки графа Муравьева следует сухопутным путем: от Парижа до границы (Александрово), затем до Сретенска по железной дороге и, наконец, от Сретенска до Благовещенска по р. Амур на частном пароходе, причем перевозка по железной дороге, за исключением пути до границы, может быть, с согласия министра путей сообщения, произведена бесплатно, равно как и по Амуру, так как не подлежит сомнению, что Амурское общество пароходства и торговли, товарищество Амурского пароходства, а равно и владельцы отдельных пароходов сочтут для себя за особую честь безвозмездно взять на борт своих судов прах знаменитого Муравьева.

4) Церемония перенесения праха должна быть обставлена сколь возможно торжественно с отправлением в Париж особой депутации и с отданием праху покойного воинских почестей.

В отношении церемониала перевезения праха графа Муравьева на Амур я остановился на следующем:

1. Должна быть командирована в Париж депутация, во главе коей поставить военное лицо (хотя бы из отставных), служившее с графом в крае, командировать одного офицера от Забайкальского казачьего войска и по два урядника из числа георгиевских кавалеров от всех трех приамурских казачьих войск (Забайкальского, Амурского и Уссурийского) для почетного караула при графе, с отнесением расходов по командировке означенной депутации за счет сумм подлежащих казачьих войск.

2. В состав депутации назначить представителей от городов Читы, Благовещенска и Владивостока и сельского русского и инородческого (бурятского, гольдского) населения, при условии, если городские и сельские общества изъявят согласие принять на свой счет расходы по поездке своих представителей.

3. С депутацией послать от каждой области отдельно серебряные венки с гербами областей и инициалами графа, для чего открыть по областям подписку для сбора денежных пожертвований с тем, чтобы могущий получить остаток денег был причислен к фонду на постройку часовни, предполагаемой к сооружению на могиле графа. Вагон, в котором будет поставлен гроб с прахом, должен быть убран трауром, венками из зелени, гербом графа, снабжен большими подсвечниками, аналоем и покровом для гроба.

4. В Париже останки графа должны быть доставлены в вагон с воинскими почестями в присутствии чинов Российского посольства и представителей русской колонии.

5. Для перевозки гроба с прахом графа Муравьева просить французское правительство предоставить один вагон для перевозки праха и один — для депутации.

6. На границе, в Москве, Иркутске, Чите и Сретенске при встрече праха Муравьева должны быть совершены панихиды в присутствии представителей всех ведомств и воинских отрядов.

Принимая во внимание, что перевозка праха Муравьева-Амурского по российским железным дорогам и по р. Амуру может быть совершена бесплатно, а вызываемые отправкой депутации издержки могут быть отнесены на счет средств подлежащих городских и сельских обществ и сумм казачьих войск, требующиеся на означенный предмет расходы от казны выразятся приблизительно в следующих цифрах:

1. Убранство вагона и приобретение церковных принадлежностей	— 1200 р.
2. Расходы по перевозке праха в Париж и до русской границы	— 500 р. — 500 р.
3. Непредвиденные расходы	<u>— 300 р.</u>
Итого:	2500 р.

Об изложенном считаю долгом сообщить на благоустройство Вашего Высокопревосходительства, покорнейше прося о последующем не оставить почтить меня уведомлением.

Генерал-губернатор, генерал от инфантерии *Гродеков*

РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 366. Л. 50–52 об. Подлинник. Машинопись. Подпись-автограф.

8. Приказ Приамурским казачьим войскам. Хабаровск. 3 октября 1902 г.

Высочайшим приказом по военному ведомству от 30 августа я зачислен в списки Забайкальского казачьего войска. Горжусь высокой царской милостью и вам, доблестные амурские казаки, обязан ею. Быстро и грозно два года тому назад ополчились вы против врага, посягнувшего на границы нашего Отечества.

Верные и надежные стражи Русской земли на далеком востоке, вы отбросили дерзкого неприятеля вглубь его страны, и нигде не мог противостоять он удару и натиску лихого казака.

За выходом на службу служилых казаков оборона и наблюдение границ легли на стариков и малолетков, а Амурское казачье войско может справедливо гордиться тем, что даже жены и дочери казаков с шашкою и на коне охраняли границу и родные станицы наравне с самими казаками.

Доблесть и отвага Приамурского казака поставили его имя наравне с именами старого именитого казачества Русской земли.

Хвала вам, доблестные казаки, и да будут и впредь кони ваши быстры, шашки востры, пули метки, а сердца пламенеть на защиту родного края и на славу Нашего Великого Государя и дорогого Отечества!

Подписал: Войсковой Наказной Атаман,
генерал от инфантерии Гродеков.

Приказы Приамурским казачьим войскам. Хабаровск. № 34.

9. Приказ войскам Приамурского военного округа. Хабаровск. 7 октября 1902 г.

Именным высочайшим указом Государственному совету от 30-го августа с. г., мне повелено быть членом Государственного совета. Оставляя Приамурский край, я расстаюсь с тем, что стало для меня особенно близко и дорого в период моей 8 $\frac{1}{2}$ -летней здесь службы, завершённой военными событиями 1900–1901 годов.

К вам, доблестные войска Приамурского военного округа, обращаю свое прощальное слово.

Я работал с вами в годы мира, видел вас в трудах Отчеству с лопатой и топором при постройке Уссурийской железной дороги, был свидетелем неустанным стремления вашего встать на уровне со старыми, испытанными войсками нашей армии; при мне развернулся небольшой отряд ваш в корпуса, мощную силу удара которых испытал на себе неприятель от побережья Амура до стен Пекина.

Горжусь, что судьба предназначила мне стоять во главе вас при первом боевом крещении вашем и счастлив, что при мне заслужили вы свои первые Георгиевские кресты. Ваши знамена покрылись славою ваших дел на далеких равнинах Пчели, в лесных дебрях и горах Маньчжурии и в холодных степях Монголии. Вы выполнили возложенную на вас государем императором трудную задачу умиротворения Северной Маньчжурии, проявляя неутомимое усердие, стойкость и мужество, и отныне имя ваше стало грозно, почетно знаменито.

Грозные в бою, вы как истинно Русские воины были милосердны к побежденному врагу, и под защитой вашей скоро успокоилась и восстановилась прежняя жизнь в занятой вами стране. Я видел китайцев, призреваемых в госпиталях ваших, бездомных сирот, взятых на воспитание, и русских солдат учителями в китайских школах. Сила и мощь ваша создала на Дальнем Востоке обаяние русского имени в той же мере, как и в остальной Азии.

Расставаясь с вами, славные войска, я уношу твердое сознание, что на Дальнем Востоке русское имя будет носимо вами честно и грозно, а победы будут всегдашним спутником вашим.

Приношу свою искреннюю признательность дорогим моим сотрудникам: помощнику моему генералу от инфантерии Беневскому, генерал-лейтенанту Попову как бывшему помощнику моему по званию Председателя Временной Распорядительной комиссии по оборонительным и казарменным сооружениям в округе, командиру первого Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту Линевицу, командиру Второго Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанту барону Штакельбергу, военному губернатору Приморской области, наказному атаману Уссурийского казачьего войска генерал-лейтенанту Чичагову, военному губернатору Забайкальской области, командующему в ней войсками и наказному атаману Забайкальского казачьего войска генерал-лейтенанту Надарову, военному

губернатору острова Сахалина и начальнику местных войск генерал-лейтенанту Ляпунову, военному губернатору Амурской области, командующему в ней войсками и наказному атаману Амурского казачьего войска генерал-майору Путята, коменданту Владивостокской крепости генерал-майору Воронцу, начальнику штаба округа генерал-майору Холщевникову, начальнику артиллерии округа генерал-майору Решетину, начальнику инженеров округа генерал-майору Александрову, окружному медицинскому инспектору тайному советнику Шевелеву, исправляющему должность окружного интенданта полковнику Губеру, окружному генерал-квартирмейстеру полковнику Орановскому, окружному начальнику военных сообщений полковнику Захарову, окружному дежурному генералу генерал-майору Кондратенко и исполнявшему эту должность в полевом штабе полковнику Лопатину.

Объявляю душевную благодарность и всем остальным генералам, штаб- и обер-офицерам, медицинским и классным чинам Приамурского военного округа и мое спасибо молодым нижним чинам.

Особо благодарен первому директору Хабаровского Кадетского корпуса полковнику Ваулину за его плодотворные труды и отеческие заботы о вверенных ему питомцах.

Высоко ценю ревностные труды всех чинов гражданской администрации края с военными губернаторами областей во главе, содействие которых было так полезно во время минувшей мобилизации и военных действий. Горячо благодарю правителя моей канцелярии статского советника Щербину, начальника почтово-телеграфных округов: Забайкальского — действительного статского советника Данилевича и Приамурского — статского советника Андреева, управляющих казенными палатами: Амурскою — действительного статского советника Неудачина, бывшего полевым казначеем, и Забайкальскою — статского советника Цветкова, бывшего корпусного контролера отдельного корпуса действительного статского советника Федосеева, бывшего военно-окружного контролера действительного статского советника Страхова с подведомственными чинами.

С чувством глубокой благодарности вспоминаю о всегдашнем во всем содействии и особых заслугах в смуту 1900—1901 годов со стороны главного инженера Китайской Восточной железной дороги А.И. Юговича с помощниками инженерами Игнациусом и Ваховским, а также о дружной совместной службе с войсками Приамурского округа доблестных чинов Заамурского округа пограничной стражи с достойными начальниками их генералом-лейтенантом Дитерихсом и генералом-майором Гернгроссом.

Неразрывная связь за все время последней кампании, существовавшая между вверенными мне войсками и гражданскими управлениями, наглядно доказала, как умеют русские люди служить своему Отечеству.

Прощайте же, дорогие сподвижники и доблестные войска. Да хранит вас Всевышний на пользу и славу великого государя нашего и земли русской.

Подписал командующий войсками генерал от инфантерии Гродеков.

Приказы войскам Приамурского военного округа.
Хабаровск. № 426

10. Литература о Н.И. Гродекове

Марков Е.Л. Россия в Средней Азии: Очерки путешествия по Закавказью, Туркмении, Бухаре, Самарканду, Ташкенту и Ферганской области, Каспийскому морю и Волге. Т. 1. СПб., 1901; Верещагин А.В. По Маньчжурии (1900–1901 гг.). Воспоминания и рассказы. СПб., 1903; Памяти 1900 года: Посвящается усмирительно боксерского движения в Маньчжурии генералу от инфантерии Н.И. Гродекову. Харбин, 1906; Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1860–1906) // Исторический вестник. 1913. Т. 134; Мустафин В.А. Николай Иванович Гродеков (1888–1913 гг.): Воспоминания-заметки // Исторический вестник. 1915. № 10. Лухманов Д.А. На капитанском мостике. Хабаровск, 1941; Востоков Л.А., Востриков З.В. Хабаровск и хабаровчане: Очерки о прошлом. Хабаровск, 1991; Дацышен В.Г. Русско-китайская война в Маньчжурии 1900 г. СПб., 1996; Бурилова М.Ф. Новые документы Н.И. Гродекова // Записки Гродековского музея. Вып. 2. Хабаровск, 2001; Кирпиченко Т.В., Нарыжная С.М. Николай Иванович Гродеков и его научный труд «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» // Библиосфера. 2012. № 2; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001; Дубинина Н.И. Этапы увековечивания исторической памяти о Н.И. Гродекове: Библиографический аспект // VIII Гродековские чтения. Международная научно-практическая конференция «Дальний Восток России: история и современность. К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне». Хабаровск, 2015. Т. 1; Дубинина Н.И. Н.И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья // Россия и АТР. 2019. № 2; Дубинина Н.И. Белые гвоздики Н.И. Гродекову // Словесница искусств. 2020. № 2; Дубинина Н.И. «Память о вас на Амуре живет и будет жить долго» (современники о Н.И. Гродекове) // Культура и наука Дальнего Востока. 2023. № 1(34).

11. О.И. Брусина. Вклад Н.И. Гродекова в изучение обычного права казахов и киргизов

Будучи генерал-губернатором Сырдарьинской области, Н.И. Гродеков осознавал необходимость дальнейшего изучения обычного права населявших область народов. Это было важно как из практических соображений, поскольку чиновники местной администра-

---

ции постоянно сталкивались с особенностями социально-правовой жизни подвластного населения, так и с научной точки зрения. По обширности тематики, объему информации и новым методологическим подходам, изложенным в настоящей книге, ее следует отнести прежде всего к выдающимся научным трудам, а Н.И. Гродекова как ее автора — к блестящим ученым-исследователям.

Гродеков провел комплексное исследование современных ему социальных и правовых обычаев в их развитии и изменчивости, в широком контексте различных историко-культурных, политических и экономических факторов, среди которых он выделял усиливающееся влиянием ислама процессы оседания кочевников на землю и развитие промышленности в крае, реформы русской власти. Понимая, что обычаи не только меняются со временем, но и разнятся по местностям и у отдельных групп кочевого населения, Гродеков стремился показать в книге региональные различия, выделить особые обычаи киргизов, казахов, отдельных родовых подразделений, дать варианты одного и того же обычая, бытовавшего в разных местностях. Поскольку данные, сообщенные одним информатором, имеют относительную ценность, Гродеков приводил порой по одному и тому же вопросу сведения от различных источников, далеко не совпадающие друг с другом, при этом он не пытался искусственно устранить кажущиеся противоречия, свести все к некоей единообразной картине — все это увеличило научную ценность его труда.

Вслед за большинством своих предшественников он первоначально попытался осуществить сбор материала с помощью местных чиновников, общавшихся с населением через переводчиков, но быстро понял несостоятельность такого подхода. В основу исследования был положен богатый полевой материал, который по указанию Гродекова собирался в течение многих месяцев в различных уездах специалистом по восточным языкам и истории А.Н. Вышнегорским по программе, составленной выдающимся ученым-этнографом В.П. Наливкиным.

Большинство населения Сырдарьинской области составляли казахи и киргизы, которые издревле вели кочевой образ жизни, а к последней четверти XIX в. отдельными группами постепенно переходили к полукочевой и полуоседлой жизни. Кроме того, в области жили исконно оседлые земледельческие народы, прежде всего узбеки, именно они составляли костяк и основное население Кокандского ханства, которое распространяло свои владения и на часть южных территорий Сырдарьинской области до завоевательных походов России. Правовые отношения в этом ханстве, так же как и в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, официально строились на основе шариата. Оседлое население Средней Азии подверглось исламизации в гораздо более ранние сроки и значительно более глубокой, чем кочевые народы. Однако у традиционных земледельцев (узбеков, таджиков и других этнических групп) также бытовало обычное

право, нормы местных адатов, выходящие за рамки шариата. Тем не менее изучением обычного права оседлых народов в царской России практически не занимались, полагая, что для понимания их правовых обычаев вполне достаточно разбираться в нормах шариата. Этого распространенного мнения придерживался и Гродеков. Лишь несколько десятилетий спустя академик В.В. Бартольд показал недостатки такого методологического подхода: «...уже губернатором Гродековым, наряду с судом по обычному праву, было обращено внимание и на суд по шариату; но вместо изучения на месте правовых норм и их применения, как было сделано при исследовании адата, Гродеков ограничился переводом памятника англо-индийского управления конца XVIII в., когда Гулям-Яхья... перевел на персидский язык классический труд по мусульманскому праву – *Хидаю* уроженца Туркестана Бархан ад-дина Маргинани (XII). ...Русский перевод, изданный Гродековым, был сделан с английского и издан в 1893 г., уже после отставки Гродекова. Ссылки на *Хидаю* Гродекова часто встречаются в работах местных русских деятелей, когда им приходится касаться вопросов мусульманского права; издание в 1905 г. считалось распроданным, из чего можно заключить, что им пользовались и для практических целей... Несомненно, что труд Бархан ад-дина Маргинани... оказал некоторое влияние на практику местных судов; но этот вопрос не был подвергнут исследованию».

В изучении обычного права Гродеков ушел от многих стереотипов, сформировавшихся у предыдущих исследователей *адатов*, и сделал принципиальный поворот в сторону этнографического исследования, остановив свое внимание прежде всего на самом устройстве кочевого общества, его структуре, социальных и семейных институтах.

В первых восьми главах книги автор постарался выстроить максимально цельный образ исследуемого общества, показать его структуру и основные правовые принципы. В первой главе читатель узнает о происхождении и особенностях родовой структуры кочевого общества, о жесткой иерархии (порядке старшинства), пронизывающей все уровни общества, начиная с больших объединений (племен и родов), средних (родовые подразделения, колена) и вплоть до внутрисемейной иерархии, которая выражалась в особых правилах поведения каждого члена семьи.

В самом начале второй главы излагаются ключевые принципы «родового начала» традиционного кочевого общества, которые легли в основу его правовой системы. Гродеков четко выделил суть этой системы: личность могла существовать только в составе родственного объединения, которое выступало единым коллективным субъектом социально-правовых и имущественных отношений и которое несло полную ответственность за каждого своего члена. При этом человек не обладал индивидуальными правами и свободой выбора, над ним давили интересы и потребности рода. Как политический деятель

Гродеков был склонен думать, что «родовое начало», неотъемлемой составляющей которого была безусловная власть родоначальников, можно ослабить, используя административные методы, но как ученый он понимал, что предпринимаемые русским правительством реформы вели далеко не к тем результатам, на которые рассчитывали законодатели.

Обычно право рассматривается в книге как живая, динамично развивающаяся система, которая способна адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Отмечая связь между изменением способа хозяйствования, родовым устройством общества и правовой системой, Гродеков заявил о появлении «нового адата». В Сырдарьинской области наблюдалось некоторое размывание родовых отношений, что было связано в первую очередь с процессом постепенного перехода кочевников к полуоседлому и оседлому образу жизни, а также с культурным влиянием соседнего земледельческого и городского мусульманского населения (узбеков и сартов). В жизнь бывших кочевников постепенно входили разнообразные денежные отношения, для индивидов появилась принципиальная возможность прожить вне своего рода. Несомненно влияние на трансформацию некоторых правовых норм оказали и законодательные меры русской администрации. Гродеков констатирует «стремление» казахов, киргизов к шариату, прямо не связывая этот процесс с их переходом к оседлости и постепенным разложением родового строя. Однако большинство описанных в данной главе новшеств в суде биев связано прежде всего с постепенным внедрением в правовую практику норм шариата, в котором в отличие от кочевого *адата* закреплены определенные права личности и подробно разработаны такие сюжеты, как купля-продажа, залог, аренда, дача взаймы, получение векселя или расписки и т. п.

Представляется, что по мере оседания кочевого населения на землю в практику входили неизвестные кочевому праву, но прописанные в шариате нормы, регулировавшие денежные, земельные и торговые отношения. Необходимость разрешать подобные имущественные вопросы между собой, а также с традиционно оседлыми жителями, чьи земли порой были перемешаны с владениями полукочевников, привела последних к исламскому праву еще при ханском режиме, когда «по адату разбирались только домашние и незначительные исковые дела». В начале 1880-х годов описаны случаи, когда недовольные судом по кочевому адату тяжущиеся привлекали казиев как экспертов или как посредников разбора своих земельных проблем.

В третьей главе автор продолжил исследование принципов родового устройства общества и разобрал, как эти принципы проявлялись в брачных и родственных отношениях. Показаны практическая значимость и необходимость для каждого члена общества подробных знаний о своей родословной в связи с обычаем родовой экзогамии до седьмого колена. Также показано, что патриархальная иерархия, пронизывающая все кочевое общество, на самом низком, семейном

уровне основана на полном подчинении детей родителям, причем адат стоял на стороне старших и не предусматривал защиту от них детей. Конфликты между родными улаживались внутри семьи по разумению старших; поднять руку на родителей считалось одним из самых тяжких грехов и влекло за собой телесные наказания — вообще говоря, весьма редкий и непопулярный вид наказания по казахским и киргизским адатам. В этой главе рассматриваются также институты названного родства (опека и побратимства).

В следующей главе разбирается, как происходит смена статуса сыновей в связи с их взрослением и женитьбой. Выделение имущества женатому сыну для его самостоятельного хозяйства, как и уплата калыма за его невесту, по сути дела считалось обязанностью отца и означало образование нового аула, полноправным главой которого становится молодой человек. При этом он терял право получать часть наследства после отца. С вопросом о наследовании семейного имущества связан и обычай левирата. На молодой вдове обычно женился брат покойного, при этом он забирал все оставшееся по наследству от брата имущество и занимался воспитанием его малолетних детей. Гродековым описаны ситуации, когда вдова не следовала обычаю левирата, что являлось новшеством, отклонением от старых адатов и, видимо, было связано с изменениями в образе жизни казахов и киргизов при русской власти.

Пятая глава посвящена этнографическому описанию свадебных обычаев, среди которых определенное место занимают и правовые нормы, указывающие на родовое устройство общества. Договор о браке считался важным правовым актом, сопровождавшимся имущественной сделкой: уплатой калыма за невесту, и определенными обычным правом свадебными расходами с обеих сторон, включая обязательные подарки. Хотя договор заключался родителями молодых, в правовые отношения при этом фактически вступали два рода, а жених и невеста рассматривались, скорее, не как две личности со своим индивидуальным набором качеств, а как представители этих родов. После уплаты калыма невеста считалась «достоянием рода» жениха и должна была достаться если не ему самому, то его родственнику. Также если невеста не могла по какой-либо причине вступить в данный брак, то вместо нее жениху должны были отдать другую девушку, родственницу невесты. Отмечено, что в последнее время стали встречаться небывалые ранее случаи, когда девушка самовольно уходила к своему избраннику, что было еще одним показателем размывания патриархального уклада жизни кочевого общества в тот период.

В шестой главе рассматривается положение женщины после замужества — ее права, обязанности, взаимоотношения с родственниками. Отмечаются преимущества старшей жены — байбише перед другими женами, разбираются варианты обычая левирата и случаи, когда допускался брак вдовы не с родственником покойного мужа.

Важным моментом, указывающим на значимость родовой принадлежности для изучаемого населения, была правовая норма, устанавливавшая, что дети вдовы или разведенной женщины, ушедшей из рода мужа (вследствие возвращения к своим родителям или выхода замуж за чужого человека), как правило, отлучались от матери и оставались на воспитании в роде своего отца.

Седьмая глава посвящена исследованию социальных и имущественных отношений, сложившихся при кочевом образе жизни. Показано, что собственность на землю не была определена, она традиционно оставалась в общем пользовании, но по мере оседания и развития у бывших кочевников земледелия участки окультуренной и орошенной земли приобретали статус частной собственности; постепенно они стали объектом сделок купли-продажи и аренды. Гораздо большее значение в жизни кочевников имела потомственная собственность на колодцы и арыки, которые порой были единственными источниками воды для людей и скота при перекочевках. Огромное значение родовой структуры можно понять, только проанализировав кочевой образ жизни и хозяйствования, что и сделано Гродековым в данной главе. Казахи и киргизы жили и кочевали родственными группами, у каждого рода исстари сложились определенные места и маршруты кочевков, которые, впрочем, могли меняться в зависимости от климатических и природных условий. Споры по поводу земельных угодий решались, по Гродекову, исходя из статуса предводителей кочевой группы и из «старшинства» самой группы в родовой иерархии. В зависимости от природных условий и времени года кочевые группы объединялись по родственному принципу (на летовках) для совместной хозяйственной деятельности, связанной со скотоводством, или обособливались друг от друга (на зимовках) из-за ограниченности пастбищных ресурсов. Между родственными объединениями различных уровней существовали обязанности взаимопомощи и материальной поддержки, что служило страховкой в случаях потери какой-либо группой скота и защиты ее от возможных бедствий и являлось следствием отношения к имуществу как к коллективной собственности. Столь же обязательными в кочевом обществе были нормы гостеприимства, отступление от которых считалось нарушением адата и влекло за собой наказание. Институт гостеприимства был призван защитить путников, находящихся далеко от своего дома и осуществлявших различные социальные и экономические связи между отдельными родовыми объединениями.

Имущественные отношения у казахов и киргизов разбираются в следующей, восьмой главе. Весьма подробно расписаны в кочевых адатах нормы, касающиеся принадлежности пригульного, или найденного, скота, ответственность за имущество, принятое на хранение, правила дара-отдара между друзьями и родственниками, выделения части добычи или дохода родственникам, их одаривания в различных случаях. Куда меньше разработаны правила торговли и

различных сделок, причем эти сделки касаются в основном приобретения животных. Это говорит о неразвитости в кочевом обществе товарных отношений, связанных с частной собственностью. В отличие от него у традиционного оседлого населения, согласно шариату, были детально разработаны многочисленные правила и самые разнообразные ситуации, связанные с куплей-продажей, залогом, арендой, дачей взаймы и т. п.

В девятой главе рассматривается отношение в кочевом обществе к преступлению узаконенных норм, анализируется смысл регулирования общественных отношений посредством права, приводится список основных преступлений и нарушений с указанием наказаний за каждое из них. Важно замечание Гродекова, что следование адату и деятельность судей обусловлены прежде всего стремлением мирно разрешать споры, не допускать междоусобицу между родами, которая опасна для благополучия всего общества. В этом контексте становится понятным, почему не преследовались преступления против беззащитных и иноплеменных и почему не принимались к судебному рассмотрению иски между конфликтующими родами до их примирения. Адат противостоял силовым методам разрешения конфликтов, однако допускал их: род обязан мстить за оскорбление или ущерб своим членам, но в установленных обычаем пределах. Узаконенная адатом баранта — способ силового давления на обидчика — представляла собой захват имущества родом потерпевшего у родственников обвиняемого и тоже могла стать началом междоусобицы, если бы старшие родственники обидчика не принуждали его к судебному разбирательству. Родовая ответственность за своих членов и коллективная имущественная собственность обусловили дозволенность по адату воровства у своих родственников, особенно в случае нужды. Вообще, кража, в первую очередь конокрадство — наиболее распространенный вид преступлений у кочевников, поэтому в обычном праве подробно описаны узаконенные способы дознания, доказательств конокрадства и наказаний за различные виды кражи.

В десятой главе Гродеков излагает суть тех реформ, которые претерпела система народного суда по Положениям 1867 и 1886 гг., и описывает современное автору устройство суда биев, принятую в нем процедуру, систему доказательств. Автор лишь кратко касается статуса биев до учреждения русских законов, при этом он приводит данные, относящиеся к положению дел в Кокандском ханстве, власть которого распространялась только на часть территории Сырдарьинской области. Гродеков не анализирует прежнее значение звания бия, которым назывались не только и не столько судьи, а прежде всего родоначальники, предводители родовых подразделений, совмещавшие в одном лице хозяйственную и административную, политическую и судебную власть. Это затрудняет понимание причин описанного «перерождения» после реформ русской власти суда

биев, которые стали, по его оценке, порой продажными и заведомо пристрастными, попали под влияние волостных управителей. Дело в том, что в результате реформ бии-судьи были поставлены в зависимость от влиятельных лиц, поддержавших их на выборах, прежде всего от волостных управителей, в связке с которыми они избирались и которые, по сути дела, ближе всего по своему статусу приближались к традиционным биям. Кроме того, предусмотренная русскими законами возможность апелляции на решения биев (прежде — окончательные) привела к снижению их авторитета. Новые бии-судьи, как правило, уже не столь родовитые люди, меньше заботились о своей репутации, чем старые бии — известные и знатные члены рода, поскольку главной причиной их избрания часто становилось не уважение соплеменников, а различные интриги на выборах.

Далее, излагая сведения о взысканиях по суду, Гродеков останавливается на нормах адата, связанных с родовым устройством общества. Присужденные виновному штраф (в случае несостоятельности ответчика) и выкуп за ущерб платило, с одной стороны, и получало, с другой стороны, сообщество родственников — тем больший их круг, чем в более далеких родственных отношениях состояли участники конфликта. При этом Гродеков подчеркнул, что данная норма способствовала уменьшению преступлений, поскольку род контролировал и положительно воздействовал на своего провинившегося члена. Впрочем, автор полагал, что эта норма становится пережитком вследствие развития индивидуальных прав личности. Тот же принцип родовой ответственности лежал в основе судебной присяги — одного из самых распространенных и важнейших способов доказательства правоты тяжущихся сторон. Слова самих истца и ответчика, а у киргизов — и свидетелей не имели в суде достаточного веса и, чтобы считаться доказательством, должны были подтверждаться присягой их авторитетных и благонадежных сородичей. Из страха небесной кары и осуждения общества за лжесвидетельство выбранные для присяги люди были вынуждены сами проводить расследование, чтобы удостовериться в правоте своего родственника. Поскольку присяга считалась опасным и небогоугодным делом и для дающей, и для принимающей стороны, а даже для присутствующих, ее стремились избежать, в том числе — склоняя тяжущихся к примирению.

В одиннадцатой главе приводятся различные правила, связанные с процедурой присяги. Среди способов ее принятия отмечены как связанные с исламом (присяга на Коране, в мечети, с произнесением молитвы), так и не связанные (на кладбище, с оружием и др.). Распространение среди казахов Туркестанского края мусульманской присяги (что отличало их от соотечественников, населявших Степной край), свидетельствует о большей исламизированности южных казахов.

Система наказаний по адату описана в двенадцатой главе. По обычному праву казахов и киргизов наиболее распространены нака-

зания, представляющие собой имущественные выплаты в качестве компенсации ущерба и штрафа. Из сообщений Гродекова остается не совсем ясным, как распределялся штраф-айб, который налагался сверх стоимости украденного или за нарушения, не связанные с нанесением материального ущерба (шел ли он в пользу истца или, что более вероятно, в пользу общества). По отдельным замечаниям можно сделать вывод, что, по крайней мере, иногда часть айба передавалась судьям, участникам задержания вора, родственникам виновного. Гродеков отмечает постепенный переход от уплаты штрафов имуществом (скотом и вещами) к их денежному эквиваленту, что связано с постепенным развитием у казахов и киргизов денежных отношений под влиянием русской власти и соседнего земледельческого населения.

Порядок выплаты и распределения хуна (куна) — компенсации за физические повреждения или убийство — четко отражал родовую структуру кочевого общества, поскольку материальная компенсация в данном случае являлась заменой принципа «кровь за кровь», реализация которого могла повлечь за собой вражду между вовлеченными в событие родами. Гродеков прекрасно показал, что степень родства между виновным и потерпевшим определяет тот иерархический уровень родового объединения, который с одной стороны платит, а с другой стороны получает хун. На пониженный статус женщины в обществе указывает правило, по которому за ее убийство полагался хун, составляющий половину от хуна за мужчину. При этом женщина, вернее девица-невеста, представляла собой материальную ценность, соизмеримую, видимо, с установленным за нее калымом; показательно, что вместо хуна за убитого пострадавшему роду могли отдать родственницу виновного.

Среди других наказаний Гродеков выделил неофициально существующие телесные наказания, которые хоть и были отмечены по русскому закону, но продолжали применяться в основном не биями по должности, а аксакалами — фактическими, часто неформальными лидерами больших семей, аулов и мелких родовых подразделений. В материалах второй половины XIX в. встречается скупая информация о существовании наряду с судом биев и «патриархального», «домашнего» суда аксакалов (старейшин), которые разбирали дела в среде своих сородичей. Эти суды не контролировались биями и русской властью, о них не доносили сведения начальству. Из этнографической информации, относящейся к казахам северо-западной части Степного края, выясняется, что аксакалы в качестве судей и посредников в третьей инстанции едва ли не заменили к началу XX в. биев.

В последующих разделах книги даны этнографические и иные сведения, касающиеся правил поведения и норм, предусмотренных для различных бытовых ситуаций и жизненных обстоятельств. Приведены сведения, которые помогают раскрыть социальные отноше-

---

ния, построенные на принципах «родового начала» и связанные с преобладанием коллективистского мышления над индивидуалистическим. Так, одной из обязанностей родового коллектива являлось содержание своих больных и убогих родственников, приз на состязаниях получал не сам победитель, а его род и т. п.

Новаторским решением Гродекова была публикация судебных записей из бийских книг. Сам по себе этот новый источник по обычному праву возник в связи с принятием закона (по Положению 1867 г.), обязавшего всех выбранных биев вносить в особые книги постановления суда. Как упоминалось ранее в этой статье, пионером в использовании этого источника был служащий Акмолинского областного статистического комитета И.А. Козлов. Выше уже указывалось, что достоверность судебных записей в бийских книгах вызвала сомнения у некоторых чиновников русской администрации. Однако непредвзятая публикация судебных решений, систематизированных по виду преступления, послужила прекрасной иллюстрацией приведенных в книге сведений по обычному праву и дала богатейший материал для последующих исследований.

Книга Гродекова стала классическим трудом по этнографии социальной и культурной жизни казахов и киргизов, далеко опередив другие работы по качеству и широте привлеченных источников, объему материала и глубине анализа. Разработанные им методы сбора и использования этнографического материала и по сей день считаются достоверными. Гродеков показал современный ему срез кочевого общества, находящегося в процессе трансформации под воздействием российских реформ и культурного влияния соседних народов. Отмечая связь между изменением способа хозяйствования, родовым устройством общества и правовой системой, Гродеков заявил о появлении «нового адата». Обычное право рассматривается в книге как живая, динамично развивающаяся система, которая способна адаптироваться к меняющимся условиям жизни. Гродековым были предложены новые подходы в исследовании обычно-правовой системы как составляющей части социального устройства общества, в ее изменчивости под влиянием различных исторических, экономических и политических факторов. Эта методология впоследствии получила широкое развитие в трудах отечественных этнографов и историков. До настоящего времени книга Гродекова остается непревзойденным источником по обычному праву и социальной жизни кочевого населения Средней Азии и служит основой для многих современных исследований.

Из статьи О.И. Брусиной «Труд Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области» и проблемы изучения обычного права кочевых народов Средней Азии» // Н.И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Юридический быт. М., Восточная литература РАН, 2011. С. 507–517 (без ссылок).

12. Решение департамента внутренней политики Приморского края об увековечении памяти Н.И. Гродекова в г. Владивостоке (ответ на обращение руководителя инициативной группы по увековечению памяти Н.И. Гродекова Абрамова А.В.)

Уважаемый Андрей Викторович!

Ваши обращения по вопросу увековечения памяти Приамурского генерал-губернатора Н.И. Гродекова в городе Владивостоке, направленные в адрес врио Губернатора Приморского края, рассмотрены по поручению руководства в департаменте внутренней политики Приморского края.

По информации администрации города Владивостока сообщаем следующее. Данное предложение рассмотрено на заседании Комиссии по городской топонимике (далее – Комиссия) 23 августа 2018 года.

Членами Комиссии было принято решение присвоить наименование улице имени Н.И. Гродекова, Приамурского генерал-губернатора, на территории о. Русский в городе Владивостоке, расположенной от пересечения с пр. Университетским до сооружения «Канал» (членами комиссии решение по данному вопросу принято – единогласно).

Директор департамента П.Е. Ясевич

27.08.2018 № 33 огр/654 (из личного архива А.В. Абрамова).

13. Решение администрации г. Хабаровска о присвоении имени Н.И. Гродекова перспективной набережной в г. Хабаровске (ответ на обращение руководителя инициативной группы по увековечению памяти Н.И. Гродекова Абрамова А.В.)

Уважаемый Андрей Викторович!

Департамент муниципальной собственности информирует, что Ваше предложение о присвоении части одной из существующих улиц города Хабаровска, пересекающих улицу Муравьева-Амурского (Волочаевская или Комсомольская или Истомина), имени Гродекова Николая Ивановича рассмотрено на заседании городской комиссии по недвижимости № 20.

По данному предложению принято решение об отклонении предложения. Комиссия считает, что переименование части одной из существующих улиц города Хабаровска, пересекающих улицу Муравьева-Амурского (Волочаевская или Комсомольская или Истомина), нецелесообразно.

Переименование части улиц повлечет за собой процедуры, связанные с переадресацией зданий и переоформлением документов граждан и юридических лиц.

Однако, учитывая, что с именем Николая Ивановича Гродекова связано много событий и памятных дат по всему Дальнему Востоку, на городской комиссии рассмотрены и другие альтернативные предложения.

Решением городской комиссии принято положительное решение о присвоении перспективной набережной имени Гродекова Н.И. в городе Хабаровске.

И. о. заместителя Мэра города –
директора департамента муниципальной
собственности

В.А. Чукавин

05.04.2019 № 18-05/3895 (из личного архива А.В. Абрамова).

14. Хабаровские вести. 22 апреля 2019 г.

Новые названия присвоены улицам и набережной.

...Именем собственным обзавелась и набережная в Индустриальном районе. Теперь официально береговая полоса от спорткомплекса «Арена «Ерофей» до пересечения с улицей Пионерской называется набережной Гродекова.

Соответствующее постановление подписано мэром Хабаровска Сергеем Кравчуком.

АЛФАВИТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абграль В., полковник, 36.
Абрамов А.В., 10, 318–320,
322–323, 357–358.
Александр I, император, 11.
Александр II, император, 31, 53, 66.
Александр III, император, 32, 60,
72–73, 87, 107, 111, 130, 162, 327.
Александр Михайлович, великий
князь, 70, 128.
Александра Федоровна, импера-
трица, 284.
Александров, генерал, 242, 346.
Александров Н.Ф., инженер, 118,
131, 168, 274.
Александрова М.А., 200, 218–219,
274, 276.
Алексеев А.И., 307.
Алексеев Е.И., 192, 232, 251, 253,
268, 275, 335.
Алексеевский И.И., 301.
Алексей Михайлович, царь, 138.
Андреев, статский советник, 346.
Арапов Д.Ю., 333.
Арсеньев В.К., 9, 125–126, 298–299,
301, 304–305.

Б

Базилевский П.Е., 168.
Балашова М.Л., 10.
Баранов Э.Г., 55.
Баратынский Е.А., 140.
Барсуков И.П., 71, 306, 311–312,
333.
Бартольд В.В., академик, 349.
Барятинский В.А., 70–71.
Беженка А., 177.
Беневский А.С., 149, 170, 175, 177,
345.
Бетховен Л., 134.
Блинов И., 151, 329.

Богданов С.Я., 64, 135.
Богдановы, предприниматели, 108.
Бонч-Осмоловский, ориенталист,
337.
Бордовский М., 36.
Бородин А.П., 42.
Бортнянский Д.С., 88.
Боханов А.Н., 72, 326–327.
Бражников В.К., 125.
Браиловский С.П., 124.
Брокгауз Ф.А., 326.
Брусина О.И., 318, 347, 356.
Букреев А.И., 10.
Бурилова М.Ф., 308, 310, 328, 330,
347.
Буссе Ф.Ф., 118, 135.
Бутаков А.М., 95–97, 327.
Бутович, генерал-майор, 300.
Быстржинский, инженер, 108.
Бэр К., 124.

В

Ваксмут Н.С., 126.
Ванков С.Н., 126, 131, 296.
Ванновский П.С., 55.
Ваулин А.Н., полковник, 214, 346.
Ваулин Г.Г., священник, 142, 200.
Ваховский, инженер, 346.
Веденский М.С., 117–119, 132,
166, 170, 173–174.
Венюков М.И., 13, 39, 54, 142, 187,
278.
Веревкин, генерал, 41.
Верещагин А.В., 196, 330, 347.
Верещагин В.В., 196.
Винников, полковник, 80.
Витте С.Ю., 101–102, 150, 154,
169, 177, 210, 230, 243, 257–258,
264, 271.
Волков Л.П., казак, поэт, литера-
тор, 187, 242.

Волконский М.С., князь, 77, 140, 186, 272, 311–312.
Воронец, генерал-майор, 346.
Востоков З.В., 313, 326, 333, 347.
Востриков Л.А., 313, 326, 328, 333, 347.
Вревский А.Б., 33, 44, 335.
Вышнегорский А.Н., 38, 339–340, 348.
Вяземский, князь, 272.
Вяземский О.П., инженер, 106–107.

Г

Галлямова Л.И., 103, 327.
Гантимуров, сотник, 184.
Георг, король Греции, 70.
Георгий Александрович, великий князь Георгий, принц греческий, 70–71, 326.
Герасимов С., 43.
Гернгросс А.А., генерал-майор, 238–239, 346.
Гильденбандт (Икскуль фон Гильденбандт), 251.
Гладышев П.И., 118.
Глебова Е.В., 10.
Гоголь Н.В., 140.
Голицын Д.П., князь, 271.
Гондатти Н.Л., 120, 122–124, 157, 170, 209, 235, 273, 328, 335.
Горемыкин И.Л., 271.
Горнич Е.М., 12.
Грибский К.Н., 149, 240, 244–245, 255, 331.
Григорова Л.С., 308.
Гродеков Владимир Владимирович, 301.
Гродеков Владимир Иванович, 12, 271, 290, 295–296, 300.
Гродеков Всеволод Владимирович, 301.
Гродекова Александра Ивановна, 12.
Гродекова Софья Ивановна, 12.
Гродецкий И.О., 12.
Губер, полковник, 346.
Гуро Ж.-Л. (Серко), 326.

Д

Данилевич, 346.
Данилова Л.Ю., 10.
Даттан А.В., 217.
Дацьшен В.Г., 232, 245, 256, 316, 331–333, 347.
Дементьев, подполковник, 252.
Дитерихс, генерал-лейтенант, 346.
Дмитриева А.К., 308–309, 330.
Достоевский Ф.М., 140–141.
Дружинины, крестьяне, 186.
Дубинина М.А., 10, 326.
Дульский Ф., 158.
Духовская (урожд. кн. Голицына) В.Ф., 15, 33, 87–88, 102, 110–111, 120, 140, 327–328.
Духовской С.М., 6, 13, 15, 32, 87–90, 92–93, 101–103, 106, 108–109, 111, 113–117, 122, 125, 128, 133, 148, 156, 186, 188, 203, 212, 218, 278, 286–287, 335, 341–342.

Е

Евтушевский К., 158.
Елец Ю.А., 332.
Елизавета Федоровна, великая княгиня, 136.
Ельцов, золотопромышленник, 258.
Ермолаев, контр-адмирал, 73.
Ефименко Ю.В., 309.
Ефрем, архиепископ Биробиджанский и Кульдурский, 10.
Ефрон И.А., 326.

Ж

Жеребцова, 134.
Жуков А.М., 308, 327.

З

Заболотная Т., 322.
Забугин Н.П., 100.
Завойко В.С., 143.
Загрязский Г., 338.
Зандрок Алексей Филиппович, 301.

Зандрок (урожд. Зиновьева) О.А., 300–302.

Захаров, полковник, 346.

Зимин Д., 322.

Зиновьев И.А., 26.

И

И Шань, 260.

Ибрагимов, 338.

Иванов Д.В., 125.

Иванов М.М., 140.

Иванов Н.А., генерал-лейтенант, 287, 335.

Иванов Р., 326, 327.

Игнатьев А.П., граф, 271.

Игнатьев Н.П., 186.

Игнациус, инженер, 346.

Иконников И.С., 90.

Иксуль фон Гильденбандт, 251.

Иннокентий (Вениаминов), митрополит Московский и Коломенский, 76, 144, 175, 306, 310, 312.

Иньков, 133.

Ионов, генерал, 288.

Ишаев В.И., 309.

К

Каваками, генерал, 113.

Кавальская Е., 65.

Казакевич П.В., 143, 312.

Казьмин Г.Т., 308.

Карамзин Н.М., 142.

Катышева Е., 255.

Кауфман А.А., экономист, 299.

Кауфман К.П., 6, 15–16, 19–20, 22–23, 33, 35, 40, 42, 292–293, 335, 337–338.

Кириллов Н., 125.

Кирпиченко Т.В., 347.

Клейе, инженер, 169.

Клипель В.И., 308.

Клунников, генерал, 300.

Козарский, смотритель, 95.

Козик П.Н., 54.

Козлов И.А., 338, 356.

Козлов Я., 193.

Колмачевский Ю.З., 168.

Кондратенко, генерал-майор, 346.

Кононович В.О., 68.

Константин Николаевич, великий князь, 54, 128.

Константинов А.А., 333.

Кончин Евграф, журналист, 307, 333.

Коренев Т., казак, 80, 274.

Корсаков М.С., 312.

Корф А.Н., 6, 60–68, 71, 73, 78, 80–81, 84–86, 88, 94, 96, 100, 129, 156, 203, 212, 218, 327, 335.

Корф С.А., баронесса, 63, 78, 86, 218, 327.

Костанов А.И., 326, 332.

Костромина А., 256.

Косыгин Ю.А. 308.

Кочубей В.С., 70.

Кравчук С., 358.

Крадин Н.П., 168, 308–309, 329.

Крашенинников С.П., 116, 133.

Кропоткин П.А., 329.

Крушанов А.И., 307.

Крюков И.В., 10.

Крюков Н.А., 126.

Кудинов А.Т., 10.

Кудинова Н.Т., 10.

Кузнецов Н.Г., 321.

Кузьмин Ю.А., 325.

Кукуев Ю., 317.

Куломзин А.Н., 272.

Куропаткин А.Н., 13, 214, 230, 232, 234, 240, 243, 245, 254, 256, 259, 261, 263, 275 277–278, 280, 288, 335, 342.

Кучинский, врач, 117.

Кшесинская М., 72, 326.

Л

Лаврова Е.И., 140.

Ламздорф, граф, 243.

Ланкин П., 186.

Лебедев С., 176.

Левашов, генерал, 229–230.

Левашов, золотопромышленник, 258.

Левкин Г.Г., 309, 333.
Левшин А., 337–338.
Ленин В.И., 305.
Леонтьев А.Н., генерал-лейтенант, 12.
Лештаев А., 186.
Линевич Н.П., 272, 280, 335, 345.
Литке Ф.П., 143.
Лопатин, полковник, 346.
Лубенцов А.В., 127–128.
Лухманов Д.А., 199, 330, 347.
Ляпунов М.Н., 149, 346.
Ляторовская, учительница, 224.

М

Маак Р.К., 116.
Макаров С.О., 276, 278.
Маковецкий П.Е., 339.
Максимович К.И., 116.
Манакин М.М., 251, 297.
Маргаритов В.П., 118, 125, 131, 170, 225.
Мария, императрица, 218, 220.
Марков Е.Л., 22, 33, 43, 325, 347.
Маркс Карл, 305, 310.
Мартсон Ф.В., генерал, 335.
Масальский В., 325.
Матханова Н.П., 326.
Мейер, подполковник, 337.
Меллер-Закомельский, генерал, 280.
Мельникова Т.В., 314.
Менделеев В.Д., 71.
Мерказин В.Д., 92–93.
Мещиьевский Е.О., генерал-майор, 132.
Миддендорф А.Ф., 20, 143.
Микешин М.О., 143.
Милютин Д.А., 12, 28.
Миролубов И.М. См.: Ювачев И.П., 94, 327.
Михаил Николаевич, великий князь, 19, 272.
Мичурин П., 221.
Мищенко П.И., генерал-лейтенант, 335.

Монковский С.А., 118–119, 129.
Мооро В.Г., 63, 168, 218.
Мочалов Г.В., 319.
Мошковский М., 134.
Муравьев-Амурский В.В., 71, 75, 133, 188, 311, 342.
Муравьев-Амурский Н.Н., граф, 6–7, 11, 51, 53, 56, 71, 75–79, 81–82, 106, 108, 131–133, 138, 143, 184, 186–191, 202, 261, 265, 303–312, 324, 330–331, 333, 336, 341–344.
Муравьева-Амурская Е.Н., 77, 79, 187, 311, 330, 333.
Мустафин В.А., 9, 34, 48, 290, 293–294, 325–326, 330, 332–333, 347.
Мушкетов И.В., 20.
Мясников В.С., 326.

Н

Наволочкин Н.Д., 308, 309.
Надаров И.П., 129, 345.
Наливкин В.П., 36, 38, 339, 348.
Нансен Ф., 127.
Нарыжная С.М., 347.
Невельская Е.И., 77.
Невельской Г.И., 51, 73, 77, 143, 261, 312, 323.
Некрасов Н.А., 140.
Неудачин А., 273, 346.
Николай, епископ, 112.
Николай II, император, 102, 107, 109, 148, 155, 179, 182, 204, 206, 210, 231, 234, 242, 244, 254, 264, 265, 268, 271, 277, 285–286, 297, 326–327, 329, 332.
Николай Александрович, цесаревич наследник. См.: Николай II, 69–76, 78–84, 128, 138, 326.
Николай Михайлович, великий князь, 117, 128.
Новомодный Е.В., 328.
Нофаль И.Г., профессор, 38.

О

- Оболенский, князь, 70, 272.
 Обручев А.А., 27.
 Овчинников, смотритель, 98.
 Олсуфьев, граф, 300.
 Ольга, греческая королева, 70.
 Омеляновец-Павленко А.И., 134.
 Онихимовский В.В., 309.
 Опекушин А.М., 76, 305, 308.
 Орлов Г.Г., 140.
 Орлова А.Д., 177.
 Остроумов Н.П., 36.
 Оськины, мастеравые, 185.

П

- Павленко Н.И., 326.
 Павлишин Г.Д., 308, 309.
 Палицын, генерал, 300.
 Пальтакэ, гилячка, 177.
 Пальчевский Н.А., 176.
 Паньчи (Паньчина) Е., 273.
 Паскулова, казачка, 77.
 Перфильев В.В., 119, 137, 140–144.
 Петр I, 70, 116, 147, 286, 326.
 Петраков В.В., 319, 323.
 Печенкин И.Н., полковник, 241.
 Пешков Д.Н., 80, 242, 326.
 Пешкова Д., 256.
 Пикуль В., 273.
 Пилсудский Б.О., 94–97, 120–121, 327–328.
 Плевэ В.К., 271, 317, 333–334, 336, 341.
 Плотников С.В., 10.
 Плюснин А.В., 170–171.
 Плюснин В.Ф., 64, 176.
 Победоносцев К.П., 271.
 Пожарский А., 158.
 Позднеев А.М., 205, 207–212, 244, 248–250, 277.
 Полежаев А.И., 140.
 Поляков Н., 193.
 Попов, генерал-лейтенант, 345.
 Попов В.В., 323.
 Попова А., 256.
 Попова П., 256.

Посохов А.Н., 10.

- Пржевальский Н.М., 143.
 Путинцев С.Р., 48.
 Путята, генерал-майор, 346.
 Пушкин А.С., 185, 215, 303.
 Пьянков И.П., 135.
 Пьянков М.П., 120, 176.
 Пьянковы, предприниматели, 176, 222.

Р

- Радаков В.Н., 116–119, 129–131.
 Раде Г.И., 116, 128, 143.
 Радишаускайте Н.В., 314.
 Радченко Е.Г., 221.
 Радченкова М.Г., 328.
 Рамзайцева Е.Н., 120.
 Рассушин А.А., 120, 170, 218.
 Ремнев А.В., 326.
 Ренненкампф, генерал-майор, 242, 280.
 Репин И.Е., 271.
 Решетин, генерал-майор, 346.
 Ришмон, 187, 342.
 Рогожин, штабс-ротмистр, 252.
 Розен В.Р., 38.
 Розенбах Н.О., 33, 44, 335.
 Романов В.Е., 306.
 Романовский Г.Д., 20.
 Рубан Н.И., 313, 319, 322.
 Рубинштейн А.Г., 134.
 Рудаков А.В., 248–250.
 Рутковская В.В., 176.
 Рутковские, фермеры, 173.
 Рябов Н.И., 307.

С

- Салеева Л.В., 10.
 Самоквасов Д.Я., 337–338.
 Самсонов А.В., генерал-лейтенант, 335.
 Сахаров В.В., генерал, 238.
 Светачев М.И., 307, 309.
 Сеид-Магомет-Рахим-Богадур, 17.
 Семенов (Тян-Шанский) П.П., 40, 90, 117, 125, 136, 271.

- Сервианов, полковник, 242.
Сибирцев М.Я., 90, 327.
Сигида Н., 66.
Сизой А.П., 76, 82–83.
Силинская М., 255.
Сильницкий А.П., 90, 120, 200, 273, 328.
Симаков В.И., 309.
Скобелев М.Д., 5, 13–14, 16, 20, 22, 24–32, 40–41, 279, 325, 336.
Скобельцын Г.А., 76, 83.
Смирнов Е.Т., 170, 179, 329.
Соколовский И.И., 185.
Соломин А.П., 273.
Сояпин Е., 186.
Сперанский М.М., 271, 336–337.
Старк О.В., 276.
Старцев А.Д., 172, 209.
Стасов В.В., 41–42, 278.
Стеллер Г., 133–134, 328.
Столыпин П.А., 262, 294.
Страхов, 346.
Суботич Д.И., 191–192, 245, 272, 276, 287, 335.
Суворов А.В., 196.
Сысоев В.П., 308.
- Т**
Тевяшев Н.Н., 287, 335.
Тифонтай Н.И., 108, 120, 135.
Толстой Л.Н., 141.
Трусов А.А., 200, 274.
Трусова О.В., 200, 274, 276.
Тулупов Т., 186.
Тумковский Н.З., 118.
Тюменцев В., 80.
- У**
Удай, князь, 268.
Ульянин, генерал, 291.
Унтербергер П.Ф., 73, 89, 256, 295, 300, 326, 335.
Ухтомский Э.Э., 70–71, 84.
- Ф**
Федоров Г.П., 20, 25, 325, 347.
Федосеев, 346.
Федченко А.П., 20.
Филаткина И.В., 10.
Филонов А.М., 10.
Фомин И.Н., 270.
- Х**
Хабаров Е.П., 58.
Ханов, надзиратель, 97.
Херсонский С., 120.
Хисамутдинов А.А., 330.
Холщевников, генерал-майор, 346.
Хренов, золотопромышленник, 258.
Хрещатицкий Р.А., 272, 335.
Худояр-хан, 32.
- Ц**
Цветаев И.В., 275, 278, 299.
Цветков, 346.
Церпицкий К.В., 46.
- Ч**
Чайковский Л.О., 131.
Чан Шунь, 251.
Чарыков Н., 36.
Червинец И., 322.
Черный А.К., 307.
Чехов А.П., 65, 67–69, 92, 100, 141, 326, 327.
Чипизубов Н., 184.
Чичагов Н.М., 149, 152, 175, 209, 248, 281–282, 329, 345.
Чичагова А.Г., 134.
Чукавин В.А., 358.
- Ш**
Шаврина И.А., 328.
Шароглазов Г.Ф., 319–320, 322.
Шевелев, 346.
Шевченко В.С., 309.
Шейнгауз А.С., 309.
Шестакова Ю.А., 308.
Шилов Д.Н., 325, 332, 334.
Шимкевич П.П., 121.

Шокальский Ю.М., 125.
Шренк Л.И., 143.
Штакельберг, генерал-лейтенант,
345.
Штейн М.Г., 306, 333.
Штернберг Л.Я., 94, 121, 327.
Шхалиев Р.Ш., 10.

Ш

Шеголева Л., 256.
Щербина М.П., 149, 346.
Щибра, учительница, 224.
Шукин П.И., 133, 278–279, 325,
328, 332.

Ю

Ювачев И.П. См.: Миролубов
И.М., 94, 327.
Югович А.И., 237, 346.
Юдина А., 255.

Я

Якуба Т.Ю., 10.
Янковский М.И., 64, 175–176.
Янчук Н., 275, 332.
Ясевич П.Е., 357.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Место расположения в книге	Наименование	Место хранения оригинала
1	2	3
Авантитул	Гродеков Н.И. Конец XIX – начало XX вв. Бумага, цинкография (ГИМ 99497/4843 И III 60329 ГК 34131465) 25,5×15,2 см	Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный исторический музей» (Исторический музей)
Оборот переплета	Доктор исторических наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации Н.И. Дубинина с медалью Н.И. Гродекова. Москва, 2015 г.	Фото: А.В. Абрамов
С. 16	Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882 гг.) – главный начальник Хивинской экспедиции, генерал-адъютант, первый генерал-губернатор Туркестанского края	Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1888 г.
С. 17	Хан Хивинский Сеид-Магомет-Рахим-Богадур	Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1888 г.
С. 19	Под стенами Хивы. 28 мая 1873 г. Иллюстрация из книги Н.И. Гродекова «Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов». 1888 г.	Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1888 г.
С. 21	Походная церковь Кавказского отряда на берегу Каспийского моря. Иллюстрация из книги Н.И. Гродекова «Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов». 1888 г.	Гродеков Н.И. Хивинский поход 1873 года. Действия кавказских отрядов. СПб., 1888 г.
С. 21	Офицеры Мангышлакского отряда во главе с его командиром Н.И. Гродековым	ДВГНБ. Фотоальбом «Хивинский поход 1873 г.» (№ 2706195)
С. 24	М.Д. Скобелев. Фото с дарственной надписью Н.И. Гродекову. 28 февраля 1878 г. (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. № 2270. Л. 1)	Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская национальная библиотека»

1	2	3
С. 35	Сыр-Дарьинское областное правление. 1867–1887 гг.	Краевое государственное бюджетное научное учреждение культуры «Дальневосточная государственная научная библиотека» (далее – ДВГНБ). Фотоальбом «Сыр-Дарьинская область» (№ 2706190)
С. 37	В киргизской кибитке	ДВГНБ. Фотоальбом «Сыр-Дарьинская область» (№ 2706193)
С. 37	Сартянки – представительницы оседлого населения отдельных регионов Средней Азии	ДВГНБ. Фотоальбом «Ташкент» (№ 2706192)
С. 45	Партия русских переселенцев	ДВГНБ. Фотоальбом «Сыр-Дарьинская область» (№ 2706178)
С. 52	Албазинская икона Божией Матери «Слово плоть бысть». Приамурская святыня	Изображение иконы, хранящейся в Градо-Хабаровском соборе Успения Божией Матери
С. 63	Дом генерал-губернатора в Хабаровске. 1902 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Виды города Хабаровска. 1902 г.» (№ и49653)
С. 77	Открытие памятника графу Н.Н. Муравьеву-Амурскому. 30 мая 1891 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «[Хабаровск. Фотографии Э. Нино]» (№ 66416)
С. 81	Отбытие наследника цесаревича из Хабаровки. 31 мая 1891 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «[Хабаровск. Фотографии Э. Нино]» (№ 66416)
С. 89	Фотография на память. В центре – Н.И. Гродеков. Справа от него – генерал-губернатор С.М. Духовской и военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер, покидавший Дальний Восток в связи с получением нового назначения. 1897 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. 1894–97 гг.» (№ 543108)
С. 91	Дом помощника Приамурского генерал-губернатора и командующего войсками Приамурского военного округа. 1896–1897 гг.	ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область. 1896–1897 г.» (№ 543105)
С. 91	Кабинет Н.И. Гродекова. Не ранее 1895 г.	Пророков Р.С. ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск 1896–1897 г.» (№ 543110)

1	2	3
С. 93	Команда крейсера «Разбойник» во время поездки Н.И. Гродекова на Сахалин	ДВГНБ. Фотоальбом «Сахалин. 1894 год» (№ и49658)
С. 95	Обитатели Корсаковской тюрьмы. 1894 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Сахалин. 1894 год» (№ и49658)
С. 107	Новостройки на станции Хабаровск Уссурийской железной дороги. 1896–1897 гг.	ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область. 1896–1897 г.» (№ 543105)
С. 109	Памятник воинам-строителям Уссурийской железной дороги. 1902 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Виды города Хабаровска. 1902 г.» (№ и49653)
С. 111	Елка в Атаманском зале генерал-губернаторского дома. Слева направо: Н.И. Гродеков, В.Ф. Духовская и М.С. Духовской. 1893 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. 1894–97 гг.» (№ 543108)
С. 113	Н.И. Гродеков и С.М. Духовской (на переднем плане второй и третий слева) в Хабаровске во время прохождения гарнизона перед домом генерал-губернатора. Март 1897 г.	Плюснин А.В. ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область. 1896–1897 г.» (№ 543105)
С. 113	Офицеры лагерного сбора под Хабаровском с японскими гостями во главе с генералом Каваками. Во втором ряду четвертый слева – генерал Н.И. Гродеков. Август 1897 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. 1894–97 гг.» (№ 543108)
С. 119	Летнее жилище гиляков. Сахалин, 1894 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Сахалин. 1894 год» (№ и49658)
С. 131	Открытие первой очереди музея. 6 декабря 1896 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область. 1896–1897 г.» (№ 543105)
С. 135	Музей Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. 1902 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Виды города Хабаровска. 1902 г.» (№ и49653)
С. 139	Николаевская публичная библиотека. Хабаровск, 1898 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область» (№ 543113)
С. 139	Внутренний вид библиотеки	ДВГНБ. Фотоальбом «Приморская область» (№ 543113)
С. 143	Письмо Н.И. Гродекова директору библиотеки В.В. Перфильеву о сохранении в библиотеке автографа знаменитого скульптора и художника М.О. Микешина. 30 марта 1897 г.	ДВГНБ. Коллекция «Автографы»

1	2	3
С. 155	Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова 1898–1900 гг. Хабаровск, 1901 г.	ДВГНБ
С. 155	Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова 1901 и 1902 гг. Хабаровск, 1902 г.	Государственный архив Хабаровского края (далее – ГАХК)
С. 171	Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Общий наружный вид зданий. Хабаровск, 1899 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка» (№ 1868076)
С. 173	Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Отдел «Учебное и книжное дело». Хабаровск, 1899 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Амурско-Приморская сельскохозяйственная и промышленная выставка» (№ 1868076)
С. 185	Полотно пути на перегоне: Надеждинская – Мариловец (Амурская колесная дорога)	ДВГНБ. Фотоальбом «Амурская колесная дорога» (№ и49647)
С. 185	Фотоальбом «Амурская колесная дорога». Подносной экземпляр Н.И. Гродекову от инженера путей сообщения И.И. Соколовского. 1905 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Амурская колесная дорога» (№ и49647)
С. 193	Газета «Приамурские ведомости». 14 ноября 1899 г.	ГАХК
С. 197	Н.И. Гродеков – Приамурский генерал-губернатор. Российский государственный исторический архив. Ф. 1293. Оп. 169. Д. 1583. Л. 1.	Федеральное казенное учреждение «Российский государственный исторический архив»
С. 213	Воспитанники Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса	ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. 1894–97 гг.» (№ 543108)
С. 213	Здание кадетского корпуса. Хабаровск, 1902 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Виды города Хабаровска. 1902 г.» (№ и49653)
С. 219	Новое здание женской гимназии Хабаровск, 1902 г.	Фото: И. Такеучи. ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. Женская гимназия. 1902» (№ и49660)
С. 219	Женская гимназия. VII класс. В верхнем ряду третья слева – директриса М.А. Александрова (?)	И. Такеучи. ДВГНБ. Фотоальбом «Хабаровск. Женская гимназия. 1902» (№ и49660)

1	2	3
С. 233	Командующий войсками Приамурского военного округа Н.И. Гродеков (второй ряд, третий слева) со штабом и офицерами третьего Верхнеудинского полка. 1900–1901 гг.	ДВГНБ. Фотоальбом «Маньчжурский поход 1900–1901 гг.» (№ 1868081)
С. 239	Оборона г. Благовещенска со 2 по 19 июля 1900 г. 2-м линейным, 21-м стрелковым полком	Г.И. Дауман. ДВГНБ. Фотоальбом «Благовещенск. 1900–1901» (№ и49655)
С. 241	Защитники-добровольцы г. Благовещенска. 1900 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Защитники добровольцы гор. Благовещенска в июле 1900 года». (№ 1868093)
С. 241	Маньчжурия, Гирин. Январь 1901 г.	ДВГНБ. Фотоальбом «Маньчжурский поход 1900–1901 гг.» (№ 1868081)
С. 249	Маньчжурия, Цицикар. Дом, в котором жил командующий войсками округа. 1900–1901 гг.	ДВГНБ. Фотоальбом «Маньчжурский поход 1900–1901 гг.» (№ 1868081)
С. 264	Член Государственного совета, генерал-лейтенант Н.И. Гродеков. 1890–1900-е гг. ЦГАКФФД СПб А 10420	Центральный государственный архив кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга. ЦГАКФФД СПб А 10420
С. 287	Дом Туркестанского генерал-губернатора в Ташкенте	ДВГНБ. Фотоальбом «Ташкент» (№ 2706192)
С. 299	Газета «Приамурские ведомости». 8 февраля 1914 г.	ГАХК
С. 315	Хабаровский краевой музей имени Н.И. Гродекова	Фото предоставлено Хабаровским краевым музеем имени Н.И. Гродекова
С. 315	Дальневосточная государственная научная библиотека	Фото: О.Д. Косарькова
С. 317	Титульный лист книги Н.И. Гродекова «Киргизы и каракиргизы Сур-Дарьинской области. Юридический быт». М.: Восточная литература, 2011 г.	ДВГНБ
С. 319	Памятник Н.И. Гродекову с его создателями. Г.Ф. Шароглазов и А.В. Абрамов, п. Пограничный Приморского края. 28 сентября 2013 г.	Фото из личного архива А.В. Абрамова
С. 319	Запись в книге Н.И. Дубининой «Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков». Хабаровск, 2001 г.	Фото: А.В. Абрамов

1	2	3
С. 321	Почетный караул Пограничного управления ФСБ России по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Курсанты Военно-морской академии имени адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Открытие мемориала Н.И. Гродекову на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге. 3 декабря 2013 г.	Фото: А.В. Абрамов
С. 321	Потомки уссурийских казаков, проживающие в Санкт-Петербурге и опекающие мемориал Н.И. Гродекова на Смоленском православном кладбище	Фото из личного архива С.В. Плотникова

Перечень источников заимствования и иллюстраций

ИНСТРУКЦИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ AR-КОДОВ

На страницах издания размещены текстовые, фото- и видеоматериалы с технологией дополненной реальности (AR).

Как воспользоваться данной функцией?

Шаг 1 – отсканируйте QR-код и установите на ваш мобильный телефон бесплатное приложение для просмотра дополненной реальности ARVIS.

Шаг 2 – откройте приложение ARVIS и наведите камеру вашего мобильного телефона на иллюстрацию или фотографию в этой книге, где есть значок.

Шаг 3 – ожидайте в течение 3–5 секунд, и вы получите доступ к дополнительному цифровому контенту.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	5
1. От поручика до генерала. Служба в Средней Азии	11
2. Земля российского Востока. Приамурское генерал-губернаторство	51
3. Помощник Приамурского генерал-губернатора	87
4. Председатель и покровитель Приамурского отдела ИРГО	115
5. Н.И. Гродеков – третий генерал-губернатор Приамурского края.....	147
6. «Школа должна быть желанным достоянием всех слоев общества».....	203
7. Приамурье в военных событиях в Маньчжурии 1900–1901 гг.	227
8. Идеи и предложения Н.И. Гродекова об укреплении национальной безопасности России на Дальнем Востоке.....	259
9. Последнее десятилетие жизни генерала.....	267
10. Возрождение исторической памяти о Н.Н. Муравьеве-Амурском и Н.И. Гродекове на российском Дальнем Востоке.....	303
Источники и примечания.....	325
Приложения	335
Алфавитно-именной указатель	359
Перечень источников заимствования иллюстраций	366
Инструкция по использованию AR-кодов.....	372

Для заметок

Для заметок

---

*Документально-историческое
повествование*

Н. Дубинина

**Н.И. ГРОДЕКОВ – ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
И ВОЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ РОССИИ**

Фото Н. Дубининой на обложке — *А.В. Абрамов*

Художественное оформление *А.Н. Посохова, Т.С. Сизовой*
Вёрстка *Т.С. Сизовой*
Корректор *И.В. Морозкова*

Подписано в печать 24.07.2023. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,5. Тираж 1 000 экз. Заказ 280.
Отпечатано в АО «Хабаровская краевая типография».
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Тел. 516-004. E-mail: zakaz@ktip.ru.
www.ktip.ru